Ильяс
Есенберлин

КОЧЕВНИКИ

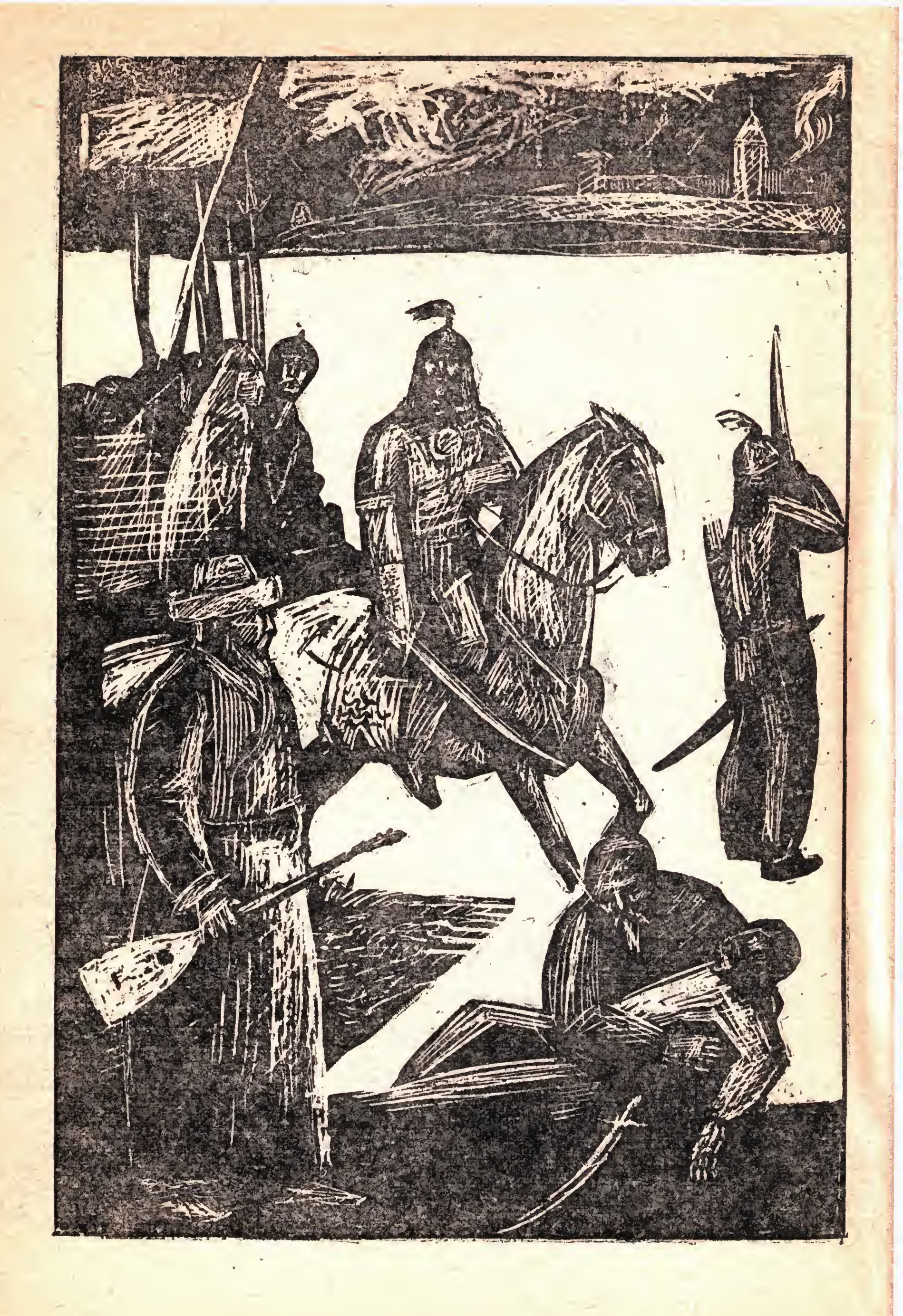
Книга 3

Ильяс
Есенберлин

КОЧЕВНИКИ

3

Ильяс
Есенберлин

КОЧЕВНИКИ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ТРИЛОГИЯ

ХАН КЕНЕ

Книга
3

Перевод с казахского
М. Симашко

АЛМА-АТА «ЖАЗУШЫ» 1986

84Каз7—44
Е 82

Есенберлин Ильяс.
Е 82 Кочевники: Историческая трилогия/Пер. с каз. М. Симашко.— Алма-Ата: Жазушы, 1986.—232 с., ил.
Кн. 3. Хан Кене.

Е $\frac{4702230200-076}{402(05)86}$ **Без объявл.** **84Каз7—44**

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

Степь, скованная лунным светом, ждала утра. Стояла та предрассветная тишина, которой нет названия. И только очень чуткое, привыкшее к этой тишине ухо услышало бы непрерывный шорох, всю ночь доносившийся из степи. Один раз что-то звякнуло...

Первый белесый луч зари прорвался из-за далекого облачка, луна сразу поблекла, а земля потемнела. И вот тогда неожиданно появился караван. По грудь в сочной луговой, смешанной с молодым камышом траве один за другим шли верблюды. Справа и слева тяжелой, приминающей луг массой двигались табуны лошадей, ныряли в траву и снова показывались из нее всадники. Время от времени цепь верблюдов прерывалась, и, соединенные друг с другом длинным шерстяным канатом, катились в траве высокие двухколесные повозки. Потом снова шли верблюды...

Растаяло далекое облачко, и солнце вдруг все сразу хлынуло в степь. Словно россыпями драгоценных камней заискрилась она во все стороны до самого горизонта. Была вторая половина лета, и уже прошло время, когда степь похожа на невесту в свадебном наряде. Остались только изумрудная зелень тростника, желто-красные островки перезрелых колючих цветов, да среди поросли запоздалых щавелей горели алые глазки костяники. Крутыми боками сытых, отъевшихся за лето лошадей лоснилась степь.

И как только вспыхнуло солнце, сразу явственно стали слышны глухой и мощный топот, храп, ржание, тоскливый рев верблюдиц, скрип высоких деревянных колес, человеческие голоса. С шумом вспархивали из-под кустов перепелки и слепые совы, застигнутые врасплох надвигающейся лавиной. Точно свет мгновенно растворил тишину и вызвал все это к жизни...

С первого взгляда было понятно, что это не просто сезонная откочевка одного из бесчисленных аулов, разбросанных в бескрайней Казахской степи. Не носились, как обычно, молодые джигиты по обе стороны каравана, не пересмеивались с девушками. Молча ехали они, держась поближе к верблюдам. И женщины на верблюдах, закутанные в белые платки — кимешеки, тоже молчали. Даже маленькие

дети не плакали и только таращили круглые черные глаза из переметных сум — коржунов по обе стороны верблюжьих горбов.

Большое озеро светлело впереди. Густой коричневой бахромой камыша было окружено оно, и только с севера, откуда подходил караван, степь оголилась красноватым глинистым такыром. И когда он начал выходить из высокой степной травы, стало видно, какой это большой караван. Во главе его, как принято в степи, ехал седой аксакал в кафтане из верблюжьей шерсти и в отороченной узкой каймой меха шапке. В поводу он вел одногорбого золотисто-серого верблюда, покрытого красно-белым шелковым ковром. Одновременно с ним по обе стороны каравана выехала на рысях из травы добрая сотня всадников. Вид у них был суровый и неприступный. Подолы кафтанов из грубой пряжи прикрывали ноги ниже колен. Справа висели крепкие березовые, порой окованные железом, палицы. Боевые кони храпели под ними, закусывали удила.

Но даже среди этих рослых всадников особенно выделялся богатырским обликом один. На громадном сером жеребце с низко падающей гривой он сидел неподвижно. На добрую голову возвышался он над другими, и лицо его с черными, проникающими в душу глазами и черными, свисающими ниже подбородка усами казалось вырубленным из выжженной солнцем скалы. Тяжелую дубовую батырскую палицу — чокпар, всю окованную железом в шипах, зажимал он под коленом. Это и был знаменитый батыр Сейтен, сын Азанбая из баянаульских каржасов. Он вел этот караван, чтобы присоединиться к Есенгельды и Саржану, сыновьям Касыма из древнего рода торе-чингизидов. Три года назад увели они из степи сорок тысяч семейств из родов алтын, тока и уак в пойму Сырдарьи, во владения хана Коканда. А ближайшей целью каравана Сейтена было Прибалхашье, где смогли бы отдохнуть и набраться сил для дальнейшего пути люди и животные...

И еще один человек выделялся среди охранявших караван — известный в степи Ожар, сын Кубета. Коренастый, похожий на пень вековой сосны, с грозными кустистыми бровями на широком смугложелтом лице, он ехал с видом человека, только что совершившего убийство. Лишь кривая сабля в позолоченных ножнах висела у него на боку. Ожар давно дружил с Сейтеном, участвовал вместе с ним в многочисленных походах и набегах, но последние четыре года находился среди ближайшего окружения старшего султана Акмолинского округа Конур-Кульджи, сына Кудайменде. Только недавно вернулся он в родные края и сейчас вместе с Сейтеном покидал их.

И возле озера приближающийся караван вызвал смятение. Встрепенулись в зарослях олени и стремглав понеслись в обе стороны от такыра, подальше от опасных соседей. Хомяк — словно мулла, совершающий утреннюю молитву,— сидя на задних лапах, провел несколько раз передними по жирным щекам, прислушался и юркнул в кусты чия. Встревоженно захлопали крыльями по воде птицы. Но люди даже не стали снимать вьюки с верблюдов. Перекусив всухомятку и немного отдохнув, они снова двинулись вперед, обходя озеро.

Задержавшийся зачем-то Ожар вскоре вновь поравнялся с батыром Сейтеном. Попридержав своего темно-серого иноходца, он возобновил незаконченный разговор.

— Все же прав ли Касым-торе, бросив землю предков...— задумчиво начал он.— Разве забыл он поговорку: «Чем головой у чужого тела, лучше подошвой — у своего». И кто знает, что ждет его в кокандских владениях...

— Где бы Касым-торе ни находился, он является законным султаном.— Сейтен с явным недовольством посмотрел на Ожара.— Разве белый царь не сам начал всю эту междоусобицу, прислав свой устав!

Он сердито дернул повод.

Речь шла о знаменитом царском уставе — «Уложении царя всея России по управлению сибирских кайсаков», опубликованном в 1822 году, или в год лошади по казахскому летосчислению. Страшно звучало для степняков даже само слово «устав». Если перевести его буквально, то по-казахски оно прозвучит как выражение «сжимать в когтях». И действительная цель его заключалась именно в этом. Как нельзя лучше совмещены были в этом уставе интересы царского правительства с интересами переметнувшихся к нему местных феодалов. Согласно ему, одно из трех казахских племенных объединений — Средний жуз был разделен на восемь округов. В свою очередь, округ состоял из пятнадцати — двадцати волостей, каждая из которых представляла отдельный род. А в волость-род входило обычно десять — двенадцать аулов, примерно по сто юрт в каждом. Аулом управлял старшина, избираемый на три года, а волостью — султаны из торе. Округом правил старший султан, выбиравшийся по рекомендации царского правительства теми же султанами. Ему, чтобы крепче привязать к себе, давали офицерское звание. «Это для того, чтобы мы чесали свои гнойные раны своими же ногтями»,— говорили в степи.

По такому же принципу было организовано и судопроизводство, имевшее огромное значение в условиях кочевой жизни. Оно было разделено на две ступени. В первой разбирались дела по обычному наследованию, мелкие аульные тяжбы и другие второстепенные споры. Этим занимались старики — аксакалы и специальные аульные судьи — бии. Зато убийства, угон скота — барымта, неповиновение властям и другие тяжкие преступления разбирались во второй ступени — окружными приказами. Состоял окружной приказ из двух царских чиновников и двух казахов-заседателей, избираемых на два года, во главе со старшим султаном, или ага-султаном, как называли его казахи. Их решения утверждались губернским судом, где не было казахов и куда мог найти доступ лишь богатый и близкий властям человек.

— Хорошо еще, что в уставе насильственное крещение запрещается,— заметил Ожар.— Только в добровольном порядке...

Сейтен резко повернулся к нему:

— А ты откуда об этом знаешь?

— Как будто так... Люди говорят...

— Там говорится, что казахи не очень привержены учению про-

рока,— хмуро сказал Сейтен.— Что нужно только прислать христианских священников, и они легко откажутся от ислама... Но дело не в этом. Касым-торе не был таким доверчивым, как мы. Он раньше нас понял, для чего создаются восемь округов на земле Сарыарки — Большой казахской степи. А мы вот остались, и теперь попробуй пошевелиться!.. Даже детей родного брата не отдадут тебе!..

Ожар лишь покосился на него. Он знал, о чем говорит Сейтен... Переселенцам не хватало женщин. Царское правительство, не церемонившееся и со своими крепостными крестьянами, поручило сибирскому генерал-губернатору и оренбургскому военному губернатору «употребить все средства, какие найдутся удобными, в приобретении от кочующих вблизи Сибирской и Оренбургской линий народов покупкою или выменом детей женского пола. Купленных девочек окрестить в православную веру, размещать по семействам, в женском поле нуждающимся, с выдачей хлебного и денежного вознаграждения до 15-летнего возраста...». Правда, в отличие от крепостных, девушкам по этому приказу предоставлялась полная свобода в выборе мужа. Но кто проверял потом, как исполняется это указание... Тем, кто приобретал девочек от кочевников, выдавалась денежная награда. Самые широкие возможности для легкого заработка открылись перед всеми желающими. А их по обеим казачьим линиям находилось немало...

Одной из первых жертв этого приказа стала семилетняя Алтыншаш, дочь Тайжана — родного брата Сейтена. Пять лет назад за организацию восстания против чиновничьих поборов и притеснений Омский губернаторский суд приговорил Тайжана к смертной казни. Трое его взрослых сыновей были сосланы в сибирский город Туринск. Алтыншаш, обливаясь слезами, долго бежала за своими братьями. Офицер, начальник конвоя, прихватил ее с собой и продал в Омске какому-то купцу. Потом она попала в прислуги к начальнику штаба Сибирского корпуса генерал-майору Фондерсону. Сейтен, узнавший через несколько лет, где она находится, приехал за ней в Омск. Но ему даже не дали увидеться с девушкой, и Сейтену не оставалось другого выхода, как выкрасть ее. Но батыра постигла неудача, и ему еле удалось скрыться в степи. С тех пор батыр не переставал думать о судьбе Алтыншаш. Стоило кому-нибудь задеть его рану, и Сейтен каменел от гнева.

Сейчас он ехал молча, глядя прямо перед собой. Ожар тоже молчал, не возобновляя разговора. И вдруг Сейтен снова, второй раз за это утро, резко повернулся к Ожару:

— Ты говорил вчера о царской печати на телячьей шкуре...

— Да, я слышал...

И снова Ожар не повернул головы к Сейтену... Вчерашний разговор. Разве был он не о том, про что все сейчас говорят в степи...

Да, об этом действительно говорила вся степь. Два года назад, весной, акмолинский ага-султан подполковник Конур-Кульджа, сын султана Кудайменде и внук хана Самеке, ездил в Петербург якобы для того, чтобы высказать царскому правительству опасения казахов. Ходили упорные слухи, что царь намерен брать в рекруты их

сыновей на двадцатипятилетнюю солдатскую службу. И вот тогда его императорское величество собственноручно приложил печать к телячьей шкуре, где было написано, что казахских джигитов никогда не будут брать в рекруты. Именно после этого поднялся в степи авторитет ага-султана Конур-Кульджи — человека, знающего путь к самому царю. Видевшие царский указ говорили, что он написан не на телячьей шкуре, как принято было в древности, а просто на толстой бумаге. Но этому не хотели верить. Сколько царских и губернаторских приказов и уложений писалось со времен царицы Елизаветы в отношении так называемых киргиз-кайсаков на бумаге, и все они при исполнении оборачивались бедой. Вот и по нынешнему уставу все казахи должны выплачивать казне ежегодно по одной голове скота от каждой сотни голов. Но кто придерживается этого закона? Если джут скосил скот у ага-султана, плати ему помимо определенного уставом еще и древний налог — зякет — для возмещения. Сгорел дом пристава, жандарма, писаря — вези ему положенный негласно куш. Как-то так получилось, что старые феодальные законы и порядки пришлись как раз впору императорским, переплелись с ними и двойной тяжестью легли на народ. Особыми льготами, законными и незаконными, пользовались царские чиновники — опора самодержавия в степи: ага-султаны, потомки Самеке, Букей-хана, хана Вали, волостные правители и заседатели. Они не платили никаких налогов с большего количества своего скота. А общая сумма налога на степь оставалась неизменной, и платить приходилось народу. Тот же самый ага-султан Конур-Кульджа, владеющий двадцатью тысячами лошадей, платит налог лишь за учтенный скот своих дружинников и телохранителей — туленгутов. И, конечно, найдя общий язык с царским правительством, держит многочисленный род аргынов в беспрекословном повиновении. Вот почему в народе не верили бумаге.

— Можно понять ревнивость жеребца, охраняющего свой табун...— Это Сейтен заговорил о Конур-Кульдже, с выгодой для себя воспользовавшемся политикой царского правительства, издавна направленной на разделение казахских племен.— Белый царь приклонил к нему ухо. Но если он такой справедливый, почему тогда не удосужился прочитать прошение от Касыма-торе?..

Ожар не отвечал... Прошение Касыма-торе, сына хана Аблая, было направлено царю еще десять лет назад. В нем предлагалось отменить создание приказов на казахских землях и прекратить строительство укреплений. Но приказы и округа создавались и укрепления строились. Тогда Касым-торе, желающий самостоятельно управлять степью, решил перекочевать в низовья Сырдарьи, подконтрольные Кокандскому ханству. Рассчитывая на поддержку среднеазиатских ханств, он думал объединить казахов под знаменем Аблая, использовав при этом народное недовольство притеснениями царских чиновников и перешедших на царскую службу султанов.

В 1824 году, или в год обезьяны, был организован Кокчетавский приказ. Это означало, что белый царь не посчитался с правами наследников хана Аблая. Султан Саржан, сын Касыма-торе, начал со-

бирать войско для борьбы против царских военных укреплений. Народная трагедия назревала...

Ежегодно с тех пор происходили схватки и сражения между летучими отрядами Саржана и поддерживаемыми царскими войсками и ага-султаном Кокчетавского округа Зильгарой потомками ханов Букея и Вали. В конце концов Саржану пришлось перекочевать в Кокандское ханство, где в 1834 году, или в год лошади, он заключил союз с главной силой этого ханства — ташкентским владетелем — кушбеги Мамед-Алимом. Объединенное шеститысячное войско вступило в пределы Улытау, и там была основана крепость Курган. Саржан обратился к ближайшим аулам, аксакалам и султанам с призывом присоединиться к нему и снова начал набеги на подчиненные Конур-Кульдже аулы аргынов. Извещенный об этом сибирский генерал-губернатор направил в Улытау тысячу солдат с шестью полевыми орудиями под командованием генерал-майора Броневского.

Узнав о приближении царских войск, кушбеги оставил в Кургане небольшой отряд сарбазов, а сам ушел в Голодную степь. Крепость вскоре сдалась Броневскому, а кушбеги Мамед-Алим, убедившись, что нелегко будет отторгнуть казахские земли от России, поспешил прекратить борьбу. Разозленные предательством своего союзника, сыновья Касыма-торе решили объединить сырдарьинских казахов и выйти из-под кокандского подчинения.

Ташкентский кушбеги сделал вид, что не замечает этого, а сам послал нарочного к Касыму-торе с просьбой прислать своих сыновей на военный совет по согласованию действий против белого царя. Тот отправил в Ташкент своих сыновей Есенгельды и Саржана. С ними вместе поехали юный Ержан, сын Саржана, и Агибай-батыр из Шубыртпалы в сопровождении двух десятков джигитов...

— Пока неизвестно, вернутся ли благополучно от кушбеги султаны...

Это сказал Ожар, словно отвечая на мысли Сейтена. И в третий раз повернулся к нему Сейтен. Но и на этот раз не посмотрел ему в глаза Ожар. Бескрайняя степь была перед ними...

Сейтен не мог понять, что это беспокоило его. И вдруг вспомнил вчерашний сон на горе и пробуждение. Настолько явственно, что снова холод пополз по груди... Вчера ночью это было. Целую неделю шел караван, и Сейтен почти не слезал с коня. Поэтому, когда достигли подошвы зеленой горы Караменде, ему захотелось поспать наверху, откуда хорошо было видно во все стороны. Проснулся он от этого смертельного холода на груди. Сейтен тихо открыл глаза, но черное небо было над ним. Все спали внизу, и только прохладный ветерок покачивал травинку у самого глаза. Что же разбудило его?.. Он лежал не шелохнувшись. И тогда что-то зашевелилось у самого сердца, отвратительная холодная струйка потекла к горлу. Ни в коем случае нельзя было двинуться: яд горных змей в этих местах смертелен... Долго ползла змея. У Сейтена была привычка спать, положив сжатый кулак к себе на грудь. Во сне пальцы слегка разжались и в этот просвет между пальцами стала едва слышно протискиваться большая скользкая голова. Он много раз встречался со смертью, ба-

тыр Сейтен, тело его было в многочисленных шрамах, но тут ужас сковал его. Замерло сердце, могильной стужей наливались руки и ноги. Словно голову налима чувствовал он в своей руке. Гадина искала самое уязвимое место — шею, чтобы обвиться и стиснуть в скользком ледяном кольце. Вся жизнь прошла перед ним в одно мгновение, и он сжал свой железный кулак...

Только тогда осознал он всю меру опасности, когда змея невероятной толщины начала свертываться вокруг его руки. Но мышцы батыра переламывали и не такие хребты. Он сдавил ее еще два-три раза и выбросил, как провонявшую колбасу из коржуна...

Сейтен посмотрел на Ожара теперь уже незаметно, скосив глаза. Могуч и кряжист был Ожар, но Сейтен переломил бы ему шею одним ударом кулака... «Что это за черные мысли приходят мне сегодня в голову!»— подумал батыр Сейтен и решил, что это поганая змея заразила его недоверием к друзьям. Ему сделалось стыдно, и весь день до вечера не мог смотреть он в сторону Ожара...

Солнце падало все быстрее, пока не коснулось горизонта. И словно подожгло степь: запылала остролистая, со съежившимися от зноя листьями дикая люцерна, покраснели желтые сгустки караганника, редкие островки камыша. А впереди сплошным массивом розовела нечеткая стена травы. Здесь заканчивалось самое отдаленное джайляу — пастбище рода каржас. Дальше уже начиналось Прибалхашье. Оттуда они свернут прямо в Голодную степь и вдоль поймы реки Сарысу доберутся до сырдарьинских зеленых угодий.

А позади оставалась родная земля. В предзакатной дымке плыли темно-синие тени Сарыарки. Как по команде остановились верблюды. Женщины, дети, старики — все смотрели назад в глубоком молчании. И чем дольше смотрели они, тем острее становилась боль разлуки с родиной. Будто когтями разрывало сердце. Глаза застилал теплый и горький туман. Что ждет их впереди? Новое горе? Но разве сравнится оно с этим горем расставания...

Вдруг в вечернем остывающем воздухе возникла тоскливая, захватывающая душу мелодия. Пела четырнадцатилетняя девочка на стригунке чуть в стороне от каравана. Она рыдала в такт песне, словно олененок, попавший в беду. «Елим-ай» — песней всенародного горя было это.

Никто не смел прервать этот гимн скорби. Тяжело вздымалась грудь Сейтена, и не мог он взмахнуть рукой: «Прекратить!» В тягостном молчании слушали люди чистый и высокий плач девочки. В еще светлое небо, к самому зениту поднимался он из степи:

Родимые края скрываются из глаз...
О, родина моя! Рыданья душат нас.
За что, господь, за что народ наш безутешный
Кому не лень гнетет и гонит всякий раз?
Мы с тайною мечтой из милых мест ушли,
С понурой головой невесть куда ушли...
Что в стороне чужой найдешь, народ мой бедный,
Дороже и родней покинутой земли?

Невзгоды и тоска нас душат с детских лет,
Не распустив цветка, теряет стебель цвет.
Ждет каждого судьба печальника Коркута [1].
О мой народ! Тебе под солнцем места нет...[2]

Все содрогалось в груди батыра Сейтена. Он сидел на коне, опустив голову, и ему казалось, что если песня продлится еще несколько мгновений, то кровь польется у него из глаз и сердце разорвется от печали. С гневной яростью поднял он руку, чтобы остановить это безмерное истязание, и на полуслове оборвалась песня...

Караван подтянулся и вступил на чужую землю. Такая же ровная степь была перед ними, но все сразу как-то приумолкли, сгрудились, поехали быстрее. И вдруг, когда они уже достигли густых зарослей прибалхашского тростника, чем-то встревоженный батыр резко придержал коня. Чьи-то глаза увидел он в темнеющих зарослях. Кто это был: человек или зверь? Сейтен так и не смог разглядеть на большом расстоянии. Вроде и неоткуда взяться здесь человеку, в этих диких местах. Но почему верхушки камыша раздвинулись? Что это за зверь, который смотрит с высоты человеческого роста?

Ожар сразу подъехал к нему, вместе с батыром вглядываясь в наступающую ночь.

— Волка, видать, потревожили мы, Сейтеке,— заметил он.— Придется всю кочевку вместе собрать. Мын-Арал всегда полон страхов, а с нами женщины и дети. Тут, говорят, не только кабаны, а и тигры встречаются.

— Не человек ли это чужой?..— задумчиво сказал Сейтен.

— Нет, я даже спину желто-серую видел.— Ожар пренебрежительно махнул рукой.— Наверно, прыгнул за кем-нибудь. А увидел нас — спрятался... Откуда здесь взяться человеку!

— Ну, если ты хорошо видел...— Сейтен облегченно вздохнул.— У тебя глаза молодые, получше моих!

Теперь караван двигался вперед более осторожно. Самые отборные джигиты с пиками и палицами согнали весь скот вплотную к обозу и, держась поближе друг к другу, окружили кочевку со всех сторон. К полночи они добрались до Басколя, одного из многочисленных озер Прибалхашья.

— Ну, вот и хорошее место для ночевки,— сказал Ожар, выехав на поляну, плотно окруженную густым тростниковым лесом.

— Нужно уйти подальше в камыши,— Сейтен беспокойно оглядывался по сторонам.— До утра уже недалеко. К рассвету и привал сделаем...

— Женщины с детьми измучились,— возразил Ожар и краем глаза посмотрел на проводника Самена, маленького худенького человека с бескровным лицом.

---

[1] Коркут — герой эпоса. Куда бы он ни направил свой путь, везде встречает уготованную ему могилу.

[2] Перевод стихов здесь и далее — В. Антонова.

— Да, до следующего подходящего места очень далеко!— с жаром заговорил Самен.— Люди не выдержат такой быстрой езды. Они устанут, а впереди еще пустыня. Голодная степь. Да и для лошадей здесь хорошая трава...

Только Самен хорошо знал эти места, и Сейтен согласился. Если даже железный Ожар и проводник Самен говорят об усталости, то как тяжело остальным!

— Хорошо, пусть будет по-вашему!

Сейтен первым слез с коня и начал распределять дозорных. По четыре джигита во главе с опытным человеком должны будут охранять кочевку в промежутки между дойкой кобылиц. Все остальные пусть хорошо отдохнут до утренней зари. В первую очередь он решил не спать сам.

— Моя очередь за вами!— сказал Ожар.

— Иди спать, как-нибудь ночь выдержу,— ответил Сейтен.

Мертвым сном засыпали люди, лишь только касались земли. Но воины-джигиты укладывались в принятом порядке, положив по-походному тяжелые палицы — чокпары под головы и привязав к ремням концы поводьев от лошадей.

Тишина опять стояла над степью, ощутимая, бесконечная, при которой все слышно за много верст. Временами проносился легкий шелковый ветерок, и, всколыхнувшись на миг, снова затихали камыши. Или глухой вопль болотной выпи доносился со стороны озера, и снова все погружалось в тишину.

Настороженно вслушивались в ночь оберегающие кочевку джигиты. Их головы тоже клонились к земле. Казалось, кому придет на ум в безлюдной пустыне, где проходит никем не охраняемая граница между Семиречьем и Сарыаркой, напасть на несчастных беженцев? Но сколько кровавых неожиданностей видела эта степь... И джигиты, преодолевая сон, ловили привычным ухом все ночные звуки и шорохи.

Когда, предвещая рассвет, потускнела луна и поредело сонмище звезд, к одиноко стоящему на холме батыру Сейтену приблизилась знакомая кряжистая тень.

— Близок рассвет, Сейтеке. Усните ненадолго...

Сердце потеплело у батыра Сейтена. Ему была приятна трогательная забота друга. Вспомнились вчерашние неясные подозрения, и с гадливостью отбросил он их сейчас, как дохлую змею... Да, не мешало бы ему перед тяжелой дорогой немного вздремнуть. Только нужно джигитам быть осторожными, смотреть в оба глаза. Камыш вон какой темный, шуршит недобро... Или опять эта проклятая змея пугает его? От усталости, наверно. Он, может быть, и не уснет, а лишь немного ослабит пояс, чтобы свободнее дышалось. И пусть джигиты, которые с ним, сделают так же. Впрочем, когда такие друзья с тобой, можно и поспать недолго. Хорошо, что Ожар с ним...

Ни слова не говоря, отошел Сейтен в сторону и растянулся во весь свой огромный рост на земле. А Ожар со своими джигитами, среди

которых был и проводник Самен, пошли в очередной обход, стараясь не отставать друг от друга.

«Хорошо, что Ожар с нами... Вовремя он приехал от того шакала Конур-Кульджи...» Луна плыла над Сейтеном, успокаивая встревоженное сердце. Шесть дней не знала душа его покоя: как бы не попали доверившиеся ему люди в расставленные по степи капканы. Шесть дней не сходил он с коня...

Ожар с Саменом остановились у темнеющей стены камыша. Где-то рядом дважды пискнула ночная птица.

— Где вы?

— Мы готовы, Ожар!..— прошептали в камышах.

— Как говорится, кто не умеет ставить капкан, сам же себя им и выхолостит!— зло выругался Ожар.— Кто это вылез вечером из камышей на глаза старому черту?.. Веревка с вами?

— С нами...

Тени... одна, вторая, третья отделились от камыша, скользнули в сторону кочевки.

— Как крикнем «Аттан!», не зевайте!..— тихо бросил им Ожар.

Они продолжали обход спящего каравана. И в разных местах отделялись от камыша тени, пригибались, неслышно ползли среди спящих.

— Теперь к нему!— коротко приказал Ожар.

— А если он не спит?

Такой страх был в голосе бескровного Самена, что Ожар и его джигиты невольно остановились. Словно видение вставшего на ноги батыра пронеслось перед ними.

— Спит!— уверенно сказал Ожар.— Пусть Сакып с Жакупом спрячутся за верблюдами со стороны ног. А вы хватайте его за руки. Только без шума!

Сейтен обычно спал чутко. Он просыпался даже тогда, когда над ним высоко в небе пролетала птица. Уловив шорох, он рванулся, хотел вскочить на ноги. Но огромная тяжесть повисла на руках и ногах, не давала приподняться. Чья-то цепкая пятерня, словно железные клещи, сдавила горло. Змея вспомнилась ему и похожая на рыбью голова Ожара...

Даже крикнуть он не мог. Рот был заткнут тряпкой, а руки стянуты жестким волосяным арканом. Как буйной лошади, накинули ему на глаза мешок, лишили света звезд. И все же боялись отпустить его, держали впятером громадное, содрогающееся в безмерном гневе тело. И вдруг затихло оно...

— Ему мы уже надели саван,— послышался негромкий голос.— С ним останется Самен. А вы — поскорей к этим... Сразу поводья режьте и обрывайте стремена!

«О аллах... Чей же это голос? Сердце мое правдивое, почему я не послушался тебя!» Что было силы рванул батыр Сейтен волосяной аркан, но тот лишь врезался в тело, сорвав мясо с костей. Потом он прислушался и подумал, что остался один. Но когда попытался пе-

ревалиться с одного бока на другой, то придавил чью-то маленькую ногу. Тонкий испуганный возглас проводника Самена услышал он и с радостью давил дергающуюся ножку всей тяжестью, не выпуская...

Нападающие не до конца достигли своей цели. Больше чем у половины джигитов уже были перерезаны привязанные к поясам поводья, отстегнуты стремена у седел, но в этот момент какой-то джигит проснулся. Заметив чужие тени посреди кочевки, он закричал во весь голос:

— Аттан!.. Враг напал. Тревога!.. Где вы, Сейтен-ага? Аттан! Аттан!

Всю степь потряс его молодой встревоженный голос. Люди, привыкшие к ночным нападениям, мигом вскочили на ноги. И тут грянул залп из кремневых ружей. Человек сорок солдат, высланных на перехват мятежного каравана, выскочили из зарослей. Заплакали дети, заголосили женщины. Обезумевшие кони носились по всей кочевке, сбивая с ног и топча людей; визжали собаки. Мирный стан, спавший только что глубоким сном, превратился в настоящий ад. А выстрелы все гремели. И вдруг раздалась властная команда:

— Вперед, джигиты!

Это был Ожар, сидящий на огромном темно-сером жеребце Сейтена. Голова его была замотана платком, рукава рубахи засучены до локтей. Он вынесся на холм, и степная кривая сабля сверкнула под луной вокруг его головы. Как у волка, горели его глаза.

— Ожар!.. Веди нас, Ожар!

Успевшие вскочить на своих коней джигиты съезжались к нему со всех сторон.

— Умрем — будем в раю, убьем врага — все равно там будем!— закричал он громовым голосом.— За мной... Аттан!

Джигиты подняли сабли и чокпары и с криками «С нами бог!», «Арруах!», «Айдабол!», «Каржас!» бросились на врага. Но, не успев доскакать до солдат, Ожар вдруг повалился в седле и начал сползать на землю, хватаясь за гриву коня. Не привыкшие к грохоту ружей и потерявшие в самом начале боя своих вождей, джигиты растерялись. Они смешались и, словно волна, ударившаяся о скалистый берег, отпрянули назад. Двое чужих сарбазов, стрелявших вместе с солдатами, с шашками наголо подскакали к валявшемуся на земле Ожару.

— С коней долой, собачьи дети!.. Вяжите меня!— зашипел он на них.

Они спрыгнули с коней, неуверенно стали вязать его.

— Злей вяжите!.. И бейте, пинайте, слышите!.. А сейчас тащите туда, где лежит Сейтен, бросьте с ним... Освободите, когда скажу!

Сарбазы связали Ожара и потащили сквозь шумевшую толпу людей к Сейтену.

— О, горе... Двое лучших наших людей в плену!— услышал Ожар и закрыл глаза. Даже он не мог смотреть в глаза обманутым людям.

Есаул Лебедев, чей отряд был выслан по доносу в погоню за караваном, собрал всех беженцев на обширную поляну. Ощетинив рыжеватые усы, он сказал Чингису, сыну ага-султана Конур-Кульджи:

— Спроси у этого старика, куда и зачем они хотели сбежать... Знают ли они об указе государя императора и о том, какое наказание ждет за его нарушение?..

Старый аксакал, шедший всегда во главе каравана, долго смотрел на Чингиса.

— Мы не виноваты,— глухо сказал он.— Лишь молодым меринам не нужен отцовский табун. Им, конечно, все равно... А куда река — туда и капля.

Чингис не подал вида, что рассердился:

— Вам тоже захотелось стать отщепенцами, как этим смутьянам, что пошли за старым Касымом и его разбойниками?.. Мало крови, что ли, пролилось в степи по вине его сыновей? С тех пор как поднял свое бунтарское знамя Саржан, люди не слезают с коней. Не пора ли опомниться и смириться!..

Старик глубоко вздохнул, посмотрел куда-то в оживающую степь:

— Может быть, ты сам знаешь, почему ушли из наших степей роды алтын, алтай, тока и уак?..

— Если есть претензии к белому царю или к ага-султанам, их следует изложить в принятой форме через специально назначенных властью людей...

— Какая бумага может помочь людям в это смутное время, когда не знаешь, где ждет тебя могила... Известно только, что даже змея выползает из норы на ласковое слово, а злобным криком можно и у человека убить веру в самого аллаха. Мы мирные люди. Ружейные выстрелы пугают наших детей...

— Вы сами заставляете стрелять эти ружья!

— А вы хотите, чтобы мы, подобно баранам, молчали, когда нас режут!

— Если вы не можете быть никем, кроме баранов, то не лучше ли вам молчать?

— А мы можем молчать?.. Когда волк копает свое логово около самого овечьего стада, откуда у овец будет спокойствие? А что иное, как не волчьи логова, те укрепления, за которыми виднеются штыки? Кое-кому, правда, удобно за их стенами...

И аксакал в упор посмотрел на сына ага-султана. Тот опустил глаза:

— Если бы не разбойничали, никто бы не тронул вас.

— А кого бы тогда стригли?..— Старик заговорил гневно, не отводя взгляда:— Ты хорошо знаешь, что нет среди нас разбойников. Слышал ли ты когда-нибудь, чтобы простой казах поругался с пашущим землю русским человеком? Он сам придет к нему и с радостью обменяет шерсть и мясо на хлеб. Или мешали где-нибудь ловить рыбу в наших реках и озерах русским рыбакам? Друзей у нас среди них как среди своих. А земли и воды у нас хватает. Но вот когда приходят к нам с золотом на плечах и с шашкой наголо, когда плеть поднимают на нас и уводят наших детей, то чья рука не поднимется

для защиты?.. Ты вот спроси этого рыжеусого, почему русские землепашцы бегут от них в нашу степь. Тысячи их уже среди нас. Куда попало бегут, лишь бы от них подальше. Вот как мы сейчас.

— Уж не воевать ли ты с царем надумал?.. Или сегодняшней крови мало!

— Немалая честь погибнуть в открытом бою...— Старик не стал договаривать свою мысль и вдруг, словно впервые увидел его, принялся с ног до головы разглядывать сына ага-султана:— Так ты, судя по достойному виду, скорее всего из букеевского или валиевского рода. Что же, легче отрезать голову, чем язык. Уж не гневайся, но давно я хотел спросить у кого-нибудь из вас про одно дело...

— Спрашивай!..— Чингис пожал плечами.

— Когда-то дедам твоим Букей-хану и хану Вали белый царь вместе с утверждением в ханском звании сделал по три подарка. Он подарил каждому соболью шубу, мундир с золотыми погонами и стальной клинок с золотой рукоятью. В наших сказках всегда разгадывают значение подарка. Вот я и думал. Соболья шуба — понятно: чтобы грелся и помнил, откуда тепло. Понятен и мундир: чтобы равен был с приставом в усердии. А вот клинок зачем? На чью голову?..

— На головы тех, кто ослушивается воли его императорского величества!..

Чингис побледнел, глаза его сузились. О палаческих делах его деда напоминал старик, и стоящие вокруг люди понимали это.

— Да, теперь у вас есть за чьим именем спрятаться. Для таких, как ты, это огромное облегчение. Есть кому служить. А выслуживающийся раб в сто раз страшней хозяина...

Сын ага-султана повернулся к офицеру, губы его дрожали.

— Господин есаул!— заговорил он по-русски.— Этот старый бунтовщик царя ругает... Его императорское величество!..

Офицер, до этого стоявший с безразличным видом, встрепенулся. Усы его дрогнули, ощетинились, прозрачно-голубые глаза побелели и выкатились из орбит.

— Эт-та что такое?— закричал он неожиданно тонким голосом.— Осмелиться их императорское величество, самодержца... Бунтовать! Ах ты, старый пес!..

Плетеная нагайка свистнула так быстро, что никто не увидел удара. Только шапка словно сама слетела с аксакала, и кровавый рубец вздулся на бритой седой голове.

Охнула какая-то женщина. Глухой стон пошел по толпе джигитов. А старик стоял по-прежнему ровно, глядя на офицера с тем чувством гордого высокомерия, которое дают лишь мудрость и правота.

Ни неожиданное нападение, ни ружейный грохот не испугали так людей, как это неслыханное злодеяние. Такого никогда еще не было в степи, чтобы на старика поднимали руку. И люди отпрянули в страхе, бросились бежать в разные стороны куда глаза глядят. Только еще один предупреждающий залп из ружей заставил их вернуться. Солдаты хмуро смотрели на своего офицера, стараясь не встречаться взглядами с людьми.

— Я не жалею, что меня ударил этот неумный и жестокий чело-

век,— тихо сказал старый аксакал.— Мне тяжело, что молодой казах, надев на себя мундир с медными пуговицами, способствует этому позору...

Не глядя больше ни на кого, как будто не было всех этих людей вокруг, старик пошел к своему верблюду. Даже офицер, кажется, понял, что нельзя его остановить...

«Лучше бы этот дурак всех их исхлестал, чем замахиваться на старика!— мрачно думал связанный Ожар.— Теперь нелегко уже будет подавить гнев людей, видевших это своими глазами. Сегодня поймали Сейтена, а завтра другой появится... Только родовые вожди и уважение к аксакалам держат еще их в узде. При этом каждый родовой вождь не подчиняется другому. Поддерживать все это надо, если хочешь, чтобы был порядок... А что, если найдется в степи такой, который сумеет объединить их, все роды?.. На диких коней похожи казахи. Кто сумеет приручить их, того они будут слушаться беспрекословно. Любого врага растопчет эта лавина, стоит лишь появиться вожаку. И в пропасть так же легко они бросятся за ним...»

Мимо Сейтена с Ожаром, связанных сейчас одним арканом, проходили остатки разгромленного каравана, который гнали обратно на север. «Два могучих защитника нашего рода в плену... Но мы будем помнить о них!» Это сказал кто-то из родовых аксакалов, и радостным предчувствием наполнилась грудь Ожара. Его уже считали они равным Сейтену, родовым батыром!..

«А что, если бы узнали они вдруг правду!»— подумал он, и липкий, неведомый ему до сих пор страх заполз под рубашку, коснулся сердца. Он не знал еще, что страх этот будет теперь с ним всегда, до самой смерти, увеличиваясь с каждым днем, лишая сна и покоя. Все, что будет он есть отныне, будет иметь совсем другой вкус... Но пока Ожар еще не знал этого и думал о другом: «Как удачно получилось, что я связан теперь вместе с ним. Придется потерпеть несколько дней...»

Сейтена с Ожаром повезли под усиленной охраной отдельно от каравана прямо в Омск...

Через три дня ускоренными переходами добрались до Турткульской волости, где заканчивался Баян-Аульский округ и начиналась Сибирь. На ночевку остановились в большом ауле на берегу озера. Это был аул, управляемый Таймасом, сыном Бектаса. Таймас, высокий и плечистый светлоусый человек, приходился племянником роду каржасов. Аул встревожило появление солдат со связанными людьми. Со страхом смотрели здесь на большие ружья с примкнутыми штыками. И все-таки находили в себе мужество подойти и хотя бы поздороваться с пленниками.

Особенно плохо выглядел Сейтен. Дело было не в нечеловеческой усталости, которая никак не отразилась на внешнем виде батыра. В глазах его стояла неутолимая скорбь оттого, что не смог он защи-

тить доверившихся ему людей. Подходившие сначала замечали эти безмерно печальные глаза, а потом только видели сгустки крови на разорванной в клочья рубашке. Батыра избивали после пленения, и не последнюю роль сыграл в этом сын акмолинского ага-султана Чингис...

Больше всех встревожен и опечален был Таймас. «В чем же вина батыра Сейтена или Ожара?— думал он.— Разве даже зверь или птица не стараются оберегать свое логово или гнездо? Как может человек не защищать землю своих отцов!.. А тут за то, что хотел попросту уйти от притеснений...»

Сколько ни старался Таймас переговорить наедине с Сейтеном, этого не удавалось сделать. По приказу офицера солдаты никого не подпускали к арестованным. Воинская команда заняла юрту самого Таймаса, и только после долгих просьб разрешили ему спать на дворе возле собственного дома.

Ночь была непроглядно темная и душная, как будто весь мир накрыли глухим одеялом из верблюжьей шерсти. После дневных переживаний аул словно вымер. Только привязанные солдатские лошади пофыркивали где-то рядом да время от времени перекликались часовые. Словно расплавленный свинец, залили голову Таймаса тяжелые мысли. Не давал покоя жалкий вид Сейтена с Ожаром, и он ворочался с боку на бок, не в силах сомкнуть глаз.

Чей-то печальный, страдальческий голос услышал вдруг Таймас. Прислушавшись, он понял, что это Сейтен. Батыр пел чуть слышно на мотив «Елим-ай»:

Где кочевали мы легко, как журавли,
Прощай, родимый край! Прощай, краса земли,
Где стать хотели мы единою семьею,
Но столько хищных лап и клювов привлекли.

Как плач была песня батыра. Ее оборвал низкий голос Ожара:

— Отчего терзаешься так, Сейтеке?

Что-то необычное было в этом голосе, какое-то тайное ликование, от которого мурашки побежали по спине Таймаса. Сейтен тоже почувствовал это и вдруг явственно вспомнил голос, прозвучавший в ту ночь, когда предательски пленили его. Сомнений быть не могло: то был голос Ожара, такой же низкий, скрипучий... Но почему тогда гонят его, связанного, вместе с ним?..

— Ожар, невысказанная обида подобна рогам Искандера. Помнишь, они у него росли кончиками внутрь, никогда не давали покоя...

— Что же, сейчас только и остается изливать свою душу.

— У кого есть что изливать... Не о себе я думал, Ожар, и ты это знаешь. И хоть, как жаворонок, невелик наш народ, но мог бы подняться выше, чем сейчас. Судьба нашего народа была моей вечной раной. Мой единственный брат Тайжан сложил за это свою голову. Ты был тогда с ним и с тех пор остался в моем сердце...

Ожар не отвечал. Может быть, он вспомнил те дни, когда бесстрашным джигитом носился по степи, защищая народ от притесне-

ний, и в каждой юрте находил уважение и приют. А может быть, уже тогда он помышлял о том, к чему пришел. Сейтену нужно было знать все.

— Помнишь, как вы спасли аул Кумбел от карателей? Солдаты с ага-султанскими прихвостнями загнали вас в лощину между сопками Караджала. Ты остался тогда со своей сотней и на два дня задержал карателей. Скользким льдом была покрыта в ту зиму гора Баян, и, пока мы сражались, женщины собрали кошмы и простелили их через вершину. Двести семейств ушли из рук врага. Да, этот подвиг прославил тебя в народе... К несчастью, мой брат Тайжан угодил тогда в капкан и был присужден к смерти. Тебя тоже должны были схватить, но я отбил тебя. Полсотни джигитов легли при этом. Но зато мы спасли тебя, надежду нашего рода. Молодым вождям принадлежит будущее...

Почему же молчит Ожар?..

— Почему ты молчишь, Ожар?— спросил батыр Сейтен.— Ты тогда был молод. Как золото из руды, так благородство выплавляют из молодых сердец. Весь род каржасов не умел раньше решить и в пятьдесят дней то, что ты решил за одну ночь. Многословным и всесильным был ты всегда. Куда делось все это? Как теленок стал, которому надели намордник... Я вот человек, имеющий право на все! Убьют — попаду в рай, сам убью,— значит, такова воля создателя. Это потому, что ни одной капли невинной крови нет на мне и совесть моя чиста перед этой землей... Что же ты молчишь?

При свете луны видно было, как вскочил Ожар, сел на подушку.

— Невнимательный и верблюда не заметит перед собой!— заговорил он.— Почему берешь на себя ответственность говорить за всех? Вот поднялся ты против царя, а разве мало людей у нас приняли его с хлебом и солью? Разве проиграли те, кто надел на себя шитые золотом мундиры?..

Слушающему за стеной Таймасу стало нечем дышать. «Япыр-ай! Что плетет этот человек... Кажется, сердце его стучит по-иному!»

— Вот, оказывается, куда привела тебя быстрота соображения,— сказал, помолчав, Сейтен.

— А ты ждал небось, что все будут жить только твоим умом!— В голосе Ожара прорвалось долго сдерживаемое злорадство.— Видишь, к чему это привело тебя? Хочешь всех потащить за собой?

— Сердце мое чуяло недоброе...— Голос Сейтена был спокоен.— Стало быть, я действительно не ошибся.

Оба надолго замолчали, и Таймас решил, что разговор пришел к концу. Он хотел было уткнуться в подушку, но снова услышал голос Ожара:

— Сейчас время уйти в себя, голову сберечь на плечах... У кого она есть, конечно... Сейчас казахов не соберешь в один народ. Как куланы, разбрелись они по всей степи, и вожаки ревнуют свои табуны друг к другу. Может быть, придет время, когда ослабится их власть...

— Да, в этом вся разница между нами. Куланами считаешь ты родной народ, а я — степными орлами... Кто что любит. Ворона лас-

ково называет вороненка «мой беленький!», а еж своего ежонка — «мой мягонький!».

— А ты не подумал, почему белому царю все удается?

— Уж не у царских ли слуг хочешь учиться мудрости?

— Да, если есть польза от этого. А там посмотрим!..

— И первое, что подсказала тебе эта мудрость, было предать свой род?.. Нет, Ожар, как нельзя выбрать себе родителей, так и народ свой не выберешь. Называй как хочешь его: диким, беспомощным, отсталым, но на лбу нашем написано его имя. Я люблю его таким, какой он есть, и поэтому не боюсь смерти. А тот, кто подрезает крылья народу, мой враг во веки веков, пусть даже это будет родной сын!

— Ты мычишь ласково, как корова при виде шкуры дохлого теленка.

— Не надо только, Ожар, делать вид, что ты поступаешь так для всеобщей пользы, что какие-то высокие и хитрые планы у тебя. Ты совершил предательство, а предательство никогда еще не служило добру. Оно как зараза — не сейчас, так в седьмом поколении принесет горькие плоды. Там, где совершено предательство, ничего не вырастет, кроме ядовитой травы...

— Будут ли долго помнить вашу могилу?

— Да, будут!...

Снова долго молчали они. И опять разговор возобновил Ожар. Злобное торжество было в его словах:

— И все же не будет вас через несколько дней, как нет уже Тайжана и других... А я буду жить и делать все, что хочу. В это пустое небо улетит наш разговор, и никто никогда не узнает о нем!..

Таймас весь напрягся, ожидая гневного взрыва Сейтена. И вдруг услышал его смех.

— Мне очень жалко тебя, Ожеке!— сказал батыр Сейтен, и никакого притворства не было в его голосе.— Ты думаешь, для предателя тяжесть предательства зависит от того, знают ли о нем люди? Наоборот, если знают, это иногда облегчает душу... Жаль только, что еще много несчастий принесешь ты народу. На этом пути не останавливаются.

Далеко в степь ушел Таймас. Он был по природе сдержанным человеком и не посчитал возможным сразу же отомстить Ожару. К тому же к пленникам трудно было подойти из-за солдат, да и гнев карателей мог обрушиться на ни в чем не повинный аул. Но он поклялся отомстить...

Когда солдаты наутро снова связали вместе Сейтена с Ожаром, уже знающий зачем это делается, Таймас помахал рукой им обоим...

II

У казахов вся жизнь — кочевка. Вот и сейчас на берегах неширокой, но быстрой и веселой речки Илек осело несколько караванов.

В верховьях ее, рядом с Кандагачом, остановилась большая кочевка табынского рода во главе с батыром Жоламаном — сыном Тленчи. Неподалеку от них расположились аулы родов жагалбайлы, алшын и шекты. Все они вслед за табынцами пришли вверх по Илеку от самого Жаика...

Здешние кочевники отличаются от баян-аульских. В караване Жоламана наряду с обычными казахскими юртами немало покрытых кошмами и прокопченных, похожих на копны сена шатров, а то и просто белых навесов. Овец и верблюдов здесь значительно больше, но лошадей поменьше. Зато в табунах рядом с жеребцами и кобылами выносливой и неприхотливой местной породы можно увидеть чистокровных ахалтекинских коней или скакунов породы теке-джаумит — тонконогих, с высокой приподнятой грудью и длинной, изогнутой, как у лебедя, шеей. А главная гордость кочевки — верблюды. Двугорбые самцы бура — с косматой, свисающей до земли шерстью; высокие и голенастые, способные легко нести восьмикрылые юрты, аравийские нары — дромадеры; белые одногорбые верблюдицы аруаны из породы леков. Да и овцы и козы неплохи. Ведут стадо бородатые козлы с мягким пухом и большими саблевидными рогами и бараны с шелковистой шерстью, козы трутся выменем о траву, то и дело выскакивают из стада пушистые козлята.

И люди здесь отличаются одеждой от жителей Сарыарки. На головах у мужчин большие, расшитые узорами колпаки из светлой верблюжьей шерсти с выгнутыми кверху краями. Малахаи тоже особого покроя, бархатные, отороченные мехом, подбитые изнутри войлоком. Верх у них очень высокий, словно торчком стоящий рукав, и шесть позолоченных полосок нашиты на нем от основания до макушки. Окрашенные в можжевеловый цвет мягкие полушубки по краям подола и у воротников тоже расшиты узорами и украшены позументами. Под ними шерстяные чекмени, шаровары из жеребячьей шкуры, на ногах сапоги с высокими каблуками.

Женская одежда мало отличается от сарыаркинской. Камзолы и кафтаны также обшиты золотом и серебром, шапки оторочены привозным сибирским соболем. Это все те же шапки саукеле: высокие, конусообразные, украшенные монетами, с пышными перьями филина наверху. Длинные ситцевые и бархатные платья с двойными подолами тоже увешаны серебристыми монетами. Поверх платьев — тонкие домотканые или бархатные, стянутые в талии, камзолы и бешметы. У более состоятельных — золотые перстни, жемчужные ожерелья, массивные золотые и серебряные браслеты на запястьях, старинные, от прабабушек, серьги в ушах. Но, в отличие от Среднего жуза, некоторые женщины Младшего жуза вместо белых коленкоровых кимешеков надевают кунгейлик — своеобразный расшитый шелком головной убор, тоже увенчанный перьями филина, а девушки носят плотно обтягивающие серебряные пояса и тахию с перьями — разновидность тюбетейки...

Сразу видно было, что кочевка прибыла сюда недавно, а юрты и шатры поставлены наскоро, с расчетом на два-три дня отдыха — не больше. В мягкой и пряной полыни вокруг паслись лошади, вос-

станавливая силы для дальнейшего пути. А вид у людей и в этой стороне Большой казахской степи был невеселый. Как и в Сарыарке, они были изгнаны из родных кочевий, где испокон веков пасли скот их деды и прадеды. Общая единая беда навалилась на степь, приглушив пока разные мелкие тяжбы, родовые и племенные распри. И здесь мужчины держали нерасседланными своих боевых коней, не расставались на ночь с оружием. Опытные батыры, воспользовавшись стоянкой, закаляли и точили кривые сабли. Дети, охваченные общей тревогой, присмирели. Они не бегали, как обычно, по всей кочевке, а тихо сидели возле матерей и наблюдали за взрослыми. Девушки не выходили в степь за черту кочевки. И ясно слышался в бескрайнем небе тоскливый крик летящих гусей...

А посредине кочевки, на прибрежном холме, сидели аксакалы рода и батыр Жоламан, сын султана Тленчи, самый богатый и влиятельный человек среди табынцев. Это был большой, чернобородый, средних лет мужчина с проницательным взглядом. Витой шлем и железный панцирь были на нем. Рукава панциря доходили только до локтей, и дорогой бархатный бешмет виднелся из-под него. Края бешмета так же, как и темно-синие бархатные штаны, расшиты были красивыми узорами. Толстая серебряная полоска окаймляла голенища высоких сапог, широким серебряным поясом стягивался низ панциря, золото и серебро сверкали на ножнах большого кинжала. А уже поверх панциря был накинут щедро расшитый золотом и украшенный позументами голубой бархатный кафтан свободного степного покроя. Жоламан, как и аксакалы, напряженно смотрел на запад. Неспокойно было у него на душе, и сейчас он даже не пытался скрывать этого...

Вдруг, словно заметивший лису степной беркут, на миг подался вперед Жоламан-батыр и снова замер в прежнем положении. Только глаза его с красными жилками на белках еще больше сузились. Все в ауле повернулись теперь и смотрели в ту же сторону. Тонкая серая стрелка прорезала малиново-сизый холм у самого горизонта. Она исчезла, снова появилась на более близком холме, и вот уже стал виден стремительно приближающийся всадник.

Было время захода солнца. Женщины выбивали искры из кремней на сухие гнилушки под казанами. Сизо-голубые дымки поднялись к небу над соседними аулами. Но и там, увидев всадника, прекратили готовиться к ужину и ночлегу.

— О аллах, пусть это будет добрая весть!..

— Аксарбас... Аксарбас — наша жертва тебе во имя счастья!

— Слишком уж он спешит... Не враг ли увязался за ним?

— Нет, на вестника радости он больше похож...

— Пусть твой язык всегда знает вкус меда!

Надежда, единственная добрая спутница гонимых людей, появилась в их душах. Многие молились, чтобы приближающаяся весть оказалась счастливой и можно было бы возвратиться на земли предков. А всадник уже подскакал к подножию большого холма, где ждали аксакалы. Его отвязали, он спрыгнул с мокрого от пота коня, побежал вверх. У коня всхлипывали ноздри, раздувались и

тяжело опадали бока. Молодой стройный джигит, чтобы вынести эту бешеную скачку, туго обвязал себя с ног до головы волосяным арканом так, что свободными оставались только руки. Губы его кроваво растрескались, лицо было покрыто толстым слоем соленой пыли, лишь черные глаза горели неугасимым огнем.

— С доброй или плохой вестью приехал ты к нам, юноша?— спросил Жоламан.

— Плохая весть, плохая!— еле выговорил джигит.— Из Оренбурга вышли солдаты в погоню за нами...

— Аллах спаси!..

— Что они хотят от нас?

— Далеко ли они, солдаты?..

Как ветром, в одно мгновение разнеслась эта тяжелая весть по окружающим кочевьям. Заплакали, забегали женщины...

Жоламан молчал, глядя в степь.

— Слышно ли что-нибудь о нашем письме?

— Ничего не слышно.

— Стало быть, они не хотят нас и слушать...

Теперь Жоламан-батыр смотрел в землю, а люди ждали. Потом он снова поднял глаза на молодого джигита. Стройный, как копье, и крепкий, как залитый свинцом альчик от горного барана, джигит стоял неподвижно, ожидая приказаний. Грозный огонек вспыхнул на миг в глазах Жоламана. Он повернул голову, обвел взглядом мирные кочевья, стариков, женщин, детей, и огонек погас...

— Ну, отряхни с себя пыль, помойся. А там подробно расскажешь обо всем.— Жоламан обернулся к аксакалам:— Пусть не всполошит пока людей недобрая весть. Она требует спокойного, подробного обсуждения!

— Да, там, где решается жизнь или смерть, ум должен быть острым и холодным, как топор,— сказал самый старый аксакал.

— Правильные слова...

— Шуба, скроенная сообща, не бывает короткой...

— Оповестите соседних аксакалов Мухамедали, Таймана и Жусупгали!— распорядился Жоламан.— Соберемся здесь, когда все Семь Разбойников [1] на небе составят Ковш.

Двое юношей, похожих друг на друга, как ягнята-близнецы, побежали в разные стороны с холма. А Жоламан уже отдавал приказания своим помощникам:

— Пусть все сейчас же ложатся спать. Видимо, выступим на рассвете, когда погаснут звезды Уркер [2].

— Правильно...

— А вы тоже: попейте чаю и сразу возвращайтесь,— предупредил он стариков.— И успокойте женщин и детей.

Юноша-джигит, привезший плохую весть, все еще дышал тяжело.

---

[1] Семь Разбойников — Большая Медведица.

[2] Уркер — Плеяды.

— Иди поклонись своей матери, Байтабын, и возвращайся. Я жду тебя...

Жоламан остался один на холме. Светлая полоса от укатившегося за горизонт солнца померкла. Небо почернело, и показался на нем грязно-багровый, весь в кровавых потеках, лунный диск. Сердце вдруг заныло в груди, и ему показалось, что это от луны... Снова красноглазая беда смотрит на них. И как укрыться от нее?

Порыв ветра освежил разгоряченное лицо... Да, от этой беды не убежишь. Нужно повернуться к ней лицом, когда нет другого выхода. Предки его в таких случаях всегда уходили в глубь степей и набегали оттуда на врага ночью и днем, зимой и летом, пока, ослабленный и измотанный, не уходил он, оставляя им право жить по своим законам. Он, родовой батыр Жоламан, вынет сегодня из ножен свой булатный клинок и не вложит его обратно до тех пор, пока не закроется этот кровавый глаз над степью. Он, Жоламан-батыр, ее сын и хозяин!..

Где-то там шли от Оренбурга солдаты далекого белого царя. Не раз уже приходилось ему встречаться с ними... В черную степь смотрел с холма батыр Жоламан, сын султана Тленчи, законный бий и признанный предводитель табынского рода...

Табынский род был древним и влиятельным. Испокон веков, еще с монгольских времен, кочевал он от устья реки Илек, где она впадает в Жаик, до Нарынских песков. Богатые сочной зеленой травой степи жаикского приречья даже по высочайшему повелению русского царя киргиз-кайсакам Младшего жуза принадлежали им. Это уложение было отменено только в 1810 году, когда усилились колониальные устремления царизма. Промышленные разработки илецкой соли потребовали строительства дороги между Ново-Илецком и Оренбургом. На этой дороге было построено двадцать девять укрепленных постов. Возникли укрепления, опорные пункты, казачьи городки вокруг них и по берегам Светлого Жаика. Постепенно лучшие земли приречья стали переходить к богатой казачьей переселенческой верхушке. Это уже затрагивало кровные интересы табынского рода, и тогда молодой еще Жоламан, сын султана Тленчи, сел на боевого коня...

Сначала он пытался решить все споры мирным путем. В 1822 году, в год лошади, Жоламан направил послание оренбургскому военному губернатору Эссену с предложением вернуть принадлежавшие его предкам земли. Ответа не последовало, а в приречье Илека был послан карательный отряд есаула Падурова. Небольшой отряд вместе с есаулом был тогда захвачен в плен табынцами, а Жоламан, видевший причины всех обид и притеснений лишь в самоуправстве местных властей, отправил своих посланцев — султана Арингазы, сына Абильгазы, и Жусупа, сына Срым-батыра,— к самому царю Александру I. В Петербурге их не приняли, но обратно в степь возвращаться тоже не разрешили.

Прождав год, Жоламан снова написал письмо Эссену, предла-

тая отпустить есаула Падурова с солдатами, если разрешат выехать из Петербурга Арингазы с Жусупом и освободят из оренбургской тюрьмы посаженного туда за бунт табынца Тулебая, сына Кундака. Он опять настаивал на переговорах по поводу незаконно захваченных земель его рода. Но Эссен снова не ответил ему. Тогда Жоламан послал третье письмо... На этот раз военный губернатор дал положительный ответ. Он переслал Жоламану триста двадцать семь рублей, положенных на довольствование есаула и солдат за время пребывания их у табынцев, а дальнейшие переговоры предложил вести через признанного царским правительством хана Сергазы. В письме не было и речи о возвращении каких-либо пастбищ. Вот тогда и сел на коня Жоламан...

В течение трех лет непрерывно нападал он на городки и укрепления, строящиеся по обоим берегам Илека. Отряд за отрядом высылали против него царские власти. Не в силах противостоять вооруженным огнестрельным оружием регулярным войскам, сарбазы Жоламана потерпели несколько поражений. Но, умело используя особенности знакомых степей, батыр всегда успевал обмануть противника и уйти от полного разгрома.

Это была неравная и исторически обреченная война. На восточном берегу Жаика прокладывались новые дороги, купцы и промышленники строили склады для хранения товаров, лихорадочно заселялись прибрежные земли. И меньше всего царское правительство думало при этом об интересах кочевников, терявших свои самые лучшие пастбища. Купив, при помощи подачек и разрешения на бесконтрольное хозяйничанье, султанскую верхушку из потомков Букея, Вали и Самеке, оно совершенно не считалось с основной кочевой массой, с другими многочисленными казахскими родами, никак не учитывало веками складывавшихся в степи отношений. При этом оказывалась обиженной не только беднота, которой доставалось вдвойне, но и богатые и влиятельные лица многих родов, такие, как Жоламан-батыр. Они-то в ряде случаев и возглавляли движение против царизма, и люди закономерно видели в них до поры до времени своих вождей...

Больше всего пострадали на первых порах от колониальных захватов кочевавшие между Светлым Жаиком и Кара-Откелем роды аргын, кипчак, алшын, жагалбайлы, керей и найман. Помимо того, что у них были отторгнуты лучшие земли, они обязаны были платить царским чиновникам большие суммы денег за право пасти скот на оставшихся прибрежных лугах. Оказавшись в безвыходном положении, они, по примеру табынцев, часто восставали, нападали на военные укрепления, на волостные управления и аулы ага-султанов. Но все это были стихийные, разрозненные выступления, которые легко подавлялись регулярными войсками и ага-султанскими туленгутами. Только в 1835 году было подавлено таким образом крупное восстание нескольких родов из Среднего и Младшего жузов, кочевавших вдоль восточного берега Жаика. Оно закончилось безрезультатно, но руководившие им батыры поняли, что одолеть врага и отстоять свои права разрозненными силами не удастся.

Но кому по силам взять в свои руки вожжи управления всеми тремя казахскими жузами, разбросавшими свои кочевья от Каспия до границ Китая? Каждый род старается сохранить свою самостоятельность, каждый султан или батыр хочет сам править своими единоплеменниками. Свой теленок лучше общего быка, и ничего с этим не поделаешь. Тут уж сами собой вспоминаются обиды вековой давности, действительные и мнимые. Чего не случалось в степи за долгую ее историю...

Есть, конечно, в каждом роде и племени мужественные люди, смело ведущие воинов за собой, есть и умные, красноречивые вожди, чей авторитет непререкаем. Но только в пределах своего рода или племени. Для других они чужие, и знают их понаслышке. Да и внутри рода не все подчиняются одному и тому же батыру. Чаще всего их несколько, и скрытая, а то и явная борьба между ними разъединяет даже ближайших соседей. В такой обстановке многие невольно обращали взгляды в сторону потомков хана Аблая, умного и хитрого повелителя Среднего жуза, искусно использовавшего противоречия между царской Россией и императорским Китаем и сумевшего благодаря этому на протяжении длительного вреемни сохранять относительную самостоятельность.

После смерти Аблая ханом был избран его старший сын Вали, который сразу же признал власть русского царя. Но с этим, как всегда бывает в таких случаях, не согласились остальные сыновья старого хана, и прежде всего Касым-торе — сын Аблая от калмычки. Вместе со своими сыновьями Есенгельды и Саржаном он начал долголетнюю изнурительную и кровопролитную войну под знаменем прославленных отца и деда. Это была многократно повторявшаяся в истории внутрифеодальная борьба за власть и влияние, совпавшая на этот раз с национально-освободительной борьбой народа против царизма, использовавшая ее в своих целях и сумевшая благодаря ей растянуться на долгие годы. Царское правительство, в свою очередь, ловко использовало межфеодальные распри. Будучи объективно исторически прогрессивным явлением, присоединение степного края проходило в сложном и противоречивом переплетении людских судеб.

Откуда мог знать обо всем этом простой кочевник? Сквозь дымку лет расплывались в народной памяти обиды и притеснения грозного хана Аблая. Он был прямой потомок Джучи — сына Чингисхана, которому жестокий завоеватель и «Потрясатель Вселенной» отдал когда-то во владение эти земли и народ. В потомках его видели признанных наследников грозного Джучи. И чему тут удивляться, что знамя Аблая стало притягательным для степи. Многие годы должны были пройти и реки крови пролиться, чтобы народ понял, куда вело это знамя...

Не один простой народ, но и многие батыры и предводители родов искренне верили, что только так смогут они отстоять свою независимость. К ним относился и батыр Жоламан, предводитель табынцев...

Сейчас он стоял на холме и смотрел в черную даль. Где же тот человек, который сможет объединить степь? Если тысячи ручейков сольются в одну реку, никакие плотины не удержат ее. Пока что роды и племена сопротивляются разрозненно, но если найдется признанный всеми вождь, в грозную несокрушимую силу превратится это сопротивление... Сыновья Касыма-торе сейчас далеко, к тому же им не сопутствует удача. Когда еще найдут они общий язык с Кокандом... Это такой союзник, что лучше, пожалуй, иметь его открытым врагом. Кто уверен в том, что не повторится предательство, совершенное в Кургане летом прошлого года ташкентским кушбеги. Нельзя верить словам торгаша, готового в любую минуту принести казахские земли в жертву своим интересам. Еще неизвестно, кто больше враг: белый царь или кокандские единоверцы...

Но что делать, если приходится уже вот так, тайно, бежать из родных мест и из ночи в ночь ждать солдатского залпа из темноты. Самое плохое — чувствовать себя гонимым зайцем, над которым кружатся вдобавок коршуны-султаны. Броситься навстречу и погибнуть? Это было бы самым легким делом. А женщины, дети, будущее рода?.. Нет, он отвечает за людей перед старыми могилами и таинственными каменными изваяниями, поставленными здесь предками. Пропасть рядом, и надо не оступиться...

Да, море должно быть единым. Он видел на солевых промыслах: отгороженная от моря часть воды быстро высыхает и лишь пухлый белый порошок остается на дне. Так и оторвавшиеся роды... Только аулы родов алтай, алтын, тока и уак пошли за Есенгельды и Саржаном, сыновьями Касыма-торе. И сколько лет уже безуспешно борются они с сибирским губернатором и его подручными султанами — Конур-Кульджой и Зильгарой.

Кто следует за ним, кроме табынцев? А ведь возмущены все, взволнована вся степь. Значит, даже среди потомков Аблая не находится авторитетного человека. Если появится такой человек, то он, батыр Жоламан, сам переломает хребет своей гордости и властолюбию, во всем подчинится ему и карать будет всякого из табынцев, который вздумает вспомнить старые распри...

Каким должен быть этот человек? Батыров много, и все отважны. Но одной отваги мало: нужны еще ум, мудрость, хитрость, красноречие, сдержанность, решительность и многое-многое другое. Неужели не родилось на казахской земле человека, соединяющего в себе эти необходимые вождю качества!.. Десятки известных батыров, султанов, биев проходили перед его мысленным взором, и быстрее всех промелькнуло скуластое загорелое лицо Кенесары, среднего сына Касыма-торе. Он уже выдвинулся, прославился в нескольких схватках, но множество степных батыров имело на своем счету не менее славные дела. К тому же живы были еще отец и старшие братья, которые по древним степным законам прежде него имели все права на славу и власть...

Зашелестела трава внизу. Скосив глаза, Жоламан-батыр определил в серой тьме очертания статной фигуры. Хороший, легкий шаг у его племянника Байтабына. И преданность настоящего воина сво-

ему делу. Ни одной лишней минуты не отдал он отдыху после выматывающей скачки через степь: только исполнил его просьбу-приказ повидать старую женщину. И понял он, что Жоламан хочет поговорить с ним наедине...

Он был единственным сыном старшей сестры Жоламан-батыра, отданной замуж в род есентемир, относящийся к Младшему жузу. Безудержно отважным, ловким и находчивым стал Байтабын, когда подрос. Хотя и не выказывал этого Жоламан-батыр на людях, но больше всех любил своего племянника. Сердце у него было не на месте, когда отправлял Байтабына на какое-нибудь опасное задание.

— Все мне казалось, что чье-то ружье целит в меня, пока тебя не было!..

Это невольно вырвалось у батыра, и он прикоснулся губами к холодному лбу Байтабына. Тот смутился от дядиной ласки, понимая, что для Жоламан-батыра он еще несмышленый мальчик. И дядя, видно, понял состояние племянника, потому что резко выпрямился и спросил уже обычным твердым голосом:

— Много ли этих солдат?

— Два отряда. В том, что идет за нами, больше ста человек. Вверх по правому берегу Илека идут они, и у каждого через плечо по ружью. Сам Кара-бура с коржуном командует ими.

«Кара-бура с коржуном». Это был известный всей степи хорунжий Карпов, огромного роста человек, вся грудь и руки которого обросли густыми черными волосами. К тому же крутого, звериного нрава был он, и не случайно поэтому прозвали его диким черным верблюдом, да еще с коржуном, по созвучию с его чином. Так и вошел он в степные предания...

Сотня ружей... Много времени уходит на то, чтобы зарядить их, но у сарбазов Жоламана не было и одного такого. Не в счет несколько длинноствольных хивинских мультуков, которые опасней для стреляющего, чем для того, в кого целятся. Длинными соилами, окованными палицами и луками были вооружены джигиты. Что ж, на луки вся надежда. Недаром с раннего детства носятся по степи мальчики, со ста шагов поражая в голову неосторожно высунувшегося из норы суслика. Красиво расшитые колчаны из плотной кошмы висели на луках седел у джигитов, и ровной линией виднелось жесткое оперение стрел. Некоторые из них были помечены желтым или красным пером, что означало яд гюрзы или слюну павшей от ящура коровы. Их нельзя было трогать рукой с острого конца, эти стрелы, и мало кто выживал из пораженных ими. Испокон веков пользовались в трудный час этим грозным оружием жители степи и не раз вынуждали к уходу завоевателей. Они знали, что и сами порой не смогут уберечься от мора, который начинался в степи от их стрел, но вольность всегда была для них дороже жизни...

Все это знал батыр Жоламан, и глаза его смотрели в ночь. В глубоком раздумье потрогал он свою хорасанскую саблю.

— А пушки есть у них?..

— Нет, этого у них не видели.

— Тогда будет полегче...

— Говорят, у них много пороху и серы. Сам я не видел, но видевшие передают, что большая бочка с порохом находится на самой последней телеге в их обозе. Запряжена эта телега парой гнедых лошадей, а бочка обернута черной кошмой...

— И это надо намотать себе на ус.— Жоламан, будто вспомнив что-то, резко повернул голову к Байтабыну:— Среди них не видели белоглазого Джебраиля или Алексалды Гнусавого?

О двух самых опасных людях спрашивал Жоламан-батыр. Оба они, урядники Илецких укреплений, по имени Гаврила и Александр, были здешние, пограничные. Они хорошо знали степь, язык и обычаи казахов. Но в отличие от простых русских людей, которые сжились со степняками и стали среди них своими, эти двое использовали во зло свое знание. И клички, как водится среди казахов, они получили соответственные. Гаврила при допросах страшно вращал белками глаз, а Александр противно гундосил, выматывая душу. Жестокости они были необычайной даже для нравов, царящих в пограничных крепостях. Женщины в степи пугали детей их именами. Если они с отрядом, то дело осложняется. В молодости оба сами были конокрадами, и их не проведешь обычными степными хитростями, как можно это сделать с прямолинейным и недалеким служакой Карповым. А местность по берегам Илека они прекрасно знают: во всех карательных набегах участвовали...

Каждого человека в крепостях знали казахи, его привычки, характер, сильные и слабые стороны. Одних уважали, и дом степняка всегда был открыт для такого человека, других ненавидели, но то и другое было заслуженно...

— Оба они в другом отряде — хана Сергазы,— пояснил Байтабын.— Там тоже около ста человек. Но новых ружей у них меньше. Половина из них — просто ханские туленгуты с пиками. А напасть они собираются при нашем отступлении — на слиянии трех озер. Так наш человек из их отряда передал...

— Хотят, как диких лошадей, взять нас с двух сторон?..

— Да, они, наверно, так хотят.

— Что же, мы ведь тоже ловили диких лошадей...— Жоламан-батыр неопределенно усмехнулся и вдруг, повернувшись к Байтабыну, спросил в упор:— Удалось тебе увидеть Акбокен?

Он ожидал этого вопроса, Байтабын, и широкие плечи его бессильно поникли.

— Н-нет...

Дочерью одного из мирных людей рода табын была Акбокен. По древнему обычаю, Жоламан-батыр на правах дяди Байтабына договорился с отцом девочки об их помолвке, когда сам Байтабын делал первые шаги по земле, а она еще лежала в пеленках. Необычной красоты росла девочка, и однажды во время праздничной байги ее увидел хан Сергазы. Тогда на скачках первым пришел знаменитый ахалтекинский скакун, принадлежащий роду табын. Еще издали все присутствующие любовались гордой головой, мощным, размашистым шагом коня. Но старый хан не смотрел на коня. Глаза его не отры-

вались от маленькой фигурки, словно влитой в могучую гладкую спину животного. Это и была тогда еще восьмилетняя Акбокен...

Опытным ценителем женской красоты слыл в степи хан Сергазы, и глаза его не ошиблись. Прошло немного лет, и не было уже в степи красавицы, равной Акбокен. А хан тогда еще, не дожидаясь конца празднеств, приказал Жантемиру — отцу девочки — переехать в ханскую ставку и сделал его своим туленгутом. Дело в том, что, по принятому обычаю, туленгут не имеет права ни сам жениться, ни выдавать замуж дочь без разрешения своего хана. Через некоторое время Жантемир вынужден был вернуть сестре Жоламан-батыра полученный от нее за дочь задаток в счет калыма, составлявший несколько голов скота.

А маленькая «невеста» плакала и рвалась назад, когда ее увозили из родного аула. Что это было: любовь, привычка — сколько помнишь себя, считаться нареченной рослого черноглазого мальчика? Она не понимала ничего, но чувствовала, что происходит что-то страшное, непоправимое. В детских снах остался мальчик...

Не в детских чувствах было тут дело. Расстройство помолвки и возвращение задатка являлось оскорблением. И оскорблен был не кто-нибудь, а предводитель древнего рода табынцев, знаменитый батыр Жоламан, стоявший у основания этой помолвки. Трудно было тогда еще прямо обвинить в чем-нибудь самого хана, имевшего неписаное право взять любого человека себе в туленгуты, но всем было понятно, к чему идет дело. А переступить дорогу батыру — такое в степи никому еще не проходило даром, будь он хоть трижды ханом или султаном. Но начинать свару в такие трудные времена Жоламан-батыр не хотел. Тучи надвигались на степь, и неизвестно было, кто какую займет позицию. Даже честь батыра была ничто перед общим делом. Теперь же, когда туленгуты хана Сергазы вместе с карателями усмиряют восставшие аулы, все стало ясно. Пять дней назад Жоламан-батыр вызвал к себе племянника и при всех биях и аксакалах сказал:

— Ходят слухи, что против нас должны выступить из Оренбурга каратели. Мне известно, что и на этот раз тут не обошлось без Сергазы. Съезди в их аулы и разузнай подробней. К счастью, как ни принуждает своих людей этот севший на чужую цепь старый пес, многие из них помогают нам...

Это был открытый разрыв с ханом Сергазы. А оставшись наедине с Байтабыном, он положил ему большую руку на плечо:

— Родной мой, я тоже был молодым и все понимаю. Счастье — это дикий гусь. Силком или сетью ловят его настоящие джигиты... Бери моих двух лучших серых коней. Прямо в ханский аул езжай. Сделай все, что нужно для общего дела. И потом, если согласна Акбокен, увези ее ночью. Если же не получится, узнай, когда хочет сыграть свадьбу старый кобель. Ничего не пожалею, все свои табуны на ветер пущу, но праздник я ему испорчу!..

Жоламан-батыр высказал то, о чем уже говорила вся степь. Хан Сергазы хочет взять Акбокен очередной женой. Не то было диковинкой, что хан имеет несколько жен, а что на этот раз обида наносилась

целому роду. Когда две недели назад Байтабын услышал об этом, он ушел в степь, бросился на сухую прошлогоднюю траву и катался по ней, забив корнями рот, чтобы не кричать. Никто не знал этого, но четыре раза за эти годы виделись они с Акбокен. Было это на далеких джайляу, где переплетались пути многих племен Младшего жуза. Ничего не было между ними, просто всякий раз они долгую ночь простаивали вместе в степи. И даже ничего не говорили друг другу...

Но кто знает, не большими ли были страдания Жоламан-батыра, когда услышал он эту весть. К переживаниям за племянника, которого любил он сильнее себя самого, прибавились страдания оскорбленной батырской чести. Гнев затмил ему глаза...

Известные всей степи серые аргамаки Жоламан-батыра обгоняли ветер, на лету хватая зубами быстрокрылых птиц. Так о них говорили в степи, и это было правдой. Не взяв с собой ни одного джигита, чтобы не привлекать внимания, через полтора дня скачки упал в траву на окраине ханского аула Байтабын. Отдышавшись и спутав ноги лошадям, он заполз в аул. От верных людей он узнал о выходе из Оренбурга двух отрядов карателей для разгрома и усмирения табынского рода во главе с Жоламан-батыром. И еще он узнал, что не сегодня-завтра состоится свадьба старого хана и Акбокен. Но времени не оставалось у него...

— Может быть, можно было увидеть ее?..— спросил батыр, не глядя на племянника.

— Эта заноза только в мою душу!— тихо ответил Байтабын.— А каждый час приближает к нам солдат...

— Ты говоришь, как подобает будущему батыру. А что касается Акбокен, будь также мужествен. Нет неизлечимых недугов.

— Эта болезнь неизлечима,— вздохнул батыр.

— Значит, у тебя это серьезно. Но крепись. Если не погибнем в этом бою, в прах разнесем всю ханскую свору!..

Одна за другой появились в почерневшем небе семь ярких звезд, явственно обозначив ковш. Как только засветилась последняя из них, с разных сторон на холм стали подниматься аксакалы. Тихо подходили они и молча рассаживались вокруг Жоламан-батыра. Когда все собрались, Жоламан-батыр обратился к ним с краткой речью. Он рассказал все, что было известно о солдатах и хане Сергазы, попросил у стариков совета. Каждый из аксакалов коротко высказался, и мнения их совпали. Ничего не оставалось табынскому роду, как принять бой. Для этого решено было перевести родовую кочевку в Мугоджарские горы. Немногим больше дня пути до них, а женщины и дети укроются там в густых зарослях тамариска. Из тысячи имеющихся сарбазов половина будет прикрывать кочевку, а другая половина встретит карателей. По расчетам Жоламан-батыра, они должны подойти на рассвете, а если сменят лошадей, то и сегодня ночью. Поэтому десяток джигитов останется здесь и будет продолжать жечь костры, как будто кочевка и не трогалась с места...

Аксакалы отправились по своим караванам, а Жоламан-батыр вместе с находившимся при нем Байтабыном приступил к распреде-

лению джигитов. При свете ярко горящих костров проходили перед ними они, вооруженные луками, копьями, секирами и дубинами. Тускло мерцали серебристые кружочки у закинутых за спину щитов. Все это было же в полной власти батыра. По взмаху его левой руки сарбаз шел за кочевкой, знак правой оставлял сарбаза с ним для того, чтобы встретить врага. Не прошло и времени между двумя дойками кобыл, как окруженный джигитами громадный караван табынского рода собрался в дорогу. Привыкшие к тревожной походной жизни, люди без ропота и суеты тронулись в новый, неизведанный путь. Лишь плач во внеурочное время проснувшихся детей да глухой недовольный рев потревоженных верблюдов слышались в ночи. Постепенно и эти звуки затихли. Все дальше и дальше уходил караван...

А оставшимся казалось, что аулы все еще не снялись с насиженного места. Ровно горели многочисленные костры, разгоняя белесую от появившейся луны полутьму. Время от времени всхрапывали кони, слышались негромкие голоса, собачий лай. И с какой стороны ни подойди — казалось, только что остановился здесь караван, люди варят себе еду, готовятся ко сну...

Оставшийся отряд Жоламан-батыр разделил на две группы. Одну из них он спрятал в заросшей караганником лощине, а другую повел на ту сторону холма. Но не успели сарбазы дойти до предназначенных им мест, как из степи послышался быстро приближающийся топот. Сердца у людей тревожно сжались, но условный сигнал — крик птицы — предупредил, что это свои. Группа всадников выехала к южному склону холма. Они держали пики наперевес, как делают это только табынцы...

Оказалось, что это разведчики — ертоулы, высланные со специальным заданием вверх по Жаику несколько дней назад. Но кого это они ведут с собой? Трое чужих среди них. Один — маленький, белолицый, закутан в чапан. Двое других тоже одеты не так, как табынцы: невысокие шапки оторочены белым мехом, домотканые черные кафтаны на них, как у русских переселенцев, а сапоги с непонятными узкими голенищами. Еле плелись их лошади среди табынских коней, а когда остановились, то расставили все четыре ноги. Видно, неблизкий путь проделали они. Старший из ертоулов подошел к молча поджидавшему Жоламан-батыру, чтобы доложить обо всем. Не успел он открыть рот, как стоявший рядом с батыром Байтабын вздрогнул:

— Япыр-ау!..

— Что с тобой?

Жоламан-батыр удивленно посмотрел на племянника и проследил его взгляд. Маленькая фигурка склонилась с лошади, вглядываясь:

— Это ты, Байтабын?..

Оказалось, что это девушка, у нее был голос Акбокен. Спохватившись, она поклонилась окружающим:

— Амансыздар, агалар!.. Здоровья вам, уважаемые люди!..

Да, это была Акбокен, и ошибиться было невозможно. Блики луны светились на чуть продолговатом белом лице, и спокойно смотрели

большие и черные, как у верблюжонка, глаза. Темный алтайский соболь на шапке, увенчанной высокими перьями, оттенял лицо. Бархатный бешмет серебрился на высокой груди и у тонкой талии, потому что она откинула с себя дорожный мех. А когда девушка сняла шапку, то все остолбенели. Она не закручивала на дорогу волосы в косу, а бечева, которой они были привязаны к поясу, в пути развязалась, и сейчас эти волосы рассыпались до самой земли. Словно темным волнистым светом вдруг залило ее всю...

— Куда же это вы направляетесь, племянница?— спросил Жоламан-батыр каким-то неестественным голосом. Он сам невольно почувствовал смущение при виде такой красоты.

— О, славный Жоламан-батыр...— начала девушка и вдруг горько, по-детски заплакала.— Дядя, защитите меня от черного коршуна!..

— Джигиты, помогите девушке слезть с коня!— сказал батыр.

Байтабын подошел, по древнему казахскому обычаю положил одну руку на ее талию, другой взялся за левое бедро девушки, поднял с седла и ловко опустил ее на землю. Она быстро обмотала волосы вокруг талии, чтобы не мешали ходить...

С ней произошло то, что часто случалось в ханских аулах. Великой честью считалось для простого туленгута Жантемира, что хан берет его дочь в жены. Все было обговорено заранее, и как раз в ту ночь, когда Байтабын прятался в траве на окраине ханского аула, дальняя тетушка Акбокен привела почтенного жениха в юрту невесты. Древний обычай применил старый хан, по которому невесту тайно передают жениху из рук в руки, получают определенное установленное вознаграждение и удаляются, оставляя их вдвоем на всю ночь. Для соединения бедных влюбленных, чьи роды противятся браку, был придуман когда-то этот обычай. И теперь им решил воспользоваться хан Сергазы, хорошо знавший, что многие хотят помешать его планам.

На тощего, измученного глистами старого пса был похож старик, а лицо его было белым, как у покойника. Понимая, что вряд ли он способен своим видом вызвать любовь девушки, он даже попробовал шутить с ней, оставшись наедине.

— Ох, вся кровь высохла... Нет ли для такого молодца, как я, у тебя здесь где-нибудь глоточка кумысу?

Он сам подсказал ей средство, как избавиться от него. Акбокен быстро вышла и принесла из соседней юрты чашку кумыса. Недавно у нее ныли зубы, и в карманчике платья остались похожие на пуговицы семена кушаля — аконита, которым в малых дозах успокаивают боль. Он еще хорошо помогает уснуть, и девушка высыпала в кумыс все, что у нее было. Не боялась Акбокен даже и того, что навеки может заснуть старый хан. Слишком часто представляла она эту первую ночь с ним...

Одним духом опрокинул в себя огромную чашку кисловатого кумыса взволнованный хан и сразу начал раздеваться. Но медленней вдруг стали двигаться его руки, рот задергался, и его скрутило. Вопреки обязательному для всех других обычаю, никому не позволяет-

ся видеть или слышать, даже издали, что происходит в первую ночь у хана с невестой. Туленгуты, по тайному приказу, заранее отгоняли всех от юрты Жантемира, да и сами отошли подальше, оставив на страже одного тугоухого. Никто не слышал поэтому, как рвало и выворачивало наизнанку хана Сергазы, получившего в первую брачную ночь заслуженное удовольствие. А Акбокен тихо выскользнула наружу...

Двое сопровождавших ее людей, Ашраф и Давлетчи,— беглые башкиры. Они уже с месяц скрывались в подвластных хану Сергазы туленгутских аулах, и все жалели их и помогали им. Неожиданно нагрянувшие с ханом его телохранители схватили чужаков и привязали волосяными арканами к арбе, стоявшей возле юрты Жантемира, чтобы наутро отправить под конвоем в Оренбург. Это было грубейшим нарушением законов степного гостеприимства и древнего права убежища, поэтому молодые казахи еще днем пытались их освободить. Но силы были слишком неравны...

Акбокен попросила сарбаза, охранявшего пленников, помочь внезапно занемогшему хану, а сама тем временем перерезала аркан, которым были по рукам и ногам связаны пленники, и скрылась с ними в ближайшей лощине. Там они нашли пасущихся лошадей и, поймав трех из них, поскакали к югу, где, по расчетам Акбокен, должна была находиться сейчас кочевка табынского рода. Долго еще слышали они за своей спиной шум и сумятицу, словно из растревоженного шмелиного гнезда...

Дочь этой степи, она выбрала правильное направление. На второй день она наткнулась на табынских ертоулов, возвращавшихся из очередного поиска. Все это быстро, сбиваясь, и рассказала она Жоламан-батыру. Она многое видела и слышала в ханском ауле, и батыр расспросил ее подробней...

— Жаль только, что кушаля у меня было мало!— сказала Акбокен, заканчивая свой рассказ.— Уходя, я видела, как он открыл глаза...

Жоламан-батыр с удивлением посмотрел на нее. Столько силы и ненависти было в ней, что хватило бы на целый десяток батыров. Это добрый знак, если женщины начинают так ненавидеть.

— А ты не боялась, что Сергазы начнет мстить твоему отцу?— спросил он.

Она удивленно открыла глаза, и черные угольки загорелись где-то в глубине.

— А он чем виноват?.. Все, что приказывал хан, отец выполнил, Это я не захотела.

Батыр Жоламан тяжело вздохнул... Да, чем они виноваты, ее родители. Но разве не наступило время, когда именно невинный карается в первую очередь? Каждый человек чувствует себя виноватым и дрожит, сидя в своей норе и не высовывая носа. Слишком хорошо знал он наследственную, передающуюся из века в век ханскую политику. Какой джигит в степи пожалеет свою голову ради чести и свободы? Но вот если он точно будет знать, что старого отца его привяжут к хвостам четырех лошадей и разорвут на части, малолетних сестер

продадут в Хиву, а всех двоюродных и даже троюродных родственников перережут, то он семь раз подумает, прежде чем сделать какой-нибудь рискованный шаг. Что ж, батыр понимал определенную мудрость этой политики, но молодые не хотят с ней мириться... Ничего не поделаешь: так устроена жизнь. И в чем мы, например, виноваты, чтобы высылать за нами карательный отряд, загонять в бесплодные горы женщин и детей?

Жоламан-батыр повернулся к коренастым башкирам:

— А вы куда намерены теперь направиться?

— Мы у вас хотим остаться, батыр. Если вы примете нас...— сказал рыжеватый Ашраф, довольно сносно уже владевший казахским языком.

— Нелегкий у нас путь, люди... И, для того чтобы стать сарбазом, нужно уметь по три дня не слезать с коня и поражать из лука все, что увидит глаз за двести шагов...

— Башкиры умеют это. И еще помнят своего Салавата, который с русским Пугачом бил генералов царицы...

Жоламан-батыр, прищурившись, посмотрел на них:

— Об этом я слышал. Но, может быть, вы еще что-нибудь умеете делать? Долгим делом будет то, что мы начали...

— Мы умеем лить пушки, если найдется хорошая руда,— сказал смуглолицый Давлетчи, стоявший до сих пор в стороне, нахмурив густые кустистые брови.— Еще можем свинец плавить, пули изготовлять.

Лицо батыра засветилось радостью.

— Правду говоришь?

— Отцы наши из всадников Салавата. На Демидовские заводы сослали их после восстания. С детства мы там работали. И бежали оттуда.

— Хорошо, пока отправляйтесь за кочевкой, а об остальном поговорим.— Жоламан-батыр повернулся к одному из джигитов:— Проводи их, сынок, к нашей кочевке. Да возьми свежих лошадей, а то их кони пристали.

Потом он посмотрел на Акбокен, которая каждый раз быстро взглядывала на безмолвно стоявшего Байтабына:

— Ты тоже побудь в нашем доме, доченька. Поезжай с ними...

— Хорошо, дядя!— с готовностью согласилась Акбокен.

Пока они собирались, Байтабын неслышно подошел сзади к батыру:

— Коке, можно мне проводить их до каравана? Он еще недалеко ушел.

— Иди, только возвращайся сразу.

Байтабын молча кивнул. Жоламан-батыр проводил его глазами... Коке... Так впервые назвал его племянник...

Жоламан-батыр повел часть оставшегося отряда сарбазов на соседний холм и распределил так, что подступы к нему были защищены со всех сторон. Позади мерцало множество костров — первая

ловушка для нападающих. Когда они с немалым ущербом для себя разгадают ее, их будет ждать вторая, посложней. А там много еще разных неожиданностей уготовано им...

Двести сарбазов расположены на холме, и кони их под рукой. Они укрыты под самой горой, в лощине. А лощина не видна с двадцати шагов. Вешняя бешеная вода прорыла ее в степной глине, но сейчас дно лощины сухое, усыпанное крупной белой галькой, оставшейся под степной толщей от древнего моря. Кусты чия почти совсем закрывают ее, и заканчивается она небольшой котловиной, где скрыто еще двести всадников. Можно провалиться туда вместе с конем, прежде чем заметишь это углубление в ровной степи,— так густо заросло оно тамариском, караганником, желто-серыми тугаями. Множество рукавов и ложбин выходят из нее в разные стороны, и в любую можно направить всадников наперехват.

Да, отряд хана Сергазы должен первым подойти с запада. Об этом уже сообщили ертоулы. Джебраиль и Гнусавый Алексалды в этом отряде, так что они сразу поймут, что костры горят впустую. Чтобы проверить это, они пока решат расположиться на холме. Здесь и встретит их на самом близком расстоянии приготовленная засада. Ни вперед продвинуться, ни оторваться от нее они уже не смогут. А когда обессилят туленгуты и солдаты, быстрее ветра бросятся на них прямо из-под земли двести свежих всадников. Самое лучшее оружие у них, и командовать ими будет Байтабын, несмотря на молодость. Там тоже все молодые, в его отряде, а он — их негласный вожак. Опытный батыр давно уже знал это. Всегда лучше, когда предводитель признан всеми...

На холме будет он сам, батыр Жоламан, а связь между отрядами будут держать, как всегда, два быстрых и ловких юноши — Кайрат и Канат. Двойняшки они, так что трудно даже отличить их друг от друга...

Воины стояли внизу — те, которые должны принять самый первый и жестокий удар. Светлая полоса появилась на востоке, и небо начало сереть. На одно колено опустился батыр Жоламан, обращаясь к людям:

— Соколы мои, пришло время, когда отступать больше нельзя. Сердце табынского рода прикроем мы здесь, на этом холме. А в сердце даже маленькая рана смертельна.— Теперь он разговаривал как будто сам с собой.— Что же, у меня немало богатства, мог бы при желании лежать на боку, и пусть распадается все: страна, племя, род табынцев. И пусть срывают даже курганы, насыпанные предками... Нет, для меня тогда лучше было бы умереть. Потому что знаю я, что каждый из вас с радостью отдаст жизнь за свой род. И в этом сила наша, а ханская слабость. Только вчера приблудный старый пес Сергазы прислуживал хану Хивы, титул свой принял из его рук. А сегодня, как петляющая на свежем снегу лиса, уже ластится к ногам белого царя. О таких и вытирают ноги, когда исполняют они свою собачью службу. А мы пойдем другой дорогой!..

— Пойдем!

Сарбазы трижды потрясли над головами оружием. Батыр поднялся с колена:

— Выстрел из ружья громок, но поражает только одного человека. И ружье это нужно долго перезаряжать. Легки и бесшумны стрелы, но двадцать их можно выпустить за это время. А пушек у них нет...

— Мы не боимся ружейного грохота...

— Мы ждем боя, батыр...

Жоламан-батыр вынул из-за отворота полушубка небольшой белый платок:

— Пусть сарбазы смотрят. Когда поднимется на пике этот платок, пусть все садятся на коней. Но будет это не скоро. Сначала нужно, чтобы раскалились их ружья, отекли руки, кровоточили раны...

— Мы будем терпеливы...

Жоламан-батыр широко развел руками:

— В таком случае — по местам! Ложитесь в единую линию на три шага один от другого. И пусть бог будет с нами и сохранит каждого из нас в этом бою!

— Аминь!..

— Они ведь такие же люди из мяса, жил и костей...

— Уа, белого барана с золотистой головой обещаю в жертву тебе, Алла!.. Белого, тяжелого...

— Мы сделаем так, батыр...

Жоламан-батыр оставил вершину холма, и обычная тишина установилась в степи. Слышно было лишь, как потрескивают костры. А потом, когда заколебался предутренний туман, глухой, быстро нарастающий гул послышался с севера и с запада. Словно невиданной величины камни катили по степи. Но, предупрежденные ертоулами, на холме уже знали обо всем...

Отряды хорунжего Карпова и хана Сергазы не одновременно пришли к месту. Ертоулы Кара-буры с коржуном были уверены, что табынская кочевка находится сейчас перед ними и спит мирным сном. Они настолько не сомневались в этом, что с подробностями доложили, как проползли в аул табынцев и даже пили там кумыс со знакомыми. Поэтому Карпов решил атаковать без всякой подготовки, пока аул спит. Полчаса дали отдохнуть людям и лошадям, а потом развернули и повели конным строем на спящий, по их мнению, аул...

Быстро рассеивался туман, обнажая остывшую за ночь землю. Стая скворцов встряхнулась, взмыла вверх, туда, где уже пламенели облака. Большие тяжелые перепела, продираясь, выпрыгивали из осыпанной росой травы. Звенели певчие птицы, кузнечики стрекотали в ожидании солнца. И только белый кречет и черный орел-стервятник молча парили в посветлевшем небе. Они не обращали внимания на мелкую птичью добычу, словно знали, что ждет их сегодня более достойное лакомство.

— Приготовьте луки, джигиты! — негромко скомандовал Жоламан-батыр.— Только пусть подъедут вплотную...

Отряд Кара-буры с коржуном приближался к ним. На холм в стороне они не смотрели: глаза солдат и туленгутов не отрывались от горевших еще костров. Вот уже вытащил большой офицерский палаш хорунжий Карпов. На гнедом подстриженном коне ехал он, и хищно изогнутая черная фигура его действительно напоминала очертания дикого степного верблюда, когда, весь остервенившись и взъерошив густую шерсть, приближается тот к самке. Особые счеты были у батыра с этим жестоким и беспощадным человеком. Палашом, который он выхватил сейчас, рассек Кара-бура с коржуном в одном из прошлых боев правую руку Жоламан-батыра. Только недавно зажила рана, и теперь пришла пора отомстить.

— Стреляйте во всех, кроме Кара-буры!..

Жоламан, как и другие казахские батыры, не привык стрелять из ружья и рубиться шашками. Несерьезным делом казалось им это. Зачем сходиться в рукопашном бою, если так широка степь для маневра? А уже если сойтись, то какое оружие надежнее батырской палицы? И все же лучшее оружие степного воина — лук. Из горной сучковатой березы был он у Жоламан-батыра, а тетива свита из девяти полос верблюжьей сыромятины. «Березовой смертью» назывался он, а самая длинная стрела с ядом старой гюрзы на конце, которую вынул из колчана Жоламан-батыр, имела название «Пробей гору». Как и две тысячи лет назад в этой степи, левую руку положил батыр на скрещение стрелы с луком, а правой натянул тетиву...

Так близко стояли солдаты, что видны были их ожидающе-напряженные лица. Весело мотали головами успевшие остыть после ночного марша кони, тускло серебрились эфесы шашек. Ехавшие неровным строем ханские туленгуты взяли пики на изготовку. И вдруг, почувствовав что-то, дернулся вперед, взвился на дыбы конь ближайшего к хорунжему солдата. Никто не понял сразу, что произошло, а солдат уже поник в седле, насквозь пробитый черной подрагивающей стрелой. Судьба уберегла Кара-буру на этот раз...

В тот же миг грохнули старинные мультуки, белые молнии стрел заметались в солдатской гуще, закричали люди, заржали и забились раненые лошади. Одному из солдат снесло пулей из мультука полчерепа, но он не выпускал поводьев и уже мертвый носился на обезумевшей лошади, забрызгивая всех кровью.

Как отлетевшие от невидимой стены, бросались в беспорядке в разные стороны туленгуты. Но ошеломленные вначале неожиданной атакой солдаты, потеряв около десятка человек убитыми, по приказу Кара-буры отступили с поражаемого стрелами участка и спешились. Это были дисциплинированные регулярные войска, и сражаться с ними простым степным джигитам было нелегко. Теперь они под прикрытием густых зарослей чия ползли вперед единой цепью, стреляя на ходу. Луки против них уже мало чем могли помочь. Все точнее стреляли солдаты, и все больше сарбазов Жоламана выбывало из строя. Однако они привыкли уже к грохоту ружей и держались стойко, ожидая рукопашной схватки. Среди солдат было

немало задетых стрелами во время внезапного нападения, и теперь, двигаясь вперед, они теряли силы. Раны их вспухали и горели от степных ядов, в которые обмакивались наконечники стрел.

— Ойбай, несчастье!..

Круто обернувшись, Жоламан-батыр увидел свежий отряд солдат и туленгутов, подходивший с севера. Это было войско хана Сергазы. Зоркие глаза батыра сразу увидели среди солдат белоглазого Джебраиля в фуражке с высоким околышем, рыжего коренастого Алексалды. Что же, многое уже сделано. Обманутый враг не пошел по следам слабо защищенной кочевки и вынужден был принять бой. Да и потери у него немалые. Отбить бы теперь у него охоту преследовать дальше табынцев, и цель была бы достигнута...

— По коням!

Белый платок на пике затрепетал над холмом. Это был сигнал Байтабыну, и в тот же миг словно из-под земли вылетели две сотни всадников, прятавшихся в котловине.

— Табын!..

— Тленчи!..

Сарбазы Жоламана взмыли на коней и устремились на врага. Солдатам пришлось отстреливаться в обе стороны. И пока перестраивались под градом стрел и соединялись оба отряда, они снова понесли большие потери. Джигиты Байтабына пронеслись сквозь их строй, но несколько человек по дороге тоже скатились с лошадей. Теперь объединенные отряды повстанцев и карателей стояли друг против друга. Исход боя зависел от преимущества в силе, а оно было у солдат...

Если бы не белоглазый Джебраиль с Алексалды, можно было бы что-нибудь сделать. Но эти двое хорошо знали тактику повстанцев и так распределили солдат с ружьями, что несущаяся на них масса всадников оказывалась под обстрелом с разных сторон. И повстанцы тоже ничего не могли предпринять. Дубины были основным оружием против спешившегося и залегшего противника, а в рассыпном строю не очень-то ими поработаешь. Вот когда неотвратимо несется сплошная лавина, сминая вражеский строй, и только дождь сокрушающих ударов сыплется из него на обе стороны, тогда другое дело. Но как раз строя и не устанавливали опытные казачьи урядники. Несколько раз водил в атаку своих сарбазов батыр Жоламан. Конная лавина проносилась, обстреливалась с боков и в спину, а на земле всякий раз оставалось несколько убитых джигитов. Вслед пролетавшим всадникам тоже не высылалось погони. А на нее-то и рассчитывал Жоламан. Когда бы, увлеченные погоней, рассыпались по сторонам враги, вновь пригодились бы луки...

Все хуже становилось положение. Теперь часть солдат уже села на коней, и Жоламан-батыр изменил тактику. Небольшими конными группами тревожил он с разных сторон карателей, рассеивая их внимание. О бочке с порохом в обозе вспомнил он. Взорвать ее — и враг обречен. Наверно, за тем вон бугром должен находиться обоз...

— Эй, Байтабын, нам нужна та бочка с порохом на телеге!— крикнул он племяннику.— Разузнай, где она...

Чтобы отвлечь внимание противника от Байтабына, Жоламан-батыр снова повел в атаку своих джигитов. Он смял севших на коней солдат Кара-буры с коржуном, но, когда дал уже знак к отступлению, услышал призывный крик:

— Коке!.. Коке...

Оглянувшись, он увидел окруженного врагами Байтабына. Джебраиль с Алексалды разгадали маневр повстанцев и не всех своих солдат бросили навстречу Жоламан-батыру, а часть оставили на пути джигитов устремившегося в их тыл Байтабына. Сам Джебраиль оттеснил прорвавшегося вперед молодого и горячего предводителя атакующих, и теперь добрых два десятка солдат и ханских туленгутов наседали на него со всех сторон, пытаясь сбить с седла.

— Про-о-щайте!..— снова донесся до батыра сдавленный крик.

Жоламан-батыр сам не заметил, как повернул коня:

— Ар-руах!..

Мощный конь его снова врезался в толпу врагов, сбивая и отбрасывая в стороны людей и лошадей. Громовой клич заставил сарбазов на полном ходу повернуть своих коней и устремиться за батыром.

— Аруах!..

— Тленчи!.. Тленчи!..

— Жоламан!..

Не ожидавшие повторной атаки солдаты не успели даже перезарядить ружья. Дрогнули, расступились и туленгуты отряда Сергазы. Низинка была впереди, и Жоламан-батыр потерял на некоторое время из виду отбивавшегося племянника. Когда он вынесся на возвышение, то увидел, как Байтабына уже стаскивают с седла. Вся голова его была залита кровью и руки бессильно болтались по сторонам. Только конь его, гнедой пятилеток, волчком крутился среди солдат, принимая на себя удары. Но в стороне уже кто-то из туленгутов раскручивал аркан...

Ему-то и достался первый удар батыровой дубины. Еще трое или четверо вылетели из седел с проломленными черепами.

— Наддай коню!— дико закричал Жоламан-батыр.— Аруах, Байтабын!..

Гнедой сам, наверно, понял призыв батыра и, взвившись птицей, перелетел через окруживших его врагов. Мгновение — и он мчался уже бок о бок с конем Жоламана, и голова племянника привалилась к дядиному бедру. Не успели солдаты вскинуть наспех заряженные ружья, как всадники снова пропали, будто сквозь землю провалились, в зарослях тамариска...

Если долго бить железом о железо, то даже на нем появятся трещины. Все чаще оглядывал Жоламан-батыр поредевшие ряды с утра не выходивших из боя сарбазов. У многих были тяжелые ранения. Байтабын был хоть неглубоко иссечен, но потерял много крови и часто лишался сознания. Утомились и лошади, с ночи не знавшие отдыха и не получавшие корма. Они уже с утра с трудом носили на себе джигитов и не брали с налета обычные степные рытвины. На-

чинать сейчас новую атаку было равносильно самоубийству. Мысль Жоламан-батыра давно уже склонялась к отступлению. Кочевка приближалась к Мугоджарам, утомленным боем солдатам ее не догнать. И все же он помнил степную мудрость: «Когда воин побежал, ему и баба — батыр!» Не развеется ли по степи дух табынцев, если покажут они сейчас спины солдатам?..

А каратели пока решили сами перейти в наступление... Такое Жоламан-батыр видел лишь как-то в Оренбурге, на плацу. Тремя ровными колоннами выстроились солдаты и, взяв ружья наперевес, медленно, неотвратимо двинулись вперед. Часть ехала на лошадях, но тоже ровным сомкнутым строем. Даже ханских тулengутов удалось урядникам построить в каком-то порядке. Так и шли они: спокойно, торжественно, поражая воображение простодушных степняков. Грозно надвигалась четкая линия отливающих синим светом штыков, поблескивали на солнце взятые к плечу сабли и палаши. Батыру было видно, как напряглись спины джигитов, кое-кто дрогнул, втянул голову в плечи. Но именно сейчас нельзя отступать. Заяц погибает обычно только из-за собственной трусости. Лучше уж умереть с честью на поле боя. Как бы ни были расширены глаза от страха, а бой принять нужно...

Жоламан-батыр был опытный воин и знал, что сила сейчас на стороне хорошо обученных регулярных войск. Кроме того, у них ружья, и немало джигитов уложат они спать вечным сном в их родной степи, прежде чем сойдутся все врукопашную. И все же он приказал своим людям съезжаться для последнего боя. Меньше четырехсот сарбазов оставалось у него на конях, и батыр собирал их в одну лавину. Лишь бы удалось дорваться до рукопашной, а там будет видно...

Все ближе и ближе солдаты. Вон бугорок, от которого можно будет пустить в ход луки. А дальше, там, где редкая полоска чия, они сойдутся вплотную. Но перед этим прогремит солдатский залп. По знаку батыра медленно двинулась вперед единая конная масса. Быстрее и быстрее, навстречу неотвратимой линии стальных штыков. Видны уже черные дула...

И вдруг:

— Каракипчак!.. Дулат!..

Неожиданней зимнего грома прозвучало это. Качнулись и сломались цепи карателей. Могучая лава неизвестной конницы неслась на них из открытой степи. Беспорядочной стрельбой без команды встречали ее солдаты. Ханские тулепгуты начали поспешно поворачивать лошадей.

На несколько корпусов вперед выделились из лавы двое. Один, громадный человек на белоногом коне, был в сверкающих на солнце железных латах. Как игрушкой, вертел он над головой тяжелой кованой палицей...

— Это кипчакский батыр Иман!..— закричал Жоламан-батыр.— И конь его белоногий..

— Да, только он так сидит на коне...

— А за ним кто?..

— Батыр Кудайменде это, из рода баганалы!..

— Откуда они здесь?

А вот и бугорок. Жоламан-батыр привстал в седле, повернул голову к табынцам:

— Ар-руах, табын!..

— Аруах!..

Почти одновременно навалились на растерянных солдат обе лавины. Они побежали, несмотря на брань и удары палашом, которыми пытались остановить их хорунжий и урядники. Только половине удалось добраться до своих лошадей. Не менее сотни солдат и столько же туленгутов осталось на земле. Раненых среди них почти не было. После удара палицей долго не живут...

Так закончился этот бой — один из многих, которые происходили в тот год по всей степи от Каспия до Сибири.

Сарбазы снесли трупы карателей в одно место и похоронили под обрывом, в сыпучем песке. Своих мертвых они уносили на связанных накрест березовых жердях, чтобы похоронить в Мугоджарских горах всем родом. Отцы, братья, мужья и сыновья из ушедшей кочевки были здесь. Свои жизни отдали они за нее...

Батыры собрались на большом холме, сели в круг. Вдали видна была разрозненная колонна поспешно уходящих к северу солдат и туленгутов. Они уходили домой, и погони не послали за ними. Теперь не скоро уже появится здесь новый карательный отряд.

Кипчакский батыр Иман Дулат-улы рассказывал подробности прошлогоднего восстания родов аргын, кипчак, алшын, жагалбайлы и жаппас, кочевавших между Ореком и Улытау. Тогда каратели тоже не имели особого успеха. Но в нынешнем году к берегам Тургая были направлены многочисленные регулярные войска с пушками, и батыру Иману пришлось с верными сарбазами тоже скрыться в Мугоджары. Ертоулы донесли им о намечающемся сражении, и они прибыли как раз вовремя...

— Все чаще вскипает народ и на землях Сарыарки,— сказал Иман-батыр.— Недавно вот поднялись сыновья Азанбая из Баянаула. Они воспротивились строительству укреплений на своих родных землях, но оба попали в руки карателей: сначала Тайжан, а потом Сейтен. Его, Сейтена, взяли уже в Прибалхашье, на дороге к Сырдарье. Со всем аулом откочевал он к сыновьям Касыма-торе...

Смуглый пышноусый батыр Кудайменде не участвовал в разговоре. Он был из тех сильных людей, за которых обычно говорят другие. Проследив за взглядом Жоламан-батыра, Иман-батыр тихо сказал:

— Богатейший бай Ерден из его рода баганалы силой отобрал у него невесту. Боясь неожиданного нападения, он изгнал весь аул батыра из долины реки Кара-Кенгир. Они бежали к Сарысу, и Кудайменде присоединился к нам...

— Ваша помощь сегодня спасла нам жизнь и вырвала победу у карателей!— взволнованно проговорил Жоламан-батыр, и кусти-

стые брови его дрогнули.— Если бы так было всегда! Когда народ становится плечом к плечу, единую скалу никому не пробить. Это и подтвердилось сегодня. Всего трое нас соединилось, а когда бы все степные батыры забыли распри...

Они задумались, и каждый по очереди глубоко вздохнул. Все трое хорошо знали раздирающие степь свары, старые и новые. Вот и сейчас: разве быть когда-нибудь вместе баю Ердену и батыру Кудайменде, хоть и из одного они рода...

— И все же вспомним старую пословицу: «Если корабль на всех один, убегать с него некуда!» — воскликнул Иман-батыр.— Могли ли мы спокойно охотиться в Мугоджарах, когда здесь убивают соседей? И хоть бывают между соседями ссоры, будь проклят тот, кто наведет разбойника на соседский дом!..

С плачем и причитаниями похоронил табынский род своих павших воинов, через неделю справили поминки. Все это время батыры находились вместе. После поминок собрались на большой совет, уже с участием именитых, уважаемых людей и аксакалов из всех примкнувших аулов. В один голос говорили о том, что если каждый род будет восставать в отдельности, то за него вплотную возьмутся каратели, и так всех разобьют по очереди. Пусть не всем родам подходит знамя Аблая, но деваться некуда. Поэтому решено было отправить достойного человека в находящийся сейчас на берегах далекой Сырдарьи аул Касыма-торе, чтобы сообщить о своей поддержке и подчинении. Для этой цели лучше всего подходил батыр Кудайменде, тем более что не имел он ни кола и ни овцы, которую можно было бы привязать к этому колу... Необходимо было также выработать общий план действий на ближайшее время.

Воодушевленный единодушием табынцев, батыр Иман оставлял Мугоджары и возвращался со всеми своими сарбазами в родные места, чтобы готовить к восстанию кипчаков. А табынский род будет зимовать здесь, в верхнем течении Илека. Если же вновь придут царские и ага-султанские войска и одним табынцам будет не под силу с ними справиться, они откочуют тогда к берегам Тургая и Иргиза, в кипчакские пределы. Не может быть в эти тяжелые времена никаких разногласий между братьями...

На этом и разъехались в три разные стороны батыры. Радостно им было вместе, но чем дальше уезжали они друг от друга, тем сумрачней становились их лица. Никто не был до конца уверен, что соберутся когда-нибудь под одним знаменем все казахские племена и роды. Словно пущенные по ветру зерна пшеницы они. Кто может собрать их, есть ли такое средство?..

Вторая душа степняка — его привычка. Умрет он от тоски, если подчинится кому-нибудь. На день-два, на один-два боя еще можно ждать от него какого-то повиновения. А потом затоскует и поедет куда глаза глядят. Благо, степь без края...

И все же хоть какое-то начало было положено.

III

Город Ташкент, сплетенный из тысячи дувалов, выбросивший в белое горячее небо редкие минареты мечетей из красного кирпича, весь затерялся в синих от пыли садах. Так же как обычна нестерпимая влажная жара, для него обычным был и истошный вопль тысяч ишаков, скрип огромных двухколесных арб, настойчивое журчание грязных арыков, сопровождающих его пыльные улицы...

И знаменитый Науан-базар не изменил свой древний облик. Глаза разбегаются от волшебных переливов парчи, бархата, бухарского шелка, которыми полны бесчисленные маленькие лавочки и палатки. За ними прямо на кошмах горы урюка, изюма, хивинских груш, ферганского инжира и яблок, китайских и индийских орехов. А там, где начинаются дыни, уже негде поставить и ногу. Они навалены горами: темно-желтые сырдарьинские гуляби, самаркандские доньеры, каракумские вахрманы. Гром, шум, крик и обязательно снующие во всех рядах продавцы ювелирных изделий. Но чересчур уж ярко сверкают серебряные кольца и золотые браслеты, которые предлагают они не особенно хорошо разбирающимся людям. Под стать им и многочисленные ходжи, дервиши, бродячие монахи — каландары и просто гадатели. Поодиночке и группами сидят они, поджав под себя ноги. Ходжи и муллы, встряхивая четками, гадают на косточках от хурмы, выкрикивают прорицания, поминая каждый раз имя пророка. Зато дервиши и каландары просто впитывают в себя запахи, идущие от многочисленных мангалов, где жарится мясо. Одетые в лохмотья, они согнулись в три погибели, и вид у них жалкий, неприкаянный. А остальных людей на базаре поначалу и не разберешь: кто ишан, а кто дехканин. Все одеты в одинаковые полосатые халаты, головы затянуты белыми чалмами. Не определишь: кто торгует, а кто покупает. Здесь все продается и покупается: начиная от копеечного имущества бедняка и кончая копеечной совестью богача...

В этом городе все идет по навеки заведенному порядку. Столетиями все так же делали ставки на дерущихся окровавленных перепелов лупоглазые богатые бездельники, все так же сидели на тахте у чайханы важные мирзы, покуривая кальян и слушая бесконечные гиджаки. И солнце все то же — яростное, невидимое от пыли, желающее сжечь этот мир.

Лишь в пригородном дворце нового ташкентского кушбеги Бегдербека, назначенного вместо Мамед-Алима, чувствуется какая-то перемена. Нет, все так же поют соловьи в его благоухающих садах, полы в роскошном дворце по-прежнему устланы бесценными хорасанскими коврами, стены обиты светло-желтым, украшенным бухарскими цветами шелком. Белые лебеди плавают бесшумными парами в прудах, и чистое зеркало воды отражает их вместе с кронами нависших по берегам диковинных деревьев из Индии. Все как и было вчера, позавчера, столетие назад...

И только очень опытный глаз заметит что-то не то в походке придворных мюридов, наибов, суфиев. И в разговорах их чувствуется необычное...

Нет, не разговаривают они между собой, а шепчутся, не ходят, а ползают, беззвучно крадучись. Не обычная человеческая тревога на их лицах, а утробный животный страх, которым нельзя поделиться друг с другом. И это самое страшное — непрерывно излучать из глаз радость и успокоение, когда холодные волны страха подкатывают к самому горлу. Без того полные тайн и странных загадок, дворцы кажутся сегодня еще более загадочными, мрачными. Словно невидимые зловещие тучи встали над плоскими крышами и кровавая гроза уже вот-вот разразится...

Чувствовали или нет это Есенгельды и Саржан — сыновья Касыма-торе и внуки хана Аблая? Уже целый месяц в сопровождении батыра Шубыртпалы-Агибая и двадцати джигитов томятся они тут, у кушбеги, в ожидании ответа на свои предложения. Каждый раз откладывается окончательный ответ...

А тревога уже охватила весь город. Сегодня сюда неожиданно прибыл молодой кокандский властитель Мадели-хан, приглашенный кушбеги по совету кокандского наместника — даруги Ляшкара. Он ехал в шатре, установленном на трех белых слонах, в сопровождении многочисленных придворных и стражи. Люди еще спали глубоким сном, когда с юго-западной стороны раздались мощные раскаты карнаев, стук дударов, раздирающие душу звуки зурны и тамбуров. Жители Ташкента испуганно вскакивали с постелей, думая, что на город напали враги. А узнав о приезде кокандского хана, пугались еще больше. Многие, накрепко заперев свои двери, вовсе не выходили на улицу.

Но не успели затихнуть шум и оживление от ханского въезда, как снова послышалась музыка. Через другие ворота в Ташкент въезжала вдова Омар-хана и мачеха Мадели-хана, похожая на золотой ослепительный полумесяц, тридцатилетняя красавица Ханпадшаим. Шестнадцати лет от роду лишилась она своего ханствующего мужа и с тех пор проживала в Ура-Тюбе. Она тоже прибыла по приглашению кушбеги Бегдербека. Въезд ее в город был не менее пышен: тройка белых как снег аргамаков везла крытую карету, а спереди и сзади ее сопровождала ощетинившаяся пиками охрана из подобранных один к одному сарбазов. Люди недоумевали...

Во второй половине восемнадцатого века, при знаменитом шейхе Айтуаре, Ташкент превратился в один из крупнейших городов Средней Азии, быстро догоняя Самарканд, Хиву, Бухару. Здесь расцветали шелкоткацкие, кожевенные, металлообрабатывающие, ювелирные и другие ремесла. Город стал важнейшим торговым центром, через который вся Средняя Азия вела быстро расширяющуюся торговлю с Россией, а также с Кашгарией и Индией. В первую очередь от этой торговли зависело благосостояние Ташкента, и там, где говорила прибыль, все остальное умолкало.

С расцветом города увеличивалось и количество претендентов на него. Основных было трое: Бухара, Хива и возникшее в начале столетия Кокандское ханство. К началу девятнадцатого века Коканд окончательно подчинил себе Ташкент, который с тех пор стал одним из его вилайетов. И все же это было лишь формальное подчинение.

Слишком большим и богатым был город, и кокандские властители во многом зависели от него. Многие земли подчинялись непосредственно ташкентскому кушбеги, и среди них исконно казахские территории по берегам рек Чу и Сарысу, а также по нижнему течению Сырдарьи. Имеющиеся там казахские города Ак-Мечеть, Жана-Курган, Жулек, Камыс-Курган, Чим-Курган и Кос-Курган были обнесены крепостными стенами. Ташкентский кушбеги должен был лишь платить кокандскому хану налог в размере двухсот тысяч таньга в год.

Многоплеменным был этот город. И часто менявшиеся ташкентские кушбеги тоже были из разных племен: таджик Мамед-Алим, узбек Ляшкар, конрадец Бегдербек, кипчак Нурмухамед. Но всех их объединяла неуемная жадность и лютая жестокость. Хоть трудно было перещеголять предшественников в этих качествах, нынешний кушбеги Бегдербек, пожалуй, сумел это сделать. Особенно жестоким притеснениям подвергались с его стороны казахи, с которых налоги сдирались в многократном размере. Первым помощником в этом ему был хаким — староста Ак-Мечети Якуб-бек. Жестокие расправы его с непокорными казахскими аулами по Сырдарье наводили ужас, и бежавшие туда от царских карателей люди попадали из маленького костра в большой пожар.

Почему же пригласил кушбеги к себе в гости самого Мадели-хана и его мачеху — высокопоставленную вдову Ханпадшаим — как раз тогда, когда в Ташкенте находились наследники Касыма-торе, казахские султаны Есенгельды и Саржан? Об этом пока никто не знал, а кушбеги умеет хранить свои тайны. Вот только еще более зловещим, чем всегда, выглядит рабат властителя...

Казалось, сегодня пришел конец ожиданию... Хотя с тех пор, как приехали султаны, прошел добрый месяц, кушбеги не принимал их под самыми различными предлогами. То предстояла большая охота, то необходимо было вести судебное разбирательство, то хворь нападала на него. Не желая терпеть больше эти оскорбления, внуки Аблая решили было махнуть на все рукой и уехать, но тут поняли, что так просто им отсюда не выбраться. Всевидящие глаза и всеслышащие уши не оставляли их ни на миг. Они вволю ели, пили, развлекались как могли, но нетрудно уже было догадаться, что они в плену. Сначала это вызвало у них только удивление. Ведь у них с кушбеги общие интересы, и сам Бегдербек не раз клялся им в вечной дружбе. Неужели не понимает он создавшегося сейчас в степи положения? Но почему тогда их столько времени держат в неведении? И что означает такой недостойный султанов прием?..

Встревоженные и раздраженные всем этим, они не могли ничего понять до последних дней, пока не разузнали кое-что у одного из придворных советников — везиров. Оказалось, что кушбеги ожидает приезда самого хана Коканда, чтобы все решить до конца. Что же, это была серьезная причина, и с ней приходилось считаться.

Сегодня прибыл наконец долгожданный Мадели-хан. Но он был

молод и не привык далеко выезжать за пределы Коканда. Поэтому он лег отдохнуть в самых роскошных комнатах диван-сарая, кушбеги, и придворным запрещено было даже глубоко дышать. А вечером он должен говорить с кушбеги по всем государственным делам. Во дворце стояла такая тишина, что слышалось жужжание пролетевшей мухи. Большую опасность таит такая тишина...

Лишь один кушбеги Бегдербек бодрствовал в своем приемном зале. Все, с чем приехали степные султаны, нужно знать ему, прежде чем говорить с ханом. И хоть решение в отношении их созрело у него еще раньше, чем пригласил он Есенгельды с Саржаном к себе в Ташкент, кушбеги должен обходиться с ними как с равноправными властителями. Ни о чем не должны они догадываться, пока не придет определенная им минута.

Кушбеги Бегдербек мягко, доверительно улыбался, говорил приятные, возвышающие их слова. Он полулежал на мягкой тахте, накрытой алым, с длинными шелковыми ворсинками бухарским ковром, подстелив под себя сложенное вшестеро стеганое шелковое одеяло и облокотившись сразу на две подушки, наполненные легким лебяжьим пухом. На праздничной скатерти с яркой шелковой бахромой стояли перед ним всевозможные яства, дорогие напитки, шербет. Каждый раз он с достоинством и уважением наклонялся вперед, молча предлагая лучшее из угощений.

Бегдербек был человеком лет шестидесяти, высокого роста, с продолговатым, неестественно светлым лицом. На этом лице выделялись черные, сросшиеся в одну широкую линию брови и — без единой кровинки — тонкие бледные губы. Какой-то бело-серой была его борода, а пристально глядящие на собеседника зоркие светлые глаза поражали устрашающей, нечеловеческой холодностью. Это была холодность приготовившейся к броску кобры. Могло улыбаться его лицо, приветливо растягиваться рот, но глаза оставались ледяными. Ни одной морщинки не было на этом лице, несмотря на возраст, и держался он ровно, словно проглотил стрелу.

Только полосатый халат из самаркандского атласа да окаймленная мелким белым кораллом чернобархатная тюбетейка были на кушбеги узбекскими. Остальная одежда была из самых дорогих китайских и индийских шелков. Из-под снежно-белой исфаганской рубахи под халатом виднелась такая же белая грудь с сероватыми завитками волос. И еще время от времени показывались из необъятных рукавов тонкие белые руки, обросшие жестким волосом. Сжимались и разжимались длинные белые пальцы, готовые стиснуть очередную жертву, и запекшуюся каплю человеческой крови напоминал темно-алый топаз на массивном перстне из красного золота. Белокурый, кареглазый упитанный патша-бала, мальчик лет одиннадцати, сидел у его полуоткрытых ног и массировал волосатые икры. Тоже во все шелковое был одет этот мальчик, содержавшийся для не совсем безгрешных прихотей кушбеги.

А напротив Бегдербека сидели за дастарханом, поджав под себя ноги и впившись в кушбеги взглядами, Есенгельды и Саржан, сыно-

вья Касыма-торе, внуки хана Аблая из древнего рода Джучи — Чингисханова сына...

Есенгельды был тучным, коренастым человеком с темными миндалевидными глазами и красиво подкрученными кверху усами. А Саржан, статный, рыжеватый, подтянутый, как скакун перед состязаниями, не имел ни единой капли жира в теле. И хоть обоим было лет по пятидесяти, чувствовалось, что этот энергичный, со жгучими, сверлящими собеседника глазами человек опаснее своего брата.

Оба султана были одеты почти одинаково. На головах плотно сидели красивые сарыаркинские шапки с четырехгранным верхом из голубого бархата, отороченные по краям красным лисьим мехом. Фигуры их обтягивали белые домотканые кафтаны из тонкой верблюжьей шерсти с чернобархатными воротниками. Ноги были обуты в мягкие плотные ичиги из шкуры жеребенка, а спускающиеся на них манжеты синих бархатных штанов украшены старинным казахским орнаментом. Перепоясаны они были широкими ремнями с серебряной оковкой и большой золотой бляхой впереди.

Только вооружение было разное у них. У пояса Саржана висел старый и тяжелый булатный меч длиною в положенные восемь вершков от рукоятки. Рукоятка его была из желтоватого рога, а серебряные ножны прихвачены медными кольцами. У пояса же Есенгельды торчал лишь маленький нож с посеребренной ручкой и вместительная, изготовленная из архарьего рога шакша — для хранения нюхательного табака...

Наметанный глаз кушбеги видит все: словно наизнанку вывернуты перед ним братья-султаны. В глазах у обоих непотухающие огни: сомнение, недоверие, ожидание. Люди ведь просто шашки для игры. Прошло уже немало времени, как присели они к дастархану, но оба еще не притронулись к еде. И это потому, что стесняются...

— Берите, угощайтесь!— Кушбеги пытается улыбнуться и указывает на стоящую перед султанами хрустальную вазу — тургауш — с розовым виноградом:— Узбекский изюм — шах среди земных радостей. Недаром говорят, что, не отведав его, умирать тяжелее...

— Мы благодарны вам...

Они почти не шевелят губами, братья.

Тонко улыбнулся кушбеги Бегдербек, доверчиво, как между своими, наклонился к ним:

— Вы, видимо, слышали известную шутку. Как казах приехал в гости к узбеку...

— Н-нет.

На этот раз ответил старший, Есенгельды.

— Я вам расскажу, раз вы не слышали. Подружились как-то казах с узбеком...— Что-то вспыхнуло на миг в холодных глазах кушбеги и пропало.— Сначала узбек был в гостях у казаха. Ради него закололи барана, напоили гостя лучшим кумысом, как принято в степи. И узбек, сразу научившись есть мясо по казахскому обычаю, очень хвалил степные нравы. А потом казах пошел в гости к своему городскому другу, и тот выставил перед ним в знак особого уважения большую чашу с изюмом. Не имевший до тех пор дела с фруктами

степняк зачерпывает изюм горстями и отправляет в рот. Что для него, привыкшего к мясу, какой-то сладенький виноград? Видя, что показалось дно у чаши, скуповатый горожанин начинает тихо бормотать:

Это изюм, мой гость дорогой,
Едят по изюминке по одной.

На что казах, не отрываясь от чаши, громко отвечает:

Но ты ведь знаешь, какой у нас гость —
Глотает не меньше чем полную горсть.

Саржан и Есенгельды повеселели. Известный анекдот мог рассказываться по-разному: с несколько обидным оттенком для степняка-казаха или для горожанина-узбека. Кушбеги склонился в сторону казаха...

Единая полоса бровей у кушбеги сделалась еще более ровной.

— Однако, как говорят, пустой разговор не помеха серьезному делу. И теленок лучше высасывает молоко из вымени под прибаутки...— Он стер улыбку с лица, и губы его сделались жесткими, как проволока.— Нам пора приступить к переговорам... Вероятно, вы узнали о причине, по которой мы не сумели принять вас сразу, как только вы приехали. Да, если вам кто-нибудь сказал об этом, он не ошибся. Мы ждали величайшего из великих. Сегодня, наконец, они утолили нашу нестерпимую жажду. Сейчас они отдыхают и набираются сил, чтобы явиться перед нами в полном свете своей мудрости. Вечером они соизволят выслушать меня, их преданнейшего раба. Но прежде чем предстать перед величайшим из великих, мне хотелось бы услышать ваши желания...

— Наши просьбы обращены не к Мадели-хану,— вежливо заметил Есенгельды.— К вам мы приехали...

— Да, ваши просьбы обращены ко мне, а мои уста приникают к пыли на сапогах хана Коканда. Как же нам тогда поступить?— Кушбеги показал полоску зубов.— Что же делать нам, если сам аллах сотворил мир как домбру, лады которой навечно связаны друг с другом? Кто знает, что скажет величайший из великих!..

Глаза Саржана вспыхнули.

— Это наподобие того, как у нас говорят: «В ларе ларчик, в ларчике шкатулка, а в шкатулке — дулька!»

— Да, наподобие этого, но разве ключ от шкатулки не у хана Коканда?— Ни одна жилка не дрогнула в лице кушбеги Бегдербека.— Откуда нам знать, что изволят положить они туда? Чем переливать из пустой чашки в порожнюю миску, не лучше ли прямо сказать, чего вы добиваетесь...

— От кого?— спросил Саржан.

— От Мадели-хана и от меня.

— Нет, мы обращаемся только к вам, уважаемый кушбеги!— воскликнул Саржан, отказываясь от предложенной игры.— В тот год мы поняли, что не очень-то хочется людям проливать кровь вдали

от своего дома. Поэтому мы не просим уже у вас ваших сарбазов. Только разрешите нам набрать необходимое войско среди подчиненных вам сейчас казахов. На берегах Сырдарьи, у гор Каратау, по рекам Сайрам и Чу с древних времен проживают наши роды кипчак, конрад, тымыр, сыбан, жаныс. Не препятствуйте нам собирать джигитов на правое дело!..

Холодно смотрел на возбужденного Саржана кушбеги, и брови его оставались неподвижны... Вот чего хотят эти приехавшие сюда из своей беспокойной степи султаны. Ничего нового не сказали они ему. Вот только напомнили о предыдущем кушбеги Мамед-Алиме, который в год лошади бежал из Кургана при одном приближении войск белого царя. Значит, ожесточены они...

— Против кого же намерены вы собирать эту силу?..

— Против белого царя...— Саржан впился взглядом в Бегдербека.— Кто же еще враг у нас, уважаемый кушбеги?

Кушбеги Бегдербек не отвечал... Да, сейчас он так и думает, этот горячий степняк. Но как заговорит он и что подумают казахи, когда соберут такую армию!.. Кушбеги совсем неплохо осведомлен о делах Российской империи. Там, на северных рубежах степи, создаются округа, строятся укрепления. Рано или поздно степь покорится, и тогда уже вплотную примется белый царь за их шкуру. А пока, по кокандским понятиям, одно потворство этим разбойникам делает белый царь. В Среднем жузе даже сбор налога с поголовья скота по указу 1822 года отложен на неопределенное время. Потом это, конечно, возместят сторицей. Не так уж глупа царская политика...

А ему ли не знать, как обращаются с людьми в Хиве в Коканде, особенно на казахских землях. Сколько труда пришлось приложить одним лишь палачам, пока были получены необходимые ему восемьдесят тысяч серебром по Чимкентскому вилайету! И еще харадж!.. Пятнадцать — двадцать тахипов земли, в зависимости от ее ценности, составляют один кош. И с этого коша взимается в среднем по 55 пудов пшеницы. В пересчете на скот это означает ежегодно по шесть овец со двора, и получается как раз вшестеро больше, чем было завещано брать с правоверных пророком. Деньги нужны ему и Коканду, поэтому на что только не установлены налоги: на пользование сеном, пользование саксаулом, пользование дорогами, пользование базарами... Сотни их, и еще обязанность ремонтировать и возводить стены крепостей, охранять поля и сады кокандских беков от воровства и потравы, а если начинается война, то каждый казах должен явиться со своим конем и оружием...

Что же, все это так. И дай им возможность собраться в большое войско, то, прежде чем добраться до крепостей белого царя, казахи в одно лето растопчут Кокандское ханство.

Они молчали, ташкентский кушбеги Бегдербек и казахские султаны Саржан и Есенгельды. Кушбеги вспомнилась песня, которую он слышал как-то на базаре в одном из пограничных городков. Старый степной акын пел ее, а было это обращение казахского певца Жанкиси-жырау к кокандскому хану Алиму:

Ступка есть — зерно гони,
Пусто — все равно гони,
В знак соседства — дочь гони,
В жены иль на ночь гони...
Коль найман ты из Арки,
Смейся, плачь, но спину гни!

Кушбеги посмотрел на Саржана и понял, что тот знает эту песню, и, конечно, он использует настроения своих казахов, если почувствует силу. С его братом, другим султаном, еще можно было бы рискнуть. Но с этим, который носит такой длинный меч у пояса, можно ошибиться...

Саржан действительно знал эту песню. И конечно же дай только собрать им войско, они бы иначе говорили с этими кокандцами. Но сейчас нужно молчать и терпеть, потому что нет у них союзников против белого царя, кроме Коканда... Впрочем, что это за союзник, они уже не раз убеждались. Поэтому и решили надеяться на собственные силы. Но без кушбеги все равно не обойтись...

Вопросом на вопрос ответил Саржан:

— Может быть, вас почему-то не устраивает наша война с белым царем?

— Напрасно сказаны эти слова.— Кушбеги даже качнул головой.— Я сочту себя самым счастливым человеком на свете, когда омочу свою седую бороду в их крови. Не это сейчас беспокоит меня и... величайшего из великих.

— А что же беспокоит вас?

Кушбеги Бегдербек с сочувственной улыбкой посмотрел на Саржана. От него, собственно, уже можно было не таиться.

— У казахов, если я правильно запомнил, есть такая поговорка: «Мною выкормленный щенок меня и кусает».

Лицо Саржана потемнело от гнева.

— Следует раньше выяснить, не один ли щенок другого выкармливал.

Кушбеги отмерил еще большую дозу улыбки:

— А разве не придерживаются у вас правил, что сидящий за чужим дастарханом не должен чересчур далеко вытягивать свои ноги?

— Вы правы, уважаемый кушбеги: разве ноги иных гостей не растянулись за чужим дастарханом до самой Ак-Мечети!— вспылил Саржан.— Эх, сил пока маловато. А то некий обнаглевший гость не стал бы укорять своего попавшего в беду родственника, что тот пытается сесть поудобней за собственным дастарханом...

— Вот видите, дорогой брат, для чего вам понадобилось собирать войско!..

Только теперь понял Саржан, что наступил сгоряча на тлеющий уголек. Но слово как пущенная из лука стрела: попробуй вернуть ее обратно. Он даже побледнел от волнения. Но кушбеги смотрел на него ласково, с пониманием.

В разговор вмешался Есенгельды:

— Уважаемый кушбеги!.. Если долго ковырять землю, получается яма, а если долго ковырять царапину, образуется язва. Зачем тре-

вожите вы раны в наших сердцах, когда и без того лишены мы родины и вынуждены скитаться по родным краям? Поскольку уж сели мы с вами в одну лодку, следует довести ее до какого-нибудь берега. Как говорится: пришел просить айран, не надо прятать кувшин за спиной. Мы открыто выложили здесь все свои помыслы. И хорошо понимаем, что трудно просить братьев узбеков, чтобы они охраняли наши земли где-то в Сарыарке. Тем более неуместно затевать разговор, чтобы они силой вернули наши земли, захваченные белым царем. Разве не услышит бог, хоть мы и говорим шепотом? Знаем мы, что не хватит сил у Коканда, чтобы одолеть русских. Поэтому и просим мы лишь разрешения...

Кушбеги сочувственно кивнул:

— Мирза Саржан говорил уже об этом.

— Вспомните, уважаемый кушбеги: когда отбирают скот — страдает желудок, когда отбирают родную землю — страдает душа... И еще вспомните раненого барса. Мало ли что может сделать он в отчаянии...

— Да, это очень опасное животное — раненый барс,— серьезно подтвердил кушбеги.— Опытные охотники знают это... Ну хорошо, предположим, что мы дадим вам разрешение объединить казахов, населяющих Каратау, берега Чу,и Сырдарьи. Что вы сможете сделать с этими силами? Их же не хватит для серьезной войны.

— Разве только по Сырдарье или Чу живут казахи? Если мы объединим хотя бы этих, то обратимся затем к хивинскому хану. В пределах Хивы нас не меньше. Все устье Сырдарьи, побережье Арала, Устюрт, Мангышлак — это все наши земли. Только они являются преградой на пути белого царя к Хиве. Ведь не всегда будет удаваться хану Хивы то, что он сделал с русскими солдатами Бековича-Черкасского сто лет назад...

Кушбеги сидел неподвижно. Не так уж простодушен оказался этот степной султан с кинжалом у пояса. Хивинские дела были известны кушбеги Бегдербеку не хуже своих...

В огромное государство превратилось Хивинское ханство в начале XIX века при хане Мухаммед-Рахиме. Обширную территорию занимало оно — от Аральского моря до Ирана. Воспользовавшись, как всегда, междоусобицей среди казахских родовых и племенных вождей, Мухаммед-Рахим и его отец хан Елтезер присоединили к этим владениям добрую половину земель Младшего жуза. Участь попавших под хивинскую пяту казахов была еще страшнее, чем у соотечественников в Коканде. При малейшем неповиновении чужеземцы истребляли целые аулы, уводя оставшихся людей и продавая их на невольничьих рынках Герата и Кабула. Только в 1820 году, в год дракона, янычары хивинского хана стерли с лица земли десятки аулов, вырезав там всех мужчин и уведя тысячу самых красивых женщин и девушек. Только по имеющимся сведениям, грабители угнали семь тысяч чистопородных лошадей, пятнадцать тысяч верблюдов и шестьдесят пять тысяч каракулевых овец. Не раз поднимались аулы Младшего жуза против жестоких поработителей, но, каждый раз преда-

ваемые дерущимися за власть беками и султанами, захлебывались в собственной крови.

В 1825 году хивинским ханом стал Аллакул — старший сын Мухаммед-Рахима. Тогда же главный предводитель табынского рода султан Сергазы Айшуак-улы отдал ему в жены свою единственную дочь и принял из его рук титул хана Младшего жуза. Царское правительство к этому времени уже не без аппетита посматривало в сторону Хивы. Почуяв нависшую опасность, хан Аллакул стремился натравливать воинственные казахские роды Устюрта, Мангышлака и Приаралья на русских, чтобы использовать их в качестве щита. Вовсю раздувалась идея священной войны...

Кушбеги сразу понял, что именно об этом говорит Есенгельды, рассчитывая на помощь хана Хивы. Он знал все и просто забавлялся, слушая возбужденных и нерасчетливых степняков.

— Хорошо, допустим, что ханы Хивы и Коканда разрешат вам объединить Большой и Младший жузы, разрешат собрать войско...— Кушбеги говорил спокойно, будто обтачивал каждое слово.— Разве это составит серьезную военную силу? Среди казахов всех по численности превосходит Средний жуз. По нашим подсчетам, в округах Кара-Откеля, Семипалатинска, Тургая и до самого Жаика проживает миллион восемьсот пятьдесят тысяч человек. Вместе с находящимися под его влиянием некоторыми соседними родами это и есть Средний жуз. Можно ли обойтись без него?

— Если Большой и Младший жузы соединятся, то и Средний жуз не останется в стороне!— Есенгельды говорил сейчас так же горячо, как и Саржан.— Разве не там поднял когда-то знамя единения наш предок Аблай? Они ждут нашего сигнала!..

Кушбеги многозначительно улыбнулся. Да, он, как всегда, не ошибся в расчетах и предположениях. Опять слишком далеко залетели в своих грезах некоторые степные вожди. Разумеется, дай им возможность объединиться, и пыль пойдет в первую очередь от ташкентских дувалов. Да и Хиве с Кокандом придется туго. А Россия... Что же, она далеко. Приятно было бы, конечно, подкатить ей такой орешек под ноги, но больно горяч он, чтобы взять в руки. Да и тучных овец пока еще в казахской степи достаточно. Надолго хватит стричь и белому царю и нам.

— А как на это посмотрит великий хан Сергазы?— Кушбеги произнес это озабоченно, с наслаждением наблюдая, как покоробило от его слов обоих султанов.— Ведь недаром дал ему этот высокий титул властитель Хивы. Не скажет ли ваш хан Сергазы, что собственный теленок лучше общего быка? И не предпочтет ли он всеобщему объединению под вашим знаменем собственно-личную власть над Младшим жузом? Разве захочет даже хивинский хан Аллакул перечить своему гостю? К тому же говорят, что он очень любит свою молодую жену. Иногда ведь безделушка с перстень величиной ценится любителем больше иной золотоносной долины...

— Какой Сергазы хан!— вспылил, не выдержав, Саржан.— И сколько бы званий ни присваивал ему Аллакул, не управлять ему и Младшим жузом. Только роды табын и шекты по закону подчиня-

ются ему, да и то приходится для этого звать на помощь белого царя. Большинство табынского рода примкнуло сейчас к батыру Жоламану!..

Кушбеги согласно кивнул... Так он и думал. Назвавшись казахами, неужели допустили бы они, чтобы хоть какой-нибудь род целиком объединился под властью одного хана? А Жоламан, наверно, такой же, как и эти султаны. Надо запомнить... Кажется, пора заканчивать разговор. Напоследок можно и повеселиться.

— Как вы думаете... Видимо, сказочными достоинствами обладает дочь Сергазы, если смогла вознести своего отца на такую высоту!— Кушбеги закрыл глаза, словно что-то ослепило его.— Тут одно из двух: у нее золотая голова или серебряная...

Оба потупились — и Есенгельды и Саржан.

— ...Стало быть, казахские султаны нашли наконец щель к ханскому трону. Быть может, и у Касыма-торе имеется красивая...

Саржан сам не заметил, как метнулась его рука к кинжалу под халатом, но брат с такой же быстротой удержал ее. Не пошевелился кушбеги, но все же предательская бледность еще сильнее омертвила его лицо. И глаз он больше не закрывал. А фразу, которую начал, закончил по-другому:

— ...дочь, но, насколько я знаю, не в правилах подлинных султанов оплачивать ханский титул таким образом. И нелюбовь его к Сергазы понятна...

Кушбеги прямо смотрел в лица султанов... Да, он забыл, с кем имеет дело. У степняков руки опережают разум. И это хорошо, но не тогда, когда находишься с ними в одной комнате и не предупреждаешь заранее охрану. Нужно еще раз улыбнуться...

— Как бы мы стали управлять государством, если бы не могли понимать горечь обиженных!— Кушбеги говорил теперь серьезно, проникновенно, с подкупающей искренностью глядя им в глаза.— Султан Саржан, я хорошо понимаю ваше горе и поэтому не принимаю во внимание ваши некоторые опрометчивые слова. Разве не единоверцы мы с вами? Разве мы не тюрки? Даже когда мой предшественник кушбеги Мамед-Алим отозвал своих сарбазов из Кургана, то, верьте мне, он сделал это потому, что не смог совершить невозможного. Для чего же вел он туда шеститысячное войско, если не для того, чтобы помочь казахам? Мы всегда с вами, а просьбу вашу я поддержу сегодня на приеме у великого хана Коканда...

— Если эти дела неразрешимы без вмешательства самого хана, то, вероятно, нам следует увидеться с ним,— осторожно заметил Есенгельды.— Разумеется, с вашего согласия...

Кушбеги Бегдербек с готовностью поддержал их желание:

— Это очень удачная мысль. Я беру на себя хлопоты о вашей встрече с величайшим из великих, моим покровителем. Однако они завтра поутру отбывают обратно в Коканд, поэтому нам необходимо все уладить сегодня. Это может произойти и поздно вечером. Ваши джигиты пусть отдыхают, а вы приготовьтесь как следует и ждите моего приглашения...

Диван-сарай ташкентского кушбеги был расположен на значи-

тельном отдалении от самого дворца, где размещались гости. Огромный фруктовый сад, цветники, фонтаны и беседки разделяли их. Когда Есенгельды с Саржаном простились с кушбеги и, миновав многочисленную охрану, шли через сад, то встретили ожидавших их Шубыртпалы-Агибая и Ержана, девятнадцатилетнего сына Саржана. Белокурый, стройный, с красивым продолговатым лицом, Ержан был похож на отца. Он был лишь пониже ростом и одет по обычаям салов — веселых сарыаркинских трубадуров. Так зачастую одевали своих детей богатые казахи: соболья шапка, украшенный позументами бархатный кафтан с широкими рукавами, замшевые штаны и отороченные серебром цветные сапоги на высоких каблуках. Вместо обычного пояса стан его был перетянут красным шелковым кушаком...

Человеком, о котором ходили легенды от Сырдарьи до Иртыша, был батыр Агибай из рода шубыртпалы. Тридцать четыре года — столько, сколько младшему сыну Касыма-торе — удалому Кенесары, исполнилось батыру, и он считался первым другом своего сверстника, хоть и происходил из неимущей семьи. Не случайно именно ему поручено было сопровождать обоих султанов с таким ответственным поручением. Необыкновенным ростом и богатырским сложением отличался батыр Агибай. Одним своим видом внушал он страх. Руки у него были мощные и длинные, напоминавшие железные ветви столетней горной арчи, и казалось, что одним щелчком отправит он на тот свет любого человека. Даже то, что на лице его не росло бороды и только десяток жестких рыжих волосинок торчал под подбородком, делало вид его еще более грозным. Общее впечатление дополняли маленькие, глубоко посаженные глаза, которые прожигали насквозь каждого, на кого он смотрел.

Одет батыр Шубыртпалы-Агибай был в просторный домотканый кафтан из грубой черной шерсти, на голове такой же капюшон, а штаны из темной жеребячьей шкуры. Особенно поражали чудовищного размера яловые сапоги с расширяющимися кверху голенищами. Маленькими, почти игрушечными казались болтающиеся где-то у пояса кривой ятаган и черный кинжал из вороненой стали. Только постоянно висящий за плечами громадный кованый щит представлялся настоящим.

А вообще самым излюбленным оружием батыра было толстое березовое копье, стянутое девятью медными обручами и прикреплявшееся к поясу сыромятным плетеным ремнем. Он так любил это копье, что никогда не расставался с ним, носил его в руке, а ночью подкладывал под голову. Полумесяц был его родовым знаком, и когда с кличем «Жолдыбай!» несся он на своем боевом коне Акылаке («Белый козленок»), то издали казалось, что сидит на низкорослом ишаке горожанин-узбек, который подгибает ноги, чтобы они не волочились по земле. Любого батыра бросало в дрожь при виде этого великана. Рассказывали, что у столкнувшегося с ним однажды в сумерках человека случился разрыв сердца, а кто встречался с ним хоть раз на поле боя и сумел убежать от него, до самой смерти мучился от ночных кошмаров...

Таким же до конца своих дней был и знаменитый Олжабай-батыр из Каркаралы, отец Агибая, который прожил жизнь, имея в самые хорошие времена лишь одну верблюдицу с верблюжонком да боевого коня. Он оставил этот мир, когда все дети его еще были малолетними. Но Даметкен — мать Агибая — была из рода есильских таракты. Батырское сердце имела она, неуемную силу и гордый, непримиримый характер. Четверо было у нее сыновей: Агибай, Минабай, Танабай и Мынбай. Самому старшему, Агибаю, исполнилось тринадцать, и ничего у них не было, кроме этой четырежды повторенной приставки «бай». Тогда, чтобы спасти детей от голодной смерти, Даметкен взялась за древнее ремесло: стала совершать набеги на состоятельных соседей и угонять скот. Постепенно целый отряд таких же обездоленных женщин собрался вокруг нее, и мяса на зиму у них хватало...

Птенец в первом же полете возьмет то, что видел в гнезде. Агибай, воспитанный матерью, сразу же прославился как бесстрашный батыр. С восемнадцати лет примкнул он к сыновьям Касыматоре, и с тех пор не проходило ни одного сражения, в котором он не участвовал бы с ними плечом к плечу. В опытного, закаленного как сталь и умудренного в бранных делах воина превратился он за эти годы.

На громадный утес среди моря цветов был похож стоящий в дворцовом саду батыр. Лишь по пристальному взгляду, брошенному им на подходивших к нему султанов, стало понятным, насколько он взволнован. Но он ни о чем не спрашивал, и только юный Ержан не сдержался:

— Вам, коке, удалось поговорить с ним?..

— Поговорили, сынок,— ответил на ходу его дядя Есенгельды.— Теперь будем ждать разговора с Мадели-ханом...

Ержан понял, что больше ни о чем спрашивать нельзя. И батыр Шубыртпалы-Агибай понял, что если предстоит беседа с самим ханом, то, значит, с кушбеги не удалось прийти к какому-нибудь соглашению.

Придя во дворец, братья-султаны уединились в своих покоях и принялись вспоминать и обсуждать весь разговор с кушбеги с самого начала. Несмотря на то что кушбеги Бегдербек был так вежлив и предупредителен, они чувствовали что-то не то в его поведении. Решили сразу же по окончании переговоров с ханом Коканда возвращаться к своим. Сам воздух здесь был пропитан изменой.

Чтобы тревога не передалась находящимся с ними туленгутам, султаны никому ничего не сказали о своих подозрениях. Лишь, оставшись наедине, предупредили батыра Агибая, чтобы он не выпускал из вида Ержана все время, когда они будут у Мадели-хана.

— Да повнимательней следи за конями, чтобы ненароком не перегнали в другое место!— хмуро добавил Саржан.

Их лошади содержались в конюшне караван-сарая по соседству, а седла хранились в одной из передних комнат дворца.

За лошадьми присматривали конюхи-узбеки, туленгуты с Агибаем только изредка проверяли их...

— Хорошо!— коротко бросил батыр и направился к выходу. Он догадывался, что происходит что-то неладное, что его дело было вступить в прямую борьбу, когда уже надо браться за оружие.

Солнце клонилось к закату. Чтобы убить время, а заодно успокоиться, Есенгельды достал из кармана и принялся перебирать свои четки. А Саржан достал из валявшейся поодаль переметной сумы кремень и, словно перед боем, взялся точить свой и без того острый кинжал...

После ухода султанов кушбеги сидел некоторое время в глубоком раздумье. Он все еще переживал тот момент, когда Саржан схватился за свой кинжал. У самого горла почувствовал он его тогда. Кровожадные люди всегда трусливы...

А в этом богатом кровавыми событиями городе не было человека более кровожадного. Благодаря этому высокому качеству, столь ценимому в государствах типа Кокандского ханства, он и выдвинулся так быстро. Особенно помогли ему казахи, которых он дочиста ограбил вместе с знаменитым палачом Якуб-беком — правителем Ак-Мечети. В народном творчестве сырдарьинских, созакских и чуйских казахов на века сохранились их имена!

Из-за своей звериной жестокости и понравился он молодому изнеженному правителю Коканда. Но этого ему уже было мало. Как раз снова стала входить в силу древняя Бухара, и эмир ее начал посматривать в сторону Ташкента. Коканд раздирали всевозможные усобицы и противоречия, а кушбеги Бегдербек по природе своей каждую прожитую минуту готов был к предательству. К тому же и женат он был на бухарке...

Кушбеги знал пропасть, куда, в угоду бухарскому эмиру, легко мог упасть молодой Мадели-хан... Ханпадшаим, мачеха его! Солнцем и луной одновременно недаром называли ее поэты. На земле не было мужчины, а на небе ангела, который бы не шагнул в сторону с праведного пути, лишь один раз увидев ее. Сразу вспоминалась Ева, совратившая Адама. А потом забывалась, потому что ничего не оставалось на свете, кроме огромных, вечно смеющихся черных глаз и необъяснимо грациозных движений этой волшебницы...

Самое важное, что она — мачеха слабовольного, развращенного с детства хана Коканда. Когда они почувствуют запах друг друга, что остановит их?.. Разумеется, безмолвны каменные стены дворца. Но разве есть тайны, которые можно скрыть от эмира бухарского, высочайшего знатока и хранителя заветов пророка в этом погрязшем в грехах мире!..

Действительно, сможет ли тогда он, ташкентский кушбеги, взять на себя смелость защищать преступника, осквернившего устои ислама? Ибо что может быть более мерзостным и богопротивным, чем соединиться плотью с женой своего отца. Весь мусульманский мир проклянет и отвернется от святотатствующего хана!..

Да, таковы его обязанности перед исламом. А великий эмир

бухарский конечно же учтет его рвение в служении законам пророка. Кого-то же нужно будет сделать правителем всего Коканда...

Есть и другая причина, по которой очень важно пребывание здесь Мадели-хана. Сыновья Касыма-торе степные султаны... Конечно, хан Коканда не имеет к ним отношения. Но разве не предусмотрительно будет, если предстоящие события совершатся именно тогда, когда в Ташкенте находится сам хан. Осторожность никогда не повредит. Если волчье отродье Аблая узнает, что все это — дело рук кушбеги, то ему, может, придется плохо. Целая свора их расплодилась от тридцати одного сына и сорока дочерей. И память у них волчья...

Кушбеги приказал патша-бала, мальчику для утоления поздних страстей, явиться после полуночи, и пошел в покои Мадели-хана...

После длительного отдыха Мадели-хан чувствовал себя прекрасно. Глаза его искрились, движения были порывисты; впереди ждала ночь с неожиданно появившимся счастьем. Ни о чем больше не мог он уже думать, но этот услужливый кушбеги настойчиво просил о каком-то разговоре, и нужно приглашать его.

Кушбеги пришел сам, и не понадобилось посылать за ним. Опять завел он этот вечный разговор о казахских делах...

— Нам казалось, что, после того как была подавлена последняя смута, они долго не поднимут головы,— с нудными подробностями объяснял кушбеги.— Однако в степи снова сгущаются тучи. И все дело опять в этих смутьянах — сыновьях Касыма-торе... Что вы прикажете делать нам?

Мадели-хан вздрогнул, посмотрел на него непонимающими глазами. Совсем другие картины видел он сейчас... Ах, если об этих казахах!..

Не раз поднимались они и против его отца, грозного Омар-хана. Самым большим из этих восстаний было возглавленное Тентеком-торе, который сумел объединить всех степняков по берегам Сырдарьи, Сарысу и Чу. Опасней всего, когда во главе казахов становится кто-нибудь из торе: его бывают склонны признать все жузы. И в соседних странах пользуется он большим авторитетом.

Двадцать тысяч конных сарбазов собрал тогда под своим знаменем Тентек-торе и захватил несколько входивших в Кокандское ханство городов. Забрав у кокандцев Сайрам, он перенес туда свою ставку. К нему присоединились Чимкент и Аулие-Ата. Омар-хан с громадным войском осадил Сайрам, а потом Чимкент. Оба города сдались, когда закончились все припасы. Янычары Омар-хана достойно наказали мятежников: двести из них были повешены, остальным отсекли головы или продали в рабство. У тех, кто имел хоть малое отношение к бунту, отобрали скот. Но, видимо, даже такие меры быстро забываются этими казахами!

А что, если не получится вся его затея с ханом и его мачехой? Кушбеги вспомнил сегодняшний завтрак в честь прибытия Мадели-хана и улыбнулся... Молодой хан и его мачеха сидели, как и положено, друг против друга. Чай им разливал сам кушбеги Бегдербек.

Приняв из его рук пиалу из голубого фарфора, Ханпадшаим вдруг громко рассмеялась.

— А ведь, дорогой мой Мадели-хан, помимо того, что вы правитель Коканда, вы еще и мой сын,— пропела она.— Кушбеги Бегдербек, как он сам неоднократно подтверждал, наш слуга. К тому же женщины ему безразличны. Поэтому можно ли надеяться, что вы не осудите меня, если я сниму перед вами паранджу?..

Она откинула паранджу, не дожидаясь ханского ответа. Словно вырвавшееся из-за облака солнце, засияло воспетое в легендах прекрасное лицо. У Мадели-хана пиала выпала из рук.

— Ох, вы, наверно, обожглись!— лукаво засмеялась Ханпадшаим.— Нужно быть осторожней...

С этого момента Мадели-хан впал в такое состояние, что не замечал ничего вокруг. В глазах его, устремленных на мачеху, появилось какое-то безумие. Кушбеги, сославшись на что-то, вышел на время из комнаты. Когда он вернулся, то сразу заметил, что между мачехой и пасынком установилась едва уловимая связь. Беззвучную радость, счастье, ожидание источали их глаза. Его они в счет не брали. Нет, здесь ничего сорваться не должно!..

Если даже эмир бухарский не отдаст ему власть над всем Кокандом, то чем-нибудь все-таки отблагодарит его! И пусть сбреют его усы топором, если не достанутся ему те двадцать тысяч таньга серебром, которые собраны в нынешнем году на уплату Коканду. А это немалые деньги: хватит на постройку шести городов для шести сыновей...

«Ку-ку... Ку-ку...»

Солнце уже скрылось за горизонтом, и в большом темнеющем саду кушбеги начала куковать кукушка. Долго-долго куковала она, словно рыдала о чьем-то несчастье. Или о жизни, которая должна оборваться сегодня ночью.

— Мой милостивый хан, тот, кто скрывает свой недуг,— обречен.— Кушбеги наклонился вперед, стремясь заглянуть в глаза молодому хану.— Поэтому я осмелился отвлечь вас от более высоких мыслей. Имеется лишь один путь к предотвращению мятежа. Нужно опередить их действия и растоптать искры, пока не попали они в солому. Сыновья Касыма-торе — вот те головешки, от которых может вспыхнуть большой пожар...

Хан почему-то молчал. Перед глазами кушбеги Бегдербека явственно предстал разъяренный Саржан, вытаскивающий из ножен прямой казахский кинжал. Вряд ли забудет он когда-нибудь двусмысленные шутки кушбеги.

— Конечно, я и сам могу распорядиться насчет Есенгельды и Саржана. Однако все мы — ваши подданные, а вы сейчас изволите пребывать здесь...

Мадели-хан попросту не думал о том, что говорил кушбеги. До его слуха словно издалека доносились какие-то имена... Тентек-торе... Касым-торе... Есенгельды... Саржан... Какое ему дело до всех этих торе! Разве не получает кушбеги по двадцать тысяч таньга се-

ребром ежегодно за власть над ними? Пусть ест их сырыми или вареными, как пожелает...

Одно имя только интересует его сейчас. «Ханпадшаим!.. Какое белое у нее лицо! Как волнуют бедра под полупрозрачным светлым шелком! Сквозь ткань проступает их упругая белизна, и словно лунный свет отражают они. А округлая грудь — разве не светится она в темноте и разве не ощущает уже он ее? Правда, великий грех стремиться к женщине, которой обладал родной отец. Но не замеченное людьми не является грехом. Кушбеги?.. Он не в счет... Правда, недаром же так настойчиво звал меня сюда. Не решается взять на себя дело с этими казахами и для этого и подстроил встречу с Ханпадшаим. Что же, цена подходящая: два каких-то одетых в верблюжью шерсть султана за счастье обладания такой женщиной. Тут и четырех не жалко. Все мы существа смертные, даже я. А тем более эти Есенгельды, Саржан, кто там еще... Настоящая жизнь — это Ханпадшаим!..»

— Какое же будет ваше высокое решение?..

Да, именно этого кушбеги и хочет от него, Мадели-хана. А он желает сладостного греха со своей мачехой. Сегодня ночью должно это произойти... А утром надо возвращаться в Коканд, иначе пойдут разговоры. Нельзя оставаться на две ночи подряд, как бы ни белели сквозь шелк полные бедра. Кроме всего прочего, он еще хан. И отблагодарит ее он тоже по-хански!.. Но где же взять сейчас достойные ее подарки?

Глаза Мадели-хана засветились.

— Только ли свои головы привезли нам в подарок сыновья Касыма-торе?

Кушбеги угадал мысли молодого хана раньше, чем тот закончил говорить... Конечно же не без подарков приехали степные султаны. Щедрость в глазах простоватых казахов — одно из главных достоинств. Девять бархатно-вороных и девять молочно-белых не имеющих цены иноходцев привезли они с собой для хана Коканда. Каждый был под дорогим серебряным седлом, с серебряной уздечкой, а к каждому седлу было приторочено по девять черных алтайских соболей и по девять огненно-красных выдр. Так в степи подкидывают гончим перед охотой лакомые кусочки мяса... Тепленькая печень с душистым жирным курдюком — такова была в переводе на древний охотничий язык цена их приношениям. Голый жир без печени ведь не пойдет. Но часто бывает и так, что старая рыжая лиса догадывается об охотничьих хитростях. С тайной радостью приняв предназначавшиеся его хану подарки, кушбеги скрыл их.

— На этот раз сыновья Касыма-торе, видимо, сами рассчитывают увезти отсюда кое-что.— Голос кушбеги звучал зловеще.— Их мечта — увезти в коржунах наши головы!..

Огорченный лишь отсутствием подарков, которые он мог бы преподнести несравненной Ханпадшаим, Мадели-хан махнул рукой:

— Коль не пришло им в головы достойно оценить наше расположение, то грош цена этим головам!

Кушбеги с подчеркнутой покорностью наклонил голову:

— Это мудрое распоряжение, мой милостивый хан...

Мадели-хан притворно зевнул:

— Кажется, за полночь перевалило время... Давайте закончим на этом наш разговор!

Он небрежно отломил кусочек халвы, выпил большой кубок розоватого виноградного вина.

— Мой милостивый хан...— Кушбеги впервые смотрел прямо в лицо Мадели-хана.— Комната нашей высокой гостьи Ханпадшаим находится рядом с вашей — и двери выходят в один и тот же коридор... Как прикажете сделать на ночь: приставить охрану к каждой двери в отдельности или достаточно охраны вокруг дворца?

Мадели-хан тоже посмотрел на него в упор:

— А как вы думаете, мудрейший кушбеги?

Улыбка раздвинула белые губы кушбеги, и он с деланным смущением опустил глаза:

— Достаточно и вокруг...

Хан тоже улыбнулся:

— В таком случае пусть будет, как вы решили.

— Благодарю своего хана за доверие к его рабу!— Кушбеги склонился в глубоком поклоне и неслышно исчез. Мадели-хан больше не мог сдерживать себя. После такого разговора с кушбеги можно было не думать об осторожности, и он почти бегом направился к покоям Ханпадшаим.

Если бы знал он, к чему приведет через шесть лет эта ночь! А пока Мадели-хан сам не заметил, как очутился перед высокой резной дверью...

Не успел еще Мадели-хан войти, как кушбеги Бегдербек уже стоял за стеной спальных покоев, отведенных Ханпадшаим. Через скрытое отверстие он увидел, как метнулась с шелкового одеяла лунно-белая тень и упала, слившись с тенью молодого хана...

Кушбеги давно уже был холоден к женщинам. Ему даже неприятна была эта сцена. Но теперь он твердо знал, что не ему припишет молва вину за то, что должно случиться со степными султанами. Ну, а если молва не пощадит высоких имен этих двух, что возятся сейчас на шелковых подушках за стеной, то тоже не его вина...

Пройдя в свою приемную комнату, кушбеги Бегдербек вызвал к себе личных телохранителей:

— Скажите нашим дорогим гостям — высоким султанам, что сам Мадели-хан приглашает их к себе... Только предупредите, что не принято за ханским дастарханом быть при оружии. В том числе не забудьте и про кинжал у этого Саржана!..

Когда пришли за ними, то все находящиеся при них джигиты спали. Лишь батыр Агибай с юным Ержаном бодрствовали вместе с Есенгельды и Саржаном. Султаны начали быстро собираться.

— К величайшему из великих нельзя входить с оружием!— строго сказал черный привратник — ешик-ага, когда Саржан хотел пристегнуть свой отточенный кинжал.— Такое правило существует даже для царей. Когда вернетесь — наденете...

Саржану стало досадно, что заранее не сообразил спрятать кин-

жал под одеждой. Не стали бы они обыскивать гостей, а с кинжалом он привык никогда не расставаться. Нет надежнее друга в трудную минуту... А впрочем, не убьют же его в гостях у мусульманина!

— Пристегни к своему ремню!

Он передал кинжал сыну, хотел сказать еще что-то, но, видимо, раздумал.

Шестеро вооруженных людей ожидали их во дворе. Находившийся весь вечер в мрачном настроении Агибай вдруг заволновался. Недаром говорится, что предстоящее нападение врага раньше всего чует боевой конь. Батыру Агибаю никогда еще не изменяло это чувство.

— Мы тоже пойдем с вами!— заупрямился он.

Но ешик-ага опередил его.

— Величайший из великих хан Коканда принимает лишь двух высоких султанов Есенгельды и Саржана, сыновей своего друга и союзника Касыма-торе!— сказал он не признающим возражений тоном и добавил уже более мирно:— Остальные могут спокойно спать.

Но Агибай-батыр не унимался:

— Эй, ты!..

Он уже хотел отодвинуть плечом сгрудившихся янычар и пойти за удаляющимися султанами, но Ержан удержал его за руку:

— К чему устраивать здесь шум, батыр-ага? Это может лишь повредить важному делу.— Сам он изо всех сил старался не выдавать при чужих свое волнение.— Пойдемте лучше посмотрим лошадей, как нас просили...

Батыр Агибай круто остановился. Окруженные стражей султаны уходили все дальше. И вдруг он почувствовал, как горячая бешеная кровь обильно приливает к голове, и понял, что глаза его краснеют. С ним бывали уже такие приступы гнева, когда, схватив первое попавшееся под руку оружие, он начинал крушить все вокруг себя, не разбирая правых и виноватых. Лишь последним усилием воли остановил себя батыр. Что бы ни случилось, при чем здесь эти простые люди вокруг: конюхи, слуги, рядовые сарбазы? На протяжении целого месяца они кормили его, ухаживали за лошадьми, прибирали помещение. Самые дружеские чувства питали они к приехавшим из степи людям, а один конюх-узбек уже дважды намекал ему на какое-то готовящееся преступление. Чем они виноваты?..

Давно забытый случай вспомнился вдруг ему. В тот год, когда умер его отец, зима была очень холодной. У Даметкен, оставшейся вдовой с четырьмя маленькими детьми, была единственная верблюдица с верблюжонком. Однажды в свирепый буран примчались шабарманы — головорезы ага-султана Каркаралинского уезда Жамантая Дауке-улы. Заявив, что покойный Олжабай-батыр в течение трех лет не платил царской подати, они угнали верблюдицу, оставив одного верблюжонка. Что могла поделать с ними одинокая беззащитная женщина... Но самое ужасное наступило летом. Никто из живущих на земле существ не плачет страшнее верблюда. И как только придет ночь и верблюжонок-сирота затянет свой заунывный плач, трое малышей тоже рыдают, обняв его за шею. А четвертый, Агибай, кото-

рый немногим старше братьев, убегал в степь, чтобы не слышать этого воя. В крови у него остался плач четырех **несчастных малюток...**

Доведенная до отчаяния Даметкен однажды обратилась к Агибаю:

— Сыночек, ты самый старший в доме. Можем ли мы дальше слушать плач этих голодных? Мясо от заколотой осенью коровы уже съедено. Ничего у нас не осталось, кроме верблюжонка. Зарежем его, и пусть дети продержатся еще хоть несколько дней...

Скрывая слезы, дала она ему нож в руки. Когда малыши легли спать, она привела в юрту верблюжонка, повалила на пол и накрепко связала веревкой. Мальчик не двигался с места.

— Пусть проклятье за его смерть падет на царя с его прихвостнем Жамантаем!— сказала ему Даметкен и выбежала на улицу, чтобы не видеть смерти верблюжонка. Ведь это она впервые приучила его пить молоко, выкормила из собственных рук...

Агибай медленно подошел к верблюжонку. Но стоило ему заглянуть в большие и влажные чистые глаза, как он тут же отдернул руку, не в силах совершить преступление.

— Давай зарежем его завтра, мама... Пусть хоть еще одну ночь поживет на свете...— попросил мальчик, когда вернулась мать.

Даметкен лишь утерла глаза краем платка.

— Ладно, сын мой...

Но ни завтра, ни послезавтра не смог заколоть верблюжонка Агибай. По их просьбе его наконец зарезал для них сосед. И с тех пор не было в степи человека беспощадней батыра Агибая. Эта не знающая пощады ненависть и привела его в стан мятежных султанов. Вот до чего может довести плач верблюжонка!..

Уже сдержавшись, еще раз огляделся вокруг батыр. Да, ему жалко стало этих простых, невинных людей. Но если нужно будет для степи, для его рода, он вырежет здесь всех до единого. И это потому, что плакал тогда верблюжонок!..

— Агибай-ага, нам нужно посмотреть на своих лошадей...

Ержан дернул его за руку.

Восемь янычар вошли в комнату для гостей вместе с Есенгельды и Саржаном. Увидев одного перебирающего четки кушбеги, оба султана поклонились ему. И в этот момент два острых ятагана неслышно коснулись шеи каждого. Обезглавленные тела сделали еще по два шага вперед, рухнули на колени перед кушбеги Бегдербеком и, повернувшись по два раза, затихли...

— О почтенные султаны, вы хотели объединить степь, а так легко разъединились с собственными головами!— Кушбеги философски покачал головой.— Этих выбросите в яму за забором, и спящие во дворце пусть тоже больше не просыпаются!

Как овцы перед тоем, спящими, были перерезаны все восемнадцать джигитов, сопровождавших казахских султанов на переговоры в Ташкент. Батыр Агибай с Ержаном уцелели лишь чудом. Когда их не обнаружили во дворце, ешик-ага приказал обыскать конюшни.

— Если они там, скажите, что возвратились султаны!— преду-

предил он стражника, а сам со своими сарбазами остался ждать во дворе. Не слишком прельщало их встретиться с батыром лицом к лицу.

Но тот же конюх-узбек из рабов успел предупредить Агибая о том, что их ищут, а оба султана убиты. Огромный Агибай-батыр сгреб выхватившего саблю Ержана и принудил его скрыться в примыкающих ко двору переулках. Перерезав поводья подвернувшихся под руку лошадей, они вскочили на них и так, без седел, выехали из города. Какой-то стражник спросонья хотел задержать их в воротах дворца, но Агибай-батыр ударом ноги заставил его умолкнуть навеки...

Еще через год Ляшкар и Бегдербек пригласили на тайную встречу самого Касыма-торе. Они клялись в собственной невиновности и обещали рассказать все подробности гибели его сыновей. Недалеко от Созака, на берегу озера Теликоль, Ляшкар собственноручно отрезал старому султану голову и привез ее в Ташкент...

IV

Сломанной подковой стоит на востоке черно-бурый силуэт Каратау. На конские гривы и верблюжьи горбы похожи его многочисленные вершины, увитые голубовато-сизой лентой тумана, с которой не справиться закатывающемуся солнцу. А на западных склонах гор необычное оживление. Тесными группами, словно прижимаясь друг к другу, расположились казахские кочевья. Так бывает лишь во время войны... Сплошным полукругом сгрудились юрты. Только быстрая горная речка разрывает их линию. Все они покрыты серыми, бурыми кошмами, и лишь немногие — белыми. Никак не скажешь, что это очень уж богатые аулы: старые, давно не сменяемые кошмы лохматятся, пестреют многочисленными латками, едкий кизячный дым прокоптил их насквозь. Да и верблюжье стадо, пасущееся невдалеке, слишком уж мало для них. С одного раза можно пересчитать овец и коз, а среди гуляющих в ущельях лошадей большинство поджарые, с подтянутыми животами, боевые аргамаки. Совсем почти не видать кобыл с жеребятами. Зато много охраняющих скот людей с тяжелыми палицами у пояса...

Это и есть аулы родов тока, уак, алшын и алтай, которые вместе с Касымом-торе покинули два года назад земли отцов и перекочевали сюда, к отрогам Каратау, в пределы кипчакских и конрадовских родовых владений. Хоть и является Касым-торе сыном хана Аблая, но не слывет самым богатым в степи человеком. Все богатства унесла затеянная сыновьями длительная война. Да и скот, привыкший к сочной траве и степному раздолью, не очень-то плодится на поросшем редким чием солончаке у этих гор. Нет, не веселое зрелище представляют сейчас мятежные аулы!..

Об этом и думает ушедший далеко в степь от аульного шума и плача человек. Он невысокого роста, плотный, с толстой, как у борца, шеей. Лицо его, с чуть коротковатым прямым носом, неболь-

шими усами и густой темно-рыжей бородой клином, можно было бы назвать красивым, если бы не глаза. Как у степного беркута они: зоркие, немигающие, в кровавых прожилках. Впрочем, именно такие глаза подходят этому лицу, на которое от рождения легла печать властности и уверенности в своем праве повелевать. Весь вид его свидетельствует, что привык он больше слушать, чем говорить; скупы движения, плотно сжаты тонкие и резко очерченные губы. И еще одну черту заметит внимательный взгляд на этом необычном лице — какую-то глубоко спрятанную мечту, ради которой такие люди идут на все...

Все дальше в степь уходит человек, и издали, из аулов, уже не различишь соболий малахай, полушубок с мягким бархатным верхом, светло-коричневый чекмень. Зачем же уходит так далеко от людей Кенесары, средний сын Касыма-торе и внук хана Аблая?..

Пересохший чий с хрустом ломается под замшевым сапогом с синим родовым орнаментом. Вздрагивают его ноздри, и грозной непроходящей песней наполняется степь. Ее пел вчера, сидя на белой кошме и подвернув под себя ноги, Нысанбай. Летописью ветви Джучи — Темучинова сына — была песня...

Неподвижны были лицо и фигура вещего певца. И пел он про вольные кочевья рода керей на берегах Онона и Керулена, ставшие первыми жертвами на долгом и кровавом пути Чингисхана. А потом оказались на этом пути многие казахские племена и роды: населявшие берега Орхона, Аргуни и Иртыша, долины Тарбагатая найманы, аргыны, а по берегам Жаика и Тургая — кипчаки, алшыны. Старший сын Чингисхана от матери-казашки — знаменитый Джучи получил от него в надел казахские степи от Едиля и Жаика — до Иртыша. И немало казахской крови и костей легло в основание созданной Батыем Золотой Орды. Тогда и оказались в очередной раз расколотыми казахи, ибо южная группа родов Жетысу — Семиречья — уйсуни, дулаты, жалаиры — отошла к Джагатаеву улусу необозримой державы Чингисхана.

Гремела старая сосновая домбра Нысанбая-жирши, век за веком плыли из-под его пальцев. И не было года, когда не лилась бы кровь, потому что не умели поладить между собой многочисленные ханы, беки, султаны. А враги на всех рубежах делали все возможное, чтобы не кончился этот раскол, потому что страшна была им единая степь...

Развалилась Золотая Орда, отделились кереи от улуса Джучи. Султан Джаныбек сумел ненадолго объединить роды аргын, керей, найман, уйсунь, дулат и бестанбалы, населявшие берега Чу. Это и было первое самостоятельное казахское ханство. Еще больше расширил его хан Касым, сын Джаныбека. А потом оно распалось. И снова объединяли его различные властители: Хакназар-хан, Тауекель, Есим, Джангир, Тауке. Великого могущества достигло оно, и боялись враги посягать на его границы, когда, по заветам предков, «одна голова управляла руками и ногами». Славу аргынам, найманам, кипчакам, алшынам, всем другим казахским родам по очереди пел старый жирши, и великая гордость была в его голосе.

И снова раздирали страну казахов междоусобицы, потому что

не могли поделить между собой власть ханы трех жузов. И стали они, как всегда, искать поддержки на стороне, а первым из них был Абулхаир-хан из Младшего жуза...

Словно кровью пропиталась домбра, глуше стали струны. Голос певца задрожал от неизбывного горя. О страшных временах, о «годах великого бедствия» запел он. Воспользовавшись распрями и враждой, кровавым смерчем прошел по казахской земле джунгарский хан Сыбан Раптан, Почти поголовно истреблены были аулы вдоль Чу, Сарысу, Сырдарьи, у подножия Каратау. Уходили к Аралу и Каспию, на берега Ишима и Тобола Средний и Большой жузы. Тогда хан Младшего жуза Абулхаир, а через год и хан Среднего жуза Самеке согласились на русское подданство...

Только через тридцать три года, когда пала проглоченная Китаем Джунгария, а миллионы человек были вырезаны войском богдыхана, вернулись на свои древние земли к берегам Черного Иртыша и в долины Тарбагатая роды найман и керей. Несладко приходилось им там, по соседству с древней и жестокой Поднебесной империей...

Восторженно вспыхнули глаза у жирши, когда запел он о совсем уже близких временах, о деяниях Абулмансура. Вены вздулись на шее у старика от необычайного напряжения. Словно копыта быстрых скакунов на состязаниях, замелькали, забили пальцы по струнам. И согласно закивали слушатели в белой юрте Касыма-торе, потому что это был тот самый Абулмансур, который принял потом имя хана Аблая и приходится отцом самому торе и дедом его сыновьям...

Нелегко сложилась жизнь будущего хана. После смерти его деда, прозванного Кровавым Аблаем, отец его, слабохарактерный Вали, не сумел удержать принадлежавший ему Туркестан, который легко был завоеван ханом Хивы. Раб Ораз спас тринадцатилетнего Абулмансура, и тот долго был простым батраком у некоего Даулетбая. Потом он жил у своего родственника — бия Абулмамбета, а в восемнадцать лет получил небольшой отряд сарбазов и с дедовским кличем «Аблай!» наголову разбил превосходящие полчища торгаутов...

О, это был великий подвиг! Забыл про все вокруг, словно потерял разум, Нысанбай-жирши. А дойдя до рассказа о провозглашении Абулмансура ханом Среднего жуза, старик от восторга так высоко подпрыгнул, что чуть было не ударился головой о стойку юрты.

Сайрам!.. Азрет!.. Чимкент!.. Созак!.. Теперь домбра сама взлетала к потолку, вертелась там, продолжая, как по волшебству, звенеть всеми струнами, возвращаясь обратно в руки певца... Семь городов сразу отобрал у хана Коканда Абулмансур, взял Ташкент, разгромил враждебных ему киргизов в знаменитом Джаильском побоище. Но к тому времени он прозывался уже своим родовым именем Аблай!..

Торжественно и красочно описывал старый жирши событие, происшедшее в зеленой долине на берегу древнего, почитаемого всеми казахами озера Теликоль. Лучшие люди трех жузов собирались там и, по предложению старого бия Аз-Жанибека, подняли над толпой на

белой кошме шестидесятилетнего Аблая. Отныне он становился единовластным ханом всей казахской земли...

Однако русская царица, не желая объединения степи под властью одного хана, воспротивилась этому. От имени Российской империи Аблай был утвержден лишь ханом Среднего жуза. И китайский богдыхан не хотел до конца признавать его.

А потом Нысанбай-жирши долго пел о женитьбе хана Аблая. Сразу шестерых своих дочерей дали ему в жены из рода атыгай-караул. И была еще у него одна жена из Кара-Калпакии и одна калмычка. От всех них родились тридцать один сын и сорок дочерей.

Как загнанный скакун, дошел до конца своего предания старый жирши. Восславив Касыма-торе, родившегося от калмычки, он назвал его продолжателем великого дела отца. И вдруг уже охрипшим голосом обратился к сидящему поодаль Кенесары:

Тернистым был Аблая путь,
Не забывай, батыр Кене.
Будь твердым и когда-нибудь
Аблаем стань в родной стране!

С опаской уставились собравшиеся в лицо Касыма-торе, которому должно было уже скоро исполниться семьдесят лет. В его присутствии такие слова, по принятому обычаю, могли быть обращены только к султану-военачальнику. А им был при Касыме-торе его более старший сын — султан Саржан. А Кенесары, хоть и прославился своим мужеством и находчивостью, считался пока только батыром. Но Нысанбай-жирши слыл среди казахов вещим певцом, знатоком людей и провидцем. Об этом было известно и Касыму-торе...

Касым-торе молчал, но в душе его была радость. Хоть и не мог он пожаловаться на старших своих сыновей Есенгельды и Саржана, но слишком простодушны и доверчивы были они для этого большого груза, который придется нести. Сердце его лежало к среднему сыну, молчаливому и решительному. И пожалуй, из всех его сыновей только у этого есть твердое и непоколебимое желание власти.

— Да продлится твоя жизнь еще долгие годы на радость всем нам, мой верный жирши! — подбодрил певца Касым-торе.— Порадовал ты нас достойным сказанием...

Больше месяца не было вестей от Есенгельды и Саржана, и сердце Касыма-торе ныло от предчувствий. Успокаивало лишь то, что недобрая весть не залежится. Пока что от сыновей не поступало никаких сообщений — старик держался...

Почему же выказал он молчаливое одобрение словам певца, обращенным к Кенесары? Как неравнодушие старого торе к среднему сыну восприняли это все...

Кенесары знал об этом. Но вчера отец впервые показал свои чувства при всех. Значит, пришло его время!..

Сейчас, ступая по нетронутой корке солоноватой целины, он взвешивает свои мысли. Да, уже много лет думает он об этом. Никогда еще не были так разобщены казахи, и Кенесары твердо знает,

что именно ему предстоит объединить их. Как имя деда и пращура. станет великим его имя, и в страхе будут повторять его враги!..

Но с чего начинать? Сейчас не времена Аблая, когда русские войска не переходили еще Светлого Жаика. В раннем детстве муд рый летописец отца Карт-Кажак рассказывал ему, как строили Кызыл-Жарское укрепление, назвав его Петропавловским. Это было в год, когда Аблая провозгласили ханом. А Семипалатинское Баян Аульское, Каркаралинское и Кара-Откельское — Акмолинское укреп ления были построены еще за двадцать пять лет до этого. И все же деду приходилось легче. Еще не обжившиеся на новых местах солдаты не нуждались в земле и пастбищах, им хватало небольших полей и огородов вокруг крепостей. Тогда еще не появился в степи промышленник-купец, которому мало одной торговли. Да и русские войска были заняты в других местах...

Хану Аблаю долгое время удавалось служить подушкой между белым царем и китайским богдыханом, а когда очень уж пытались привалиться к ней с одной какой-нибудь стороны, из подушки выле зало колючее перо. Сейчас подушка давно уже без наволочки, и перья летят из нее по ветру. С одной стороны давят русские войска, с дру гой — свирепая Хива отхватила чуть ли не треть казахских земель, с третьей — хитрый и коварный Коканд...

На что же рассчитывать ему, Кенесары?.. Разве не похожи сейчас казахи на раненого тигра, в которого с трех сторон вонзились пики?! А раненый тигр ничего уже не боится. Он прыгает на что попало, и вот это надо использовать. Кто направит прыжок тигра в нужную сторону, тот и выиграет!..

А то, что тигр готов к прыжку, сомневаться не приходилось. Только вчера из далеких улытауских гор приехал батыр Кудайменде и привез привет от знаменитых батыров Имана и Жоламана. Они заверяют, что нет уголка в Сарыарке, где бы люди не возмущались беззакониями царских властей и ага-султанов. Еще более доведены до отчаяния казахи по Сырдарье, Сарысу и Чу, подвластные Коканду Давно уже точат пики на хивинских захватчиков джигиты родов алтаи, тама, шомекей, жаппас, шекты. Стоит только объявиться предводителю и бросить клич... Что же, вчера вещий певец Нысанбай-жирши назвал этого предводителя. И признанный глава аблаевского рода молча поощрил его...

Кажется, наступило время для того, о чем он думал все эти годы Чернь по всей степи накалена до крайности и похожа на сухой ковыль. Достаточно уронить уголек, и пожар вспыхнет от Едиля и Мангышлака до Чу и Черного Иртыша!

На кого же опереться ему, когда пойдет он по дедовскому пути? Конечно, прежде всего на потомков Аблая. Много их в степи, и недаром называют их волчьим выводком. У тюрок это высшая похвала, потому что ведут они свой род от волков... Особенно надежны и воинственны его братья и сестры — сыновья и дочери Касыма-торе. Есенгельды, Саржан, Муса, Наурызбай, Абильгазы, старшая сестра, по прозвищу Бопайбатыр, их дети: Кудайменде, Ержан, Иса, Кошкарбай, Абильпеиз. Уверен он и в сыновьях своего дяди Даира· Тати

Ати, Сатыбалды и сыне его Кадыбае. Эти готовы в огонь и на небо за интересы рода. Из аблайдов только отпрыски Кучука слабы духом и характером. Жеребята от одной и той же кобылы тоже бывают разномастными, но одно протухшее яйцо не такой уж большой урон для хорошей квочки...

К чести сыновей Касыма-торе, между ними не было борьбы за главенство: младшие терпеливо ждали своего часа и беспрекословно подчинялись старшим. Поэтому только про себя не одобрял Кенесары действия Есенгельды и Саржана. «Зачем поехали они на поклон к презренному ташкентскому кушбеги? Чего можно добиться от врагов выпрашиванием? И разве кушбеги не понимает, что мы ему — смертельные враги? Такой, как кушбеги, признает лишь силу. А придешь к нему с протянутой рукой, посчитает тебя своим рабом. Станет ли кто-нибудь считаться с просьбами раба!.. Нет, если предназначено мне править степью, от меня не дождется поклона ни кушбеги, ни кто-нибудь другой. Разговаривать можно лишь с побежденным врагом...»

А другие султаны? В каждом жузе они, и как быть с ними? Как заставишь склониться перед собой отпрысков Абулхаира, Самеке, Нуралы, Букея, Сергазы, Вали? Ведь все они тоже торе... Ну, а на что пожар в степи? Куда денутся они все, когда увидят поднявшуюся чернь? Их спасителем будет он, хан Кенесары!

Да, ханом всех трех жузов станет он, потому что возглавит древнее стремление к свободе. Только этот путь приведет его на берег святого озера Теликоль, где ждет его белая кошма Аблая.

Сейчас или никогда!.. Он знает своих казахов. На взрывы лишь способны они. Если белый царь, Коканд и Хива зальют кровью едва начавшийся пожар, то они покорятся судьбе и никогда, быть может, не поднимут больше голову. Поэтому нельзя медлить ему, Кенесары!..

Он обвел глазами затихшую к вечеру степь... С кого же начинать? С того, кто самый опасный сейчас. Он знал это по многочисленным схваткам, в которых принимал участие: если навалились трое — поворачивайся лицом к сильнейшему. Те двое будут бегать вокруг, и, пока решатся ударить, ты освободишь себе руки. Значит, начинать нужно с белого царя!..

И правильно это будет еще и потому, что всегда лучше иметь дело со львом, чем с шакалами. Даже если не повезет и сломят его русские войска, то пострадают лишь вожди и те, кто сражался; останутся женщины, дети, сохранятся роды. Знающий собственную силу всегда склонен щадить слабого. И нет в русских кровной ненависти к казахам. Только царские чиновники-лихоимцы и офицеры-каратели проявляют жестокость... А вот если попасться в зубы ханских шакалов Хивы и Коканда, то здесь уж никому не дождаться пощады. Это их шакалья повадка — заставить жену и детей, всех самых дальних родственников отвечать за виновного. Весь народ в один день может быть согнан с родной земли без скота и имущества. Русские не делают этого...

Ничего нет страшнее мелких и острых шакальих зубов. Ты уже умрешь, а они со сладострастием будут терзать твое безжизненное тело... Что же, пусть даст бог возможность уладить дело с белым царем, а потом можно приняться и за оба ханства. Не мешало бы им напомнить про кровь и слезы вырезанных аулов, про все насилия, страдания проданных в рабство казахских детей. На своей шкуре должны испытать они все это!..

Много есть причин для того, чтобы именно там, на севере, начать первые боевые действия. Что ни говори, а Средний жуз — лучшая для него опора. Если царские войска располагают укреплениями, вооружены пушками и ружьями, то он будет располагать всей бескрайней степью. Покуда имеются бесчисленные поросшие кустарником овраги и лощины, никакой легавой не взять степного зайца. Хоть отбавляй Сарыарки, простирается она от Каркаралы до Светлого Жаика, от Кзыл-Жара до Бетпак-Далы. Самое настоящее раздолье для лихого джигита: только подтяни сильнее подпруги да крепче держись на коне!..

А попадешь в беду — никто не выдаст, хотя бы из уважения к твоему роду. Не говоря уже о том, что нет гнуснее преступления по степным законам, чем предать батыра...

На землях Коканда и Хивы нет всяких этих условий. Нелегко будет объединить кочевников-казахов, населяющих берега Сырдарьи, Приаралье, Устюрт и Мангышлак. Да и мало этого для победы. Необходимо, чтобы восстание поддержали братья из Жетысу — Семиречья, киргизы из горных долин Алатау, каракалпаки. Все страдают от засилия кокандских или хивинских беков. Но разве пойдут они добровольно в одном строю? Даже исконные казахи — уйсуни и дулаты, проживающие на самой китайской границе, не оставят свои очаги, чтобы идти бороться за общее дело. Люди неохотно воюют — они берутся за оружие, лишь когда враг пришел на самый порог. А то, что делается у соседа, их мало интересует. Эту степную политику хорошо знают в Коканде и Хиве. Все распри и междоусобицы известны там и используются до конца. Нет, поднимать степь нужно со Среднего жуза!..

И вдруг, словно наступил на змею, вздрагивает Кенесары, сын Касыма-торе и внук Аблая. Есть еще одна причина... Месть! Степная, неутолимая, впитанная с молоком матери... Сварить живьем, закопать в землю, искоренить до седьмого колена — вот те желания, которые появляются у любого из сыновей Касыма-торе, когда они вспоминают султанов из семейства Самеке, Букея или Вали. Особую ненависть питают они к Конур-Кульдже — сыну Кудайменде, к Чингису — сыну Вали и матери его Айганым, к Жамантаю — сыну Тауке из букеевского рода и к Ахмету — сыну Жанторе. Подлые предатели, они лижут пятки белому царю и помогают карателям!..

Он живо представляет себе, как поступит с ними, когда все они окажутся в его руках. Он разгромит и разграбит дочиста их аулы. Ему не терпится сделать их сыновей рабами, а дочерей отдать своим

туленгутам. На их распластанных спинах будет он пировать, и ничто не утолит его жажду, кроме их теплой крови!..

Кенесары спохватился... Ничего не поделаешь, только так сможет утвердить он законность и порядок в степи. Подавить недовольных соперников и объединить три жуза под одной рукой — рукой Кенесары. Разве не для всех казахов старается он? Разве не готов он ради общего дела отдать все: счастье, богатство, собственную жизнь?

Он уже все рассчитал наперед. Сразу по возвращении, как законный султан, обратится он к сибирскому и оренбургскому губернаторам со своими требованиями. В конце концов, обо всем можно договориться на тех условиях, которые принял когда-то хан Аблай. Если правительство белого царя согласится с этим, то сразу повысится его значение и упадет авторитет Конур-Кульджи, Ахмета, Жамантая и других. Рассчитаться с ними тогда не представит особого труда.

Разумеется, в любом случае это будет только начало. Не бездумный же он пес, который убегает, получив свое. Нет, он не успокоится, пока не объединит все три жуза и не восстановит былую славу и могущество Аблаева ханства. Пусть для начала даже станет он только ханом Среднего жуза. Все равно он рано или поздно добьется своего!..

А если не удовлетворят его требования?.. Что же, кто разделся догола, тому надо лезть в воду. Тогда — война, и начнет он ее все равно с уничтожения аулов ненавистного Конур-Кульджи. Потом он захватит и разгромит Кара-Откельскую — Акмолинскую крепость, где находится приказ презренного Конур-Кульджи!..

Достаточно шепотом произнести это имя, чтобы от самого глубокого сна очнулся Кенесары. И дело не просто в том, что Конур-Кульджа сам метит в правители всей степи, надеясь на помощь и поддержку царского правительства. Из поколения в поколение скрещиваются пути их родов. Ведь это сын султана Кудайменде и внук Самеке, которого сбросил Аблай с ханской кошмы Среднего жуза. Немало бед принесла уже эта кровная вражда. И долго еще будет влиять она на ход большой политики между белым царем и степью...

Один в бескрайней степи стоял Кенесары... Он прошел суровую школу и знал железные законы борьбы за власть. Нельзя показываться народу, пока не пришло время! Издали, через преданных людей, следует направлять ход событий в нужное русло. Для этого нет запретных путей. Если необходимо сталкивать роды и жузы для достижения ханской кошмы, он ни на миг не задумается. Нужны будут кровавые реки — пусть прольются. Только чтобы не упоминали его имя. Но когда наступит такое время, как теперь, когда его безудержное стремление к славе и власти совпадет со стремлениями народа, он должен быть впереди всех. Имя его будет у всех на устах, а образ — в сердце...

Только завоевав полную, ни с кем не разделяемую власть, сумеет он возвеличить в веках себя.

Он вынул из ножен исфаганскую саблю, встал на колени, приложил к губам холодное острое лезвие.

— Я не был рожден матерью трусом,— сказал Кенесары тихим го-

лосом.— Если на пути к цели я хоть на миг поколеблюсь, клянусь выпить всю свою кровь. Этот клинок пусть будет свидетелем!..

Кенесары, не вставая с колен, медленно заложил саблю в ножны. Он хотел было подняться, но вдруг услышал за спиной знакомый женский голос:

— Мой торе... Неужели ты совершаешь намаз?

Не оглядываясь, узнал Кенесары голос своей старшей жены Кунимжан. Значит, она шла за ним... Он встал, отряхнулся и пошел к ней навстречу:

— Нет, пробовал крепость клинка на камне.

— Разве мало ты его пробовал на чужих черепах?..

— Это недостаточно для настоящей стали...

Двадцать шесть лет исполнилось Кунимжан, но, несмотря на то что родила уже дочь и сына, казалась она стройнее всякой девушки. Она была из тех красавиц смуглянок с жгучими глазами, от одного взгляда которых сразу дуреют мужчины. Все в ней было вызывающе красиво. И одета так, что невозможно оторвать глаз. На плюшевый голубой с позолотой камзол как будто небрежно наброшен отороченный соболем ярко-бордовый чапан из лучшей материи — дурия. Белый жемчужный бисер осыпает краснобархатный конусообразный саукеле — головной убор знатных женщин в степи. На лоб ниспадают с него круглые и тяжелые золотые пластинки, а уже поверх саукеле накинута прозрачная парчовая шаль. В ушах Кунимжан покачивались роскошные трехосновые золотые серьги, и тяжелые, почти до земли, черные косы были в четыре ряда увешаны блестящими золотыми рублями царской чеканки. Испокон веков все свое богатство носили на себе степные красавицы...

По непринужденной походке, по манерам и обращению с мужем сразу было видно, что она любимая жена. Лучше всего к ней подошли бы знаменитые стихи степного поэта Жусуп-ходжи: «Если считать недостатком то, что уже стала она женщиной, то он у нее единственный. В остальном никакая девушка не сравнится с ней». Помимо быстрого, тонкого ума и красоты, которыми завоевала она сердце Кенесары, Кунимжан была дочерью одного из самых знатных и богатых степных родов — аргынских алькебайдалы. И если рассказывать все до конца, то именно она была тем яблоком раздора, которое старую межродовую распрю, разделившую султана Кенесары с султаном Конур-Кульджой, превратило в смертельную вражду...

Тогда только начиналась батырская слава Кенесары. По случаю избрания правителя края — Ердена Сандыбай-улы из осевшего в Улытау рода жырык — устраивался по традиции большой той с конными состязаниями и казахской борьбой. Поехал на этот той и Кенесары с группой джигитов. Было у него и еще одно задание: в связи с вызвавшей волнения постройкой Кокчетавской крепости разведать настроения людей и положение дел в Улытау. Дело в том, что эти места считались святыми для казахов: там, по преданиям, закончил жизнь легендарный родоначальник Алаш, впервые объединивший

шесть ветвей прародителей. Кроме того, в горах Улытау могила Едиге-батыра, святого ходжи Акмешита. Кенесары считал себя обязанным посетить этот древний казахский центр. После длившихся несколько дней празднеств он возвращался домой через земли аргынских родов алтай и тока. На берегу реки Терсаккан остановились отдохнуть, и Кенесары пошел в туган искупаться...

Сначала он подумал, что это все мерещится ему, когда увидел в чистой речной воде двух девушек. Насколько хватало взгляда, не было вокруг никакого жилья. Он протер глаза, но подплывшие вплотную к камышам девушки начали шумно плескаться, и тогда он убедился, что это наяву. К тому же он увидел на том берегу двух стреноженных лошадей.

И только после этого понял Кенесары, что стоит и не может глаз отвести от одной из купающихся девушек, чье тело волшебно белеет сквозь прозрачную толщу воды. Нельзя было батыру дальше таиться в тугаях.

— Очень ли холодна вода, красавицы?— крикнул он, испугавшись, что могут выйти они при нем на берег.

— Ойбай, котек!— закричала другая, рыжая и пухлая. Бесцветные глаза ее еще больше побелели от испуга, и она поплыла на тот берег, захлебываясь и брыкая короткими ногами. Зато та, на которую смотрел он, отплыла немного и остановилась, слегка поводя ногами в глубине, чтобы не утонуть.

— Дай бог вам здоровья, мирза!..

Это она сказала тихо и с достоинством. В это время подошли другие джигиты, и началась обычная переброска шутками. Девушкам кричали, чтобы они вышли из воды и не боялись: они, джигиты, отвернутся. Если же они будут упорствовать, то придется переплыть на тот берег и забрать их одежду.

Девушки умоляли джигитов отойти от берега, говорили, что им холодно, и было видно, что они уже не боятся. За свободный выход из воды джигиты требовали выкупа.

— Мирза, чего бы вы хотели от меня?— спросила его черноглазая девушка.

— А если потребую — все выполнишь?

Он сам удивился своей смелости, но она не отвела глаз.

— Разве обманет девушка, которую никто еще не обманывал? Говорите свое условие!

Она продолжала в упор смотреть на него, и сердце Кенесары затрепетало вдруг, как пойманный воробей.

— Если никто еще не обманывал вас, то мы поехали. Но вы должны догнать нас, и я предложу свои условия!

— Хорошо!— твердо сказала она.

Они поехали дальше по берегу реки, и уже на первой излучине подруги догнали их. Им было по шестнадцать — семнадцать лет, но они не испугались незнакомых джигитов. Так поступают только чистые душой девушки...

А он не мог уже отпустить ее от себя. И она не хотела оставлять

его. В мгновенье ока завершается девичий век. Ночь они провели в открытой степи, и жесткий куст караганника у их изголовья пахнул розами...

Уж чье это было исполнено желание — ее или молодого султана,— Кунимжан никому не рассказывала. Но и скрывать этой ночи ни от кого не стала, даже от нареченного жениха. А женихом этим был Конур-Кульджа Кудайменде-улы, внук хана Самеке...

Два года назад посватался к ней мордастый, с приросшими к голове громадными мясистыми ушами Конур-Кульджа. Это было завидное сватовство, и родители ее с удовольствием приняли в качестве задатка три табуна знаменитых ханских темно-серых аргамаков. А несколько дней назад ага-султан прислал с нарочным тайную весть о том, что после перекочевки аулов на джайляу в Каракоин-Каширлы он наведается к невесте...

И тут как раз то купание в Терсаккане!.. Наутро Кенесары вместе со всеми сопровождающими его джигитами и с Кунимжан на крупе коня въехал в аул аксакала Байболата, разбившего юрты в таком удобном для купания месте. Сначала их увидели многочисленные снохи, потом тетушки, потом сестры, и последней весть дошла наконец до самого Байболата. Вначале он очень испугался гнева сиятельного жениха и расстроился тем, что придется возвращать богатый дар. Но потом он еще больше испугался, вспомнив о «волчьем выводке». Горе чуть не свалило старика, но тут прибыла весть от самого Кенесары, который просил его дочь в жены. Со дня на день должен был прибыть другой жених...

Аксакал Байболат незамедлительно все взвесил, обдумал и принял мудрое решение:

— Когда Аблай провозглашен был ханом, шесть племен из рода аргын отдали ему в жены шестерых своих дочерей. Нескромно будет с нашей стороны, если мы пожалеем для его внука одну-единственную девушку. Пусть забирает ее!..

Ровно через неделю Кунимжан торжественно отправили в аул Касыма-торе. Три тройки светло-серых аргамаков были впряжены в кареты, а за ними шли девять самых высокопородистых верблюдов, нагруженных шелком, коврами и драгоценностями. В передней карете ехала невеста, в других — свидетели с ее стороны, самые могущественные люди рода альке-байдалы и аккошкар-сайдалы.

Конур-Кульджа грыз себе руки от гнева и бессилия что-нибудь сделать. Первой его мыслью было немедленно послать туленгутов и пустить по ветру аул Байболата. Но, прежде всего, как можно было ссориться со знатным и богатым родом альке-байдалы? Ведь не просто увлечение черными глазами Кунимжан руководило им, когда он добивался ее в жены. Именно с этим самым могущественным родом Сарыарки хотел он породниться через нее. Да и начинать сейчас открытую войну с родом Касыма-торе тоже было не по силам. Пришлось пока затаить в душе бешеную ненависть и ограничиться возвращенным калымом и возмещением — трижды девятью головами скота каждого вида.

Черная змея поселилась с тех пор в груди Конур-Кульджи и не

давала ему покоя, пока не представился случай отомстить. Однажды он со своими тюленгутами подстерег другой свадебный караван. Это везли из Кокчетава к жениху в аул рода таракты старшую дочь Саржана — Куникей. Султан Конур-Кульджа напал на караван, провел ночь с Куникей и выгнал. Теперь отношения между сыновьями Касыма-торе и султаном Конур-Кульджой обострились до такой степени, что требовали человеческих жертв. Только кровь могла смыть такое страшное оскорбление...

Так завязывался этот зловещий узел — из вековечной борьбы за власть, султанских самолюбий, убийств, насилий, неразделенных женщин и многого другого, что при сложившихся в степи отношениях само собой вплелось в справедливую борьбу народа за свободу. Распутывать этот узел нельзя уже было без булатных мечей, и это хорошо понимали в обоих враждебных станах.

Кунимжан, вопреки обычаю, называла Кенесары не мужем, а «мой торе». Этим она, одна из знатнейших женщин степи, подчеркивала еще большую знатность своего мужа, имеющего право повелевать ею. При всей ее внешней покорности, она имела огромное влия нге на Кенесары и была в курсе всех событий.

— Мой торе, я еле нашла тебя в этой большой степи... Оказывает ся, страшную весть привез Кудайменде-батыр нашему деду!

— Какая весть?

— Ты же знаешь сына Азанбая...

— Какого из них?.. Азанбая из каржасов, что живут в Баян-ауле, или нашего кокчетавского Азанбая-Аксары?

— Азанбая из каржасов... Ты помнишь, как перед самым нашим уходом из Сарыарки в Омске казнили его сына Тайжана? Так вот: убили и его старшего сына!..

— Сейтен-батыра?— вскричал Кенесары.

Она молча кивнула.

— Пусть в рай отправится душа его! Слишком рано покинул этот свет батыр. Неужели смерть его пришла от руки Конур-Кульджи? Эта собака клялась погубить его...

— Говорят, что так именно и случилось. Когда аул Азанбая уходил к Балхашу, проводником их был какой-то крещеный последыш Конур-Кульджи. У Мын-Арала их настигли каратели...

Кровь начала приливать к лицу Кенесары.

— Сколько людей погибло?— спросил он отрывисто.

— Рассказывают, что немного: два-три человека. Они попали в ловушку, и сопротивляться не было возможности...

— Пусть тоже войдут в рай... А мы здесь напомним о них, если суждено вернуться в Сарыарку!

— И еще говорят, что вместе с батыром попал к карателям и Ожар — сын Кубета.— Кунимжан считала своим долгом узнать все для мужа.— Он будто бы в омской тюрьме...

— Это какой Ожар?— Кенесары насторожился.— Не тот ли, что

был вестовым у Конур-Кульджи? Разве не порвал он давным-давно всякую связь с родом?

— Вот и говорят люди, что он поссорился с Конур-Кульджой и вернулся к своим. Видимо, вспомнил поговорку, что руки отсыхают у того, кто не радеет о родной крови. Подавленный бедой каржасов и бегством их из родных мест, он снова примкнул к батыру Сейтену. Но тут как раз и случилось это...

— Однажды я встретил его,— задумчиво сказал Кенесары.— На вид крепкий человек и с настоящим характером. Значит, тоже не смог покориться... Теперь и его, наверно, пошлют в Сибирь!

Он повернулся и посмотрел в сторону аула. К ним быстро шел молодой стройный джигит. Кенесары узнал в нем своего младшего брата Наурызбая — от матери-калмычки. И хоть были они от одного отца, с трудом признавали в них родных братьев. Высокого роста был Наурызбай, плечи — косая сажень, белое продолговатое лицо всегда залито здоровым румянцем. Нос, рот, глаза, брови и ресницы — все у него крупнее, чем обычно у казахов. Особенно глаза были другие: какие-то странные, чуть раскосые, они смотрели на мир с подкупающим доверием. С висков его ниспадали длинные косы с вплетенными зернами разноцветного жемчуга. К пробивающимся усам особенно шла соболья шапка с красным бархатным верхом. Соболями была оторочена и щегольская горностаевая шуба, у пояса висел красивый серебряный кинжал в узорчатых ножнах.

Он и в бой ходил в этой одежде, только подкатывая при этом правый рукав дорогой шелковой рубахи. Издали узнавали его враги, когда, опустив залитое изнутри свинцом копье, с кличем «Аблай!» мчался он на своем серо-золотистом коне Акаузе. Говорили, что правая рука у него обладает силой четырех джигитов. А уж копье в этой руке не знало промаха, и до сих пор не находилось храбреца, который бы выжидал приближающегося юного батыра... А в обычные дни не было в степи человека добрее и услужливее Наурызбая. Шутником и весельчаком слыл он среди соседей, и дети всего аула любили его...

Сейчас тяжелые брови его были сдвинуты, а глаза выдавали душевное смятение...

Он давно уже был не в себе, юный батыр. Тоска по родине, которую пришлось покинуть, одолевала его. Как только закрывал он глаза, виделся ему прекрасный зеленый ковер Сарыарки, голубовато-сизые вершины далеких гор, величественные громады скал. Часто снились ему прозрачные горные озера, в которых отражаются вершины вековых сосен, мятежные полноводные реки, неистово бьющиеся в каменистые берега. В такие минуты ему казалось, что он слышит чей-то знакомый и печальный голос, призывающий его, молящий о помощи. И снова погружались его мысли в бушующие волны далекого Боровского озера, уносились оперенной стрелой к вершине Окжетпеса. Одиноко плыл в бескрайнем синем небе родины беркут-великан, и разрывалось на части сердце Наурызбая.

Если бы мог он полететь туда, где прошли детство и юность, где познал он материнскую ласку и первую любовь, то ни минуты не сидел бы он в этих опостылевших местах. Но нельзя сейчас возвращать-

ся в Кокчетау, где процветает Конур-Кульджа и другие прихлебатели белого царя. На молодого орла, прикованного к своей подставке, похож он, батыр Наурызбай. Из сурового шелка свита его веревка, и тщетно клекотать, пытаться освободить связанные ноги...

Не понимал Наурызбай, чего они ищут на пустынных берегах Сырдарьи. Чего они хотят — спасти собственные шкуры? Не лучше ли сражаться там, на родной земле, которая придает силы своим сыновьям! Как могут они освободить Сарыарку, находясь от нее за сто конных переходов? Или, может быть, здешний тамариск, ковыль и типчак лучше кокчетауской таволги и караганника?

Он не понимал политики своего отца Касыма-торе и старших братьев — Есенгельды и Саржана, сколько ни объясняли ему необходимость выжидания. Одно джайляу в Сарыарке было дороже для него всего Кокандского ханства со своей поддержкой, которую оно могло бы оказать их делу...

С утроенной силой стала грызть его тоска со вчерашнего дня, когда приехал вольный батыр Кудайменде. А сюда Наурызбай пришел, чтобы поговорить наедине со своим братом. Его острые глаза разглядели Кенесары в безбрежной степи...

— Почему ты так плохо выглядишь, мой маленький торе?— спросила у него, улыбаясь, Кунимжан.— Не заболел ли ты?..

Наурызбай, не в силах скрыть своего состояния, сокрушенно повесил голову:

— Это правда, невестка... Душа у меня болит, сердце ноет, что-то давит в груди...

Кенесары, хорошо знавший эту болезнь, промолчал. Кунимжан попыталась подбодрить молодого батыра:

— Не всегда будут черные тучи, когда-нибудь взойдет и солнце. И недуг твой пройдет...

— Когда же это будет?

— В степи все зависит от коня.

— Не вижу отсюда, куда можно было бы помчаться не оглядываясь. На загнанного в овраг волка похожи мы здесь. И как бы ни гордились волчьей отвагой, прячемся в яме!

Кенесары внимательно посмотрел на младшего брата.

— А ты знаешь, что страшнее всего волк, когда вылезет из логова? Напрягись, покрепче прижмись к земле и готовься к прыжку, мой Науанжан!..

— Нет, Кене-ага...— Наурызбай тяжело вздохнул.— Волк делает прыжок из логова только перед смертью!

— Бывает, что он уносит на тот свет и своего врага...

Молодой батыр упрямо мотнул головой.

— Люблю сам подстерегать врага. А где это удобней делать, как не в Сарыарке? Там все есть: овраги для засады и степь, где даже ветер не догонит меня...

То же самое чувство испытывал Кенесары, однако для батыра послушание старшим — первая заповедь. И он со свойственной ему сдержанностью напомнил это:

— Орленок, рано вылетевший из гнезда, быстрее стареет. Не торопись выбирать себе путь, пока живы твои старшие братья...

Наурызбай потупился. Больше всех на свете любил он своих братьев. И самым дорогим для него было мнение Кенесары.

— Я слушаю тебя, Кене-ага!..— тихо сказал он.

Глядящий в степь Кенесары вдруг насторожился. Наурызбай и Кунимжан тоже посмотрели в ту сторону. Со стороны перевала на восточной окраине гор заклубилась пыль. Через некоторое время из нее вырвались два всадника. Они мчались так, словно враги наседали на хвосты их лошадей.

— Это же батыр Агибай!— воскликнул Кенесары.— И конь его Акылак!

— Да, это дядя Агибай...— Наурызбай пристально всматривался в приближавшихся всадников.— А кто же рядом с ним?.. По тому, как прилег к гриве, похож на Ержана...

— Это они!..

И вдруг Кенесары побледнел.

— Ой, баурым!..— донеслось чере всю степь. И сразу заголосили, заплакали в одном ауле под горой, в другом, третьем...

Это был вопль скорби, которым, не сбавляя бега коней, оповещают в степи о гибели близких.

— Ой, бауры-ым!..

Каменным оставалось лицо Кенесары, и он не двинулся с места. Кунимжан встала ближе к нему. Только Наурызбай не выдержал — побежал навстречу вестникам несчастья. На полном скаку спрыгнул с коня Агибай-батыр, надел на шею пояс и, по древнему обычаю, пополз на коленях, подняв обе руки к небу:

— Батыр Кене, мы лишились обоих султанов! Мы лишились восемнадцати лучших джигитов! От руки ташкентского кушбеги пали твои старшие братья Есенгельды и Саржан, пали все наши славные воины!..

Кенесары не пошевелился.

— Когда и как?— спросил он спокойным голосом.

Не вытирая текущих слез, батыр Агибай рассказал подробности гибели султанов...

Они шли к аулу, и потрясенные горем люди бежали им навстречу. Наурызбай с Кунимжан поддерживали с двух сторон обессилевшего Ержана. Подойдя к белой юрте, Кунимжан сорвала со своей головы саукеле с перьями, бросила на землю парчовую шаль и, распустив свои черные волосы, заголосила:

Пали безвременно два льва, не знавших страха,—
Доверились коварному врагу!
О, как подло заманили их в ловушку
И расправились с безоружными!..

Недобрая весть подобна шальному ветру — в мгновение ока распространилась она по всем юртам. Матери в отчаянии рвали волосы, плакали навзрыд дети, тяжело вздыхали старики, стискивали зубы джигиты. Горестный вой и плач поднялся над кочевьями, словно кор-

шуп внезапно налетел на мирно плавающую в поднебесье птичью стаю...

Лишь на следующее утро кое-как утих переполох, вызванный этой страшной вестью. Услышав из уст Агибай-батыра подробный рассказ о гибели двух своих сыновей, старый Касым-торе поседел в одну ночь. Будто выпил горькой отравы — обесцветились его серые с багровыми, как у волка, прожилками глаза, потемнело большеносое лицо, густым инеем покрылась темно-рыжая прадедовская борода. Несмотря на семидесятилетний возраст, он до сих пор был прям, как копье, а тут согнулся, как одинокое, открытое всем ветрам дерево в степи.

Касым-торе врагам на страх рожден,
Был с ненавистью он в глазах рожден,
Из чрева материнского на свет
С горстями крови в кулаках рожден.

Так пели по степи о Касыме-торе до этой ночи. Но куда делись его беспощадная суровость, врожденное жестокосердие, буйный нрав и своеволие! Дешевле воды ценилась им раньше человеческая кровь. Теперь он стал похож на истощенного барана, у которого клочьями лезет шерсть. Дряхлым, беспомощным стариком сделался он сразу, и только в глазах окаменели какие-то остатки былого озлобления и лютости.

Ближе к полудню старый торе собрал на совет Кенесары, Наурызбая, Агибая и приехавшего накануне батыра Кудайменде. Он долго сидел молча, потом поднял голову:

— В молодости, когда был я глупым и необузданным, увидел я как-то в горах Кокчетау дикого белого верблюда. И хоть говорили старики, что нельзя этого делать, я посмеялся над их словами и пустил в него стрелу. «Этот священный верблюд был хозяином Кокчетау, и как бы не поразило тебя его проклятие!» — сказали тогда старики... Теперь я знаю, что это из-за моего кощунства потеряли мы горы Кокчетау, а сейчас я потерял сыновей. Проклятие на моем роде, и не будет счастья никому из моего потомства, если не принести жертву. Во имя аллаха мудрого, справедливого за искупление моего давнего греха жертвую священного белого барана с золотистой головой. Склоняю свою отягощенную грехами седую голову, молю бога простить меня и пощадить моих оставшихся сыновей!..

Касым-торе опустил вознесенные к небу руки и сидел в скорбном молчании. Собравшиеся беззвучно шептали: «О аллах, прими жертву!.. Прими белого барана с золотистой головой!..» Неясный, затухающий огонек появился на миг в глазах старого торе.

— Бухар-жырау говорил, что не от старости умирает орел. От горя он умирает, когда крылья уже не держат его в воздухе.— Касым-торе собрал все свои силы, встал, выпрямился и протянул правую руку, благословляя Кенесары:— Теперь твой черед летать... Аминь!

Он отстегнул от пояса родовой кинжал в серебряных ножнах,

снял со стены старое кремневое ружье на роговых ножках, передал их Кенесары:

— Этому кинжалу тысяча лет, и всегда принадлежал он старшему из нашего рода. А ружье перешло ко мне от моего отца и твоего деда — хана Аблая. Оно убивает с пятисот шагов, и до сих пор я никому его не давал!..

Это означало, что Касым-торе передает всю власть, родовую и военную, султану Кенесары. Вынув прадедовский кинжал из ножен, Кенесары приложил его острием к губам:

— Клянусь никогда не знать пощады к врагам, и пусть сердце мое будет холодным и твердым, как эта сталь!

Касым-торе наклонил голову в знак согласия:

— Последняя моя просьба к тебе: отомсти за смерть двух братьев и за восемнадцать зарезанных туленгутов!.. Нам не одолеть сейчас всего Кокандского ханства, но для мести сил хватит. Завтра же собери всех верных сарбазов и, по примеру нашего славного прадеда — хана Тауекеля, не оставь камня на камне от Ташкента. Пусть сгинет это гнездо коварства, и тогда ты выполнишь передо мной свой сыновний долг!..

Султан Кенесары опустился на одно колено:

— Мы подумаем и после восхода солнца скажем свое решение.

В ту же ночь султан Кенесары собрал в белой двенадцатикрылой юрте батыров Агибая, Наурызбая, Кудайменде и Нысанбая и долго советовался с ними. Наутро он вместе с батырами посетил Касыма-торе.

Всю ночь не смыкал глаз, ворочаясь с боку на бок, старый хан. Он сомневался, правильно ли поступил, велев напасть на Ташкент и не заручившись при этом поддержкой казахов Сырдарьи, Сарысу и Чу. Можно ли рассчитывать на успех, опираясь лишь на малочисленные роды алтай, тока, алтын, уак? Увидев сына, Касым-торе медленно встал с мягкой постели.

— Торе! — Кенесары низко склонился перед ним.— Как говорят, если разум — палка, то гнев — нож. Не будем же срезать палку. Мы обдумали это и пришли к решению, что не следует сейчас нападать на Ташкент. Время еще не настало...

— Что же вы будете делать?

— Мы вернемся в Кокчетау.

Касым-торе не стал больше ничего спрашивать. Время его решений прошло. Он долго сидел, покачивая головой. Потом заговорил:

— Что же, я сам сомневался, правильно ли мы задумали. Очевидно, пришло утро, которое всегда мудрее вечера... Теперь давайте подумаем о вашем решении. Когда волчица оставляет свой выводок в логовище, охотники обязательно ставят там капканы. Не ждут ли они нас в Кокчетау? Ведь нам ужиться там после всего случившегося невозможно. Не лучше ли перекочевать в глубь Сарыарки, да и то не дальше Улытау? Это узел кочевий всех трех жузов, и если не на одного, то на другого можно будет опереться...

— Улытау относится к роду баганалы.— Кенесары говорил спокойно, убедительно. Было видно, что он все хорошо продумал.— Что, если откажут нам теперь в убежище сыновья Сандыбая? Нельзя забывать, что оба — Ерден и Дузен — получили высокий титул от белого царя. Не придется ли нам сразу браться за палицы? Разумно ли это будет, даже если мы и сможем их одолеть?..

Касым-торе согласно кивнул:

— Да, ты правильно судишь, султан Кенесары. Измученные походом сарбазы должны будут отдохнуть. Да и плохо приходится тому, кто, придя в чужой дом, подобно скорпиону, жалит хозяина. Не с этого следует начинать задуманное тобой...— Он остро посмотрел на Кенесары, потом со вздохом опустил голову.— Неужели во всей Сарыарке не осталось места, где можно было бы приклонить голову внукам Аблая?

Тогда, до сих пор стоявший молча, склонил перед старым торе голову батыр Кудайменде:

— Нельзя надеяться на гостеприимство детей Сандыбая, мой торе. Мне кажется, что вам следует перекочевать сразу к берегам Терсаккана, в урочище Каракоин-Каширлы. Среди наших — немало из рода алтай, а вы знаете их батыров Жанайдара и Тулебая. К тому же род алтай с радостью даст на зиму убежище потомкам Аблая! А к лету можно будет перейти в Улытау, чтобы вырвать его у сыновей Сандыбая. Только переломив им хребет, можно будет думать о дальнейшем...

— Что же, где-то за Терсакканом и родные нашей снохи Кунимжан...— задумчиво ответил Касым-торе.

— В таком случае надо немедленно посылать нарочного в Каракоин-Каширлы, чтобы дать знать о нашем намерении!— решил Кенесары.

Касым-торе утвердительно кивнул:

— Это правильное решение!

...В этот же день для переговоров с алтайскими родами, населяющими Каракоин-Каширлы, имея в поводу двух подставных лошадей для смены, выехал батыр Кудайменде. После поминок по погибшим от рук ташкентского кушбеги султанам и туленгутам аулы стали поспешно готовиться в дальний и нелегкий путь. Оказалось, что не только старики и взрослые мужчины, но и маленькие дети истосковались по родным краям. Они радостно бегали, помогая старшим разбирать юрты. Потуже стягивали ремни джигиты, узлом завязывали хвосты лошадей, готовясь в дорогу. Особенно тщательно проверяли оружие: вынимали из колчанов длинные стрелы со стальными обоюдоострыми наконечниками, пробивающими любую кольчугу, обычные стрелы с четырехгранными наконечниками «козы-жаурын», заменяли на них помявшиеся или пересохшие от времени перья. Другие оттачивали стальные, в полторы руки длиною, навершия копий, привязывали к ним волосяные кисточки из конских хвостов. Имевшие сабли, кинжалы и ножи точили лезвия, а не имевшие холодного оружия попросту выдергивали с корнем молодые горные сосенки и

обстругивали их. Все понимали, что вряд ли обретут покой на родной земле.

На высоком холме стоял султан Кенесары. Внизу, обтекая холм с западной стороны, уходил к горизонту караван. Словно возвращающийся на родину косяк перелетных птиц!..

За две недели пересекли они Бетпак-Далу. Там, где река Сарысу заканчивает свой путь, исчезая в сыпучих песках, находилось урочище Кзыл-Джингил. Там, в большом ауле Ботеша, их ждал уже Кудайменде и с ним знаменитый, ужасный в сражениях алтайский батыр Тулебай, который один вытаскивал упавшего в глубокий степной колодец верблюда. Вместе с Тулебай-батыром для встречи султана Кенесары сюда прибыли два влиятельных аксакала и полтора десятка крепких, вооруженных коваными палицами джигитов. Маленькие косматые лошади, овчинные малахаи и яловые сапоги выдавали в них людей невысокого происхождения. Да и сам Тулебай-батыр, одетый просто, выделялся только своим необыкновенным устрашающим видом. Казалось, что ширина его равняется высоте, а роста он был в полтора обычных джигита. Глаза его затерялись в зарослях густых бровей и ресниц, а длинные смоляные усы доходили до ушей и закручивались вокруг них. Под стать батыру был и конь, так же густо заросший ниспадавшей на землю черной гривой. И круп коня был немногим уже плеч хозяина...

Тулебай подъехал, слез с коня, опустился на одно колено:

— Эта степь — ваша, султан Кенесары, внук Аблая!

Кенесары, который всю дорогу был хмур как осенняя степь, впервые расправил плечи и посмотрел куда-то поверх голов окруживших его людей...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

I

Лучи солнца давно уже лились из тундика — отверстия в купольном потолке юрты, но ага-султан Кара-Откельского округа Конур-Кульджа Кудаймендин все еще не вставал с постели. Он любил по утрам думать так, лежа на громадных пуховых подушках. Вот он тяжело перевалился с бока на спину; маленькие, похожие на ягоды черемухи глаза уперлись в уык — одну из жердей крепления юрты; жидкие, словно усы у кота, брови поползли вверх. Высокое, огромное, напоминающее сундук брюхо вздымалось толчками, клокоча, как опущенный в воду мех из коровьей шкуры; а короткий и широкий, будто рукоятка плети, нос со всхлипом захватывал воздух. Особенно непотребна была верхняя губа: редкие волосенки хомячьих усов щекотали нос при вдохе, и губа кривлялась каждый раз, выражая жёлание хозяина чихнуть.

В роскошной семикрылой белой юрте младшей жены Зейнеп почивал ага-султан. На одной половине громоздились атласные накидки, шелковые одеяла, пуховые подушки, и почти все это было придавлено его расплывшимся телом. Остальное место занимал пушистый ковер темно-вишневого цвета, на котором стояли бесчисленные обитые раскрашенной жестью сундуки и шкатулки разных размеров, а на них опять шелковые одеяла и подушки. Дверь у юрты была резная, сделанная хивинским мастером, и по обе стороны ее висели для украшения по девять великолепных шкур — черной выдры и черно-бурой лисы. На пороге были распластаны две серые, с черными подпалинами, волчьи шкуры...

В белой нательной рубахе и широченных подштанниках лежит Конур-Кульджа. А одетая в прозрачный китайский шелк Зейнеп подкатала подштанники под самый пах и оттирает затвердевшие икры мужа. Тугая грудь ее волнуется в такт сильным движениям, а бедрами она настойчиво касается его колен. Ни радости, ни печали не выражает ее лицо, узенький красивый лобик чист от мысли. Лишь время от времени посматривает она на подозрительно испачканную рубаху Конур-Кульджи, и тогда длинные и острые, как пики, ресницы чуть вздрагивают, а пухленькие вишневые губки обиженно надуваются. Страсть загорается в ее глазах, она даже слегка пощипывает огромные мужские икры, но муж не обращает никакого внимания на состояние юной красавицы жены. Он занят своими мыслями.

Думы эти всегда об одном... Чем же он, Конур-Кульджа, сын Кудайменде, хуже потомков Аблая? Слава богу, знатностью или богатством не уступает он им. Деду его, хану Среднего жуза Самеке, принадлежало сорок тысяч лошадей, об этом все знают. И когда много лет назад хан Младшего жуза Абулхаир послал белому царю письмо с желанием присоединиться к России, разве не сделал того же самого и его дед? Плохо только, что он умер раньше, чем пришел ответ о судьбе Среднего жуза. Вот дура царица и утвердила ханом

приблудившегося из Туркестана Сабалак-Абулмансура, который сделался Аблаем...

Или отец его — Кудайменде, который владел всего тридцатитысячным табуном. К сожалению, барсом он стал тогда, когда Абулмансур уже был драконом. И все же не сумел дракон проглотить барса. Сам омский губернатор не позволил — самолично заступился за наследника хана Самеке! Благодаря мудрости и хитрости удалось отцу сохранить свое право на землю и власть над аргынами. Недоступным для длинных рук Аблая сделался Кудайменде, и солдатские штыки в любой час могли прийти на помощь его туленгутам.

Счастье как маленькая птичка — садится туда, где кормушка. Отцовское богатство перешло к нему, Конур-Кульдже, а вот славу и власть, которых не было у отца, добыл он сам. Разве не правда, что султаном — правителем всего Кара-Откеля стал именно он, а не какой-то аблаевский выродок? Разве не пасется в его табунах двадцать тысяч лучших аргамаков темной и светлой масти, которые и не снились никогда каким-нибудь Есенгельды или Саржану?

Тут ага-султан Конур-Кульджа усмехнулся. Он вспомнил, что в представляемых в канцелярию генерал-губернатора сведениях систематически указывалось лишь двенадцать тысяч принадлежавших ему лошадей. Восемь тысяч скрывалось при описи, что ежегодно давало восемьдесят лошадей экономии на налог. Обходилось же это всего в две тройки лошадей, которые дарил он друзьям-чиновникам в Омске. Ну, еще один-два хороших обеда в год, когда они наезжали с ревизией. С такими порядками можно жить, и только подлые бунтовщики недовольны...

Белый царь не обеднеет от этого — Российская империя вон какая богатая и великая, а ему этих восьмидесяти лошадей вполне хватит для привлечения на свою сторону влиятельных лиц трех-четырех аулов. Да и тем, кому он подарит их, не так важны лошади. Не с голодранцами какими-нибудь он заигрывает. Важны внимание, обещание поддержки и защиты от бунтующей черни. Только через них, почтенных и уважаемых людей, держит он многие аулы в беспрекословном повиновении. А народ, глупый и жалкий щенок, тычется мордой в руки старших, и надо уметь вырастить из него верную собаку. Сам белый царь, не то что омский генерал-губернатор, признал его умение обращаться с народом!..

Конур-Кульджа, довольный собой, приоткрыл свои хитренькие бусинки глазки. Колеблющиеся от усердия груди жены увидел он, почувствовал сквозь шелк ее теплую настойчивую ногу... И в женах он счастлив. Правда, не попала однажды к нему на подушки та, которую желал, но зато он вдоволь отыгрался как-то на другой — с чистой аблаевской кровью в жилах, настоящей торе!.. А эта, которая трет ему ноги, видать, обиделась, что ночью ушел от нее. Ну, бабья обида — до первого внимания. Стоит лишь прижать поплотнее...

Он уже потянулся было волосатой жирной рукой к шелку, закрывающему ее бедра, но новая мысль отвлекла ага-султана... А разве так уж плох он для народа? Не ему ли обязаны все казахи знаменитым царским указом на телячьей шкуре, где заверена печа-

тью клятва не брать их в рекруты? И не по его ли ходатайству издан указ от пятого числа кокек, или российского апреля, в нынешний год курицы?

Суровой и снежной была прошлая зима в год обезьяны. Основное поголовье скота содержалось обычной зимой на противоположном, южном, берегу Балхаша. Но теперь нельзя было этого делать, потому что боялись возвращавшихся в Сарыарку полчищ Кенесары. Около ста сорока тысяч голов оставшегося на тебеневке скота из Акмолинского округа пало из-за нехватки кормов. Вдобавок в самой середине зимы янычары ташкентского кушбеги разграбили множество аулов, пострадавших к тому же от бескормицы и гололеда. Среди казахов на Есиле и Нуре назревал голод.

По новому уставу казахи Акмолинского округа уже с нынешнего года курицы обязаны были платить ясачный налог. Конур-Кульджа лучше других представлял себе всю опасность сбора этого налога в такое тяжелое время и поэтому написал прошение, чтобы отложили на два года исполнение указа, как сделали это в Кокчетавском и Каркаралинском округах. Шесть изумительно красивых снежно-белых аргамаков послал он в подарок Николаю I. Так они понравились самодержцу, что приказал он освободить подвластных Конур-Кульдже казахов от налогов до 1840 года. А может быть, и не так просто — хотело царское правительство поднять вес верных ему султанов и, имея широкие планы на будущее, не показывало сразу все свои зубы.

Так или иначе, а вес ага-султана Конур-Кульджи действительно вырос до небывалых раньше размеров. Измученные люди благодарили за заступничество, стали выделять его среди других султанов и биев. Некоторые аулы, не считавшиеся с ним в прошлом, примкнули к нему, словно растерянные, замерзающие ягнята в снежную бурю.

Да, и бескормица с гололедом на пользу умному человеку... А ведь мудрый старец Жаркулак предостерегал его, предсказывая такую зиму. Старик рассеял тогда перед собой на земле гладкие речные камушки и сказал: «Видишь, ага-султан, если в месяцы маусым — июнь и караша — ноябрь будут видны рядом на небе звезды Мерген и Двойняшки Зауза, то зима будет тяжелой, морозной. Ныне и в месяце маусым и в месяце караша звезды Мерген и Двойняшки расположены рядом. Так было и в тот год, когда ты женился на Кайнисе, дочери Туяка. Тот год был годом змеи, а этот — год обезьяны... Раз в тридцать лет повторяются такие суровые зимы, так что не оплошай!»

А потом то же самое повторил ясновидящий Дакиржаурынчи, который долго рассматривал линии обожженной на огне лопатки старого, беспросветно черного барана. «Высушенная и опаленная огнем лопатка иссиня-черного барана таит в своих линиях судьбы семи царей, правящих семью народами,— сказал он.— Великие бедствия, страшные бураны, глад и мор рисуют они в году мешин — обезьяны!»

Конур-Кульджа усмехнулся. Не послушался он их тогда и не

угнал табуны в горы по ту сторону Баян-аула. Это спасло бы большую часть из павших ста сорока тысяч... Но ведь не было бы тогда и милостивого царского указа, и его возвышения над другими султанами. Сейчас народ голоден — и стал лучше, послушней. Вот и знай, где подстерегает тебя удача!.. А что там каких-нибудь сто сорок тысяч! Пусть познают нужду и от него получат помощь. Разве не будет это новой полосой золота на его одеянии славы?

И вдруг жиденькие брови ага-султана Конур-Кульджи нахмурились... Разорение черни конечно же помогает правителям держать ее в узде, но нельзя допускать крайностей. А тут еще надвигается кое-что посерьезней джута. Как бы не промахнуться!..

Кенесары!.. Мятежное, кровожадное племя Аблая: все они выходят из утробы матери с поднятыми для боя копьями! Поочередно отсекают им головы, но все равно не хотят они смириться. Вряд ли наступит желанное для него спокойствие в степи, пока хоть один из них будет жить...

В прошлом году ташкентский кушбеги отсек головы Есенгельды и Саржану, а в этом году парванчи Ляшкар отхватил ее уже у самого Касыма-торе, но разве поумнели, смирились они перед роком? Наоборот, как раненые волки, совсем озверели после этого подлый Кенесары с братом Наурызбаем. Вся степь окровавлена с тех пор, как прошлой осенью опять появились они здесь. Хуже всепобеждающего мора они, и подлая чернь идет к ним, забыв про все его, ага-султана Конур-Кульджи, благодеяния!..

Аргыны хоть и возмущались порой действиями приезжавших к нему чиновников, но легко смирялись с его велениями. А теперь и они становятся какими-то другими. И без того было неспокойно в народе, а тут еще этот волчий выводок. Теперь уже совершенно ясно, что стали мятежными такие волости Акмолинского округа, как Байдалы, Койлыбай-Шагир, Жанай-Калкаман, Темеш, Тынали. К ним вполне можно присоединить весь взбудораженный сыновьями Азанбая род каржасов, поддавшихся мятежному блудословию Таймаса Бектасова, аулы Торткары, многие аулы Кара-Ахтымбетской, Женбай-Шакской, Корсын-Кернейской. Коянчи-Тагайской волостей. Наконец, роды Младшего жуза: тама, табын, жагалбайлы, алшын, жаппас, шекты, торткара и многочисленные кипчаки с берегов Тургая, которых призвал на коней батыр Иман Дулатов. И есть еще более худшая весть: шестьсот тридцать пять киргизских кибиток примкнули к поднявшимся казахам. Если Кенесары удастся использовать эти настроения, придется трудно...

Так он, ага-султан Акмолинского округа подполковник Конур-Кульджа, сын Кудайменде, лично известный его императорскому величеству — самодержцу Николаю I, и доложит в канцелярию генерал-губернатора. Необходимо как можно быстрее что-нибудь предпринимать. Пожар занимается по всей степной границе Российской империи, а главный смутьян и поджигатель — небезызвестный Кенесары из отпрысков Аблая. Используя земельные и налоговые споры, он возбуждает в казахском народе чувство ненависти к царю и его верным слугам из степных султанов.

Особое внимание следует обратить на то, что означенный мятежный султан Кенесары в последнее время усиливает свои разбойные действия в месте начавшегося строительства Актауского укрепления. Недовольство строительством он хочет обратить себе на пользу, для этого у него имеется достаточно возможностей. Сие укрепление стоит как раз на границе Акмолинского, Каркаралинского и Аягузского округов и имеет большое значение для того, кто хочет прочно владеть степью...

Конур-Кульджа раскачал свое громадное тело, сделал еще одно усилие и потянулся рукой к ковровой суме, висевшей у изголовья. Он ухватил толстыми пальцами сафьяновую папку, вытащил оттуда большую плотную бумагу с изображением двуглавого орла. Это был именной указ Николая I о строительстве Актауской крепости. Конур-Кульджа напялил на нос большие очки, которые надевал по торжественным случаям, и принялся читать, медленно шевеля нижней губой:

«Высочайше утверждено. 15 апреля, год 1837.

Во внешних округах Омской области при урочище Актау учреждено постоянное укрепление, начальствование над которым вверено коменданту в чине полковника или подполковника. На обязанность этого коменданта возложено:

I. Наблюдение за внутренним спокойствием в трех пограничных округах: Акмолинском, Каркаралинском и Аягузском.

II. Действительная защита верноподданных киргизов во время их кочевки, не исключая и Голодной степи.

III. Постоянный надзор за неприкосновенностью границ: пресечение всякого своевольного перехода наших киргизов в чужие пределы и вторжения в наши пределы от соседних народов.

IV. Покровительство движению торговых караванов. В этих видах Актаускому коменданту подчинены упомянутые три округа и все в них находящиеся. При нападении на наши посты и кочевья верноподданных киргизов коменданту предоставлено обращать хищников силой оружия и преследовать их до реки Чу, не переступая, однако же, за нее, или в других местах, за южные пределы Голодной степи...»

Конур-Кульджа лежал и молчал, удовлетворенный, словно впитывал в плоть и кровь каждую букву царского указа. Потом он улыбнулся: «Ну, погодите... Быстрее бы закончилось это строительство. Тогда посмотрим, кто каким голосом будет петь!»

Незначащей тенью была растирающая где-то там ноги женщина. Он приблизил указ ко рту, прилип к двуглавому орлу сначала нижней губой, потом реденькими усиками и широким носом. С наслаждением чмокнув, вложил орла обратно в сафьяновую папку, перенес ее к ковровой суме. Толстые влажные пальцы нащупали и потащили из сумы другой указ. Ага-султан любил лежать так по утрам и перечитывать важные бумаги...

«Именем Высочайшего указания... 10 ноября, год 1837.

К церкви, предполагаемой к сооружению во внешних округах киргизской степи, при укреплении Актау, определен священник,

2 причетника, 1 сторож, с жалованьем в год: священнику 1000 рублей, причетникам по 60 рублей, сторожу 9 рублей 50 коп. Священнику при разъездах по пограничным приказам: Акмолинскому, Каркаралинскому и Аягузскому отпускать прогоны по положению и сверх того выдавать на просфоры, вино и прочее по 250 рублей в год».

По крайней мере двадцатый раз читал Конур-Кульджа эту записку из царского указа, но не вникал в суть. На этот раз он вдруг захлопал куцыми ресничками... «Как же это так? Когда хан Аблай убил Шаршу — сына калмыцкого завоевателя Галден-Церена — и послал к царскому двору сына Тугума с заверением о полном подчинении России, императрица послала ему вместе с ханской грамотой рескрипт, по которому хану Аблаю ежегодно выплачивалось по триста рублей и по двести пудов муки на прокорм. А тут рядовому русскому мулле дают вчетверо больше. Что же это получается: или царь разбогател, или вся Казахская степь не стоит годового содержания одного попа. Дешево же нас ценят!»

Тут ага-султан испуганно оглянулся и так задрожал, что жена вынуждена была выпустить из рук его сразу похолодевшие ноги.

— Тьфа... Тьфа!..

Он даже руками отмахнулся от этих страшных мыслей. И представить боялся себе ага-султан Конур-Кульджа, что бы делал без поддержки белого царя. Никакого жалованья не нужно ему, лишь бы всегда были здесь солдаты. Сам он готов стать жертвою за одну лишь царскую тень!..

Да что там говорить: всем обязан он его императорскому величеству и будет служить ему до последнего дыхания!.. Нет здесь в степи более усердного царского слуги, чем он. Разве не Конур-Кульджа вместе с тремя другими султанами ездил, рискуя жизнью, по приказу генерала Талызина удерживать взбунтовавшиеся роды от присоединения к Кенесары? Чего не делали они, чтобы выполнить этот приказ: грозили, обещали, подкупали... Пришлось даже призвать на помощь самого главу омских мусульман — имама Мухаммед-Шарифа Габдрахман-оглы. Но ничего не получилось, ибо разъяренный народ не желает слушать слов увещевания. Безгранична его ненависть к белому царю и достойным, порядочным людям. Солдаты сейчас нужны, а не увещевания. Видно, на лбу его при рождении было написано усмирять мятежников...

Омский генерал Талызин остался недоволен в тот раз, что он не поехал для переговоров с самим Кенесары. Собственная шкура ему дороже; как говорится, не суй палец в волчью нору — оставишь руку...

Да и толку все равно было мало. Кенесары похитрее братьев. Подобно ястребу, наловчившемуся с лету бить куропаток, ведет он себя с регулярными войсками. Так же молниеносно, как и ястреб, налетает он на небольшие отряды, вроде отряда есаула Чирикова, и как под землю проваливается, когда ищут его линейные войска. Только с каждым днем на все более крупные отряды совершает он нападения. Силы Кенесары растут как горный обвал...

И налегает он с каждым часом все больше. Чего стоит только его последнее письмо омскому губернатору... «Берега рек Есиля и Нуры, земли Актау, Ортау, Каркаралы, Казалык, Жаркаин, побережья Убагана и Тобола, долины Кушмуруна, все земли от Каркаралы до Жаика являются исконными владениями наших предков, а вы отобрали их у нас и строите там свои укрепления. Нам, скотоводам, тоже нужна земля для существования». Хочет привлечь к себе чернь, вот и пишет все это, да еще распространяет свои писания среди народа.

Все больше стал он баламутить народ, когда пришло известие о строительстве этой самой Актауской крепости. Пригрозил войной, перерезал почтовый тракт между Кокчетау и Кара-Откелем, требует возврата всех родовых земель!..

Голодный волк, воющий в степи,— вот кто такой Кенесары! И правильно делает губернатор, что не отвечает на его писания, а нарочных одного за другим шлет прямиком в Сибирь. Только Кенесары использует и это, растравливая людей. «Если белый царь даже выслушать не желает казахов, сядем на коней!»— таков его призыв. Хитер он и все использует, что может. Вот почему не только родовитые люди, но и чернь, обозленная чиновниками и ага-султанами, так и валит к нему. Это опасней всего. Со всеми можно договориться, кроме черни. Раз она поднимается, следует двинуть войска. А омские генералы все рассчитывают на переговоры!..

Сейчас уже Конур-Кульджа привстал, разыскивая в суме какую-то новую бумагу. Это и был приказ генерала Талызина...

«Если не пожелают опомниться, то я в последний раз требую, чтобы вы с получением сего непременно через 24 часа отправили своих детей по назначению приказа для усмирения киргиз и разведывания предприятий мятежников. Это вы обязаны исполнить со всей точностью».

Смуглое лицо Конур-Кульджи еще больше потемнело от злости. Он вспомнил, как все это было. Генерал вызвал его к себе в Омск, накричал и в ответ на возражения приказал отправить для переговоров с Кенесары его собственных сыновей. Разве не этот приказ вынудил его оставить спокойный, надежный дом своей старшей жены Кайнисы, проживающей в Кара-Откельском укреплении, и прибыть сюда, в аул младшей жены. Сыновья его — Жанадил и Чингис — учатся в Омском кадетском корпусе. Во имя собственного благополучия он готов отправить их не только в опасный стан Кенесары, но самому черту в зубы, только... послушаются ли его сыновья?

От Кайнисы, старшей жены Конур-Кульджи, родился Жанадил, а Чингис — от второй жены, Аккагаз,— внучки Вали-хана. Жанадил — безвольный, неповоротливый, трусливый, а Чингис — прямая ему противоположность: быстрый, смелый, готов идти на все. И по виду отличны они. Если Жанадил — темнолицый увалень и весь в отца, то Чингис уродился в родственников матери — белолицым и сероглазым, со всеми качествами касты торе — задиристостью, незнанием страха, решительностью и бессердечием. Несмотря на молодость, он уже участвовал в межродовых и аульных распрях. В прош-

лом году Чингис был толмачом в отряде есаула Лебедева, схватившем батыра Сейтена на берегу Балхаша. Людям он все же нравился больше Жанадила, уже хотя бы потому, что меньше походил на отца. А Конур-Кульджа не любил обоих сыновей. Он готов послать их на верную смерть, но побаивался могущественных родственников их матерей.

Блуждавший до сих пор по стенам и потолку взгляд ага-султана остановился на молодой жене. Что-то злое и темное вспыхнуло в глубине его мышиных глаз. На грудь и пышные бедра смотрел он...

Старшая жена Кайниса не раз говорила, что прекрасная мачеха неравнодушна к его сыну Чингису. Конур-Кульджа не обращал на это внимания, понимая, что байбише — старшая жена — должна наговаривать на свою молодую соперницу, а заодно и на сына второй жены. Тем не менее он приставил соглядатая к этой Зейнеп, и тот на днях донес, что все подтверждается.

Нет, не таков Конур-Кульджа, чтобы сразу мстить. До поры до времени втянет он свои когти, чтобы выпустить их в нужную ему минуту и без лишнего шума исполнить приговор.

Но все это отступало на задний план, когда ага-султан услышал другую, куда более неприятную весть. Ему сообщили, что другой его сын, Жанадил, влюбился в дочь простого раба-туленгута и хочет на ней жениться. И девушке, говорят, он по душе. Если же отец станет возражать, то Жанадил якобы поклялся, что увезет девушку в Омск.

Он чуть не взбесился, когда услышал про это. Какой позор; сын самого ага-султана женится на девушке из черни! Да вся степь будет смеяться над ним!.. Тут уже нельзя было медлить, и он сразу вызвал к себе Жанадила.

— Верно ли, что ты собираешься жениться на Кумис — дочери рядового туленгута Абдувахита? — спросил Конур-Кульджа, и глаза его налились кровью.

Обычно тихий и безвольный, Жанадил на этот раз проявил настойчивость. Хоть и не смог выдержать взгляд отца, но от клятвы своей не отрекся.

— Верно...

— Разве не знаешь ты, что я сосватал тебе младшую дочь Ердена, которая должна стать в твоем будущем доме байбише — старшей женой? И ты, надеюсь, не забыл, что Ерден владеет всеми землями Улытау, Кара-Кенгир и Сары-Кенгир?

— Знаю... Пусть на ней женится Чингис...

— Что мелет твой язык? Как это «пусть женится Чингис»?.. Я сватаю девку ему, а жениться должен Чингис!

Жанадил, глядя куда-то под ноги, бормотал что-то невнятное:

— Неужели не может он... Если может с мачехой, почему не может на невесте брата?.. Пусть женится он, раз все равно. А я хочу Кумис... Зарежусь, если не будет Кумис!..

Это было уже сверх всякого терпения. Конур-Кульджа решил было тут же повалить на пол и хорошенько потоптать ногами Жа-

надила, но потом подумал, что этот дурак растрезвонит в отместку то, что знает о Зейнеп и Чингисе.

— Прочь!..

Три дня не мог решить ага-султан, что ему делать... Нельзя, чтобы люди узнали о тайной связи этой паскудной Зейнеп и щенка Чингиса. Никакого веса не останется тогда у него — весь разольется, как кумыс из опрокинутой чашки. И о постигнувшей их каре тоже должен знать лишь он один... Что же касается Жанадила, то необходимо отшибить у болвана запах этой Кумис. Иначе обидится Ерден — сын Сандыбая, с которым породниться —все равно что приобрести еще одну опору для своей двенадцатикрылой юрты... Но как быть, если этот балбес Жанадил будет продолжать упрямиться? Таким же упрямым ишаком был и отец его матери. Ничего, придется только подумать...

Вот тогда впервые и потащил к глазам ага-султан Конур-Кульджа письмо генерала Талызина...

А не лучший ли это выход? Вряд ли выпустит волк забежавших к нему в логово щенков. И генерал требует, чтобы именно его сыновья занялись переговорами с Кенесары. Как может поступить в таком случае верный слуга престола?..

Правда, это его родные дети, и посылать их на верную смерть... Но хан Аблай, прославленный во всех трех жузах, разве не отрубил голову своему верному черному рабу Оразу, спасшему его когда-то от рабства, только потому, что тот своим присутствием напоминал ему годы унижения? Не должен оставаться в живых человек, ставший свидетелем твоей слабости. Это закон для всех торе, завещанный великими пращурами. Чем же хуже потомков Аблая он, потомок хана Самеке?..

Конур-Кульджа хотел было уже объявить сыновьям о своем решении, но обоих не нашли в ауле. Он послал телохранителей на их розыски. Оказалось, что оба сына уехали в аул его младшей жены. Взбешенный ага-султан в сопровождении пятнадцати туленгутов поскакал туда...

Вчера Зейнеп, хоть и очень испугалась мрачного вида внезапно наехавшего мужа, старалась не выдавать своего волнения. Она ходила на цыпочках, потупив взоры и выставляя свои обильные прелести в наиболее выгодном свете. Конур-Кульджа съел небольшого, хорошо проваренного барашка, выпил ведерко крепкого кумыса и перевел глаза на цветущую, как алтайская огненно-рыжая лиса, жену. Она с деланной покорностью чего-то ждала. Но муж лишь скользнул по ней взглядом и ушел.

Была вечерняя пора, когда в ауле все начинают готовиться ко сну. Ага-султан важно шел между юртами, отвечая на приветствия наиболее значительных людей. Жанадил с Чингисом уехали куда-то в степь, и он послал за ними...

— Где юрта туленгута Абдувахита?— спросил он.

Ему показали:

— Вон маленькая юрта, покрытая черной кошмой!

Ни с кем больше не обмолвившись ни словом, направился ага-султан к этой юрте. Нукеры — телохранители бесшумно последовали за ним.

— Ассалаумагалейкум!..

Конур-Кульджа переступил порог, и первое, что увидел он, был догоревший костер из таволги посреди юрты. Потом только на коврике из лоскутков разглядел он расплетающую косы юную девушку. Она застыла в испуге, увидев неожиданно вошедшего ага-султана. Больше никого в юрте не было.

— Где Абдувахит?

Конур-Кульджа явно любовался красотой девушки. Она смутилась еще больше под его пытливым взглядом.

— Родители матери пригласили его в гости...— быстро заговорила она.— Они делают обрезание младшему сыну... С матерью вместе он пошел. Вот-вот вернутся...

— Та-ак!.. А как твое имя?

— Кумис... Меня зовут Кумис...

У него стали набухать жилы на шее. Знакомые с повадками Конур-Кульджи нукеры вышли из юрты.

Ага-султан вновь посмотрел на девушку. Кумис... Действительно, она похожа на серебро. Широкий, ровный, как из кованого серебра лоб, и сама вся матово-белая, чистая. Не зря прилип к ней этот Жанадил...

Он рывком сбросил с плеча горностаевую шубу и, оставшись в одной сорочке, стал развязывать тесемки ширинки своих просторных шаровар.

— Подай-ка, доченька, ту вот пиалу с чем-нибудь холодненьким!— обратился он к ней.

Словно настигнутый волком дикий козленок, она вздрогнула, широко раскрыла огромные черные глаза. Ей хотелось убежать, но нукеры закрыли дверь с той стороны. Девушка беспомощно встала с места, все еще надеясь на то, что ему просто захотелось пить. Да и люди со всех сторон в ауле... Дрожащими руками взяла она растрескавшуюся, обмотанную проволокой пиалу с молодым айраном и направилась к нему, как воробей в пасть змеи.

— Возьмите, пожалуйста!..

Кумис не успела договорить, как ага-султан ухватил ее за руку и дернул книзу. Даже «ойбай!» не успела она крикнуть, как он навалился, накрыл ее всю своим необъятным телом, ломая неокрепшие девичьи ребра. Она не могла даже дышать и быстро потеряла сознание...

Конур-Кульдже не было никакого дела до ее ощущений. Еще добрых полчаса провозился он с ее безжизненным телом, терзая его, словно беркут попавшего в когти кобчика. Потом, бросив ее на том же бедном лоскутном коврике, встал и принялся утирать ручьями ливший пот.

— Зачем горячиться, молодой султан? Там сейчас находится ваш почтенный отец, сам ага-султан, и вам нельзя туда...

Конур-Кульджа понял, что это нукеры за войлочной стеной не пускают в юрту Жанадила, его сына. Он заправил рубаху в подштанники под своим необъятным животом, взял под мышки штаны из выделанной жеребячьей шкуры, набросил на плечи огромную, до земли, шубу, усмехнулся удовлетворенно... Пусть теперь Жанадил женится на той, кого отец сделал женщиной...

Приближаясь к юрте своей младшей жены, он еще издали увидел Жанадила Тот сидел на земле, возле овечьей привязи, и тихо плакал, закрыв лицо руками и раскачиваясь из стороны в сторону. Проходя, Конур-Кульджа даже не повернул головы в его сторону. Щенок посмел намекнуть ему на мачеху с Чингисом, поделом ему.

О всесильный ага-султан, как прикажете быть с ее родителями?

Это был догнавший его нукер.

— А что они?

— Мы связали их на подходе к аулу, когда они возвращались из гостей...

Отпустите!

Все это было вчера... Ага-султан Конур-Кульджа оторвал глаза от пышных бедер своей молодой жены, перевел их на висящую у двери ременную плеть. Восьми вершков длины была она и в добрых два пальца толщиной. Как раз подходит к этим бедрам. Он представил сочные, набухающие рубцы на белом теле и сладко зажмурился...

Однако этого сейчас нельзя делать. С родственниками Зейнеп шутить не приходится. Она — младшая сестра ага-султана Каркаралинского округа Жамантая и дочь султана Тауке. По закону не полагается бить женщин из рода султанов. Если что-то случается, муж должен, по принятому обычаю, отвезти ее в родительский дом с той же пышностью и почетом, с какими везли ее к нему. Карать ее имеет право один лишь отец. Так что с плетью все равно ничего не получится: она висит здесь для рабынь. На них и приходится отводить душу...

Он перехватил жадный ожидающий взгляд Зейнеп. Она не спала ночью, когда он вернулся. Ей больше правился сейчас огромный, как старый жеребец, Конур-Кульджа, чем юркий, легковесный стригунок Чингис. Она долго и громко ворочалась на русской никелированной кровати у дальней стены, но он прошел на почетное место юрты, повалился на подушки и сразу же захрапел.

Когда он уже к полудню открыл глаза, то увидел ожидающую у ног Зейнеп. Она не отрывала взгляда от его измаранной накануне рубахи. Конур-Кульджа выпростал из-под одеяла огромные волосатые ноги.

— Разотри!

Ни слова больше не сказал он. А Зейнеп сидела в ногах и лишь время от времени поднимала свои длинные ресницы. Глубоко вздохнув, так что приподнималась вся грудь под шелковой тканью, она снова принималась растирать ему мясистые волосатые икры.

Потом уже хорошо отдохнувший ага-султан приподнял ногу, уперся большой шершавой пяткой в ее оголенное бедро. Полежав так, он задышал еще тяжелее.

— Ладно... Застегни дверь на крючок и раскройся!

Обрадованная Зейнеп вскочила, быстро накинула крючок на дверь. И в этот момент кто-то постучал. Она прижалась лицом к щели:

— Мой султан, пришли Чингис с Жанадилом... Открыть им?

— Ничего... Не сдохнут, если подождут!

Всласть навозившись с молодой ненасытной женой, он велел впустить к себе сыновей. Хоть они приехали сюда на отдых из корпуса, у обоих были похудевшие, измученные лица. Особенно плохо выглядел Жанадил: глаза запали, щеки ввалились, словно только что встал после тифа. Он стоял с опущенной головой и не мог поднять глаз на отца, как будто сам был виноват в случившемся.

Конур-Кульджа в упор посмотрел на него... Как он думал, так и вышло. Этот бесхребетный щенок не то чтобы кричать — глаз поднять не решается. Теперь уже не пойдет больше к своей Кумис Небось весь свой любовный пыл выплакал за ночь. Стоит как мокрая курица. Таков был и его дед по матери — безвольный и чувствительный.

Чингис по счастливому виду своей мачехи сразу догадался, что примирение состоялось... Что же, у него от этого не убавится. А старый шакал, его отец, вполне может простить их маленький грешок, хотя бы в память тех преступлений, которые сотни раз совершал на своем затянувшемся веку. Его тоже не убудет от того, что родной сын пользовался на досуге тем, чего у отца предостаточно. Главное, чтобы из семьи не уплывало!..

Равнодушным взглядом скользнул по нему отец. Значит, пронесло или просто ни о чем не догадывается...

Конур-Кульджа достал из ковровой сумы приказ генерала Талызина, нацепил на глаза очки и медленно прочитал его сыновьям. Закончив чтение, он снял очки и строго посмотрел на них:

— Вы по существу уже являетесь офицерами белого царя, нашего отца и благодетеля, поэтому обязаны беспрекословно выполнять все, о чем говорится в этом приказе. Выделяю вам каждому по сотне сарбазов. Поезжайте в мятежные аулы. Сумеете уговорить их — превосходно, нет — действуйте без пощады, как требуют от нас присяга и приказ. И помните, что этим летом вам должны присвоить соответствующий чин. Вся ваша дальнейшая служба будет зависеть от того, как справитесь с этим заданием!..

— А если не хватит сотни?— быстро спросил Чингис, сразу догадавшийся, куда метит достойный отец.— Не часто бегал Кенесары от наших сарбазов...

— Эти слова недостойны настоящего офицера!— отрубил ага-султан.— Не запятнайте только чести своего предка Самеке!

Чингис понял, что отец все знает и ничего не простил. На верную гибель посылает он их, пожертвовав для этого двумя сотнями сарбазов. Убедившись в бесполезности дальнейших разговоров, оба

поклонились и вышли. Спустя некоторое время раздался стук копыт их коней, быстро удаляющихся в сторону Кара-Откельской крепости.

Конур-Кульджа слушал этот топот, пока он не затих где-то вдали, потом повернулся к Зейнеп.

— Доколе он будет держаться за подол мачехи?— сказал он, ласково глядя на нее.— Пора уже Чингису показать себя...

У Зейнеп похолодело в груди. Значит, он действительно все знает. Поэтому и приехал так неожиданно. И то, что сыновей отправляет в зубы к Кенесары, тоже с этим связано. Ну и волк!..

Может быть, и не точно так она думала, но в глазах ее было восхищение. Все, выходит, из-за нее. Ей даже захотелось попросить у него прощения, но она не забыла, что относится к потомкам самого Букей-хана. С равнодушным видом она спросила:

— А чем провинился бедный Жанадил?

— Он слишком много знает обо всех нас: о мачехе, брате... И еще позорится с простолюдинкой, забывая, чьего он рода.

— Когда же вы отвезете меня обратно к родителям?

Конур-Кульджа с интересом посмотрел на нее:

— Сын — моя плоть от моего племени. Поэтому и карать его мне ничего не стоит. А жену я купил за сорок девять голов скота. Это недешево, и я должен сначала получить с нее все с прибылью.

Маленькие глаза его весело заискрились.

— Пить почему-то захотелось. Подай кумыс!

Она тихо направилась к двери, взяла висевшую рядом серебряную кумысомешалку, так же бесшумно пошла к сшитой из цельной лошадиной шкуры сабе с кумысом.

Если выпьет из ее опоганенных грехом рук, значит, простит... Не такие еще грехи водятся в ханских родах. К чему убиваться?

Кто-то за ее спиной вошел в юрту.

— Ассалаумагалейкум!..

Конур-Кульджа просиял, вытянул вперед обе руки:

— Ты ли это, славный Ожар?

— Желаю вам крепкого здоровья, мой ага-султан!..

— Значит, жив-здоров, мой дорогой!.. Откуда же сейчас, каким добрым ветром принесло?.. Ну, садись на самое почетное место в моем доме!

Ожар уселся, подмяв подушку своим плотным тяжелым телом, оглянулся на разливавшую кумыс Зейнеп.

— Из Омска я сейчас. К тому же не один...

— Кого же везешь с собой?

— Да бабу свою...

— А чья дочь?

— Тайжана.

— Тайжана?.. Какого Тайжана?— Конур-Кульджа даже привстал от удивления.— Не того ли самого, который бунтовал и был расстрелян! Сына Азанбая, что ли?

— Да, его дочь...

— Разве имел он дочь?

— Осталась девчонка... Алтыншаш. Когда семью Тайжана сослали, она где-то там отстала. Купил ее у конвойных какой-то купец, потом отдал генералу Фондерсону... Сейчас ей шестнадцатый год...

— Вот так новости у тебя!.. Но как ты сумел на ней жениться? Случаются же чудеса!.. А где она, почему не зовешь сюда?

Ожар снова взглянул на безмолвную Зейнеп, готовящуюся разливать кумыс. Ага-султан понял его намек.

— Эй, токал!— Он специально употребил это пренебрежительное слово, означающее младшую жену.— Сходи там, прикажи заколоть барана. И пусть побыстрее ставят самовар!..

Зейнеп понимающе улыбнулась и, плавно поводя бедрами, пошла из юрты.

Ожар деловито, с подробностями рассказал, как удалось схватить батыра Сейтена.

— Две недели пришлось просидеть в омской тюрьме!— Он както необычно тонко хихикнул.— Решили судить нас каждого по отдельности... Однажды и наведался ко мне в тюрьму сам генерал Фондерсон — весь в золотых пуговицах и с усами. Очень хвалил меня за поимку Сейтена, обещал все, что захочу... А в Омске я както видел эту Алтыншаш. Вот и попросил у него. Говорю: «Отдайте мне, ваше превосходительство, ту прислугу-киргизку, что живет в вашем доме!» Сначала не хотел — привыкли они к ней. «По уложению двадцать пятого года, говорит, девушка вольна выйти замуж, за кого пожелает. Так что я могу, лишь если сама...»

Когда я сказал, что насчет согласия девушки препятствий не будет, генерал только глаза вытаращил: «Как же пойдет она за того, кто является погубителем ее семьи?» Я снова успокаиваю его. Ничего не осталось ему...

— Ну, и как же ты?— с интересом спросил Конур-Кульджа.

— А вот послушайте, мой ага-султан... От урядника — крещеного татарина, который был у нас надзирателем, узнал я, что молоденькая прислуга Фондерсона несколько раз спрашивала у него обо мне. Она даже хотела через него передать мне какой-нибудь еды. Ведь я попал под стражу вместе с ее дядей, и она считала меня своим человеком. Я сразу догадался об этом...

Почуяв вкусное, даже еж разворачивается. Сунул я немного денег уряднику и попросил устроить встречу с ней. Тот уж, кто веру променял, чего за деньги не сделает. Пустил он как-то ко мне Алтыншаш. Оказывается, она меня связанным вместе с Сейтеном видела, когда вели нас мимо ее дома. Сказала, что всю ночь проплакала потом.

Короче говоря, хоть и выросла она среди чужих, готова жизнь отдать за сородичей. А меня считает сподвижником отца и дяди, согласна бежать со мной в родные степи.

Когда я сообщил о нашем решении Фондерсону, тот заартачился, хотел даже наказать Алтыншаш за неблагодарность. А потом махнул рукой: «Сколько волка ни корми — все в лес смотрит!» К тому же, отправляя меня с таким заданием к мятежникам, он рассудил, что, если вернусь я в степь с дочкой самого Тайжана, мне больше

веры будет. Вот я женился на ней и еду сейчас в стан Кенесары...

Конур-Кульджа, слушая его, только руками взмахивал от восторга:

— Ай, молодец!.. Значит, и волки сыты и овцы целы. Да еще молодая жена в придачу!

Ожар ухмыльнулся:

— Как говорят мудрые люди: «Если время хитрит, как лиса,— превратись в легавую, чтобы настигнуть его!»

— А ты не забыл, что становящийся ногами на две лодки — тонет? Будь осторожней, особенно в ауле Кенесары. У этого волка зоркий глаз. Кроме того, не один Кенесары опасен...

— Кто там сейчас из видных людей, помимо родственников старого Касыма?

— Многие склоняются к нему.— Конур-Кульджа помрачнел.— Я слыхал от верного человека — продавец всяких мелочей он у них там... Из известных батыров у него сейчас конечно же Агибай, затем из рода алтай — Тулебай; из табына — Бухарбай, из баганалы — Кудайменде, кипчак Иман-батыр. Недавно Жоламан-батыр, сын Тленчи, прислал к нему своего племянника — молодого батыра Байтабына — и заверил, что тоже присоединяется к нему с табынцами...

— Да, времена настали!— Ожар усмехнулся.— Это правда, что даже баб принимает он в свое войско? Говорят, его сестра Бопай оставила мужа-султана, отпрыска самого Вали-хана, захватив шестерых детей и весь свой скот, чтобы помогать ему...

— А чего тут удивляться. Если сыновья Касыма — волчьей породы, то и дочери — волчицы. Эта Бопай таскает при себе всегда копье и командует джигитами получше любого батыра. Сейчас она кружит все вокруг аула Вали-хана, куда ее выдали замуж...

Ожар задумался, потом почесал себя за ухом.

— Если Бопай в стане своего брата, то Жанайдар-батыр тоже там...

— Почему ты так думаешь?

— Разве ты не слышал, мой ага-султан, о Бопай и Жанайдаре?

— Слышал что-то в молодости...

— Прямо вторые Козы-Корпеш и Баян-слу они были. Только старый Касым-торе не отдал ее Жанайдару, потому что из черни был он.

— Уж за это винить его не приходится!— воскликнул Конур-Кульджа.

— Да, но, несмотря на шестерых детей от другого, она до сих пор с коня падает при имени Жанайдара. Да и он бледнеет при одном упоминании о ней. Так что они наверняка сошлись у Кенесары. Об этом не мешает помнить...

— Ты что, хорошо знаешь ее?

— Нет, просто видел как-то на поминках усопшего Байгобека. Такая же, как и брат,— светловолосая, с серыми глазами. На белом коне все ездила, и ни один джигит не мог обогнать ее...

Вспомнив о чем-то, Ожар внимательно посмотрел на ага-султана:

— За исключением Жоламана Тленчи-улы, все перечисленные вами батыры — люди прямолинейные, с распахнутой душой. Да и богатством особым никто из них не располагает...

Конур-Кульджа согласно кивнул.

— А примкнул ли кто-нибудь к нему из состоятельных людей — наших или киргизских манапов?

— Из состоятельных немного, да и то под угрозой. Среди них Муса Шорманов, Елемес Жакупов, Бабатай Асылгазин. Остальные выжидают событий... Да, еще из Каркаралинского округа Кудайменде Казин, а из баянаульцев Таймас Бектасов, которого столкнули недавно с должности волостного управителя...

— Таймас Бектасов?

Видно было, что невозмутимого до сих пор Ожара взволновала эта новость.

— Что это с тобой?— спросил Конур-Кульджа, искоса глядя на Ожара.

— Нет, ничего. Просто я немного знаю его...

— А отчего ты так испугался?— не отставал ага-султан.— Вы что, враждуете с этим Таймасом?

— Нет, мы плохо знаем друг друга...— Ожар оглянулся на дверь и наконец решился.— В прошлом году, когда схватили нас с Сейтеном и везли в Омск, мы ночевали в доме этого самого Таймаса...

— Ну и что?

— Я все боялся тогда, как бы не унюхал он чего-нибудь. Теперь, если он у Кенесары...

— Если не боишься еще кого-нибудь, можешь ехать. Неделю назад этот Таймас направился от Кенесары к батырам Жоламану и Иману, на берега Иргиза и Тургая. К Кенесары, очевидно, присоединятся и аулы, кочующие по Светлому Жанку и Ори. Так что вернется этот Таймас оттуда не раньше осени. Пока топором замахнется, полено вывернется. За это время сам сумей войти в доверие, чтобы клеветой казалось все, что скажут про тебя плохого... Ну, а если пронюхают кое-что, покайся тоже наполовину. Скажи, что хочешь искупить вину, жену бери в свидетели собственной искренности!..

Конур-Кульджа даже хрюкнул от удовольствия, рисуя будущую картину поведения Ожара в стане Кенесары.

— Если Таймас далеко, то не страшно...— Ожар явно приободрился.— Больше никого я не опасаюсь. На всем пути до самого Омска и потом, пока не повесили Сейтена, мы ни с кем не встречались. А он все унес в могилу, что думал обо мне.

— Вот видишь!— согласился с ним Конур-Кульджа.

Ожар продолжал говорить о том, что ему делать и как вести себя у мятежников.

— Значит, вокруг Кенесары в основном те, у кого отобрали земли или лишили пастбищ.— Он прищурился.— Если под котлом сильный огонь — он быстро закипает. Но быстро закипевшее быстрее и стынет...

Ага-султан помрачнел, покачал головой:

— На этот раз мятеж не похож на случайную вспышку, которая гаснет сама собой. Сам знаешь, кто встал во главе. И давно уже молчат они. Видно, готовят что-то. А у него там, кажется, неглупые советники...

— Какие советники?

— Разные... Не слышал, наверно, что у него отдельный отряд из беглых русских и башкиров? Среди них, говорят, такие, что умеют лить пушки, изготовлять порох и пули. А в советниках у него Сайдак-ходжа, изгнанный из Бухары, и какой-то польский офицер из сосланных за бунт. Похоже на разбойничью шайку, куда принимают всех, кто захочет.

— Ну, что будет, то и будет!— Ожар, словно отметая все свои сомнения, махнул рукой.— Остается договориться, как я буду передавать все начальству. Главное мое поручение — сообщать о всех планах Кенесары. Это не просто...

— Да уж... Я знал, что кто-то должен приехать из наших людей для этого, но не думал, что ты. Значит, растешь, возвышаешься. Скоро меня, старика, по службе обгонишь!

— Только с вашей помощью, мой ага. Ваш ум и достоинства всегда служили мне примером!

— Ладно, присмотрись еще. Может быть, и не полностью выучился.— Конур-Кульджа снова хрюкнул от самодовольства.— Как же будешь доставлять мне свои донесения?

— У меня имеется три верных человека, помогавших взять Сейтена. Самен, Жакуп и Сакып зовут их. Все они давно уже у Кенесары. Их я и использую, а на месте найду еще кого-нибудь...

— А как мне узнать их? Не станешь же им, как барану перед случкой, надевать мешочек для отличия?

— Надевать не стану, а вот когда не будет кысе — для украшения, шакша же и нож будут прицеплены к поясу с правой стороны, а не так, как обычно, значит, это мои люди.

— А почему не будет кысе?

— Ведь молодым людям ни к чему украшения на поясе, и это сразу бросится в глаза.

— А ты, оказывается, науку до конца усвоил. Тут и я бы не догадался так осторожничать!

— Покуда жив Кенеке, разве забудешь эту науку.— Ожар, хоть и назвал шутливое прозвище Кенесары, говорил очень серьезно.— У него глаза беркута, с красными жилками...

Он встал, чтобы попрощаться.

— Ты не будешь есть?— удивленно спросил Конур-Кульджа.

— Нельзя попадаться людям на глаза. Жене я сказал, что у меня здесь дело есть к одному аульному жителю. Теперь пора идти. Так будет лучше...

— Ну, тогда счастливого тебе пути.

Четыре дня пронежился Конур-Кульджа на пуховых подушках у молодой жены и только потом вернулся в Акмолинскую крепость к своей байбише...

Подъезжая к воротам крепости, он встретился с возвращающимися из похода сыновьями — Жанадилом и Чингисом. Выполняя приказ генерала Талызина, они со своими отрядами доехали до возмущенных аулов Тнали-Карпыкской и Темешской волостей. Встретив крупные силы мятежников, Жанадил и Чингис побоялись двигаться дальше и вернулись под защиту крепостных стен.

В сказке мачеха посылала пастушка за золотым альчиком с расчетом, что Мыстан-кемпир — злая старая волшебница — убьет его. Ага-султан при виде живых и здоровых сыновей почувствовал то же, что и эта мачеха, увидевшая из окна возвращающегося пасынка Особенно раздражен он был независимым видом Чингиса, которого видел уже в мечтах без головы. Все больше багровея с каждой минутой, ходил он из угла в угол своей канцелярии и постукивал плетью по блестящему сапогу. Сыновья молча смотрели на него.

В этот момент вошел дежурный солдат и передал, что из степи едет какой-то всадник. Ага-султан вышел во двор и с высокого наката, на котором стояла его канцелярия, увидел, как въехал в ворота и упал со взмыленного гнедого коня большой рыжеусый солдат. Плечо и правый бок его были в крови.

— Беда!..— хрипло выговорил он.

Из казармы выбежал маленький смуглый и очень курносый человек — комендант Кара-Откельской крепости, войсковой старшина Карбышев, прозванный казахами Кара-Иваном.

— Что случилось?— строго спросил он поднимающегося с земли солдата.

— Беда, ваше благородье,— сказал солдат, зажимая рукой раненое плечо.— Из команды хорунжего Котова я. Караван купца Строганова оберегали мы, что следовал из Петропавловска в Ташкент. Как выехали из Актауской крепости, что строится сейчас, тут и джигиты этого Кенесарыева, султана ихнего мятежного. Много их, с дубьем и копьями все. Которые бывалые солдаты не советовали стрелять, да хорунжего бес попутал. Ну, выстрелили трое или четверо, а они как кинутся скопом на нас... Один вот я уцелел. Благодаря резвости коня только...

Вокруг толпились солдаты из крепости. Волнение и любопытство было написано на их лицах.

Комендант сдвинул густые черные брови:

— Сколько их там, бунтовщиков?

— Так человек пятьсот будет...

— Самого Кенесары не видел среди них?

— Нет, ваше благородье, того я не знаю. А вот брат его Наурызбай точно с ними. Я его раньше в Кокчетавском видел. Молодой такой, справный...

— А сколько все же уцелело из солдат?

— Не могу знать, ваше благородье. Не до того мне было... Заметил только издали, что пленных и караван с собой они погнали. А вот сколько их...

— Куда же, по-твоему, путь они держат? Не в нашу ли сторону?

— Никак нет, в западную сторону поехали.

— Ладно, ступай пока в лазарет, а там разберемся, что с тобой дальше делать!

Тут же, на приступке перед лазаретом, молоденький фельдшер осмотрел рану солдата.

— А рана-то глубока! — удивился он. — Ступай-ка в лазарет, дядька. Полежать тебе придется. Еще хорошо, ежели отравы какой в стреле не было, что задела тебя!

Солдаты вдруг зашумели, как пчелы от дыма:

— Видать, погибнем все вот так, без покаяния, в пустыне!

— Какая тут тебе пустыня? Та же Российская империя...

— Достанется тебе из этой империи три аршина. Да и то когда подохнешь...

— Какая нужда погнала нас на край света?

— Во сне бы не видать этой земли!

— Прекратить! — рявкнул басом маленький Карбышев. — Службу помнить надо... Разбойничьи орды Кенесары не минуют тут нас. Так что с завтрашнего дня весь наличный состав, а также бабы и подростки пойдут на рытье рва. А то завалили его всякой дрянью, не считая налетевшего песку!

И действительно, мятежники Кенесары никак не могли миновать Кара-Откельскую крепость, которая была построена на скрещении важнейших степных дорог. А кроме того, старые кровавые счеты были между султаном Кенесары и ага-султаном Конур-Кульджой...

В эту ночь ага-султан не сомкнул глаз. Если Кенесары ворвется в крепость, то первым делом привяжет к конскому хвосту его, Конур-Кульджу. И в том, что Кенесары придет к Кара-Откелю, ага-султан нисколько не сомневался. Недаром он рыщет вокруг Актауской крепости неподалеку...

А если отправить к нему человека для переговоров? Что ни говори, а все они — дети Джучи, Темучинова сына. Нельзя ли ради этого забыть обиды?.. Нет, кого угодно простит Кенесары, только не его. Из поколения в поколение будет передаваться эта ненависть, он-то уж точно знает. И попадись ему любой из Касымова выводка, разве помиловал бы он? Теперь вся надежда только на Омск. Оттуда нужно срочно просить помощи и молиться, чтобы не запоздала она. От Кара-Ивана не много толку, да к тому же он почему-то косо смотрит на него. Еще бросит на произвол мятежников и уйдет с солдатами!..

На следующий день спозаранку ага-султан Конур-Кульджа засел за письмо генералу Талызину... «Кенесары Касымов считает меня своим злейшим врагом, — писал он. — За то он ненавидит меня, что верой и правдой служу Его Величеству — императору Всероссийскому и честно выполняю все распоряжения Вашего Превосходительства. Разбойник намерен в науку другим отрубить мне голову и извести мой благородный корень с женщинами и малолетними детьми. Не только он один этого желает, но и другие враждебные Его Величеству Государю императору племена и роды. В сей трудный час умоляю самым срочным образом выслать в Акмолинскую крепость дополнительные войска, которые смогли бы противостоять многочисленной мятежной орде...»

Дописав письмо, он поручил Карбышеву доставить его с нарочным, а сам принялся за неотложные дела. В первую очередь он решил перевезти в крепость находящиеся неподалеку аулы двух своих жен и хотел поручить это Жанадилу с Чингисом, но их снова не оказалось в крепости.

— Ведь им надо скоро возвращаться в Омск, на учебу,— сказала старшая жена, байбише — Зачем ты гневаешься на них? Им хочется перед отъездом погулять, отдохнуть. Особенно Чингису...

И так улыбнулась она при этом, что у Конур-Кульджи рот перекосился от бешенства.

— Я-то знаю, как они отдыхают!— заорал он.— Тут всю ночь глаз не сомкнешь, а негодяй Чингис щупает в это время чей-то плотный курдюк и тугое вымя!..

Он уже хотел взобраться на коня, чтобы снова поехать в аул младшей жены Зейнеп, но вспомнил, что разъезды Кенесары уже где-то неподалеку. Лишь плетью щелкнул ага-султан и в это время увидел пританцовывающего в воротах своего каурого иноходца. Конь был без всадника, а на шее его висело что-то похожее на торбу. Как обычно, с требовательным ржанием приблизился он к кормушке у самого крыльца ага-султана.. Что за ерунда у него на шее? Еле передвигая огромное тело, Конур-Кульджа подошел к иноходцу, и вдруг ноги его задрожали. Что-то круглое, похожее на арбуз, было в холщовой торбе на шее коня, и свежие красные капли сочились и падали в дворовую пыль...

Острый нож вынул Конур-Кульджа и перерезал веревку, на которой висела торба. Она с глухим стуком упала на землю. Трясущимися руками дернул Конур-Кульджа за край торбы, и оттуда вывалилась человеческая голова. Глаза у нее были вытаращены, зубы оскалены в диком смехе, а между ними зажат почерневший язык. Видимо, топором отрубили голову, потому что пополам был перерублен шейный позвонок. На шкуру черного каракуля были похожи смоченные кровью черные волосы... Конур-Кульджа с бессмысленным удивлением уставился на голову и вдруг узнал. Это был его сын Чингис...

Уже теряя сознание, успел прошептать ага-султан чье-то имя...

Это было имя Сыздыка, сына Кенесары, чью голову поклялся отрубить Конур-Кульджа в отместку за Чингиса.

Но голову Чингису отрезал не Кенесары или кто-нибудь из его сарбазов, а отец Кумис — старый туленгут Абдувахит. В ту же ночь, когда ага-султан опозорил его единственную дочь, он собрал посредине юрты все свое нехитрое имущество и поджег вместе с юртой. Потом, взяв за руки дочь и жену, бежал в степь куда глаза глядят. Не ждавший такого оборота дела, Конур-Кульджа послал за ними погоню, но беглецы скрылись в густых прибрежных зарослях камыша...

Отослав жену и дочь с одним из откочевывающих мятежных аулов, туленгут Абдувахит вернулся к своему пепелищу. Сердце его щемило от неутешной обиды и горя, глаза застилал туман. Мысли его путались, и он не знал, с чего начинать. Ему казалось, что нет

лучшего решения, чем убийство Конур-Кульджи. Только зарезав оскорбителя, смоет он это позорное пятно!..

Решившись, Абдувахит стал день и ночь наблюдать за домом Зейнеп, младшей жены ага-султана. К самой юрте он не мог подойти, потому что ее непрерывно охраняли нукеры. Как-то утром он увидел из засады — стражу сняли, но не знал, что Конур-Кульджа уехал. Вечером того же дня два всадника подскакали к аулу со стороны Кара-Откельской крепости и спешились почти рядом с залегшим в камышах Абдувахитом. Один из них был Чингис...

Отправив спутника к юрте Зейнеп, он улегся на сухом месте в ожидании вести от нее и вскоре уснул. Не зная отношений между отцом и сыном, Абдувахит подкрался к Чингису. «Чем лучше его сын моей дочери!» — подумал он и отсек спящему голову секирой.

Наутро Абдувахит подозвал пришедшего к воде ага-султанского каурого иноходца. Конь легко дался ему, потому что туленгут поил его из соски, когда тот был жеребенком. Привязав к шее коня торбу с головой Чингиса, Абдувахит стегнул каурого, а сам поспешил в стан Кенесары...

Целых три дня не поднимался с постели Конур-Кульджа и встал лишь тогда, когда родственники уже похоронили его сына. В душе он был доволен. Но сын все же сын, и нужно показать свое горе... Через неделю будут устроены богатые поминки, а пока что ага-султан с утра до ночи занимался подготовкой крепости к отражению нападения мятежников.

II

В огромной пустой белой юрте, словно тигр, попавший в клетку, ходил Кенесары. Он всегда так делал: хмурил жесткие брови, стискивал правой рукой рукоятку родового кинжала и много ходил, когда нужно было решиться на что-нибудь важное. Он и вправду был похож в такие минуты на хищного зверя: шея его, напрягалась, шаги становились неслышными, глаза горели недобрым огнем. Боясь его гнева, никто в это время не нарушал его покой. Страшно было подвернуться ему под руку, когда он находился в таком состоянии...

Сегодня это продолжалось особенно долго. Шинель с полковничьими эполетами, которую по наследству носил Кенесары, была лишь наброшена на его плечи, и полы ее развевались на поворотах.

Вчера с берегов Сырдарьи прибыл лазутчик. Он привез известие, что кушбеги Бегдербека перевели в Аулие-Ату, а на его месте временно сидит Ляшкар. Положение казахов в связи с этим сильно ухудшилось, и можно рассчитывать на взрыв. И еще одну весть передал приехавший человек: якобы Мадели-хан, правитель Коканда, вступил в преступную связь со своей мачехой. Дело было не в соблюдении закона, а в том, что это получает огласку. Значит, кому-то выгодно свалить хана Коканда, а это следует иметь в виду...

Не судьба сырдарьинских казахов беспокоила султана Кенесары, а то, как можно использовать создавшееся положение для пополнения войска. Нужно подождать, пока окончательно созреет кокандский

нарыв, и тогда уже действовать наверняка. К пятидесяти тысячам последовавших за ним дворов может прибавиться еще сто, а то и сто пятьдесят тысяч. Это уже серьезная сила!

А что, если созрел уже нарыв и он напрасно медлит?.. Долго ли будут продолжать верить ему люди, которых он с таким трудом собирал весь этот год под свое знамя? Кто угадает, не начнут ли завтра они расходиться по всей степи. Ведь это же казахи. На многотысячный и плохо поддающийся управлению табун похожи они. Такой табун мчится по степи и все может снести на своем пути. Но если враг уловит тот единственный, знакомый опытным табунщикам момент и в нужном месте испугает его, то табун ошалело отхлынет назад. Тогда ничем уже не остановишь его: ни уговорами, ни плетью...

Нет, ни в коем случае нельзя допустить этого. Поэтому — больше шуму и крику сзади, чтобы обеспамятевший табун уже не видел ничего перед собой и мчался только вперед, без оглядки, заполняя теплыми телами рвы и овраги, сметая любые заслоны!

До сих пор его джигиты громили лишь аулы враждебных ему султанов, грабили караваны на пути между Ташкентом и Кара-Откелем, участвовали в стычках с небольшими отрядами царских войск. Только на днях был захвачен большой караван купца Строганова вместе с охраной, которая стреляла по его сарбазам. Теперь пришло время перейти к более серьезным действиям. Этого ждут от него все, ждет чернь. Ведь не для нападений на караваны пошла она за ним. Если не показать сейчас людям, что он решился на большое дело, они отшатнутся от него, пойдут своим путем...

Да, пришла пора действовать! На его послания даже не отвечают, и в степи знают об этом... Несколько таких посланий направил он за это время западносибирскому генерал-губернатору князю Горчакову с предложением переговоров. Силы его все возрастали, и он рассчитывал, что царское правительство начнет наконец считаться с ним.

Последнее послание было отправлено совсем недавно: в мае 1838 года. Он написал его сразу по возвращении в Сарыарку после зимовки на берегах Чу и Сарысу. Верные люди — Табылды Аоктыулы и Кошимбай Казангап-улы — повезли это важное письмо в Омск. Каждое слово из него помнил он и теперь, шагая из угла в угол, повторял...

«Его сиятельству господину генерал-губернатору от Кенесары Касым-оглы из дома хана Аблая... Послание...

Доводим до Вашего сведения, что я стремился установить мир и согласие между нашими двумя царствами. Однако ж, как нам стало известно, Ваше сиятельство подозревают, что мы переманиваем на свою сторону Ваших людей. Я хочу сообщить Вам: без нашего согласия вы построили уездные города на землях, принадлежавших моему деду — хану Аблаю, ввели свои налоги, поставив моих подданных в невыносимые условия. Мы недовольны этим и не можем продолжать оставаться в Вашем подчинении, пока не будут отменены эти налоги. Как бы Вы себя чувствовали, если бы то же самое случилось в Российском царстве? Вы должны понимать наше положение.

По принадлежащему мне праву я присоединил к себе казахов Баян-Аульского, Каркаралинского и Акмолинского округов. Уповаем на бога при этом, что объединение наших земель будет продолжено. Было бы лучше всего, чтобы мы продолжали существовать самостоятельно, и тогда не было бы у Вас более добрых соседей.

По дошедшим до меня слухам, Вы ставите перед собой задачу нарушить наши отношения с Кокандом и Бухарой. Но, как единоверцы, они обязаны помогать нам...

Как было бы хорошо, если бы мы жили в дружбе и согласии... Однако ж уездные начальники ездят по степи и под видом законных сборов на проведение выборов отбирают у казахов лучших лошадей, вещи и ценности. Несмотря на закон о неприкосновенности личной собственности кочевников, уездные чиновники не принимают никаких мер к вымогателям, допускают беззакония, грабеж и насилие. Ведь немало времени прошло, как Ваши люди угнали с собой жену, двух снох и дочь казаха из Жортуыльской волости Азанбая, а также одну вдову. О месте, где находятся они сейчас, ничего не известно...

Для того чтобы сохранить вечную дружбу и мир между нами, я требую от Вас следующих действий:

1) Прекратить строительство Актауской крепости.

2) Срыть уже построенный город-крепость Акмолинск.

3) Закрыть все правящие учреждения на принадлежащей нам земле.

4) Выпустить из тюрем всех арестованных наших подданных, а также двух наших людей, посланных к султану Конур-Кульдже.

Ставлю свою именную подпись под этим посланием и заверяю печатью.

Я, Кенесары Касым-оглы»[1].

Что же, все правильно было написано. И даже то, что Коканд с Бухарой обязаны ему помогать. Пусть задумается губернатор о возможности такого союза и пойдет на уступки. Вряд ли он представляет, какая ненависть между нами...

Только вот уже три месяца, как отправлено это послание, а до сих пор и на него нет ответа. Табылды и Кошимбай, которые везли письмо, были по дороге задержаны сыновьями Кошека, известными прихвостнями Конур-Кульджи. Их пешком гнали до самого Омска. А на днях получено известие, что его гонцов будут судить и сошлют в Сибирь...

Можно ли дальше внуку Аблая терпеть такое пренебрежение? Да, он уже убедился, что без хорошей встряски никто с ним не захочет считаться. Сейчас перед ним два пути. Первый — покориться белому царю, склонить голову перед грязным Конур-Кульджой и сыновьями Вали, распустить людей по домам и нежиться на шелковых подушках с женами. Другой путь — тот, который он выбрал, поклявшись на дедовском булате...

Не будут с ним считаться, пока не покажет свою силу и решимость. А начинать надо с Акмолинской крепости, которая стоит на

[1] Архив Истории Казахской ССР, фонд 82, опись I, док. 164, с. 15—16.

пересечении всех дорог. Там — Конур-Кульджа, подлый шакал. И еще следует разгромить в отрогах Срымбета аулы Айганым — жены Вали-хана, злейшего врага сыновей Касыма-торе. Враги должны знать, что возмездие не минует их. Кто не с ним, тот пусть дрожит от одного его имени...

Батыры предлагали ему начать военные действия прямо с нападения на Кокчетавскую крепость, но он не согласился. Там все же мало простора для действий конницы, и Омск близко. В любую минуту к осажденным в крепости может прийти подкрепление. К тому же разве не там встретился с белым верблюдом и убил его Касым-торе? Семь поколений должно пройти, пока снимется проклятие с его рода. Кенесары не мог сейчас рисковать...

В любом случае брать Акмолинскую крепость. Она — посредине степи, и весть о ее взятии сразу отразится на положении дел.

И нужно спешить. Вчера донесли ему, что готовится указ царя о сборе налогов по новому уставу со всей Сарыарки. Он будет касаться в первую очередь уже испытавших немало притеснений со стороны чиновников Кокчетауского, Каркаралинского и других округов, а объявлен должен быть в этом же году собаки, в месяце караша — ноябре. Степная весть — «узун-кулак» — недаром получила это прозвище — «длинное ухо». И она всегда подтверждается, особенно когда это касается новых налогов и притеснений. Лучшей вести для себя он придумать не мог. Люди от одного известия об этом реками польются к нему!..

А что, если не сумеет он взять Акмолинскую крепость? Пятитысячное войско у него, но разве всех в нем назовешь воинами? Испытав горечь первого поражения, не попятятся ли они назад, как лошадь, которую стукнули обухом по голове? И кто пойдет дальше за полководцем, проигравшим сражение?..

Нет, потом могут быть и неудачи, и поражения, а в первом бою необходима победа. И тогда станут говорить, что крепостные стены рухнули от одного только его голоса. Там, в Акмолинской крепости, спрятана та белая кошма, на которой поднят он будет над всеми жузами, как его благородный дед!

Только разве Конур-Кульджа и Кара-Иван отдадут даром такую крепость? Пять саженей высоты ее стены, и глубокий ров вокруг. А за стенами — пушки, ружья, полутысячный гарнизон. Тут на одном мужестве и отваге не выедешь...

Да, нужно делать так, как советовал башкир Ашраф... Если бы он только знал, этот бедный башкир, как опасно давать хорошие советы султанам. Они не прощают этого, и ничего тут не поделаешь. Ни в коем случае никто не должен подумать, что чьи-то советы принесли вождю победу. Кенесары — это победа, и никто больше не будет иметь к ней отношения!..

От Жоламан-батыра прибыли к нему оба башкира. Но оказалось, что пушки умеет лить только Давлетчи. Кенесары выделил ему пятерых кузнецов-казахов, приказал собрать в аулах необходимые котлы и треноги, определили место для плавки в урочище Коргасынды. А другого, Ашрафа, отец которого когда-то участвовал в восста-

нии русского Пугачева вместе с батыром Салаватом, он оставил при себе.

Так как же он советовал делать, этот Ашраф?.. Кенесары вдруг явственно вспомнил его улыбку и тот последний разговор три дня назад. Рассказав об Акмолинской крепости, султан как бы невзначай спросил у башкира, как брали такие укрепления джигиты Салавата

— А у вас как это делается?— спросил его Ашраф.

Кенесары тогда согласно кивнул и все подробно рассказал ему. Как и тысячу лет назад, сплошной конной массой движутся на штурм казахи. От грозного боевого клича кровь леденеет в жилах врагов, руки у них дрожат, и они уже не могут натянуть как следует даже тетиву у лука. А конная лавина, завалив собою ров, подобно волне взметывается вверх и перехлестывает через стену прямо на плечи защитникам!..

— Нет, таким старым приемом никак не взять новую крепость, где есть пушки и ружья!— просто сказал Ашраф.

— Почему ты так думаешь?— спросил, помолчав, султан.

— Я помню, как рассказывал отец. Такая же лавина скатывалась в ров, но пока выбиралась оттуда, солдаты неверной жены Пугача — царицы Екатерины — успевали дважды перезарядить ружья, а потом в самую гущу били картечью пушки. Пришлось действовать по-другому...

— Как же?

— Сейчас ружья еще быстрее перезаряжают, да и пушки тоже...

— Ну?

Кенесары застилало глаза от бешенства, но внешне он был спокоен и внимателен. Ашраф деловито, с подробностями рассказал ему, как поступали в таких случаях Пугач с Салаватом. Это была еще более древняя степная тактика, которую саки передали кипчакам и монголам, но против пушек и ружей она вдруг оказалась самой выгодной.

— Не забудьте, что в крепости много деревянных домов,— напомнил башкир.— Салават всегда учитывал это...

А через три дня башкир Ашраф случайно погиб в тугаях от упавшего дерева. Вместе с мрачным длиннoруким султанским палачом Кара-Улеком он послан был выкуривать деготь... Да, потяжелее кованой палицы кулак Кара-Улека, и шейный позвонок честного башкира был раскрошен, словно поленом. Ничего не говорил Кара-Улеку султан, а тот почему-то решил... Приходится смиряться с этим. Такова участь правителя. Башкир хотел только добра, когда учил брать крепости... Что же, Аблай своими руками лишил жизни верного раба Ораза, чтобы не оставаться кому-нибудь благодарным на этом свете. Прапрадед гордился кличкой «Кровавый Аблай». А отец, Касым-торе, родился с полными горстями крови. Кенесары ли жалеть о каком-то башкире, если поставил перед собой такую цель. Когда идешь к власти, кровь невинного бывает необходимей пролить, чем виновного. Только слабостью порождается жалость, недостойная подлинного вождя...

— Пусть земля наша будет тебе мягче пуха!— сказал он, первым

бросив горсть песка на могилу Ашрафа. Почетно похоронили беглого башкира, одетым в белый саван, и лучшие люди присутствовали при этом...

Нет, вовсе не об Ашрафе думал сейчас Кенесары... Сначала следует собрать батыров и попросить у них совета. Когда каждый из них выскажется, тогда следует сказать свое веское слово, достойное полководца. А когда будет взята крепость, все убедятся в его способностях...

Вдруг он услышал какой-то шорох и резко обернулся.

— Кто там?

Конечно же это была Кунимжан, его старшая жена. Только она могла заходить к нему в такие минуты, когда он думал. Это стало правилом, и за нарушение его он бы покарал сильнее, чем за измену. Вождь должен находиться в особом положении, а ему предстоит стать еще ханом...

Кунимжан сразу заметила, в каком он состоянии, и поспешила развеять его тяжелые думы веселым смехом.

— Мой торе, он ждет тебя!— сказала она звонко.

— Кто?— не понял султан.

— Да ты как-то назвал его... Совет, кажется!

Кенесары невольно улыбнулся.

— Они собрались, все эти огромные батыры, и ждут тебя уже столько времени, сколько нужно мне для дойки кобылы...

Кенесары кивнул:

— Идем!..

Вместе с Кунимжан они прошли в соседнюю сдвоенную юрту, называемую им на русский манер штабом. Все батыры были уже здесь: Наурызбай, Агибай, Кудайменде, длинноусый смуглый Бухарбай, присоединившийся к ним недавно выходец из рода атыгай — известный борец Басыгара, алтайские батыры Жанайдар и Тулебай, присланный Жоламаном молодой батыр Байтабын и другие. Кроме них в юрте находились сестра Кенесары — знаменитая Бопай, брат его — султан Абильгазы, а рядом с вещим певцом Нысанбаем, недалеко от двери, сидели за круглым и невысоким казахским столом советники: горбоносый Сайдак Оспан-оглы и синеглазый польский поэт Иосиф Гербрут, прозванный в степи Жусупом. Как старший, повыше их, сидел Алим Ягуда-оглы, белокурый татарин с широким лбом и умными серыми глазами. И уже в стороне, на большом сундуке для документов, расположились особо доверенные люди — начальник охраны башкир Батырмурат и друг Наурызбая беглый русский солдат Николай Губин.

Когда вошел Кенесары, все встали, скрестив руки на груди, склонились в поклоне. Он поклонился в ответ и сел на большой, покрытый ворсистым бухарским ковром сундук, стоящий напротив двери под зеленым знаменем. Остальные тоже опустились на ковры, поджав ноги.

— Славные батыры и вожди всех трех казахских жузов!— сразу начал Кенесары.— Ни одного дня покоя не видели мы с тех пор, как начали наше благородное дело. Велики были трудности и лишения,

но мы преодолели все. Народ казахский похож сейчас на бурную реку в половодье, переполнившую русло и рвущуюся на простор. Джигиты стремятся в бой, и нет уже смысла сдерживать их. Чтобы не потерять доверия людей, нам следует от мелких схваток перейти к настоящей войне. Поэтому мы решили начать штурм Акмолинской крепости!

Всеобщий радостный вздох был ему ответом.

— Правильно!..

— Пора!..

— Бог нам поможет!..

Кенесары указал рукой на бумаги перед Иосифом Гербрутом:

— Жусуп, прочитай батырам все, что сделано карателями белого царя на наших землях!

Гербрут встал и начал читать по-казахски с легким акцентом заранее написанный доклад.

— «Генералы белого царя считают нас бунтовщиками и грабителями,— читал Гербрут.— В инструкции начальника Омской области генерала Талызина предлагается во всех пограничных крепостях сформировать специальные отряды для борьбы с нами. Там так и говорится: «Ваша задача состоит в том, чтобы ликвидировать разбойника Кенесары и вернуть сбежавшее население в свои волости». Против нас во исполнение этого приказа уже послано несколько отрядов...»

— Перечисли все, что уже сделали они!— приказал Кенесары.

— Отряд из пятисот солдат под командованием атамана Лебедева в месяце маусым — июне нынешнего года совместно с ага-султанскими людьми учинил погром в аулах родов карпык и темеш, кочующих по берегам Тургая и Жандере-Керубе, а также в ауле султана Саржана, где убито четыреста и угнано карателями сто человек. В их числе находится Баянды-бий...

Кенесары нетерпеливо махнул рукой:

— Дальше!

— Отряд из пятисот человек во главе с ага-султаном Конур-Кульджой и войсковым старшиной Карбышевым в месяце шильде — июле нынешнего года учинил погром в аулах Кошек-султана и мирзы Сайдака, кочующих в Аиркумах. При этом было убито около пятидесяти человек, среди которых находились женщины. С собой угнали восемьдесят человек...

— Довольно!— Кенесары сделал широкий жест рукой.— Что мы предприняли, чтобы воспрепятствовать этому? Расскажите нам это, Сайдак-мирза!..

Мирза Сайдак-ходжа, человек средних лет, с красивыми усами и мягкими, учтивыми движениями, неторопливо поднялся с места.

— Мы, когда представляется возможность, не допускаем этого,— сказал он и обвел сидящих взглядом.— Несколько стычек произошло у нас с отрядами, высланными комендантом Актауской крепости Симоновым. Однажды и сам войсковой старшина Симонов бежал от нас, бросив на поле боя два десятка ружей и пистолетов, а также патронов к ним, которые нам пригодились. Всего за это время нами

захвачено сто пятьдесят ружей, около ста пистолетов, двести заводских сабель и много другого оружия и припасов. Первым долгом, конечно, мы обрушиваемся на аулы правительственных ага-султанов и неправедных биев, участвующих в карательных походах против нас. В этом году мы отобрали у них целый миллион голов разного скота и много добра...

— Не только в аулах!— поправил Кенесары.

— Да, сюда входят захваченные караваны, а также то, что отобрали мы у царских чиновников: приставов, урядников, всяких толмачей. Хорошую добычу мы получили и вокруг Актауской крепости. Весь скот угнали у них...

— Поступали ли жалобы на нас от русских крестьян?— строго спросил Кенесары и поправил свой полковничий эполет со старыми царскими вензелями.— Я говорю о тех, которые сеют хлеб и не строят крепостей против нас.

— Почти не было. Всего за счет земледельцев поступило из Каркаралинского округа около ста рублей...

На самом деле поступило оттуда значительно больше, но Кенесары накануне попросил Сайдак-ходжу уменьшить эту цифру до символических ста рублей. Он знал настроения некоторых своих батыров из простонародья.

— Да, это правильно!— Агибай-батыр так разволновался вдруг, что даже вскочил с места.— Там и брать-то нечего. Не против них мы идем...

Несколько батыров закивали, Кенесары посмотрел на них долгим, с прищуром, взглядом. Сам смущенный своей неожиданной речью, Агибай-батыр растерянно сел. Султан сделал Сайдаку-мирзе знак продолжать.

— Так что основные наши доходы — от ага-султанского добра, купцов и царских чиновников. Только из аулов сыновей Кудайменде угнали мы двадцать тысяч лошадей. Сейчас не осталось у нас джигита, который не имел бы породистого скакуна и к нему по паре сменных лошадей.

— Конур-Кульджа в своем письме в Омск жалуется...— Кенесары скривил губы.— Он пишет, что мы отобрали у него лично двенадцать тысяч лошадей.

Сайдак-ходжа тоже ухмыльнулся:

— А что же ему еще писать? Не только степь обманывает он, но и самого царя с губернатором. Ведь по указу, данному в год кояна — зайца, имеющие больше пяти тысяч голов скота ага-султаны облагаются налогом на лишний скот наравне со всеми. Вот сыновья почтенного Кудайменде и заверили начальство, что у них ровно двенадцать тысяч голов скота. И те лишние восемь тысяч, что попали к нам, наверно, от бога. Во всяком случае, в жалобе о них ничего не сказано. Для самого Конур-Кульджи хуже будет, если мы дадим поправку...

— Да, не нужно подводить перед начальством хорошего человека,— серьезно сказал Кенесары.

Все засмеялись.

— Мы уже думали, что угнали у бедняги все до последнего жеребенка, а тут вдруг говорят, что на одном только дальнем острове на Есиле пасется еще три тысячи белых, как русский сахар, аргамаков. Жаловаться он сейчас не может, поскольку, по данным налогового управления, мы уже обчистили его до нитки. И вот Агибай-батыр каждый день пристает: когда же Кенеке разрешит ему пригнать этих беспризорных лошадей...

— Этот остров далековато отсюда.— Кенесары говорил теперь деловито, отметая всякие шутки.— Сейчас у нас более высокие заботы. Бог даст, не ускачут от нас белые кони.

— О аллах!— воскликнул с удивлением Бухарбай, у которого в лучшие времена не было больше пары лошадей.— Неужели бывают на земле такие богатые люди!

— Оттого и прячутся за спину белого царя!— зло заговорила Бопай.— Это им нужны крепости на нашей земле. Сколько ни отрезали на переселенцев, все равно самые плодородные земли и пастбища у потомков Самеке и Вали-хана. Не то что землю — душу готовы продать они, лишь бы сохранить свои табуны... Посмотрите, что делается: один царит на Есиле и в пойме Нуры, другой — на склонах Срымбета и аж до самого Шубара и Кушмуруна! С трех полных волостей можно уместить скот в одних только владениях этой хитрой валихановской Айганым! Доколе будем терпеть ее выходки и проказы? Не пора ли разгромить ее вместе с Конур-Кульджой?..

Глаза ее сверкали, она требовательно протягивала руку к брату. Кенесары пристально смотрел на нее. Наконец он кивнул:

— Ни один уважающий себя батыр не станет нападать на аул, принадлежащий женщине. Если не жалко сородичей своего мужа, сделай это сама!

Батырам понравилась его находчивость.

— Верно!..

— Мудрое решение!

— Не нам становиться между женщинами...

Кенесары задумался о чем-то на миг, потом снова повернулся к сестре:

— Да, так и сделаем. По пути домой заедешь в аул Вали-хана. Перегонишь скот Аманкарагайского приказа на нашу сторону.

Бопай радостно всплеснула руками:

— А чего ждать? Мои сарбазы сейчас и выступят!

— Правильно!— Кенесары повернул голову к Сайдак-ходже:— Напишите указание ей в пять дней добраться до Аманкарагайского приказа. Потом день отдыха в тугаях, а на седьмое утро произвести нападение... В этот же день мы поведем наши главные силы на приступ Акмолинской крепости!..

— И пусть сарбазы Бопай не очень-то прячутся на пути к Аманкарагаю,— заговорил понявший замысел султана Жанайдар-батыр — Если и выступили из Омска какие-нибудь силы в поддержку Акмолинской крепости, то, получив известие о движении отряда Бопай,

они повернут на Аманкарагай. Конур-Кульджа не дождется помощи, о которой просил!..

Кенесары молча кивнул. Батыры оживились.

— Наконец-то в бой!

— Пусть не спится собаке Конур-Кульдже!

— Середина степи должна быть чистой... Сровняем с землей Акмолинскую крепость!

Кенесары поднял руку:

— А теперь подумаем, как нам лучше это сделать.— Он медленно обвел глазами сидящих.— Стены крепости высоки. К тому же она окружена рвом шириной в десять, а глубиной в пять мер вытянутыми руками. Только у двух ворот прерывается этот ров, да и то там лишь четверка всадников в ряд может пройти...

— Для нас этого достаточно,— беззаботно махнул рукой Наурызбай.— Был бы путь хотя бы для одного!..

— Ох, Науанжан!..— Султан с затаенной любовью смотрел на брата.— Неужели Конур-Кульджа и Кара-Иван настолько добры, что не пустят в ход ружья и пушки, пока ты будешь пролетать эти ворота? А если перепрыгнешь ров, то как пройдешь потом сквозь стены? Хоть нас и намного больше, но идти напролом — зря губить джигитов. Поэтому я жду ваших предложений, батыры...

Глубокое молчание воцарилось в штабной юрте. Большие, сильные люди сидели, опустив головы, почесывая за ухом или поглаживая ковер у ног... Да, собрали крепкий кулак, а как дошло дело до удара, он бессильно повис в воздухе. Что же делать дальше? Акмолинская крепость лишь первый орешек. Каких-нибудь две-три сотни солдат и четыре пушки в ней. А у белого царя сотни таких крепостей, неисчислимое множество солдат и тысячи пушек. Есть ли смысл в этом восстании?..

Кенесары видел все это, и брови его хмурились... Если у самых прославленных батыров так меняется настроение еще до штурма крепости, то что будет, если постигнет неудача? Народу нужна победа!..

— Может быть, откажемся от мысли захватить Акмолинскую крепость и разойдемся по домам?— спросил он.

— Нет, не то говоришь, торе!— Агибай-батыр второй раз заговорил в этот день.— Когда в печени заноза, каждая минута, пока она там, причиняет боль. Акмолинская крепость должна быть уничтожена!

— Как ты думаешь это сделать?

— Я не вождь, а лишь батыр. Требуй от меня мужества в бою и накажи, если покажу трусость. И все же скажу, что нет такой вершины, которую не осилил бы орел. Так и перед нами нет непреодолимых преград. По моему разумению, следует плотно оцепить Акмолинскую крепость, чтобы ни одна живая душа не могла выбраться оттуда. А тех, кто покажется на стене, приветствовать меткой стрелой...

— Как вы думаете, батыры?— И поскольку все молчали, Кенесары сам продолжил разговор:— Наш безбородый Агибай дал не-

плохой совет, и когда-нибудь мы воспользуемся им. Но сможем ли мы таким путем быстро занять Акмолинскую крепость? А для нас самое главное — быстрота. Если они за своими стенами протянут до подхода подкреплений из Омска, значит, мы проиграли войну.

— Ночью нужно перелезть через эти стены,— бросил батыр Бухарбай.— Говорят, что Тентек-торе ночью напал на Сайрам и Созак, а иначе бы не взял их.

— Ночь как слепой конь,— пожал плечами султан.— И к друзьям, и к врагам может вынести. К тому же в Сайраме и Созаке у торе были свои люди, открывшие ему ночью ворота. У нас в Акмолинской крепости нет таких друзей. Самые верные солдаты и туленгуты оставлены там. Да еще несколько семей переселенцев и рыбаков с озера Карасу, которых мы сами пропустили туда. Женщины и и дети...

— Торе!— огромный Басыгара-батыр тяжело поднялся с места.— Мы, как и все правоверные, прежде всего уповаем на бога. Но после него — только на тебя, мой султан. Поэтому сам скажи, что нам дальше делать, а то у нас перед боем может разболеться голова... Не сумеешь придумать выход — вина на тебе. Сумеешь, но мы не сможем выполнить твой приказ — наша вина. Только я думаю, что даже шепот слышен богу, и ты найдешь способ, как прорваться нам за стены Акмолы!

Кенесары еще некоторое время посидел молча, потом кивнул и сделал знак. Принесли большую белую скатерть, и он начал раскладывать на ней черные и белые зерна четок. Долго объяснял он, как должна быть взята крепость, определяя задачу каждого во время приступа. Приунывшие было батыры теперь поверили в возможность успеха, и лица их снова стали решительными.

— Если вы считаете мои расчеты правильными, остановимся на этом!— закончил свою речь Кенесары.

Батыры одобрительно закивали.

— Бог поможет!

— Иншалла, нам сопутствует удача!..

Кенесары сделал знак Сайдак-ходже:

— Пиши!... Это будет наш второй приказ. Завтра с утра соберем всех и разыграем, как будем брать крепость. Большой холм к северу от аула расположен, будто Акмола...

— Сделаем так, торе!

Жусуп — Иосиф Гербрут с удивлением смотрел на Кенесары... Откуда у никогда не читавшего военных или исторических сочинений степного султана такие знания? Неужели это природное у него? Тогда народ правильно выбрал себе вождя, хоть и султан он по крови. И все же рано или поздно пути их разойдутся. Султаны не приносят народу счастья...

Уже когда собирались расходиться, за стеной юрты послышалась возня, чей-то крик. Батырмурат с Губиным поспешно вышли, чтобы узнать, в чем дело. Начальник охраны тут же вернулся и сообщил, что Кара-Улек и недавно перебежавший к ним джигит ведут поэта

Арыстана. Женщины сами хотели расправиться с ним, оттого и произошел шум.

— Ведите его сюда! — приказал Кенесары.

Бедным поэтом из рода атыгай был Арыстан и попал когда-то в отряд Саржана. В степи особенно ценится острословие, красноречие, а он обладает этим в полной мере. Кроме того, он знал древние казахские предания и мог с вечера до утра петь о славных подвигах предков. Но характер у него был непостоянный и строптивый. Однажды, обидевшись на невнимание со стороны Кенесары, он переметнулся к Конур-Кульдже и стал постоянным проводником воинских отрядов, снимавших карту степи. Его песни записывал молодой русский офицер-топограф и платил за это деньги. В степи его ненавидели, считая ответственным за уничтоженные аулы, кровь и слезы близких. Таких вещей не прощают особенно тем людям, которые совсем недавно воспевали свободу и народные подвиги. Джигиты Кенесары давно уже охотились за ним.

На самом деле поэт Арыстан был виновен лишь в том, что показывал дорогу топографам. Он никогда никого не убивал и считал, что поступает правильно. В конце концов, не он, так другой покажет дорогу, а деньги платят хорошие и кормят при этом. Одни живут от скота своего, другие от земли, а от стихов слишком сытым не будешь. Куда деваться бедняку, у которого одна лошадь, да и та хромая? Есть поговорка: хоть мытьем ишачьего хвоста, да заработай богатство. Так и он...

А Кенесары, который почему-то особенно не любил Арыстана, хотел по-своему расправиться с ним в назидание другим. И вот сейчас два человека ввели к нему в юрту похожего на кобчика маленького старичка с бородкой клинышком...

Те, что втащили его под руки, были хорошо известные в степи люди. Один был главный палач султана Кенесары — знаменитый Кара-Улек, каждый палец которого равен по величине руке новорожденного ребенка. Густо, как степная седая полынь, кучерявились на груди у него жесткие волосы, тяжело отвисли губы, а раскосые кошачьи глаза никогда не мигали. Он не знал в жизни, что такое жалость: это был жестокий, как рысь, огромный, как слон, черный, как сажа, человек. Этот Кара-Улек случайно оказался у Кенесары — он попался на воровстве, и какой-то созакский купец хотел его повесить. Кенесары откупил глухонемого великана, отдав за него черного верблюда. И кличку дал ему «Черный верблюд»... Не случайно купил его Кенесары. Кара-Улек был беззаветно предан султану и отличался одним удобным свойством. Не слыша слов, он внимательно смотрел в глаза хозяина и выполнял то, что было там написано. Разве говорил ему когда-нибудь султан об этом бедном башкире, который помнил, как брали крепости русский Пугач с Салаватом? И нет теперь в живых Ашрафа...

А с другой стороны обессилевшего от жестоких побоев поэта Арыстана держал Ожар... Уже месяц, как появился он здесь. Кенесары с радостью принял его, как боевого соратника батыра Сейтена и мужа дочери великого мученика Тайжана. Султан выделил ему

достойную юрту, отделил скот и обеспечил всем необходимым. Ровно через десять дней после приезда Ожар отправил к Конур-Кульдже юркого рыжего Самена с подробным донесением о численности сарбазов в войске Кенесары, их настроениях и боевых качествах. Сегодня с утра он все стремился проникнуть в штабную юрту, чтобы выведать, о чем говорят на военном совете мятежников. Видя, как собираются прославленные батыры и вожди, он понял, что это неспроста. Но даже подойти к штабной юрте было невозможно: все сорок нукеров личной охраны султана были расставлены на подступах и не пропускали никого. Уже отчаявшись узнать что-нибудь, Ожар вдруг услышал, что где-то поймали ненавистного Арыстана и он лежит сейчас, избитый и связанный, в тюремной юрте.

Ожар принялся разжигать страсти, предлагая повести пойманного предателя для суда и немедленной расправы к султану. Пусть убедится Кенесары в его рвении и ненависти к предателям, а заодно можно пронюхать, о чем это они там совещаются так долго. Умному достаточно намека...

Арыстан, как только увидел Кенесары, зарыдал и бросился к его ногам:

— О мой султан, я — заблудившаяся паршивая овца! Невиновен я в том, о чем кричат эти люди. Зарабатывая на жизнь, показывал я дорогу русским ученым землемерам. Прости меня на первый раз, и навеки останусь твоим рабом!..

Ни одна жилка не дрогнула на каменном лице Кенесары, лишь побелело оно от гнева. Он так ни разу и не посмотрел на валявшегося в ногах поэта Арыстана.

— Изменяющий родной земле подобен больному сапом коню.— Кенесары говорил ровным голосом.— Чтобы не заразился табун, следует уничтожить его. Так что может быть только одно решение — смерть. И не позволять потом даже подходить к падали!..

Поляк Иосиф Гербрут закусил губу... Что же, это жестокое, но правильное решение. Если действительно думаешь сохранить самостоятельность, то пусть люди боятся общения с врагом в любых формах. В борьбе необходимы жертвы, и ни к чему здесь шляхетское благородство. Уж он-то это хорошо понимает!..

Да, но почему батыры на этот раз не поддакивают султану? Все они опустили головы и стараются не смотреть на него. Почему опечалился Наурызбай, который, как драгоценное откровение, ловит обычно каждое слово старшего брата?..

Что это такое? Словно им вынесли смертный приговор, а не этому жалкому человечку, который лежит на полу в обмороке... Удивительный народ: в бою жестоки и беспощадны. Но когда приходят к ним с повинной, готовы тут же простить самого заклятого врага.

Вот попался им в руки этот Арыстан, о поимке которого мечтали стар и млад, чтобы отрубить ему голову. Но увидели его, умоляющего о пощаде, с мокрой от слез бородой, и сразу дрогнули твердые сердца. Впрочем, не все ли народы в этом похожи... А Кенесары как будто не замечает общего настроения. Как он поступит теперь?..

Султан еще раз окинул бесстрастным взглядом приунывших батыров, твердо опустил руку, указывая пальцем вниз:

— Здесь, на этом месте, отрубит Кара-Улек сейчас его поганую башку!

Еще ниже опустились головы у батыров. Наступила такая тишина, что слышно, как легкий стенной ветерок играл поверх юрты. Никто не осмеливался сказать что-нибудь, да и бесполезно это было. Слово, сказанное султанами, не может отменяться даже ими самими.

Иосиф Гербрут и это одобрил. Вождю следует приучать людей к железной дисциплине. Иначе получится, как на его родине, где каждый шляхтич считал себя вождем...

Арыстан пришел в себя и, убедившись в тщетности своей мольбы, вдруг поднял голову и сел, поджав под себя ноги. Оправив на себе одежду, он прямо посмотрел на Кенесары и резким движением отстранил волосатую руку Кара-Улека, потянувшуюся уже было с ножом к его горлу.

— Если тебе так уж хочется попробовать моей крови, то потерпи, успеешь еще!— Он не спускал глаз с Кенесары.— Да, таксыр! Слова требую по закону, султан! Ты приказал отрубить мне голову, но не язык...

— Говори!

Кара-Улек по знаку султана отошел в сторону. Арыстан весь подобрался и встряхнулся, как приготовившаяся к полету птица. По-прежнему глядя на Кенесары сверкающими глазами, он запел:

Глянь ласково, Кене,— я раб у ног твоих,
А хочешь — презирай: останусь нем и тих,
Припомни лишь, что сын того я Атыгая,
Что дал Аблаю в дар красавиц шестерых.

Кенесары в ярости махнул рукой:

— Довольно!.. Лишь на бесстыдных не действует меткое слово.— Он указал на Арыстана:— Свои поступки этот человек завернул в благодеяния, оказанные его предками моим. Могу ли я убить его? Отпустите!

Одобрительно зашумели батыры:

— Верное решение, торе!..

— Не глух ты к памяти предков!

— Не глух к слову...

Иосиф Гербрут еще раз похвалил про себя султана за мудрость. Вождю надо уметь прислушиваться к мнению соратников, ибо они его сделали вождем. К тому же это прощение говорит о его высоком благородстве, великодушии...

И не знал Жусуп, что только что помилованный Арыстан будет через несколько дней случайно убит сбросившей его на землю лошадью. Никто не увидит, как это произошло, а на шее неудачливого поэта будет переломлен почему-то тот самый позвонок, который раскрошило падающее дерево у башкира Ашрафа...

Только через много времени поймет Гербрут до конца султана

Кенесары, сына Касыма-торе и внука Аблая. Догадается он и почему так мягко относится султан к пленным русским солдатам, которые бродят без всякой охраны по лагерю мятежников и все чаще остаются у него на службе...

Довольные мудрым решением султана, батыры один за другим выходили из штабной юрты. Каждый направлялся к своей лошади, которую держал под уздцы специальный оруженосец-коновод. Наурызбай тоже подошел к своему коню и, перед тем как вскочить в седло, оглянулся на соседнюю коновязь. Сердце его вдруг остановилось, а потом заколотилось быстро и громко...

Девушка-воин в мужской одежде держала на поводу гнедого коня. В правой руке у нее было копье с кистями. Это была Акбокен...

С тех пор как Байтабын и Акбокен приехали в стан Кенесары с далеких берегов Илека, он служил в отряде Наурызбая, а она — у Бопай. Все ждали, что они обручатся, но шли дни, а этого не происходило. Как брат и сестра они относились друг к другу, и люди недоуменно пожимали плечами. Считали, что они поженятся, когда возвратятся домой.

Наурызбай и раньше встречал ее среди окружающих Бопай женщин, и каждый раз при виде этой девушки сердце его переставало вдруг биться. Сама Акбокен способствовала этому...

Однажды по случаю дня рождения у султана Кошека в стане Кенесары проходил той. Как принято при этом, ему сопутствовали конные состязания — кокпар и казахская борьба — курес. Наурызбаю пришлось бороться с Байтабыном. Наурызбай был крупнее, да и немного старше своего соперника, и после упорного сопротивления Байтабын был повержен на землю. Каурого иноходца, которого получил за свою победу Наурызбай, он подарил девушке Акбокен.

— Батыр, это ваш долг победителя или подарок?— спросила его Акбокен, взяв под уздцы каурого.

— Это долг победителя перед вашим родственником, самым достойным джигитом из всех, с которыми мне приходилось бороться.

— То-то!— засмеялась Акбокен, сверкнув глазами.— Мы как будто не давали повода думать о себе иначе. Принимаю этого коня только как долг своему приехавшему издалека родственнику...

На шутку требовалось отвечать шуткой.

— Судя по недоброму смеху, сестра, вы бы больше обрадовались победе противоположной стороны, хотя все мы здесь родственники!— улыбнулся Наурызбай.— Если было у вас такое желание, почему не шепнули мне об этом заранее?

Черные, как смородина, глаза Акбокен засияли.

— Если вы прислушиваетесь к шепоту, то думаю, что нам еще представится такая возможность...

— Договорились!

Наурызбай протянул ей руку. Щеки у Акбокен вспыхнули, и она стыдливо коснулась его длинных пальцев. Он почувствовал легкое дрожание ее руки...

Байтабыну казалось, что побежден он был случайно. Просто нога у него подвернулась. Ведь боролись они столько, сколько проходит

времени между двумя дойками кобылы, или добрый час по-русски, а Наурызбай все не мог его осилить... Не позор же это для него, что оказался на земле. Только легкий смех вызвало его падение среди присутствующих. А вот если бы такое случилось с этим щеголем Наурызбаем, тот бы не перенес. А на подаренном коне пускай Акбокен сама ездит...

Акбокен не спускала глаз с боровшихся и поймала себя на том, что не очень сочувствует Байтабыну. Она много слышала о Наурызбае, знаменитом молодом торе — остроумном и веселом, и давно уже хотела увидеть его. Девушек всегда привлекают те, о ком много говорит народ. И когда он, поступив так благородно с побежденным, протянул ей свою большую руку, она невольно придержала свои пальцы.

С тех пор словно сотканная из солнечных лучей золотая сеть опустилась на нее и стала быстро опутывать мысли и чувства. Она сама не знала, что с ней творится, но сердце ее больше не трепетало при имени Байтабына. Ночами не спала она теперь, думая об этом... Неужели она такая плохая, что смогла забыть свою клятву верности? Подобает ли это казашке? Ведь с детства любит она дорогого Байтабына, и ближе всех людей на земле он... А может быть, это была не любовь? Что же тогда любовь?

Почему же так стучит ее сердце при виде Наурызбая?.. Месяц назад, когда Байтабын был в далеком походе, они обменялись с Наурызбаем тобыком — косточкой из бараньего сустава. Перед этим у них в присутствии множества гостей произошло песенное состязание, и к концу молодой торе протянул ей маленькую косточку. Это означало дружбу и какую-то тайну между ними. Какую же тайну?..

Знает ли об этом Байтабын? Если знает, то почему молчит? Или, может быть, ему безразлично, что происходит с ней? Разумеется, Байтабын все прекрасно видит. Но какую же надо иметь выдержку, чтобы ни разу ни единым намеком не выдать себя. Чего же он ждет?

Байтабын, выйдя из штабной юрты, тоже увидел Акбокен, но, заметив уже направлявшегося к ней младшего султана, остановился в стороне.

Наурызбай, отличавшийся смелостью в обращении с девушками, прямо подошел к ней:

— Здравствуй, сестричка!

— Здоров ли, батыр?

Наурызбай весело рассмеялся:

— Кажется, я застал врасплох Серну-Акбокен!.. Верни-ка мой тобык!

Получившая тобык девушка обязана была на протяжении условленного времени держать его всегда при себе и предъявлять по первому требованию дарившего . Если тобыка не оказывалось, она должна была исполнить по уговору три любых желания. Так что Акбокен, действительно похожая на серну, чье имя носила, во многом уже доверилась Наурызбаю.

— Львы только и ищут удобного случая, чтобы напасть на бед-

ную серну. Но серны помнят об этом.— Она тоже засмеялась и достала вдруг из-под языка маленькую косточку:— Пожалуйста!

— Да, надежней места не придумаешь!— развел руками Наурызбай.

— Где еще хранить такую дорогую вещь!..

В это время появилась Бопай, что-то сказала стоящему поодаль Байтабыну, и вдвоем они подошли к разговаривающим.

— Амансын ба... Здравствуй, Акбокен!— вежливо поздоровался Байтабын.

— Барсын ба, Байтабын!

Байтабын чуть опустил подпругу известного всей степи гнедого коня, на котором ездила Бопай, поправил седло. Бопай искоса посмотрела на него и повернулась к Наурызбаю:

— Не отдашь ли этого молодого батыра в мое подчинение, Науанжан?

Наурызбай едва заметно нахмурился:

— Зачем?

— Есть причина...

— Ладно...— Он не смел перечить старшей сестре.— Как только возьмем Акмолинскую крепость, берите его. Но пока мне храбрецы нужны.

— Значит, договорились!

— Когда вы едете, Бопай-апа?— спросил Наурызбай, которому явно хотелось переменить тему разговора.

— Прямо сейчас!

Бопай куда легче любого молодого джигита вскочила в седло.

— Да исполнятся все ваши пожелания!

— Счастливого пути!

Бопай с Акбокен одновременно тронулись с места. За ними, держась чуть поодаль, поехали четыре джигита охраны.

Наурызбай и Байтабын остались на месте.

— Прощайте!..

Наурызбай помахал рукой. Но женщины ехали не оглядываясь. Выехав из аула, они пустили коней рысью. Лишь быстро удаляющиеся копья с кистями виднелись еще некоторое время за пыльной завесой...

Байтабын повернулся к Наурызбаю:

— Не поехать ли нам, батыр, в Актас?

Наурызбай с удивлением посмотрел на него:

— Зачем?

— Говорят, там в отряде появился алтайский стрелок, который с двухсот шагов пробивает стрелой подброшенный малахай. Хотелось бы посмотреть...

— Не время сейчас заниматься пустыми стрельбами да скачками,— недовольно ответил Наурызбай.— Ты же слышал: через неделю полезем на стены Акмолы. Нужно с утра до вечера обучать джигитов. Завтра и начнем!

— Это правильно.

— А сегодня вместе с Николаем переведите всю нашу тысячу в

Сасырлы. Он знает, как следует наступать на крепость. Вон он идет как раз...

Они пошли навстречу Николаю Губину, которого давно уже все казахи считали своим. И вдруг оба остановились, пораженные. Необыкновенной красоты молодая женщина сидела на пороге небольшой юрты...

Наурызбай взглянул на Байтабына и пошел дальше, а Байтабын стоял и не мог уйти. Внезапно, как вспышка молнии, ослепила его она. Неужели бывают на свете такие красивые женщины?.. Иссиня-черные бездонные глаза смотрели мечтательно, как будто увидели какой-то иной мир, лицо светилось необыкновенным светом. Все остальное: тугие темно-золотые косы до пояса, тонкий стан, легкие движения маленьких точеных рук словно были лишь дорогой оправой этого бесценного лица. Она без всякого любопытства посмотрела на них и счезла в юрте, как случайный луч солнца...

Наурызбай ожидал Байтабына вместе с Николаем Губиным. Он понимающе улыбнулся.

— Ее зовут Алтыншаш,— сказал он.— Золотые волосы!... Только у них уже есть владелец.

Байтабын растерянно смотрел на него. Он не думал сейчас о том, замужем ли она или свободна. Это для него было безразлично. Главное, что вот живет на земле такая женщина...

Они уже втроем вышли на окраину аула и пошли к месту, где завтра с утра предстояло учить джигитов брать крепости...

Бопай, женщина-воительница, во главе шестисот сарбазов внезапно напала на Аманкарагайский приказ, разгромила его, а потом, повернув в горы Срымбет, разграбила аул Айганым, младшей жены Вали-хана. На другой день через всю Сарыарку покатилась весть о том, что войско Кенесары вступило в степи Кокчетау. Получив эту весть, войсковой старшина Симонов во главе двухсот солдат немедленно выступил из Актауской крепости наперерез отряду Бопай, чтобы отобрать угнанный ею скот. Шедшая с другой стороны на помощь Акмолинской крепости передовая рота солдат тоже повернула в сторону Кокчетау...

Это и нужно было Кенесары. За два-три дня половина его войска, двигаясь ночью и днем, подошла к озеру Кургальджино и остановилась на его берегу. Другая половина, пройдя по берегу Есиля от Атбасара, оказалась непосредственно в районе Кара-Откеля. Для казахских лошадей, легко делавших сто двадцать — сто тридцать верст в сутки, расстояние до Акмолинской крепости сократилось до нескольких часов пути. Утром шестого числа месяца тамыз — августа, дав отдохнуть людям и лошадям, Кенесары выступил в путь. На следующее утро, выйдя на стену, ага-султан Конур-Кульджа и войсковой старшина Карбышев увидели бесчисленные конные лавы, обтекающие крепость со всех сторон...

Лишь на восточной стороне крепости, где в полуверсте протекала река Есиль, оставил Кенесары узкий проход. Восемь батыров возгла-

вили войско, краями подковы упиравшееся в реку. Правое крыло, как было принято в степи, взял на себя сам Кенесары. Затем шли тысячи батыров Агибая и Бухарбая, в центре находился Басыгара, по левую сторону от него — Тулебай, Кудайменде и Жанайдар, а на противоположном от Кенесары краю подковы — младший султан Наурызбай. Как только заиграл на стенах первый луч солнца, пять тысяч всадников с громким кличем «Аблай!» устремились к крепости.

Кара-Иван Карбышев уже приготовился скомандовать залп, но так и остался с поднятой рукой. Не привычной — плечом к плечу — конной лавой мчались на приступ джигиты Кенесары, а разомкнутой цепью, держась на десять — пятнадцать саженей друг от друга. И не бросились они в ров, не подставили себя под картечь и ружейный огонь, как обычно, а выпустили стрелы и отхлынули назад, в оставленные проходы, освобождая место другим. Это была непрерывная атака, при которой осыпанные стрелами защитники крепости оказались бессильны причинить какой-либо серьезный урон нападающим. Сверху представлялось, будто живая река непрерывно выбрасывает под стены крепости волну за волной, и летящие оттуда брызги смертельны. И еще это было похоже со стены на муравейник, в котором тысячи быстрых муравьев деловито волокут к единому месту свою ношу, оставляют ее и, не мешая другим, в размеченном порядке устремляются назад за следующей.

Солнце уже поднялось над крепостью. Десятки убитых и раненых солдат оттащили со стен к казармам, а живой прибой не ослабевал. Привычные к длительным казахским конным играм — кокпар и сайсы — всадники Кенесары и сейчас, словно играя, сменяли друг друга под стенами крепости. Часть их по очереди отдыхала у дальних холмов, а защитники не могли позволить себе отдыха, так как в любую минуту вся эта конная масса грозила ринуться на приступ. Ничего нельзя было понять и предугадать в этом живом круговороте. Со стены казалось, что не одни и те же пять тысяч сарбазов атакуют крепость, а все новые и новые отряды набегают откуда-то из бескрайней степи. Конур-Кульджа приказал было выискивать вождей мятежников и стрелять по ним, но солдаты не могли выполнить приказ, так как на этот раз все были одеты одинаково, и даже самого султана Кенесары невозможно было определить среди нападающих.

— Неужели Ожар плохо пересчитал их? — проворчал Конур-Кульджа.— Тут, похоже, не пять тысяч, а все три жуза собрались у крепости!..

Ага-султан уже прикидывал через какую нору удирать ему из этой ловушки. Но не меньше был поражен и Кара-Иван. Он заранее определил места, где, по его расчетам, должны будут идти на приступ мятежники, и нацелил туда заряженные картечью пушки. Стрелять следовало, когда сарбазы Кенесары заполнят ров и не будут уже иметь возможности повернуть назад. Так всегда делалось раньше, когда степняки пытались атаковать крепости. Но на этот раз происходило что-то непонятное. Мятежники даже не приближались ко рву и, выпустив на всем скаку две-три стрелы, уносились обратно в

степь. Он приказал солдатам отойти в укрытия. Если так, то пусть стреляют из луков, сколько им вздумается...

Как только солдаты отошли немного назад, всадники стали подъезжать ближе ко рву. Но длинные красные стрелы летели высоко над головами солдат, не причиняя им теперь никакого вреда. Кара-Иван несколько успокоился, но все же тревога не оставляла его. Сегодня все было не так, как обычно. Неужели не понимает Кенесары, что стрелять из луков по крепости, когда солдаты в укрытии,— пустая трата времени?..

— Ойбай... Горит!

— Пожар!.

Это у него под самым ухом завопил Конур-Кульджа. Войсковой старшина оглянулся и увидел густые клубы черного дыма, бьющие из казармы и нескольких строений вокруг. Кое-где показались яркобелые языки пламени. Один за другим вспыхивали дома солдатской слободы. Высушенное степным солнцем смолистое дерево горело, как порох. Он не мог оторвать глаз от этой страшной картины.

И вдруг рядом с ним в стену воткнулась недотлевшая противопанцирная стрела. Кара-Иван машинально выдернул ее. Черным тлеющим жгутом был обмотан наконечник, который сразу же начал разгораться на ветру. Огонь пробежал по пропитанному салом дереву. Пришлось отбросить стрелу...

Да, мятежники перехитрили его. Наступает критический момент.

Если пожар охватит всю крепость, то загорятся склады с воинскими припасами и провизией. Сопротивляться дальше станет невозможно...

Он снял полусотню солдат с обороны стены и послал тушить огонь. Все четыре пушки выкатили теперь на стену и расставили веером.

— Целить в скопления мятежников!— приказал Кара-Иван.

Пушки грохнули почти одновременно. Ядра покатились сквозь редкий строй всадников, сбив трех-четырех из них вместе с лошадьми. На этот раз, услышав пушечный грохот, мятежники не бросились врассыпную, а мигом выстроились в пять рядов, устремились к крепости. Тучи стрел заставляли солдат уткнуть головы в землю на валах. А две группы удалых сарбазов во главе с батырами Басыгарой и Тулебаем, воспользовавшись временем, пока пушки заряжали снова, проскочили по земляным мостикам у обоих ворот на другую сторону рва и теперь мчались узкой цепью вдоль самой стены, захватывая арканами неосторожных защитников. На валах началась паника. Грохот ружей, свист стрел, ругательства, крики и стоны раненых — все слилось в один неистовый хор.

В дыму и шуме оборонявшие крепость не заметили, что под обоими воротами задержалось по нескольку джигитов. Спрыгнув с коней, они уложили у самых створок небольшие бочонки с горючей смолой. Другие в это время обильно мазали смолой и салом крепкие дубовые, окованные железом ворота. Через минуту два высоких жарких костра загорелись на выходах из крепости, сливаясь с общим пожаром, охватившим уже все строения. И хоть новый залп из пушек — на этот

раз картечью — причинил немалый урон нападавшим и заставил их отхлынуть на какое-то время от стен, судьба Акмолинской крепости была решена...

Конур-Кульджа с Кара-Иваном вынуждены были уже половину солдат и туленгутов направить на тушение пожара. Менее двухсот человек оставалось на стенах. К тому же джигиты Кенесары уволокли арканами двух пушкарей. Северные ворота догорели первыми, и тяжелые железные скобы с лязгом рухнули на землю. В стене теперь зиял проход в добрых двадцать саженей шириной. Поняв, что главная опасность грозит оттуда, солдат заставили обкладывать брешь мешками с песком.

— Кто же из батыров хочет первым ворваться в крепость?— спросил Кенесары.

Захотели все, но выбор пал на Басыгару. Земляной мост был слишком узок для нападения большой массой, поэтому батыр Басыгара взял лишь сотню наиболее храбрых джигитов. Почти всех их ждала верная смерть. Напротив пролома были установлены две пушки, а за мешками с песком лежали стрелки.

— В добрый путь!— напутствовал их Кенесары.

Чтобы отвлечь внимание защитников крепости, он приказал непрерывно обстреливать ее со всех сторон. Снова начался бешеный круговорот всадников вокруг стен. Теперь наиболее отчаянные из них подлетали к самому рву.

Батыр Басыгара, пригнувшись к самой гриве коня, летел во главе своей сотни. Однако могучий конь батыра — знаменитый Кертобель — перенес его через мешки с песком, и не успевшие перезарядить ружья, растерянные солдаты начали отступать. Четверо их пало под ударами его кованой палицы. В последний момент появившийся из-за укрытия солдат с трех шагов успел выстрелить ему прямо в грудь. Басыгара был без лат. Только и успел он крикнуть: «Прощайте, батыры!»

Потеряв предводителя, остальные повернули назад. Опомнившиеся стрелки дали залп джигитам в спину, и никто из них не доскакал до своих.

Лишь один Кертобель — конь Басыгары — вырвался невредимым из этой свалки. С развевающейся гривой, сотрясая воздух горестным ржанием, промчался он прямо в степь мимо Кенесары.

Поняв, что случилось, Кенесары вскочил обеими ногами на спину своему огромному пятилетнему жеребцу Кокбурылу и яростно закричал:

— Тело Басыгары в руках врага!

Он уже хотел сам броситься в крепость, но тут из конной толпы вырвался на своем знаменитом Ортеке Тулебай-батыр и помчался к дымящейся бреши в стене.

— Что вы ждете, джигиты?

Кенесары рывком послал коня в галоп. Вся масса всадников устремилась к воротам.

— Аблай!.. Аблай!..

— Агибай!

— Атыгай!

Натиск был так силен, что мешки разлетелись в разные стороны, а мятежники, словно вода в половодье, разлились по крепости. Начинало уже темнеть, и измученные, обожженные солдаты, беспорядочно отстреливаясь, отступали к казармам. До поздней ночи продолжалась перестрелка, пока не был убит последний защитник. И вот тут Кенесары показал себя...

Простые джигиты из казахской бедноты, ворвавшись в крепость, не трогали пленных, а особенно женщин и детей, которые совсем недавно были беспрепятственно пропущены сюда. А телохранители и сарбазы султана, словно голодные волки, упивались кровью. Не щадили ни юных, ни старых. Стоны и плач неслись со всех сторон. Только к утру прекратились грабеж и насилие. Дымящиеся развалины оставались там, где вчера еще стояла Акмолинская крепость.

Наутро сарбазы Кенесары при помощи согнанного со всех окрестных аулов населения принялись разравнивать рвы, разрушать оставшиеся насыпи. С испугом поглядывали люди на развалины казармы, возле которой высилась гора трупов после ночной расправы султанских туленгутов. Простые казахские женщины подобрали и спрятали нескольких оставшихся в живых детей. Их потом никто и не разыскивал. С тех пор и встречались среди жителей уезда светловолосые и голубоглазые казахи, похожие на русских...

Все перерыли и переворошили сарбазы Кенесары. Но среди трупов не обнаружили ни ага-султана Конур-Кульджу, ни Кара-Ивана — войскового старшину Карбышева. Воспользовавшись суматохой, они с несколькими солдатами скрылись по оврагу, ведущему к Есилю...

Жеке-батыр, «Батыр, берущий в одиночку крепости»,— так повелел Кенесары называть с тех пор Тулебай-батыра. Почетные прозвища получили от султана и многие другие джигиты, отличившиеся при взятии Акмолинской крепости. По убитым были справлены пышные поминки...

Спустя несколько дней мятежные отряды во главе с Агибаем, Наурызбаем, Бухарбаем и Жеке-батыром по приказу Кенесары разгромили и сровняли с землей укрепления Актау и Ортау.

Это был серьезный успех Кенесары. Дело было даже не в одной Акмолинской крепости. Некоторые казахские роды и племена, придерживавшиеся до сих пор выжидательной политики, поверили наконец в силу Кенесары и его возможности. Все новые и новые отряды джигитов прибывали к нему с разных сторон степи. Стоустая молва во много раз преувеличивала его победу, воспевала его храбрость и мужество примкнувших к нему батыров. На это и рассчитывал Кенесары...

Он знал, что у него недостаточно сил для настоящей войны. Теперь, после взятия большой крепости, он мог, не роняя своего имени, вести изматывающую степную войну с неожиданными нападениями, скоротечными схватками, лисьими засадами. И еще мог почти беспрепятственно громить враждебные ему аулы, перетягивая колеблющихся на свою сторону...

III

В ночь падения Акмолинской крепости ага-султан Конур-Кульджа бежал к своей младшей жене Зейнеп, которая за несколько дней до этого вместе со своим аулом откочевала на запад, туда, где Есиль поворачивает к Иртышу. Там была уже территория Каркаралинского округа...

У Конур-Кульджи были свои расчеты.

В то время Кенесары поддерживала значительная часть простых казахов, лишившихся своих земель. Искренне были преданы ему некоторые феодалы, такие, как сыновья Азанбая. Но многие крупные бии и султаны Сарыарки примкнули к движению лишь потому, что боялись мести черни, безземельного, обездоленного народа. Кенесары ловко использовал эту боязнь, принуждая родовую знать повиноваться ему. Именно такими поневоле присоединившимися к нему людьми были Шон Елиге-улы, Шорман Кушик-улы, Муса Шорман-улы, сыновья Сандыбая — Ерден и Дузен, Аккошкар Сайдалы-улы. Даже некоторые потомки давно признавших власть белого царя султанов оказались на какое-то время в лагере Кенесары. Так случилось, например, со вторым сыном Вали-хана Абулмамбетом, который погиб, сражаясь в рядах мятежников...

Были и такие, которые считали, что царское правительство обошло их при раздаче чинов и должностей. Известный феодал Сарман Турсунхан-улы перешел к сыновьям Касыма-торе сразу же после того, как вместо него ага-султаном в их округе назначили безродного Турлыбека Кошенова. Кенесары, по существу, мог с полной уверенностью опираться только на прямых отпрысков Аблая...

Хуже было сейчас положение у Конур-Кульджи. Его в Сарыарке поддерживали лишь каркаралинский ага-султан Жамантай, аманкарагайский ага-султан Чингис — сын самого Вали-хана от его младшей жены Айганым, безродный баян-аульский ага-султан Бoштай Турсынбаев, кокчетауский ага-султан Зильгара — известный в степи богач и самодур...

Но значительнее всех этих правителей были помогавшие Конур-Кульдже родственники его младшей жены Зейнеп: потомки Букей-хана — Кусбек и Жамантай Тауке-улы. Хоть братья и грызлись друг с другом за пастбища и власть над соплеменниками, но когда дело касалось помощи опекавшему их Конур-Кульдже, они были единодушны. В Каркаралинском округе их слово было законом. Потому и не прогнал Конур-Кульджа свою жену Зейнеп за шашни с пасынком, что она являлась их младшей сестрой. В такие смутные времена и так хватало забот. К тому же разве это был первый такой случай среди торе? В отличие от простых кочевников, они себе и не такое еще позволяли, что мужчины, что женщины. Это о них в народе говорили, что одежды у торе скроены таким образом, чтобы в один миг можно было скинуть их. И разве не про родовитых людей сложили шуточную песню-поговорку:

Дочь не отдавай торе
И не сватайся к торе:

Там мужья в соседях спят,
Жены — на других глядят.

Среди торе было принято закрывать глаза на любовные похождения жен, только бы соблюдать внешние приличия. Конур-Кульджа не был исключением и быстро стал забывать проступок Зейнеп. «Глубокое озеро не замутит целый табун, так станет ли оно грязным от шалостей одного стригунка!» Вспомнив к месту эту пословицу и влиятельных родственников своей жены, он великодушно простил ей столь незначительный грешок. В тот же день, когда Ожар переслал ему сообщение о планах Кенесары в отношении Акмолинской крепости, Конур-Кульджа и отправил аул Зейнеп вниз по течению Есиля. Там, на изломе реки, неподалеку от владений братьев Зейнеп, находился большой остров, где паслись три тысячи высокопородных аргамаков белой масти, принадлежащих ага-султану и скрытых им от налогообложения. За рекой начинались владения Жамантая, и в случае чего он сразу мог прийти на помощь. А в том, что Кенесары первым делом захочет разгромить аул дочери Тауке — Зейнеп, а потом добраться и до сына Тауке — Жамантая, Конур-Кульджа нисколько не сомневался...

Был конец месяца жаздоксан — время, когда еще не совсем спала летняя жара. Давно уж отцвели в степи поздние тюльпаны, одуванчики и лалы — удивительные цветы, названные казахами за густоту, с какой росли, «вражья помощь». Типчак пожелтел, ломался под ногою с хрустом, опали листья тала и ракитника. На острове и в излучине Есиля, где паслись табуны Конур-Кульджи, травы были настолько буйными, что ноги путались в них. Уже два года сыновья Кудайменде не перегоняли сюда свой основной скот, боясь отдаляться от Акмолинской крепости. К тому же нынче Есиль поднялся необычно высоко и затопил берега. Образовались маленькие, поросшие камышом озерца, которые кишели дичью. Все здесь было: на берегах — маленькие перепела, куропатки, рябчики, дудаки и огненные фазаны, на воде — громадные, величиной с ягненка, черные гуси, бакланы. Неисчислимое множество зверья водилось вокруг: зайцы, лисы, белки, барсуки. Нет-нет да и раздавалось грозное рычание рыси, волчий рык...

Пятьдесят вооруженных джигитов направил сюда Конур-Кульджа, чтобы охранять имущество и скот. Узнав о поездке своей сестры к границам Каркаралинского округа, Жамантай обеспокоился. Повсюду рыскали разъезды Кенесары, и если бы над ней учинили какое-нибудь насилие, это легло бы несмываемым позором на сыновей Тауке. Поэтому он со своей стороны выделил еще сотню сарбазов для ее охраны.

Беспечно валялась Зейнеп целые дни на прибрежной зеленой лужайке. Часто гостили у нее девушки из соседних аулов. Понаехало много тетушек, которые воспитывали ее с самого детства. Ей вспоминались веселые девичьи дни, когда все они наперебой нашептыва-

ли ей всякие приятные вещи. Ах, чего только не говорили ей тогда! «А знаешь ли, дорогая, что сын волостного управителя мечтает хоть одним глазом посмотреть на тебя!», «Молодой мирза, который водит караваны в Ташкент, в надежде на твою снисходительность к его чувству хотя бы на одну ночь, прислал в подарок четыре вьюка с китайским чаем и пять голов сахара!»

Это тогда. А что вроде бы шутя говорили и советовали они ей совсем недавно, по очереди наезжая в ее аул!.. «Баловница наша, твои бедра стали глаже шелка и белее сахара. Ты так расцвела и похорошела, словно сказочный голубой иноходец Тулегена, который мог сорок дней мчаться, не зная усталости!», «Народи своему мужу сыновей-наследников и возьми власть в свои бархатные ручки!», «Не скромничай, удели лишнюю ночь такому-то... Только в молодости можно насладиться всеми радостями жизни. Думаешь, мы не обманываем мужей? Так что не теряй лишней ночи!..»

Но всех этих слов, приятных ее ушам, на этот раз сказано не было. И джигиты охраны, среди которых она высмотрела немало приятных и крепких юношей, не совали головы в дверь ее юрты. Они боялись Конур-Кульджи и Жамантая, которые запретили им даже приближаться к Зейнеп на выстрел из лука. И хоть бы один из них хоть на коротенькую ночь нарушил этот запрет!..

Да, они боялись соглядатаев ага-султана. Кому была охота ради одной сладкой ночи получить предательский удар ножом в спину. И, наедаясь по нескольку раз в день свежим куырдаком или нежным мясом жеребенка, запивая сытный обед сливками и крепким кумысом, молодая женщина изнывала от тоски.

Такого еще не было с ней. После замужества редкую ночь проводила она одна. Ей помнились жесткие поцелуи, пахнущие крепким мужским потом. Без этого к чему ей золото и меха, белые аргамаки и льстивые речи. Маслянистой поволокой были теперь постоянно затянуты ее глаза, а маленькие пухлые губы потрескались от скрытого жара...

Зейнеп ничего не знала о том, что происходит с Акмолинской крепостью, и ждала оттуда гонца с известиями. Через него она думала хоть на два-три дня залучить к себе Конур-Кульджу. Хоть и стар он, но кое в чем не уступает и молодым. К сожалению, пройдет еще несколько долгих, невыносимых дней, пока он приедет. Она в ярости принялась колотить руками подушку под собой, потом разрыдалась.

Поплакав, но не облегчив этим сладкой тяжести во всем теле, Зейнеп уже сунула голые ноги в расшитые золотом туфельки и вдруг услышала за стеной юрты конский топот. Судя по всему, всадники не торопились. Кто бы это мог быть?.. Она позвала рабыню, всегда сидевшую за дверью.

— Дочь торе...— сказала, войдя и смиренно склоняясь перед ней, пожилая рябая женщина.— Приехал ваш племянник и хочет засвидетельствовать свое уважение.

— Какой племянник?

В приятном предчувствии Зейнеп живо вскочила с постели.

— Из аула Масан-бия...

— Да ну!

Как ей было не взволноваться при этом известии. Масан — самый знаменитый в Каркаралинском округе бий, потомок Каздаусты Казыбека из знаменитого рода каракесек. Прибывший был сыном Атыгая, ближайшего родственника Масана. Есиркеген звали его. Ему было около семнадцати лет, и учился он в баян-аульской русской школе.

Но не из-за знатности племянника вскочила Зейнеп. На четыре года моложе ее Есиркеген. А когда ей уже исполнилось четырнадцать и вот-вот должен был приехать ее нареченный Конур-Кульджа, она выехала ненадолго погостить в аул к родственникам. В то время там гостил и хрупкий красивенький одиннадцатилетний мальчик с большими миндалевидными глазами. Это был Есиркеген, которого родственники по очереди приглашали к себе ночевать. Ничего не было предосудительного и в том, что несовершеннолетнего мальчика укладывали спать вместе с девушками.

И вот однажды ночью, когда он гостил у родителей своей матери, его уложили в одну постель с двумя молодыми тетками. Одна из них была невеста на выданье — Зейнеп, а другая — красавица Хадиша, жена султана Атбасарского уезда. Хозяина дома Кусбека-торе, ближайшего родственника Масана, не было тогда дома, зато там же ночевали двое молодых людей из торе. Пожилая хозяйка потому и положила Есиркегена спать в женскую постель, чтобы не случилось недозволенного.

И не напрасно. В те времена в традициях настоящих джигитов было нарушать девичий сон. Красивый чернобородый гость принялся из своего угла рассказывать сказки мальчику, и тот, пригревшись между теплыми телами женщин, вскоре заснул.

Проснулся он оттого, что ему приснилась буря на озере. И действительно, большая русская никелированная кровать раскачивалась, словно лодка. Он вспомнил, что сказала ему старая бабушка, укладывая на ночь: «Смотри, чтобы никто не украл твоих тетушек... Чуть что — кричи!» Он протянул руку к лицу Хадиши и нащупал там жесткую бороду. Мальчик, который многое уже понимал, ревновал свою красивую родственницу. Он хотел уже громко крикнуть, но вдруг почувствовал, как лежащая по другую сторону Зейнеп пытается через себя переложить его к стене. Почувствовав, что он проснулся, она вдруг стиснула его жаркими руками. «Давай делать, как они!» — шепнула она, и вдруг его охватило неведомое. Он беспрекословно подчинился всему, что она с ним делала...

Наутро, стесняясь теток, мальчик убежал от них спозаранку и до самого отъезда не заходил больше к ним. И вот сейчас он приехал навестить свою двоюродную тетку Зейнеп в ее ауле...

Сколько же ему сейчас лет?.. Ну да, семнадцать... Зейнеп быстро оделась, сама прибрала постель.

— Ассалаумагалейкум!..

Вошел Есиркеген со сложенной вдвое плетью в руке. Он давно уже был не мальчик. Об этом лучше всего говорили довольно густой пушок над верхней губой, вытянувшиеся отвердевшие скулы, ширина

плеч. Несмотря на то что Есиркеген учился с русскими, одет он был по богатой аульской моде. На голове красиво сидела голубая бархатная шапка, отороченная серым каракулем. С голубым плюшевым воротником был и короткий сюртучок из белой верблюжьей шерсти. Широкие штаны из голубого бархата свободно падали на черные блестящие хромовые сапоги с высокими, в три пальца, каблуками...

Зейнеп одним взглядом охватила его всего, с ног до головы... Да, такой парень вполне может вызывать любопытство у девушек. Она пошла к нему с широко раскрытыми объятиями, и щеки Есиркегена чуть не сгорели от жарких тетиных поцелуев. Он почувствовал теплоту ее тела, вспомнил происшедшее с ним шесть лет назад и почти силой освободился из ее объятий.

— Ну, как живет ваш аул? Как отец с матерью — живы, здоровы?

Зейнеп сияла от радости.

— Здоровы... Все хорошо...

— Да ты посмотри, какой джигит вырос!— Она, видимо, поняла, что он вспомнил ту ночь, и звонко рассмеялась.— Говорили, что ты в городе учишься. Уж городские девушки, наверно, научили тебя кой-чему!..

Есиркегену не понравилось, что она говорит с ним в шутливом тоне, но отвечал учтиво:

— Учиться там приходится у учителей, а не у девушек.

— Ну уж, не скромничай. У городских все так устроено, как и у нас...

Быстро закололи барана, поставили самовар. Пили настоянный на вяленом приреберном жире казы кумыс. На обед были приглашены два аксакала. Поговорив о делах в мире и пожелав хорошего здоровья жене ага-султана и ее племяннику, они ушли...

Зейнеп уже подробно принялась расспрашивать его о городской жизни. Как бы между прочим интересовалась она, на городской или аульной собирается он жениться, а потом прямо спросила, отведывал ли он городских женщин. Она так заманчиво смеялась, что Есиркеген не знал, куда девать глаза. Он краснел, каждый раз надувал губы, отвечал невпопад. Хоть и было ему почти семнадцать, но душой он был чист, как весенний нераспустившийся бутон.

А Зейнеп... Чем больше удивления было в прозрачно-чистых глазах юноши, тем более двусмысленными становились ее шутки. Она лежала на постели, животом подмяв под себя подушку, и беспрерывно смотрела на него. То и дело взбрыкивала она ножками, и шелковая ткань сползала, обнажая полные белые икры. Маленькой ручкой она игриво трепала его волосы. Пухлые пальчики ее подрагивали...

Никто в ауле не воспринимал как грех их долгое пребывание вместе. И бедный юноша, у которого уже были совсем другие, более высокие понятия об отношениях между мужчиной и женщиной, не знал, куда ему деваться. Он приехал сюда по настоянию своего деда Масан-бия, чтобы передать поклон родственнице, и совсем забыл про ту ночь. Когда солнце склонилось к закату, Есиркеген собрался было уезжать, но Зейнеп не отпустила его.

— Куда же ты торопишься, словно дома молодая жена заждалась? Переночуй, отдохни как следует...

Она так умоляла его, что он вынужден был остаться. Вечером Есиркеген навестил своих товарищей, которые, как и он, гостили на каникулах у родных. Они сказали, что поедут только утром, и ему волей-неволей пришлось вернуться в тетину юрту.

Роскошный ужин устроила Зейнеп для Есиркегена, позвала двух его соучеников и некоторых аксакалов. Они хорошо поговорили и далеко за полночь разошлись по своим юртам. Зейнеп сама постелила Есиркегену перину на почетном месте, укрыла его красным шелковым одеялом на козьем пуху, потом, потушив восьмилинейную керосиновую лампу, ушла за спинку кровати и принялась там раздеваться.

Медленно раздевалась она, и все клокотало у нее в груди от бессильного гнева. Повернувшись в противоположную сторону, юноша сделал вид, что крепко заснул. Не было для нее страшнее муки. При всей своей настойчивости, она все же не решалась открыто позвать его к себе или лечь с ним рядом. Недосягаемой звездой в небе был для нее сейчас этот лежащий в трех шагах молодой мужчина, и ей казалось, что она умрет, если не достанет эту звезду.

С боку на бок переворачивалась Зейнеп на своей огромной никелированной кровати, раздавался призывный серебряный звон, который еще больше распалял ее. Да и ночь выдалась какая-то невыносимо душная, и ей казалось, что все ее истомившееся тело поджаривают на медленном огне. Неужели этот щенок не мужчина? Здесь, рядом, ждет его такое наслаждение, а он спит себе! Что же может сдерживать его?

Она сначала хотела встать и выгнать его из дому, потом готова была броситься на колени и умолять его о пощаде. А он спал и сладко посапывал во сне... Нет, это уже задевало ее женскую честь! Неужели она такая некрасивая, что молодые джигиты уже спят с ней в одной юрте и не хотят коснуться ее!..

— Ну, погоди!..— прошептала она и, накинув халат, вышла на улицу. Притворявшийся до сих пор спящим Есиркеген повернулся к двери и с любопытством посмотрел ей вслед. Он уже чуть было действительно не заснул, но тем временем вернулась Зейнеп в сопровождении рабыни, которая несла большой медный таз для купания. Родственница скользнула взглядом по крепко зажмурившему глаза юноше и удовлетворенно усмехнулась про себя.

— Погоди, дорогой!— еще раз прошептала она.

Есиркеген сквозь сомкнутые веки удивленно наблюдал за приготовлениями. Рабыня поставила таз посередине юрты — на то место, где разжигают огонь. Потом она принесла со двора медный чайник и ведро горячей воды. Зейнеп спокойно сбросила с себя роскошный халат и осталась совсем голой...

— Ничего, он спит!— сказала она рабыне и принялась мыться. Тело ее светилось в лунном свете, лившемся в юрту через открытый тундик. Рабыня лила на нее воду, и она мыла себя, придерживая рукой тяжелые груди. Длинные черные косы вились между ними, те-

ряясь где-то в полутьме бедер. Запах душистого городского мыла распространялся от нее...

Есиркеген застонал. Она удовлетворенно повела полными белыми плечами и велела рабыне унести все на улицу. Затем заперла дверь на крючок, встала на то же место посредине юрты и начала долго и тщательно обтирать нагое тело большим ворсистым полотенцем.

Есиркеген сходил с ума на своей перине. Он было уже приподнялся, чтобы идти к ней, как вдруг послышался приближающийся топот коней. Залаяли, зарычали аульные собаки, громкие мужские голоса раздались в ночи. Слышно было, как неизвестные всадники подъехали к самой юрте, стали слезать с лошадей.

— Эй, ты дома, несносная баба?

Это был Конур-Кульджа. Зейнеп живо юркнула на свою кровать и откликнулась уже оттуда:

— Дома, конечно...— Голос у нее был на удивление сонным.— Где же мне еще быть в такой час?.. А ты не мог выбрать другого времени для приезда!

Она прошлепала к двери, открыла ее. Конур-Кульджа ввалился, заняв сразу половину юрты.

— Люди гибнут... Весь Есиль окрашен кровью, а ты спишь здесь, не ведая забот.

Сон словно бы соскочил с Зейнеп.

— Что случилось?

Конур-Кульджа не удостоил ее ответом. Только когда снял он свой украшенный позументами мундир подполковника, заметил ага-султан скорчившегося на своей постели Есиркегена.

— Что это еще за косматый черт тут у тебя?— грозно прохрипел он жене.

— Мой племянник из аула Масан-бия...

— Что-то не убывает у тебя племянников в отсутствие мужа!— проворчал, успокаиваясь, Конур-Кульджа.— Уж не сын ли это сестры Жамантая, что учится в городе?

— Он самый, Есиркеген...

— Ага, в таком случае спи, джигит. Утром поговорим.— Он уселся на скрипнувшую кровать, вытянул ногу в хромовом сапоге:— Жена, стащи-ка сапоги!

Зейнеп выкрутила фитиль у лампы, стянула с него сапоги, отнесла их поодаль и тут только заметила, что на муже лица нет.

— Что с тобой?— В голосе ее слышалось участие.— В чем дело? Почему ты не рассказываешь мне?

Конур-Кульджа зарычал, как пес на цепи:

— Тебе-то что за дело до всего этого! Не беспокойся, то, что всегда необходимо тебе, я привез в целости и сохранности. Хоть это, слава богу!.. Лучше подай-ка мне кумысу, если есть у тебя...

Зейнеп налила в большую пиалу кумысу, подала ее сидящему в одной рубахе Конур-Кульдже:

— Сходи на улицу и узнай, как там устроились мои люди!

Она вышла и вскоре вернулась:

— Кроме охранников по краям аула, никого больше не видно...

— Хорошо, что не потревожили людей. Пусть кажется, что нас здесь нет... Ладно, иди сюда!

Он грубо дернул ее к себе и навалился, не обращая никакого внимания на лежащего в трех шагах Есиркегена. Она была довольна и даже не представляла, что муж приехал сюда, едва избежав смерти...

Проснувшись утром, люди услышали о взятии сарбазами Кенесары Акмолинской крепости. Немало людей тайно радовались этому. На первый взгляд казалось, что разрушительный ураган войны миновал этот оказавшийся в стороне аул, но тревога чувствовалась во всем.

За утренним чаем Конур-Кульджа строго посмотрел на молодую жену:

— Ладно, хватит плакать из-за этой крепости. Понадобятся белому царю крепости — еще настроит. Кара-Иван сейчас на пути в Омск. Пусть занимается этим с генералом Талызиным. А у меня и своих дел по горло...

— Да, нужно думать о своих делах...

Она вытерла обильно текущие по лицу слезы и снова засияла. Взгляд ага-султана задержался на Есиркегене:

— Ты по-русски хорошо умеешь?

— Умею...

— Мой писарь погиб в Акмолинске. Пока не найду нужного человека, оставайся здесь.

Зейнеп не удержалась:

— Ведь он отстанет от учебы. Пригласи лучше для этого старшего мальчика...

Под старшим мальчиком она подразумевала Жанадила.

— Погубила младшего мальчика, а теперь хочешь и старшего,— проворчал Конур-Кульджа.— Довольно, не влезай в разговор мужчин. Выберешь соседей по совету жены — обязательно угодишь в руки врагов. А Жанадил никуда не денется, найдется и ему работа...

— Хорошо, я останусь,— согласился Есиркеген.

— В таком случае прочти и переведи мне эту бумагу. Она давно уже поступила, но из-за этого кровопийцы Кенесары я так и не ознакомился с ней... Вслух прочитай, а то у меня болят почему-то глаза...

Это был ответ генерала Талызина на письмо Конур-Кульджи, в котором ага-султан просил возместить ему потерю скота, угнанного джигитами Кенесары. Генерал объяснил ему создавшееся положение, пообещал в самое ближайшее время принять соответствующие меры в отношении Кенесары, а по поводу возмещения ущерба приписал всего лишь несколько слов. Он рекомендовал сделать это за счет дополнительного налога.

«Разрешаю восполнить убыток за счет вверенных вам киргизов...» Есиркеген прочитал это и в ожидании посмотрел на Конур-Кульджу.

Конур-Кульджа помрачнел... Если столько генералов с блестящими медными пуговицами не могут обуздать одного Кенесары, то зачем тогда так много требуют от него! Легче всего предложить ввести дополнительные налоги, а вот как осуществить это?

Нынче, когда в Кокчетавском и Каркаралинском уездах стали собирать ясак по уложению 1822 года — по одной голове скота от

каждой сотни,— то сколько аулов сразу переметнулось к Кенесары. Скот всегда был для казаха дороже жизни, потому что нет у него другого богатства.

«Да, попробуй вернуть сейчас семнадцать тысяч чистопородных лошадей. Люди обнищали за зиму и все чаще посматривают в сторону степи, не видать ли джигитов Кенесары. Правда, казахов Кара-Откеля благодаря мне освободили от налогов до сорокового года, а за добро следует платить добром. И если они сами не догадаются об этом, придется напомнить. Почему Кенесары мог отобрать у меня лошадей, а я должен церемониться с какой-то чернью? Отберу, вместе с кровавым мясом вырву, если будут сопротивляться. Судьба всех их в моих руках, и пусть знают это.

А потом, разве я не знаю их настроения? В душе каждый из них — мятежник. Вот пусть и пеняют на своего Кенесары за дополнительный налог!

Пока что нужно съездить в Омск и поговорить с глазу на глаз с самим генерал-губернатором Горчаковым. Он, конечно, сразу примет меня. Даже простого черного казаха Бощтая Турсынбаева принял князь, когда тот передал ему, что баян-аульские жители хотят переметнуться к Кенесары. И большой отряд направил туда. Горчаков должен пойти мне навстречу, а надеяться на одного Талызина нельзя...»

После чая Конур-Кульджа остался наедине с Есиркегеном и распределил дополнительный налог в семнадцать тысяч лошадей в свою пользу на девять из восемнадцати волостей Акмолинского округа. Это были волости, не вовлеченные пока в мятеж Кенесары. Семь волостей должны были дать каждая по тысяче лошадей, а частично поддерживавшие Кенесары Атбасарская и Кургальджинская волости — по полторы тысячи. В приказе по волостям, тут же написанном Есиркегеном, особо указывалось, что принимать в счет этого чрезвычайного налога следует лишь высокопородных и молодых лошадей.

Разослав приказ по волостям, Конур-Кульджа принялся готовиться к поездке в Омск. Вскоре приехал Жанадил, который был послан переселить аулы старших жен ага-султана — Кайнисы и Аккагаз — на нижнее течение Есиля. Кроме того, Конур-Кульджа срочно вызвал к себе ага-султанов: Каркаралинского округа — Жамантая Тауке-улы, Кокчетавского округа — Зильгару Каротока-улы и Аманкарагайского округа — Чингиса Вали-улы. Он хотел, чтобы все эти влиятельные люди сообща потребовали у генерал-губернатора быстрых и решительных действий против Кенесары. Только войска и пушки могли повлиять теперь на ход событий...

Если же в Омске снова начнут медлить, ага-султан решил начать прямые переговоры с Кенесары. Это, конечно, трудно, но вполне возможно. Вечная вражда все равно останется между ними, но мир был бы сейчас выгоден обоим. Кенесары в своих целях хочет объединить казахов, и, если преклонить перед ним голову, он вынужден будет считаться с этим...

«Мужи не помирятся, пока не поссорятся. Дай твою руку, торе, и я буду верно служить твоим предначертаниям!..» Так он скажет,

придя к Кенесары со своими туленгутами. А когда появится удобный случай, то вблизи его легче использовать. Той же самой рукой стиснет он горло врага... О всемогущий аллах, дай ему только дожить до этого светлого дня!

Однако соседние ага-султаны задерживались. От одного за другим приходили письма: в округах смута и стало опасно выезжать из охраняемых солдатами приказов. К просьбе же его о присылке войск они единодушно присоединились. И еще советовали использовать наступающую зиму для борьбы с мятежниками. Зимой действия конных масс ограничены, к тому же Кенесары наверняка распустит на зиму по домам своих сарбазов и останется с тремя-четырьмя сотнями телохранителей и батыров...

Только получив эти ответы, понял Конур-Кульджа, насколько опасным стал Кенесары, но не испугался, а разъярился... Трусы они, трусы! Но это их не спасет. Насколько он знает Кенесары, тот прикончит их по очереди, каждого в собственной берлоге...

Есиркеген, выполняя все распоряжения ага-султана, внимательно приглядывался к нему. Рассказы о подвигах батыров Кенесары, обрастая легендарными подробностями, передавались из уст в уста, и он не мог пройти равнодушно мимо них. Молодые джигиты давно уже бредили этими подвигами, и многие из них готовы были устремиться в войско мятежного султана. На Есиркегена к тому же влиял его дед Масан, в определенной степени симпатизировавший Кенесары. Да и сам Жамантай в последнее время не проявлял себя прямым врагом Кенесары, а предпочитал отмалчиваться. Люди же вокруг, особенно сверстники Есиркегена, открыто хвалили мятежников.

Когда Конур-Кульджа предрек, что Кенесары передушит врагов каждого в своей берлоге, Есиркеген невольно усмехнулся. Заметивший это ага-султан с удивлением воззрился на него. Мог ли он знать, что именно из русских школ, в одной из которых учился племянник его младшей жены, и выйдут в будущем как раз самые опасные люди — революционеры, а Есиркеген будет одним из них...

Десять джигитов сопровождали ага-султана в Омск. Хотели выехать до полудня при хорошей погоде, но подул холодный ветер из Сарыарки, и небо стало заволакивать тяжелыми тучами. К Конур-Кульдже вошел телохранитель:

— Ага-султан, к вам какой-то человек!

— А откуда он?

— Отказывается назваться и желает говорить только с вами...

— Впусти, но оружие отбери!

С тех пор как убили Чингиса, он стал бояться незнакомых посетителей. Кенесары мог подослать к нему убийцу в любой момент, и теперь каждого, входящего к ага-султану, обыскивали.

Конур-Кульджа ожидающе смотрел на дверь. Вошел бледный худощавый джигит с синими глазами. Есиркеген вздрогнул от неприятного холодного взгляда вошедшего.

— Ассалаумагалейкум!— склонился тот в поклоне.

— Уагалейкумассалам... Говори, зачем пришел!
Это и был Самен, тайный человек Ожара...
Конур-Кульджа понял это, мельком взглянув па пояс джигита. Нож и шакша висели у него слева, а не справа, как обычно. Есиркеген перехватил взгляд ага-султана и удивился.
— А где же сам хозяин?— спросил Конур-Кульджа.
— Сам он в отряде Байтабына и не мог приехать даже на день...
Джигит не стал продолжать и показал глазами на Есиркегена. Но Конур-Кульджа разрешающе махнул рукой:
— Говори, это свой человек, родственник...
— Важное сообщение!— Джигит явно был взволнован.— Кенесары послал против вас два сильных отряда во главе с Агибаем и Байтабыном. Отряд Агибая уже в ущелье Каражар и завтра выступает на Каркаралы. Они хотят угнать табуны ага-султана Жамантая. Кенесары зол на него за то, что колеблется...
— А куда идет отряд Байтабына?
— Я в отряде Агибая... Отряд Байтабына идет позади и будет к рассвету здесь. Кенесары послал его за вашими оставшимися лошадьми.
Конур-Кульджа побагровел.
— Сколько же их?
— Человек по сорок в каждом отряде.
— И всего столько-то!— грозно нахмурился ага-султан.— Совсем обнаглел этот разбойник. Нет, пора показать им, что со мною шутки плохи... Говоришь, они в ущелье Каражар?
— Да, завтра мы идем на Каркаралы, а они — сюда. Немного времени выделяется для отдыха...
Конур-Кульджа кликнул рассыльного и велел вызвать начальника туленгутов Асылгерея.
— Они знают, где пасутся мои лошади?— снова обратился он к Самену.
— Знают все... Мне тот сказал, кто послал.
Есиркеген теперь все понял. Значит, в стане Кенесары есть глаза и уши ага-султана. Но что это за люди, он не решался спросить.
— Где думает Байтабын отыскать моих лошадей?— спросил Конур-Кульджа, все еще не веривший, что мятежники смогли разгадать его хитрость.
— На Есиле, где поворот к Иртышу.
Конур-Кульджа грязно выругался.
— Как все же узнали они про это?
— Тот человек сам не мог вырваться из отряда. У меня к вам есть еще одно дело.
— Можешь говорить!— еще раз разрешил Конур-Кульджа.
— Где-то здесь скрывается в камышах некий Абдувахит, Кенесары велел ему принести вашу голову...
Ага-султан подскочил от испуга:
— Какой Абдувахит?
— Ваш бывший туленгут.— Самен осклабился.— У него дочь по имени Кумис...

Земля слухом полнится. Есиркеген уже слышал краем уха историю насилия над Кумис. К тому же еще в прошлом году, отправляясь на учебу и проезжая владения Конур-Кульджи, он обратил внимание на красивую дочку туленгута. Есиркеген даже попросил у нее напиться кумысу и долго не хотел уезжать от их юрты. Когда донеслась до него весть об этом насилии, он почувствовал себя так, словно надругались над его сестрой. И вот теперь приходится сидеть рядом с этим насильником и выполнять вдобавок все его приказания!.. Дорого дал бы юноша, чтобы бросить в лицо ага-султану все, что он думает о нем..

Вошел начальник туленгутов ага-султана, высокий черноусый Асылгерей. Конур-Кульджа подробно пересказал все услышанное от Самена и приказал немедленно выступить в ущелье Каражар.

— Самое главное — не пропустить Агибая в сторону Каркаралы и захватить его врасплох на месте!— Ага-султан опустил волосатый кулак на ковер.— А о нашей помощи расскажет Жамантаю вот этот юный джигит, Есиркеген...

Есиркеген молча кивнул.

— Расскажешь ему все, что слышал.— Конур-Кульджа теперь обращался прямо к Есиркегену.— Пусть знает, кто враги его, а кто друзья. И предупреди: если Кенесары взялся за него, то уж не остановится.— Он снова повернулся к Асылгерею:— Засядь с сарбазами на пути к табунам. Окружи отряд Байтабына, и чтобы ни один не ушел живым! Пока я возвращусь, разыщи и посади на цепь Абдувахита. Наказывать буду сам!

— Может быть, отложите на время поездку в Омск, мой султан?..— В голосе начальника слышалась неуверенность.— Под вашим водительством мы бы скорее справились с ними...

— Если вы не рискуете сразиться с какой-то полусотней разбойников, то зачем тогда оружие носите!— возмутился Конур-Кульджа, но было хорошо видно, что он до смерти напуган известием о прятавшемся в тугаях Абдувахите.

Препоручив все важные дела Асылгерею, Конур-Кульджа, несмотря на непогоду, в тот же день отправился в Омск. По дороге он дважды в день менял лошадей у таких же, как он сам, богатых соседей и на четвертое утро был уже на месте.

Часто бывал Конур-Кульджа в этом городе, не раз встречался здесь с именитыми царскими сановниками. Два таких случая были особенно ему приятны. Первый произошел в 1829 году, когда праздновали сорокалетие Омской школы военных толмачей. Сам Сперанский, автор положения о сибирских киргизах, присутствовал на торжестве. Первое офицерское звание штабс-капитана присвоено тогда было Конур-Кульдже. Теперь он подполковник...

Второе, что запомнилось ему, было открытие Омского кадетского корпуса в позапрошлом году. Огромное четырехэтажное здание все сияло огнями. Князь Горчаков выделил Конур-Кульджу из всех ага-султанов, дважды прошелся с ним под руку через весь ярко освещенный зал. Другие ага-султаны чуть не лопались от зависти.

Статные, безупречно одетые офицеры кружили в вальсе своих

дам. Князь перевел взгляд на группу одетых в одинаковую форму казахских юношей — сыновей всех этих приглашенных биев и султанов.

— Через двадцать пять лет они будут такими же блестящими офицерами! — сказал он.— Все киргизы станут другими...

Конур-Кульджа, хоть и соглашался всегда с начальством, на этот раз не мог скрыть своего сомнения:

— А если казахи не захотят?

Князь посмотрел на него жестким взглядом:

— Что значит не захотят, мой дорогой? Вы — человек просвещенный и понимаете пользу своего народа. Цивилизацию чаще всего приходится вбивать палками, как делал на Руси великий Петр...

Конур-Кульдже понравился ясный и прямой ответ князя Горчакова. Ему растолковали, что такое цивилизация, и акмолинский ага-султан подумал, что с малых лет служит ей. Во всяком случае, при этой самой цивилизации удобней всего будет ему, Конур-Кульдже. Не надо только быть дураком и ссориться с начальством. А чернь и следует держать в черном теле. Он это хорошо понимал...

Сейчас, подъезжая к Омску, Конур-Кульджа вспомнил старую легенду о Чингисхане. Будто спросил тот однажды у своих приближенных, какое самое высшее наслаждение для человека. «Охота за лисой с беркутом на руке!» — ответил один батыр. «Обнять свою возлюбленную!» — сказал другой. «Править народом с золотого престола!» — решил третий. «Все вы ошибаетесь,— сказал «Потрясатель вселенной».— Самое высокое наслаждение для человека — победить своего врага, отобрать у него все, повести на поводу, как собаку, и на его глазах насладиться его женой и дочерьми!»

Что же, правду сказал великий предок. Не готов ли он, Конур-Кульджа, умереть сразу после того, как наступит на голову Кенесары и подомнет под себя его старшую жену Купимжан? Ту самую, что отобрал у него Кенесары...

Въехав в город по хорошо укатанной, с деревьями по обе стороны дороге, Конур-Кульджа задержался на несколько минут, чтобы подумать, где остановиться. На большой площади перед ним стояла мечеть омских мусульман с двумя минаретами. Недалеко от нее высился громадный дом из красного кирпича, в котором жил ахон Мухаммед-Шариф Габдрахман-оглы. Слева, как раз напротив, стояла увенчанная позолоченными крестами церковь. А за ней уже высился прекрасный двухэтажный белый дворец генерал-губернатора. Особо выделялся мезонин с окнами на все четыре стороны под голубой, похожей на девичью тюбетейку крышей. Это рабочий кабинет князя Горчакова...

Конур-Кульджа решил остановиться у ахона. Мухаммед-Шариф принял его с раскрытыми объятиями. Ага-султан узнал от него, что генерал Талызин болен, и обрадовался этому. Теперь можно будет с полным правом просить спешной аудиенции у самого князя.

На следующий день князь Горчаков сам пригласил ага-султана

Конур-Кульджу Кудаймендина на прием. Считавший себя частично ответственным за сдачу Акмолинской крепости, Конур-Кульджа почувствовал вдруг нерешительность и попросил ахона пойти с ним. Но генерал-губернатор принял лишь его одного...

Высокий молодцеватый офицер для особых поручений сделал ему знак рукой, и Конур-Кульджа опасливо прошел в громадную, обитую черной кожей дверь. Этот кабинет давно был ему знаком. Просторный высокий зал с мягкими стульями у стен, в глубине — массивный, крытый толстым зеленым сукном стол. Над креслом с длинной резной спинкой — огромный, до самого потолка, портрет его императорского величества самодержца Николая I во весь рост. А на плечах у царя полковничьи эполеты, почти такие же, как на мундире ага-султана.

На столе стоял горбатый бронзовый беркут с распростертыми крыльями, в когтях его маленькая чернильница. А за столом человек, похожий на этого хищного беркута,— хозяин над жизнью и смертью подвластных ему людей, генерал-губернатор Западной Сибири князь Горчаков. Волосы подстрижены ежиком, на бледно-матовом лице топорщатся жесткие рыжие усы, взгляд не знает колебаний. Сам он стоял и гостю не предложил сесть.

— Подполковник Кудаймендин!..— Голос у князя был ровен и немного глуховат.— Я пригласил вас, как только узнал, что вы явились в Омск. Нам хорошо известны подробности смуты в киргизских степях. Войсковой старшина Карбышев доложил уже мне о том, как вы проворонили Акмолинскую крепость. Вас вместе с ним положено судить за неисполнение присяги, но на этот раз мы вас прощаем... Так-то! Теперь говори, с чем приехал и чего ты хочешь от нас. Только поживей, без всяких церемоний.

У князя действительно не было времени. Большой любитель собак, он выписал нынешним летом великолепную суку-сеттера из Англии. Сейчас она заболела, и князь вызвал лучшего ветеринара из Томска. Тот как раз приехал, а князю хотелось, чтобы он при нем осмотрел собаку. Всего этого ага-султан Конур-Кульджа Кудаймендин не знал и поэтому растерялся. Больше всего он боялся, что генерал-губернатор уйдет, так и не выслушав его.

— Ваше высокопревосходительство!— буквально взмолился Конур-Кульджа, решив сказать лишь самое главное из всего приготовленного.— Смутьян и разбойник Кенесары с каждым днем набирает силу. Если мы не уничтожим его нынче зимой, то следующим летом его уже не одолеть!..

Князь Горчаков посмотрел на него в упор:

— Ты так думаешь?

— Есть опасность, что к нему присоединятся многочисленные кипчаки, кочующие по Тургаю, а также роды Младшего жуза с берегов Иргиза, Илека и Эмбы. Если так будет продолжаться, то как бы он и вправду не собрал всю степь под свою единую руку!

— Глупый народ твои киргизы!— Усы генерал-губернатора дернулись кверху.— Бунтовать против его императорского величества! Да разве не ясно, что каким-то там Кенесары, будь у них хоть вде-

сятеро больше сил, не справиться с регулярными войсками? Сейчас не времена Аблая.

— Совершенно верно, ваше высокопревосходительство!— успел вставить Конур-Кульджа.— Умные люди и не помышляют об этом. Только Кенесары в угоду собственным целям.

— Этот твой Кенесары осмеливается писать мне, как равному. Предлагает переговоры и верную службу за признание киргизской самостоятельности. Так у нас не империя будет, а черт знает что! Почему я и не отвечал на его сумасбродные послания.

— Разбойник он, ваше превосходительство! Последний скот у верных слуг его императорского величества угоняет, сиротами оставляет...

Князь не обратил внимания на слова Конур-Кульджи и продолжал развивать свою мысль:

— Да и что зазорного в этом подчинении? За великое счастье почитать надо. Я, например, князь, а радость нахожу в служении престолу. И каждый, кто предан... Нет, киргизы неблагодарны. Я лично докладывал его величеству: «Самый лучший метод установления отношений с киргизами — держать их в постоянном страхе». Эту мысль поддерживает и военный министр — князь Чернышев. В бараний рог следует согнуть, ежели кто не понимает предначертаний... Для собственной же их пользы!

— Разве мы не придерживаемся того же мнения, ваше высокопревосходительство!— Конур-Кульджа украдкой стер пот со лба.— Мы умоляем вас поскорее выслать войска и примерно наказать мятежников. С нашей стороны все возможное...

— Сейчас вырабатывается план уничтожения банд Кенесары и умиротворения киргизской степи. Ты примешь участие...— Князь Горчаков вспомнил о приехавшем ветеринаре и заторопился.— Остальное все разрешишь с начальником области Талызиным. Как переболеет его превосходительство...

Конур-Кульджа ушел от генерал-губернатора вконец растерянным. Но, повидавшись с выздоровевшим генералом Талызиным, приободрился. Хоть дана ему была для личной охраны только сотня солдат, зато он узнал, что к началу следующего лета готовится большой военный поход против Кенесары. А зимой, как известно, Кенесары не сможет предпринять чего-нибудь серьезного. От небольших отрядов можно будет отбиться и собственными силами.

Но по приближении к своему аулу ага-султан узнал, что мятежные отряды Агибая и Байтабына угнали всех оставшихся у него лошадей. Конур-Кульджа был теперь беден, как последний туленгут...

Вот как это произошло.

Когда Конур-Кульджа выехал в Омск, Есиркеген по его поручению направился к своему родственнику Жамантаю. У юноши не выходило из головы, что он увидел и услышал в доме ага-султана. Он вспомнил, что говорили соученики в школе. «На нашем джайляу

начали крепость строить,— значит, аул уйдет дальше к пескам». Некоторые открыто утверждали, что надо противиться этому. А тут все больше стало появляться в городе странных русских, ссыльных, «врагов престола и отечества», как называли их некоторые учителя, запрещавшие даже разговаривать с ними. Эти странные люди говорили о царской колониальной политике, о разбое и грабежах, творимых чиновниками, о праве народа на волю. Были и учителя, которые сочувствовали им...

Есиркеген немало слышал и о батыре Агибае из рода шубыртпалы. Ведь он сам был из этого рода и гордился Агибаем, о котором ходили легенды в степи. А сейчас над батыром нависла смертельная опасность, и юноша ломал голову, как помочь ему.

Когда он с друзьями выехал из теткиного аула, дорогу им перескочил заяц. Юные джигиты, как водится, погнались за ним. Конь Есиркегена был получше других и вынес его далеко вперед. Заяц в конце концов скрылся в густых тугаях над Есилем, а юноша едва не наехал на спящего в камышах человека. Это был Абдувахит, о котором предупреждали ага-султана.

Абдувахит вскочил и замахнулся дубиной, но юноша предупредил, что он не враг. Да и бывший туленгут смутно вспомнил мальчика, пившего когда-то кумыс в его юрте.

— Ты, кажется, потомок Масан-бия... Это неплохой человек. А отломившийся кусочек золота не теряет свойства всего слитка...

— Да, я не враг!— с жаром повторил Есиркеген.

Нельзя было терять времени, и он тут же рассказал все, что слышал в юрте ага-султана. Абдувахит сейчас же вскочил на пасшегося неподалеку коня и рванулся из тугаев.

— Не забудьте передать, что в отряде Байтабына имеется какой-то человек, преданный Копур-Кульдже!— крикнул вслед ему Есиркеген.— И сами будьте осторожны. О вас знают и ищут, чтобы убить!..

Прискакавший в ущелье Каржар Абдувахит успел предупредить батыра Агибая о ловушке, и тот увел свой отряд. Соединившись с отрядом Байтабына, они неожиданно напали на туленгутов, охранявших ага-султанских лошадей, и туленгуты бежали. Всех лошадей мятежники угнали с собой.

Джигиты Асылгерея бросились в погоню и настигли их. Но те ждали нападения и дали отпор. Даже сам вид Агибая на боевом коне Акылаке и Байтабына на Серкесане внушал такой страх, что ага-султанские нукеры сразу же повернули назад. Среди мятежных сарбазов было лишь несколько раненых, в том числе Ожар. Его конь подвернул ногу, попав в звериную нору. Нукеры чуть было не захватили его, но он отбился. Все видели это. Не видели только, как он успел перебросить одному из людей Копур-Кульджи кисет с очередным донесением.

Больше всего жалел батыр Агибай, что не пришлось ему на этот раз расквитаться с ага-султаном Жамантаем, к которому с голодных детских лет питал жгучую ненависть. На Каркаралы сейчас невоз-

можно было нападать с малыми силами. Пришлось ему возвращаться с отрядом Байтабына.

А Конур-Кульджа даже заплакал, узнав о потере всех лошадей. Долго ли можно держаться на должности ага-султана без богатства? На одних чиновников сколько должно уходить! А слава, уважение, страх врагов — все создается богатством!.. Одно лишь утешало его, что в схватке погиб Абдувахит, его бывший туленгут, из-за которого он ночей не спал...

IV

Разгромив Акмолинскую, Актаускую и Орскую крепости, Кенесары почувствовал удовлетворение. К радости его прибавилось и то, что Байтабын с Агибаем пригнали последние три тысячи лошадей его заклятого врага Конур-Кульджи. А его воинственная сестра Бопай сожгла имение Айганым, вдовы Вали-хана, унеся оттуда все, вплоть до старых кошм.

Взятие Акмолинской и Актауской крепостей, другие победы сразу повлияли на те аулы Кара-Откельского, Каркаралинского, Кокчетавского и Баян-Аульского округов, которые не сразу примкнули к Кенесары. Теперь они один за другим стали переходить на его сторону. Особенно хорошие вести пришли из Младшего жуза. Оттуда вернулся Таймас, который со своим отрядом два месяца действовал на берегах Илека, Эмбы, Иргиза и Жема. Он привез весть о том, что многие аулы родов тама, табын, шомекей, торткара объединились вокруг Жоламан-батыра и готовы оказать помощь Кенесары. То же передавали и кипчаки с берегов Тургая, которыми руководят батыры Иман и Жауке. Они лишь просили перенести ставку к Тургаю, где легче было бы воссоединить Средний и Младший жузы для борьбы против белого царя.

День и ночь думал Кенесары, что ему делать дальше. Он снова ходил по ковру в своей белой юрте, и никто не решался зайти к нему... Да, если бы можно было перетянуть на свою сторону сырдарьинских казахов, которые разрозненно сопротивляются Коканду. И еще адаевцев с берегов Каспия да могущественных аргынов, находящихся под влиянием Шеге-бия. Тогда можно было бы всерьез говорить от имени всей степи. И дело, кажется, движется к этому!..

Взгляд Кенесары светлел, морщины разглаживались вокруг рта. Но снова и снова вспоминал он вечные ссоры из-за скота и пастбищ, раздирающие степь. Долго ли можно удержать вместе бывших врагов? Так было и будет, пока кочуют под этим небом казахи...

Видевший каждый день султана Жусуп — Иосиф Гербрут терялся в догадках. Что может так угнетать этого человека, одержавшего только что несколько важных побед? Может быть, свадьба Наурызбая, о которой столько говорили?..

Неделю назад, когда Байтабын был в походе, сыграли свадьбу Наурызбая и Акбокен. Судьей на соревнованиях певцов и конных играх был сам Кенесары. Всем понравилось его судейство, но у султана неожиданно испортилось настроение. Как всегда, он вдруг

замкнулся в себе, перестал разговаривать с окружающими, шутить и смеяться. И вот на следующий день после этого произошел тот длинный разговор с Кенесары, о котором Иосиф Гербрут будет помнить всю жизнь...

Вечерело. Над аулом стоял шум и гам возвращающихся с пастбищ отар. Откуда-то издалека неслась печальная и тягучая, словно плач по уходящему солнцу, песня табунщика.

Кенесары вышел из своей юрты, держа за руку пятилетнего сына Сыздыка. Восемь сыновей было у него: Жаппар, Тайшык, Ахмет, Омар, Оспан, Аубакир, Сыздык и Жакей. Но предпоследнего — Сыздыка — он выделял из других. На султане был простой белый чекмень из верблюжьей шерсти, на кушаке висел один только кинжал. Сыздык, подвижный рыжеватый мальчишка со светлыми глазами, старался перепрыгивать через колючие кусты. Он был точной копией своего отца...

Заметив стоящего у отведенной ему юрты Иосифа Гербрута, Кенесары предложил:

— Пойдем с нами, Жусеке. Погуляем немного...

Если Батырмурат нес охранную службу в походах, то в ауле султана охранял лишь Кара-Улек. Великан и сейчас следовал за ним. Посмотрев искоса на него, Иосиф Гербрут пошел рядом с Кенесары.

Вдруг он заметил, как побелела рука султана, стискивающая руку ребенка. Иосиф Гербрут снова оглянулся на мерно идущего следом палача и похолодел. Ему на минуту представилось, что ребенка задумали казнить... Но чем могло провиниться перед людьми и богом это дитя? И все же неспроста идет за ним этот выродок!

Все трое остановились на вершине небольшого холма. Внизу темнела мирная лощина. Кенесары поманил пальцем глухого, вынул острый кинжал и, наметив место внизу, знаками показал, что его следует закопать острием вверх. Глухой каким-то образом понимал своего господина. Он быстро разрыл ямку и закопал кинжал так, что острие на добрых три пальца торчало из рыхлой земли. Иосиф Гербрут с удивлением наблюдал за всем этим. Кенесары обернулся к стоящему рядом сыну:

— Сыздык, ты хочешь стать батыром?

Ребенок просиял:

— Я буду еще большим батыром, чем сам дядя Наурызбай!

— Ну, если так, то настоящий батыр ничего не боится...— Кенесары показал на вершину холма.— Тогда ты разбегись оттуда и упади грудью на этот нож. Не испугаешься и жив останешься — станешь батыром!

В глазах ребенка промелькнуло что-то похоже на испуг и тут же погасло. Он посмотрел на торчащее из-под земли лезвие:

— А этот нож не пронзит мне грудь?

— Батыры никогда не спрашивают об этом!

Сыздык повернул и пошел на холм. Иосиф Гербрут отер выступивший пот... О боже! Неужели бывают отцы с такими каменными сердцами? Разве можно таким образом проверять храбрость пяти-

летнего малыша? А если произойдет что-нибудь? Нет, ребенок не решится!..

Сыздык шел вверх, не поднимая головы. Кенесары вдруг наклонился, молниеносным движением вырвал из земли кинжал и скрыл его за чекменем. Одновременно он собрал землю в бугорок, словно бы нож был по-прежнему там. Иосиф Гербрут облегченно вздохнул... Конечно, самый лютый зверь не пошлет своего ребенка на верную гибель. Но какое все же страшное испытание для мальчика! Умереть или уронить себя в глазах отца! Не зря говорят здесь, что у торе волчий характер. Законы зверей, перенесенные на человека...

— Хватит, Сыздык... Теперь бегом!

Мальчик повернулся и сразу побежал. Он мчался с горы, и было видно, что ему уже не остановиться. Лишь на какой-то миг зажмурил он глаза, подбегая к месту, где был только что зарыт кинжал. Но, словно сердясь на собственное малодушие, ребенок тут же широко раскрыл их и пулей рванулся вперед. Так, с широко раскрытыми глазами, нисколько не сбавляя скорости бега, упал он грудью прямо на бугорок. Не удовлетворившись этим, он несколько раз яростно перевернулся, чтобы доказать, что не боится смерти...

Кенесары молча подошел к нему, не скрывая гордости за него. Он не стал целовать или ласкать ребенка, а лишь положил ему руку на голову:

— Иди к матери...

Сыздык, словно жеребенок, освобожденный от привязи, стремглав бросился в аул. Кара-Улек, по незаметному знаку султана, зашагал следом за ним. На холме остались лишь двое. Иосиф Гербрут не выдержал и, указывая правой рукой в сторону, куда умчался Сыздык, вскричал:

— Вы же настоящего волчонка из него вырастите!

Султан Кенесары удовлетворенно кивнул.

— Но человек — божье творение и не должен расти зверем!..

Кенесары откровенно засмеялся. Его явно забавляло то, что этот чужой, случайно появившийся среди них человек так не понимает степную жизнь.

— Чему вы смеетесь?

Кенесары вдруг сделался серьезным:

— Да, я возлагаю главные свои надежды на Сыздыка. Его место — особое среди моих сыновей, поэтому я должен был проверить его дух. А засмеялся я потому, что твои слова о Сыздыке почти повторяют вещий сон моего деда Аблая, сон, который разгадал знаменитый Бухар-жырау. Правильно, как раз матерым волком и должен стать сын мой Сыздык!

Иосиф Гербрут давно уже записывал сказки, поговорки, крылатые слова, которыми так богаты казахи. И хоть знал он обычай касты торе не распространяться о своей жизни, все же решился попросить султана рассказать об этом старом гадании. К его удивлению, Кенесары сразу согласился.

— Это было в ночь накануне того дня, когда лучшие люди трех жузов обмыли моего деда в молоке белых кобылиц, подняли на бе-

лой кошме и провозгласили ханом всех казахов. Он увидел тогда чудесный сон и попросил вещего Бухара-жырау разгадать его. Вот сон, рассказанный дедом: «Когда верхом на жеребце Жалтынкуйруке прогуливался я по Сарыарке, дорогу мне перешел лев. Я погнался за ним и вспорол ему брюхо. Но тут из львиного нутра выскочил тигр и бросился убегать. Я догнал тигра и тоже вспорол ему брюхо. А из тигра выскочил матерый волк. Догнав и вспоров брюхо волку, я увидел огненно-рыжую лису. Когда я ее убил, разные мелкие твари поползли из нее: черви, муравьи, раки, лягушки, ящерицы. Миллионы были их, и все они лезли по ногам коня вверх, на меня — под мышки, за шею, в волосы на голове. Я закричал и проснулся от звука собственного голоса...»

Кенесары смотрел сейчас куда-то вдаль, как будто видел наяву все, о чем говорил.

— Вот как разгадал этот сон вещий Бухар-жырау: «Раз был ты верхом на Жалтынкуйруке, значит, прочно сядешь на ханский престол. А если выскочил перед тобой на дорогу лев, значит, сын у тебя будет такой. От сына этого внук у тебя будет как тигр. Правнуком твоим будет матерый волк. Но времена станут меняться, и придется стать твоему праправнуку хитрым и изворотливым, как лиса. Что же может родиться от нее, кроме многочисленной мелкой твари? Измельчает твой род и рассыплется по земле. Так всегда было, и так будет...»

Теперь Кенесары задумчиво посмотрел на Иосифа Гербрута.

— Если львом считать моего отца Касыма-торе, рожденного от Аблая, то я родился тигром. В таком случае Сыздык и должен стать волком. Так что ты правильно определил его место в жизни... Но тогда правда и то, что после него будет лиса, а от нее множество всякой мелкой твари...

Иосиф Гербрут с удивлением смотрел на него. Этот человек, для которого, кажется, не было ничего святого или запретного, искренне и глубоко верил в сны и гадания. А впрочем, предсказание действительно сбывается. Чем не тигр этот человек с мягкой угрожающей походкой и не знающим пощады сердцем? А разве не вырастет волком мальчик при таком воспитании?.. Что касается лисы и последующей твари, то таковы законы природы...

— Ладно, отложим разговор о снах...— Кенесары присел на траву.— Садись, Жусуп... Ты из чужой земли и молод, но видел уже многое. Если бы не видел, вряд ли бы тебя сослали сюда, так далеко от дома. Значит, опасен по-настоящему стал для белого царя.

— Для него даже собственная гвардия стала опасной, когда думать начала!..

— Да, я слышал об этом...— Кенесары махнул рукой.— Я хочу просить у тебя совета. И если ты верный друг, то скажешь всю правду без утайки...

— Клянусь быть искренним с вами!

— Нет, клятвы не нужно... Ты ведь тоже пострадал от царя, и я верю тебе. Нам ли обманывать друг друга? А спросить я хотел вот о чем... Ты видишь, что сейчас достаточно пустить огонь в нашу

степь, а пламя само помчится дальше. И остановить его уже ни у кого тогда не станет силы. Как ты думаешь, что получится из этого пожара?..

— Что получится?— переспросил Иосиф Гербрут.

— Да!..— Кенесары возбужденно приподнялся.— Мы ведь тоже станем опытнее, сильнее. Если поднимется целиком Средний жуз, а его поддержат другие жузы... Допустим... объединятся все казахи, смогу ли я тогда заставить белого царя принять мои условия? Не окажется ли все затеянное мной пустой тратой сил?

Иосиф Гербрут сразу понял, что неспроста затеял Кенесары этот разговор. Значит, он тоже сомневается в конечной победе! Другой бы вождь после стольких побед вряд ли усомнился бы в грядущем торжестве. Сомнение — удел великих умов. И этот сероглазый, с клинообразной бородой казах стоит многих больших полководцев. Все у него есть для успеха, кроме самого главного...

Да, земли у него — непочатый край. Но разве не в этом всегда таилась опасность для малочисленного народа? Надолго ли можно удержать такие безбрежные пространства в сегодняшнем бурно растущем мире? Не один, так другой гигант проглотит их. Но не это главное...

«Как же сказать об этом, чтобы не обидеть?.. Но он ведь сам просил говорить правду. И я скажу, как бы горька и неприятна ни была она для него! На искренность следует отвечать только искренностью!..»

— Вы не сможете сломить сейчас белого царя,— сказал тихим голосом Иосиф Гербрут.— Так же, как не смогли этого сделать мы. Как не смогли гвардейцы на Сенатской площади...

— Что ты все со своими гвардейцами!— поморщился Кенесары.— Скажи лучше, почему мы не сможем справиться!

— В огромную империю выросла уже Россия. У нее много заводов, на которых льют новые пушки, делают ружья, изготовляют боеприпасы. Она начинает догонять самые грозные державы Европы во всем... И, как они, стремится к расширению своих пределов. Это неизбежно, так и повелевает история. Но от того не легче ни казахам, ни нам — полякам, да и тем крепостным русским крестьянам, руками которых это делается...

Иосиф Гербрут посмотрел на Кенесары. Понимает ли этот человек то, что он говорит? Словно угадав его мысли, Кенесары кивнул:

— Ты хочешь сказать, что мы не имеем того, что имеет царь?

— Да, кочевые казахи просто не могут иметь всего того, что имеет сейчас Россия. К тому же она может выставить столько солдат, сколько казахов во всех трех жузах, включая женщин и детей. Российская империя представляет собой единое государство, в то время как кочевники теперь обязательно будут разрознены. Вы это лучше меня знаете. Повторить в девятнадцатом веке вашего знаменитого предка Темучина так же невозможно, как повернуть солнце вспять!.. Вот почему генерал-губернатор не отвечает на ваши письма и высылает в одну кампанию по пятьсот — шестьсот солдат против вас. Вашему восстанию белый царь не придает сейчас большого

значения. Он ждет, пока вождь одумается или сам мятеж заглохнет. А нужно ему будет — царь пошлет сразу десять тысяч солдат, и со всем этим будет покончено...

— Я знаю это! — резко сказал Кенесары.

— Зачем же вы тогда воюете?

Глаза Кенесары зло сверкнули.

— Тигр — не баран!.. Пусть не скажут предки, что я покорно склонил голову, как сыновья Айшуака, Кудайменде, Жанторе или Вали. Кровь Аблая во мне, и честь для меня дороже жизни!

— Будут ли потомки благодарны вам за это? И сколько крови должно пролиться за ваши мечты, которым не дано осуществиться!..

— Неужели ты думаешь, что проклянут меня потомки?

— Времена тигров безвозвратно уходят в прошлое. Бухар-жырау правильно разгадал сон вашего деда...

— Да, правильно! — ровным голосом сказал Кенесары, изменившись в лице.— Народ времен моего отца Касыма — это львы, со мной сейчас тигры. И надо действовать, пока не сделались казахи муравьями, червями и ящерицами.

— Мне кажется, вещий Бухар-жырау не имел в виду народ,— мягко возразил Иосиф Гербрут, сам удивляясь собственной смелости.— Закономерно мельчают отдельные знатные фамилии. Я, поляк, хорошо знаю это... А народ, как вода в реке, вечно обновляется... Нет, верно говорят казахи: там, где росла колючка,— колючка и вырастет, а на розовом кусте обязательно зацветут розы!

— А что делать, если розы заросли колючкой?

— Надо прополоть...— неуверенно ответил Иосиф Гербрут, не зная, куда клонит этот человек с кровавыми жилками в светлых глазах.

— Вот я и делаю это, чтобы хоть меньше сорняков осталось для будущих роз!

Столько зловещей угрозы было в этих словах, что у Иосифа Гербрута мороз пошел по коже. Он понял, что имел в виду Кенесары. Многие непокорные ему аулы испытали уже его гнев...

Теперь Кенесары внимательно посмотрел на беглого поляка:

— Как же ты представляешь будущее? Как вечное порабощение?.. Или видишь какой-нибудь иной путь?..

— Да, единственный путь к освобождению — это идти вместе с теми русскими, которые хотят сбросить своего царя. Только так можно будет чего-то добиться. А нападать на отдельные крепости или хитрить с царем, пытаясь его обмануть,— пустое занятие!

— Зачем же им сбрасывать своего царя? — задумчиво возразил Кенесары.— Царь и есть царь, как у нас хан или у персов шах...

— Когда-нибудь не будет ни царей, ни ханов...

Тут же Кенесары повернул к нему голову, и Иосиф Гербрут замолчал.

— Почему же ты примкнул к нам, если уверен в бесполезности нашей борьбы? — Кенесары не сводил с него глаз.— Неужели тебе не терпится сложить свою голову?

— Да, мне не хочется даром отдавать свою жизнь.— Иосиф Гер-

брут тихо вздохнул.— За моей спиной осталось многое: родина, разбитые мечты, подавленное восстание. Это печальная история моего народа... Конечно же я горячо сочувствовал вам и хотел в пределах своих сил и возможностей помочь вам хотя бы советами. Теперь я окончательно убедился, что все это тщетно...

— Разве мы не прислушивались к твоим советам?

— Они оказались ненужными. Князь Горчаков или генерал Талызин и знать вас не хотят. Они привыкли к грубому солдафонскому решению таких вопросов, без всяких дипломатий. Когда-нибудь это боком выйдет русскому царизму, но не сейчас... А я... Трудные времена надвигаются на казахов. Могу ли я оставить сейчас народ, который полюбил всей душой. Нет, я с вами до конца!

Холодными серыми глазами смотрел на него Кенесары. Мог ли Иосиф Гербрут, родившийся совсем под другим небом, познать душу этого человека? А душа эта была соткана из тысяч противоречий. Все в ней было — и высокие, и низкие желания. Но придет время, и доверчивый Иосиф Гербрут увидит, как все больше берут верх в этой душе честолюбие, личная месть, жажда неограниченной власти, необыкновенная жестокость. Султаном из касты торе был Кенесары, плотью от плоти их...

— Лучше быть аргамаком с разорвавшимся от скачки сердцем, чем протащиться по жизни жалкой клячей!— сказал тогда Кенесары.— Нет, я буду драться до последнего вздоха, и пусть рассудят нас потомки, какие бы они там ни были...

Иосиф Гербрут склонил голову.

Во время этого разговора наедине Иосиф Гербрут понял, что Кенесары решил идти до конца и не остановится ни перед чем. Он посоветовал султану воспользоваться предложением батыров Жоламана и Имана и перекочевать в пойму Тургая и Иргиза. В Омске были раздражены последними успехами Кенесары и могли начать военные действия против него, невзирая на зиму. В Сарыарке это чувствовали, и многие родовые вожди снова отшатнулись от него. К тому же пронесся слух, что в оренбургских землях волнуются русские крепостные мужики, а это способствовало бы его успеху...

Кенесары все дни был в плохом настроении. Особенно ухудшилось оно после разговора с сестрой Бопай. Накануне женитьбы Наурызбая на Акбокен она снова напала на Аманкарагайский приказ и вернулась оттуда с большой добычей.

— Ох, торе, напрасно вы способствовали их свадьбе!— сказала Бопай со вздохом брату.

— Почему?— удивленно спросил Кенесары.

— Да потому, что Акбокен — с детства нареченная невеста Байтабына. Лишь потому, что находилась на чужбине, не могли они до сих пор пожениться. Как теперь посмотрит Жоламан-батыр на то, что вы женили своего брата на невесте его любимого племянника? Что скажут люди, увидев, как обижен нами Байтабын, который искал у вас приют от притеснений хана Сергазы? Из-за какой-то

девчонки от нас может отшатнуться сразу несколько больших родов. А мы еще в их края собираемся!..

Об этом и думал сейчас Кенесары... Действительно, не может ли такая непредвиденная мелочь помешать объединению Среднего и Младшего жузов? Если Байтабын пожалуется Жоламан-батыру на то, что его жестоко оскорбили здесь, хватит ли у Жоламана мудрости не мешать общему делу? Конечно же он сочтет себя оскорбленным. Ведь он тоже казах, и ничего с этим не поделаешь!..

А что, если с этим Байтабыном произойдет вдруг несчастный случай? Может он погибнуть в неожиданной стычке. Время военное... Но разве Жоламан-батыр такой уж неумный правитель, что не догадается?.. После этой злосчастной женитьбы каждому станет ясно, почему умер Байтабын. А тогда ничего не придется ждать от табынцев, кроме лютой вражды...

Может быть, исчезнуть придется Акбокен? Чего не случается с женщинами. Только как потом утешить Наурызбая, который прилип к ней всей душой?.. Потерять Наурызбая? Нет, на это даже он не пойдет...

Что ж остается?.. Остается договориться с Байтабыном. Только тогда будет предупреждена новая межродовая распря в его стане и табынцы во главе с батыром Жоламаном пойдут под его зеленым знаменем!

Придя к этому решению, Кенесары стал с нетерпением ждать возвращения Байтабына... Разумеется, нельзя из-за одной девушки разжигать вражду между жузами. И они должны во что бы то ни стало перекочевать на берега Тургая и Иргиза. Такова его повадка — не засиживаться на одном месте, и пользу этого даже поляк Жусуп понимает. Сейчас на Есиле, завтра — на Тургае, послезавтра снова в другом конце степи. И везде, как опытный зверь, оставлять ложные следы. Пусть-ка справятся с этим регулярные войска, будь их вдесятеро больше!..

Байтабын приехал неожиданно. Кенесары с Иосифом Гербрутом и сопровождающими их людьми вышли на окраину аула встретить возвращающегося с охоты Наурызбая. И в это время совсем с другой стороны показалась небольшая группа всадников. Султан узнал их с первого взгляда.

— Это батыр Байтабын! — сказал он ровным, спокойным голосом.

Вместе с Байтабыном ехали Жеке-батыр, батыр Кудайменде и Таймас. У Байтабына в лице не было ни кровинки. До хруста были сжаты его зубы, а в устремленных на Кенесары глазах застыло недоумение и неутешное горе.

Всем было ясно, что Байтабын знает о свадьбе Наурызбая и своей нареченной невесты Акбокен. Он ехал тихо, а в правой руке держал лук на изготовку. Люди, окружившие Кенесары, притихли...

И в этот момент раздался вдруг топот, веселый смех. Это возвращались с охоты Наурызбай с друзьями. Увидев Кенесары, они тоже

сошли с коней и двинулись к нему. Впереди шел Наурызбай, а на правом плече его сидел знаменитый во всей округе сокол Кандыкоз — «Кровавый глаз» — с белой шелковой нитью на ногах.

Наурызбай увидел Байтабына и застыл на месте. А Байтабын уже подходил к Кенесары. Встав на одно колено, батыр приветствовал султана.

— О чем мне говорить раньше, мой султан: о закончившемся походе или о несправедливости, которой я подвергся, находясь вдали?— спросил Байтабын.

Густые рыжеватые брови Кенесары, словно крылья орла, сошлись над переносицей.

— Будет еще время выслушать и то и другое!— Он смотрел в упор на Байтабына.— Сначала нужно решить один очень спорный вопрос... Люди говорят, Байтабын, что ты лучший стрелок в нашем войске. Если правда это, то попади со ста шагов в сокола, который сидит на плече у Наурызбая!..

Люди онемели. Безмолвно стоял Наурызбай, и сокол застыл на его плече, словно понимая, какая ему предназначена роль.

Байтабын посмотрел на Наурызбая.

— Мой султан, у стрелы шальные повадки, а голова батыра Наурызбая так близко от птицы...

— За шальную стрелу ты не в ответе!

Это был приказ... В который раз ужаснулся Иосиф Гербрут характеру этого человека. Никого не было у Кенесары ближе брата Наурызбая. И вот теперь он делает его голову залогом своей политики. Да, если Байтабын промахнется и попадет в голову Наурызбая, конфликт между ними будет разрешен. И одновременно конфликт между обоими жузами, которые во что бы то ни стало хочет объединить Кенесары. И ничего не будет за это Байтабыну...

Какая жестокость! Но все это ради цели, которую поставил перед собой этот степной вождь. Чего достойна такая безмерная твердость: поклонения или порицания? По-видимому, смотря где и в какое время происходит это...

Все поняли смысл происходящего. Лучше всего это поняли присутствующие батыры, и никто из них не сказал ни слова. Наурызбай отошел ровно на сто шагов, пересадил сокола на левое плечо, ближе к сердцу, и стоял, спокойно ожидая выстрела. Лишь чуть побледнело его обычно смуглое лицо.

Байтабын не заставил себя долго ждать. Обведя твердым взглядом батыров, он решительным движением вынул из колчана знаменитую стрелу Козы-жаурын — «Смерть ягненка», вскинул лук на уровень груди и, как будто не целясь, отпустил тетиву. В тот же миг сокол упал на землю с левого плеча Наурызбая...

Вздох послышался в толпе, но лица у батыров были каменные. Они понимали, что Байтабын сейчас своим выстрелом спас единство обоих жузов.

Кенесары подошел и поцеловал его в лоб, чего никогда еще ни с кем не делал.

— Я и не знал, что ты такой замечательный стрелок!— сказал

он обычным голосом.— В награду за оказанную мне честь можешь выбрать в жены любую девушку из моего рода или других родов на всей подвластной мне земле...

Так закончился спор двух батыров, которые обычно даже лучшим друзьям не прощают одного неосторожно сказанного слова. Наурызбай в память об этом дне приказал закопать сокола на том месте, где он упал. С тех пор этот холм в народе стали называть Сункар-Ольген — «Могила сокола».

Потом Наурызбай подошел к Байтабыну, и они поздоровались за руку, как подобает делающим общее дело людям. У всех стало светло на душе. И лишь у одного человека словно когтями сжало сердце. Этим человеком был Кенесары. Простой батыр Байтабын победил его в состязании на самоотречение!..

Тяжелая рука Кара-Улека пришла в это мгновение на ум султану Кенесары... Людей с такой волей и благородством, как у этого юного батыра, нужно уметь привязать к себе. Но со временем они становятся опасны...

— Батыр Байтабын!..— Благожелательная улыбка была на губах Кенесары.— А теперь расскажите нам о том трудном деле, ради которого вы оставили нас.

Байтабын подробно рассказал о своем длительном походе.

— По рассказам джигитов ага-султана Конур-Кульджи можно сделать заключение, что они готовятся к зимним военным действиям.— Байтабын, несмотря на молодость, говорил ясно и толково, как опытный военачальник.— Говорят, из Омска должны прибыть крупные подкрепления к тем войскам, которые уже имеются. Судя по всему, они намерены напасть на нашу ставку, когда вы распустите на зиму по домам сарбазов. С вами ведь тогда останутся одни туленгуты...

Тень прошла по лицу Кенесары... Враг хорошо знал его больное место. Разве легко прокормить зимой в степи такое большое войско вместе с лошадьми? Приходилось каждую осень распускать сарбазов по своим аулам и с наступлением лета снова собирать их. Этим и решил воспользоваться враг. Не больше пятисот сарбазов и туленгутов может он оставить на зиму возле себя. Если регулярные войска окружат его аул, придется трудно...

Генерал Талызин выбирает удобное время, чтобы сполна рассчитаться с ним за Акмолинскую крепость и за многое другое. Они там со своими ага-султанами хотят поступить с ним, как охотники, которые преследуют волчьи выводки по первому снегу. Придется и с ними вести себя по-волчьи.

Волки в таких случаях не ждут прихода охотников. Пока те собираются, они уводят своих волчат за много переходов. Так и нам следует поступать. Пока из Омска выступят войска, мы окажемся под самым Оренбургом, среди Младшего жуза. Для оренбургского военного губернатора это будет полной неожиданностью. А пока он собирается с силами, зима пройдет. За это время все может случиться. Говорят, что оренбургское начальство все же не такое беспощадное, как омское. Возможно, и удастся договориться о чем-нибудь...

Байтабын сообщил, что они с Ожаром пригнали скот, захваченный Агибаем. Сам Байтабын поехал вперед, чтобы сообщить об этом.

— Спасибо тебе за добрые вести!— У Кенесары было хорошее настроение.— А где же ваш Ожар?

— Он свернул по дороге в какой-то аул...

— Зачем?

— Дела там у него. Он мне не говорил. По-видимому, разузнать хочет кое-что для нас...

При имени Ожара Таймас вздрогнул.

— Это какой Ожар?— спросил он громко, и лицо его сильно побледнело.

— Ожар — сын Кубета,— пояснил кто-то.

— Откуда взялся здесь этот человек?

— Сбежал из омской тюрьмы, а потом приехал к нам вместе с дочкой Тайжана.

— Разве у покойного Тайжана была дочь?

— Да, у него была дочь,— сказал Кенесары.— Она прислугой в Омске работала. Там и взял ее в жены Ожар как друг и соратник ее отца...

— Та-ак!

— Что тебя тревожит?

— Это очень длинная история, Кенеке... Я потом расскажу ее вам.— Таймас посмотрел в сторону джигитов Наурызбая.— А где же эта дочь Тайжана?

— Вон... Крайняя белая юрта!..— показали ему.

— Ну и дела!

Таймас покрутил головой, не отводя глаз от этой юрты...

Солнце закатилось. Стоявший в молчаливой задумчивости Кенесары словно очнулся от сна.

— Байтабын-мерген!— обратился он к молодому батыру, прибавляя к его имени прозвище лучшего стрелка.— Ты устал в далеком походе. Отдохнешь немного и зайдешь ко мне. Мы должны поговорить с тобой об одном деле!

— Зайду,— коротко сказал Байтабын.

Кенесары со всем своим окружением направился к аулу. Лишь один Байтабын остался на холме...

Вернувшись в аул, Кенесары надолго уединился с Таймасом, который рассказал все, что слышал в ту ночь, лежа за стеной своей юрты. Батыр Сейтен оказался прав, предрекая это предавшему его Ожару...

Они вызвали к себе Алтыншаш — дочь Тайжана и жену предателя. Превозмогая себя, рассказал ей Таймас подробности. Она не стала рыдать и вопить, просить их о чем-нибудь. Только вздрогнула, как будто окунулась в холодную воду, и две слезы выкатились из глаз. Больше она не плакала.

Долго сидела молча Алтыншаш. Потом перевела взгляд на решетчатую стену юрты.

— С некоторых пор в мое сердце закралось подозрение, но я гнала его от себя...— Она говорила тихим, спокойным голосом.—

Сейчас разрешились все мои сомнения, и это хорошо. За смерть моего отца и дяди мой муж ответит передо мной. Прошу вас ничего не делать с ним. Это — мое право!..

— Отмщение — дело мужчин,— сказал Кенесары.— Нельзя, чтобы женщина марала свои руки в мужской крови, да еще в крови предателя. Предоставь это нам...

— Нет!— Теперь она закричала.— Только передо мной ощутит этот человек, что ни на том, ни на этом свете не будет ему прощения!..

Кенесары почувствовал родственную душу.

— Ладно,— сказал он.— Пусть будет по-твоему. Только смотри не оплошай...

Байтабын долго сидел на вершине холма. Самые различные думы и воспоминания блуждали в его голове. Мысли появлялись и исчезали, как тусклая луна за облаками в непогожую ночь...

Обычно люди из торе не отдавали своих дочерей замуж за простолюдинов. Неизвестно, почему нарушил это строгое правило султан Тленчи, отдавший свою дочь Даметкен в жены простому джигиту Коже. Как бы то ни было, но благодаря отцу, бесстрашному и достойному человеку, детство его прошло в тепле и достатке. А когда ему исполнилось десять лет, умер отец.

Чего только не перенес с тех пор Байтабын! К шестнадцати годам он был уже признанным джигитом и стал верным соратником своего дяди по матери Жоламан-батыра. Сейчас ему уже двадцать три года, а за спиной только схватки, погони, кровопролитные сражения...

Что же заставляет его каждый раз бросаться сломя голову навстречу смерти? Что защищает он — свои многочисленные стада, пастбища, угодья? Нет, все богатство — это верный конь под ним да сбруя. Есть еще далеко отсюда темная прокопченная юрта, где живет его мать Даметкен.

Сейчас он точно определил для себя, что две причины были этому. И первая из них — Акбокен!.. Да, именно ей служил он все эти годы. Если не богатство, то славу он принес к ее ногам. Акбокен ждала этого, и вся степь говорит теперь о подвигах молодого батыра.

«Ты достигни раньше настоящего положения, чтобы люди знали тебя...» Так говорила ему всякий раз Акбокен, когда он торопил ее с женитьбой. О славе ханских дочерей мечтала она...

Но и он ведь в последнее время чаще задумывался, что недостойно служить одной лишь женской прихоти. Разве подлинная любовь обязательно требует жертв? Тот, кто действительно любит, не нуждается ни в славе, ни в богатстве. А ей нужен был не он, простой джигит, Байтабын, а его слава!..

Когда же впервые он подумал об этом?.. Да, когда увидел другую женщину — тихую, с мечтательными глазами. Они шли тогда с Наурызбаем, и на пороге белой юрты сидела она.

Ничего ему не нужно от нее. Он будет издали любить эту прекрасную женщину...

А какая же вторая причина? Да, она тоже связана с женщиной, гордой и смуглой, с серебряными волосами. В день шестнадцатилетия она подвела к нему старого боевого коня его отца Кожи и сказала: «В час испытаний для нашего народа не пристало сыну батыра Кожи держаться за материнский подол. Поезжай к своему дяде Жоламану, который борется за вольные степи, стань опорой родному народу!»

Он всегда помнил слова матери. Борьба за независимость своего народа стала главным делом всей его жизни. Ради этого простил он сегодня Наурызбая. Теперь, после измены Акбокен, он свободен. Одно остается ему — умереть в бою за свой народ и оправдать материнское доверие. И если хоть одна слезинка выкатится из глаз женщины, которую зовут Алтыншаш, он умрет счастливым...

А Акбокен?.. Разве не подтвердилась народная пословица, что девичья любовь как лисица, мелькнувшая впереди? Не успел ухватить ее за пушистый хвост — пеняй на себя...

Снова возник перед ним женский образ, и мысли его возвратились к Алтыншаш. Два раза всего он видел ее, но оба раза были для него светом в кромешной тьме. Он пытался уже гнать от себя ее образ, какой это страшный грех — думать о чужой жене. Но это было свыше его сил. Как только оставался он один, она опять возникала перед ним, как птица из сказки...

Байтабын вздрогнул, радостное предчувствие появилось в сердце. Ветерок донес до него нежную мелодию. Он понял, что где-то там, внизу, девушки и джигиты веселятся и качаются на алтыбакане — казахских качелях. При этом всегда песни — легкие и веселые. Только эта песня была какой-то особенной, а голос казался таким родным, что хотелось слушать его вечно...

«Почему сидишь ты один на этом холме, когда я давно уже жду тебя?.. Приходи скорее, любимый!..» Слов он не слышал, но именно они возникали из мелодии песни. Только ее голос может быть таким чистым и светлым, как мечта!.. Байтабын встал и направился сквозь ночь на этот голос. Пела Алтыншаш... После разговора в юрте Кенесары она не могла возвратиться домой. Услышав шум алтыбакана, Алтыншаш направилась туда. Молодость победила в ней все другие чувства. Куда-то в небытие ушли подлый Ожар, измены и предательства, осталась только песня...

Когда Байтабын подошел к веселящейся молодежи, она слезла с алтыбакана и пошла прямо к нему. Ведь он уходил в поход вместе с ее мужем Ожаром. Кажется, она обрадовалось встрече.

— С благополучным возвращением вас, батыр!

Ее лицо светилось в темноте. Он с трудом отвел глаза, постарался совладать со своим голосом.

— Как ваше здоровье, Алтыншаш?..— Он не знал, о чем говорить.— Ожар-ага ехал с нами, но задержался по каким-то своим делам в попутном ауле...

Алтыншаш вдруг громко рассмеялась:

— Не беспокойтесь об этом, уважаемый батыр!.. А я рада, что вы вернулись благополучно. Я вас ждала и очень боялась...

— Почему?

Он ничего не понимал. Алтыншаш смотрела куда-то в ночь.

— Как бы объяснить... Просто некоторые ваши попутчики показались мне недобрыми.

— Кто же из них?

Она молчала. Сами не заметив как, отошли они от алтыбакана. Высокий ковыль задевал их колени. Они вместе остановились, повернулись друг к другу. Совсем близко было ее лицо. Руки их сплелись, и они тихо опустились в траву...

Каждую ночь уходили теперь они в степь, и утренняя звезда заставала их там. Алтыншаш ничего не рассказывала ему о предательстве Ожара, но он чувствовал ее состояние. Себя он ни перед кем не считал виноватым... Ожар не возвращался. Они почти открыто уходили вместе и не знали, что за ними следят. Самен, тайный соглядатай Ожара, знал уже все...

Так прошло десять дней. На одиннадцатый день Байтабын, как всегда, ожидал ее на условленном месте. Но Алтыншаш не шла. Он знал, что Ожар еще не возвратился, и не понимал, что произошло. На рассвете он пошел к ее юрте..

Ни коня, ни следов чьего-либо приезда. И все же Байтабын не вошел. Он растянулся на земле у самой войлочной стены и стал слушать. Чуть слышный стон донесся до него. Тогда батыр встал и ногой распахнул дверь...

Ожар стоял в потемках лицом к стене, и рукава его были засучены до локтей. Острый кинжал зажат был в правой руке, а рядом валялась влажная от крови тяжелая плеть с таволжьей рукояткой. Алтыншаш лежала на полу, и распущенные волосы ее слиплись от крови. Платье было изорвано в клочья, густые темные рубцы покрывали все тело...

Ожар по дороге не случайно отстал от Байтабына. Он знал, что должен встретиться с Таймасом. Но слышал ли Таймас его ночной разговор с батыром Сейтеном, этого Ожар не знал. На всякий случай он решил схорониться неподалеку и приглядеться. Вести ему должен был доставлять Самен. Осторожный, как змея, Самен выведал про то, что Кенесары и Таймас говорили с Алтыншаш, а она сразу после этого сошлась с Байтабыном. Пробравшись в соседнее зимовье, где скрывался Ожар, Самен рассказал ему все...

Ожару следовало немедленно убираться в ставку Конур-Кульджи, но жажда мести была сильнее его. Сперва он хотел расквитаться со своей женой. Он решил пробраться к ней в юрту, убить, а потом уже бежать от Кенесары. Когда все в ауле уснули, Ожар оставил коня в логу за аулом и пеший пробрался в свою бывшую юрту. Когда он вошел, Алтыншаш как раз собиралась к Байтабыну.

Она рванулась к постели, где был спрятан у нее нож, но он ударом ноги отшвырнул ее, свалил на пол. Алтыншаш потеряла созна-

ние. Ожар затолкал ей в рот кляп, подождал, когда она очнулась, и принялся подробно рассказывать, как заманил и предал сначала ее отца, а потом и брата. Время от времени он прерывал рассказ, чтобы поиздеваться над ней. Называя каждый раз имя Байтабына, он бил ее плетью, бил с ухмылкой, тщательно выбирая, куда ударить. Сейчас он приготовился уже зарезать полумертвую женщину, но слетела дверь с крючка и на пороге встал Байтабын.

Ногой выбил Байтабын кинжал у предателя. В тот же миг оба батыра схватили друг друга руками за горло. Каменными от напряжения сделались их руки. Через минуту пальцы Ожара начали слабеть, и он рухнул на землю задушенный. Не удовлетворившись, Байтабын поднял валявшийся кинжал и по рукоятку вогнал его в грудь Ожара...

Он подошел к Алтыншаш, вырвал кляп у нее изо рта, склонился ухом к обнаженной женской груди. Чуть слышно стучало сердце. Байтабын удовлетворенно кивнул, подошел и распахнул закрывшуюся было дверь. Ясное утро стояло на дворе...

Солнечный диск выползал из-за горизонта медленно, словно нехотя. Алые вначале лучи побелели, и степные травы вокруг загорелись зеленым огнем. Мычание коров, блеяние овец привычным шумом наполняло округу.

В этот ранний час на глазах у испуганных людей Байтабын через весь аул пронес на руках к юрте Кенесары окровавленное тело Алтыншаш. Старики, женщины, дети шли следом.

Кенесары проснулся от шума на улице и вышел, не дожидаясь телохранителей. Одна лишь соболья шуба была наброшена на его плечи. Байтабын, не выпуская из рук Алтыншаш, опустился перед ним на колени прямо в пыль.

— Мой султан!— закричал он.— Отсеките мою голову, но только что я своими руками задушил батыра Ожара. На то была у меня причина...

Кенесары на миг задумался... Хорошо, что этот батыр убил предателя и что он на коленях. Вечным своим должником следует сделать его!..

— Я прощаю тебе это, батыр! Многого ты не знаешь, но поступил правильно...

— Благодарю за прощение, мой султан!— Байтабын прямо смотрел в глаза Кенесары.— Разрешите просить вас еще об одной милости. Вы предлагали мне выбрать в жены любую из девушек Сарыарки. Я выбрал эту вдову. Отдайте ее мне!

Все смотрели на Кенесары, ожидая решения. Среди людей уже прошел слух о предательстве Ожара...

— Бери ее, батыр!

Кенесары не стал расспрашивать его, как произошло, что оказался он ночью в юрте у чужой жены. За это полагалось наказание по суровым степным законам...

Только через две недели оправилась Алтыншаш от страшных ран и могла уже поднимать голову. Вскоре она встала с постели, и сам Кенесары сыграл их свадьбу. Многочисленные гости от обоих

жузов присутствовали на ней. В конных состязаниях, в казахской борьбе приняли участие знаменитые батыры Агибай, Жеке-батыр, Жанайдар, Кудайменде, Бухарбай.

А через неделю после свадьбы начались снегопады. В то время к Кенесары, пристально следившему за всем, что делалось в южных ханствах, приехал гонец из рода конрад. Он привез интересную новость: Мадели-хан хочет жениться на мачехе своей Ханпадшаим. Давно зарившийся на Ташкент и другие кокандские земли эмир Бухары определил это как преступление против веры и поднимает против Мадели-хана весь мусульманский мир. Ожидается война...

Что же, пусть дерутся правоверные, а он, Кенесары, постарается пока что вырвать у Кокандского ханства нижнее течение Сырдарьи, где проживают казахи. Если до сих пор он все еще размышлял над тем, стоит ли оставлять ему сейчас Сарыарку, то теперь решился. Нужно в это время находиться поближе к кокандским владениям...

На следующий день Кенесары распустил на зиму свое многочисленное войско, а сам с пятью верными соратниками-батырами и тремя сотнями тулснгутов ушел на земли Младшего жуза к Тургаю и Иргизу.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

I

Оренбургский военный губернатор граф Василий Алексеевич Перовский откинулся в мягком кресле, чуть прикрыл голубые проницательные глаза и, поглаживая левой рукой высокий чистый лоб, предался размышлениям... Как это случилось, что он вошел в соглашение с мятежным султаном? Ведь именно этот Кенесары явился тем центром, вокруг которого снова собрались притихшие было бунтовщики с берегов Тургая, Илека, Иргиза. В попущении этому обвиняют его. Правду говоря, он действительно не ожидал, что сын Касыма-торе из Средней орды так быстро найдет общий язык с предводителями стольких родов Малой орды...

Впрочем, и такое обвинение не заставило бы его искать соглашения с мятежниками, если бы не особые обстоятельства. Как-то получается всегда, что волнения киргизов в степи, или казахов, как называют они себя, совпадают с бунтами крепостных мужиков и яицких казаков. Вот и сейчас... Команду за командой приходится высылать для подавления...

В качестве оправдания можно привести довод, что султан Кенесары сам обратился к нему с просьбой о примирении. И это было, по всей вероятности, искренне. Где же оно, это оригинальное послание?..

Василий Алексеевич Перовский протянул руку к листу плотной бумаги, принялся читать, вскидывая время от времени брови... «Тысяча восемьсот тридцать девятый год... Год кабана, по ордынскому исчислению... Месяц март — науруз... Со времени нашего деда Аблая мы, степные казахи, жили с русскими в мире и согласии, как родные братья. Но поскольку люди сибирского губернатора не давали нам покоя, мы вынуждены были воевать, не желая того... Позвольте доложить Вашему сиятельству, что с тех пор, как вступили на подведомственную Вам землю, мы ни разу не совершали враждебного поступка против России. Умоляем довести это до сведения вышестоящих властей...»

Ведь он справедливости требовал, этот степной султан. Разве задача империи здесь в том, чтобы плодить лишних врагов? Особенно таких влиятельных среди орды, как внук Аблая. Ничего нет хуже тупой солдатской прямолинейности князя Горчакова. Разве не нуждается тот же Кенесары в российском покровительстве? И не стал ли бы он куда более верным и полезным подданным, чем все эти криводушные ага-султаны, пригретые князем? Немного бы гибкости только. В этом он не раз убеждался. И, не в пример князю, сразу переслал послание Кенесары военному министру графу Чернышеву и вице-канцлеру Нессельроде. К нему он приложил свое письмо с ходатайством о помиловании и прощении Кенесары. Только так можно было прекратить смуты и привлечь степь на свою сторону.

Кажется, даже в Петербурге это поняли. В связи с его просьбой дать указание сибирскому генерал-губернатору не вмешиваться в дела казахов, переселившихся на территорию военного губернатор-

ства, последовало соответствующее распоряжение военного министра. Князь обиделся и написал ему довольно ядовитое письмо.

Перовский чуть улыбнулся, вспомнив эту смесь оскорбленного самолюбия с поистине детской наивностью в политике, которая отличает старых солдат прусской школы... «Довожу до вашего сведения, граф, что я и помыслов не имел управлять вашими киргиз-кайсаками. Мне и со своими дел хватает, и вся моя забота состоит в том, чтобы оберегать доверенное мне государем генерал-губернаторство от кровожадных орд. Бунт, поднятый султаном Кенесары, представляет весьма серьезную опасность, ибо действия свои он умело прикрывает бездумными обещаниями вернуть некие древние вольности, ввиду чего многие идут за ним не просто ради легкой наживы и грабежа...»

Князь не лишен некоторой проницательности, но тем больше оснований было для мирного исхода смуты. К сожалению, слишком мало людей, понимающих это, среди приближенных князя. Ему, Перовскому, в Оренбурге, слава богу, повезло. Скорей всего, то помогло, что в нынешние времена не очень чтут умников в столицах и стараются удалить их оттуда на границы империи. Что же, границы от этого совсем не проиграли...

Да, ему повезло. Лучшие умы России есть среди его сослуживцев. Много их здесь, и делают они благое дело во славу России... Вельяминов-Зернов, знаменитый историк-ориенталист, милый Даль, составляющий свой словарь... Кто лучше этих людей понимает, сколько пользы произойдет для тех же казахов от присоединения их к России? Но не первыми ли отвернутся они от него, если пойдет он по пути неумного князя Горчакова и начнет пулями внедрять прогресс!..

Или взять начальника Оренбургской пограничной комиссии генерала Генса. В карательных экспедициях не раз принимал он личное участие, но никогда не допускал крайних мер. Мало того, на собственные средства открыл приют для оставшихся без родителей казахских детей, учит их грамоте, сам язык их выучил. И еще, говорят, пишет исследование по истории и этнографии орды. Все это не просто так, а с великой человеческой любовью. Вот такова и есть она, Россия!..

Граф вспомнил, что говорил ему близкий человек — польский ссыльный поэт Виткевич. Большие способности обнаружил он в киргиз-кайсаках, тончайшее чувствование поэзии, музыки, красок. А какие великолепнейшие экспонаты собрал в организованном музее друг великого поэта Мицкевича Томаш Занд!..

Да, вместе с пушками и солдатами князя Горчакова приходят и такие люди. И они определяют будущее, а не пролитая взаимно кровь. Чем меньше прольется ее, тем лучше. Поэтому он и придал тогда такое значение письму Кенесары...

Каков же был результат всего этого?... Еще в 1838 году государь издал указ, в котором говорилось, что «отсылаемых за преступные действия в арестантские роты киргизов, по миновании назначенных им сроков, не возвращать в орду, но годных из них и надежных

отдать в солдаты, прочих же отправить в Иркутскую губернию на поселение». Узнав из доклада о замирении Кенесары, а также то, что он, по существу, прекратил свои нападения на оренбургские пограничные укрепления и казачьи станицы, государь издал в прошлом, 1840 году манифест об амнистии Кенесары и высочайшем прощении всех его проступков. Мало того, были возвращены все его родственники, отбывавшие ссылку, а дела находящихся под следствием людей, о которых он просил, были прекращены...

Цель была почти достигнута... Кстати, по манифесту государя отпустили тогда и старшего сына Вали-хана Губайдуллу, которого сослали в Сибирь не без участия мачехи Айганым. По ее же просьбе сослали и брата ее покойного мужа — Сартая. Все за то, что могли претендовать на ханский престол, перебежав дорогу ее детям. Ох и нелегко разобраться в этой степной политике, да еще с «умной» головой князя Горчакова!..

Поэтому и не поехал освобожденный Губайдулла к своей мачехе в родные места. Не поехал и к брату своему — кушмурунскому ага-султану Чингису, а направился вдруг прямо к Кенесары. Не такую уж глупую политику ведет этот мятежный султан. Его поддержка куда предпочтительнее, чем всех остальных.

Айганым!.. Граф невольно улыбнулся, вспомнив о чем-то давнем и приятном. Это было двадцать пять лет назад на балу у императора Александра. Они, молодые гвардейские офицеры, наперебой ухаживали за прекрасной кайсацкой ханшей, неожиданно появившейся при дворе и оживившей общество. Семидесятилетний муж ее Вали-хан днями и ночами не вставал из-за зеленого стола, играя со столь же престарелыми сенаторами. И как-то он, Перовский, молодой и блестящий тогда гвардеец, признался ей в любви...

И вот эта бывшая светская красавица так жестоко боролась за влияние среди орды!..

Мысли графа постепенно приняли более мрачное направление. Ему вспомнился другой, куда менее веселый императорский прием, который случился недавно. И император давно уже другой — с тяжелым свинцовым взглядом, и веселья мало. Да и сам он не показался ли милым грациозным дамам этаким молодящимся и расфуфыренным старичком генералом откуда-то из далекой пограничной провинции?

Незадолго перед этим произошла его неудачная экспедиция в Кокандское ханство. По высочайшему соизволению ему разрешено было приехать в столицу, чтобы немного отдохнуть. Свыше четырех месяцев пробыл он там и уже подумывал о возвращении к месту службы, когда его неожиданно пригласили на придворный бал. Там Василий Алексеевич Перовский вплотную столкнулся с императором Николаем I. На высочайшем лице было написано явное неудовольствие. Все разъяснила прогуливавшаяся с царем очередная фаворитка красавица Макеевская. Лукаво посмотрев на графа, она воскликнула:

— Ах, ваше величество!.. В невыполнении вашего обещания отчасти виноват и граф Василий Алексеевич...

Перовский, ничего не понимая, смотрел в ее смеющееся лицо. Нужно было что-то говорить.

— Если ваше величество что-нибудь обещали кому-нибудь, то разве не положим мы свои жизни, чтобы обещание было выполнено!..

В конце концов все разъяснилось. При дворе в последнее время стали входить в моду бухарские шелка. И вот караван с шелком, который ждали петербургские модницы к этому балу, оказался где-то под Ташкентом разграблен людьми мятежного султана Кенесары...

— Этого не может быть!— поразился Перовский.— Только вчера я получил депешу, что подопечный мой султан Кенесары еще пятого сентября находился в своей ставке на берегу Тургая. В доброй тысяче верст от Ташкента!..

— Кайсацкие ханы — не русские генералы, которым необходимо два месяца, чтобы добраться от Оренбурга до Арала!— Царь говорил жестко, не щадил самолюбия графа, руководившего неудавшейся экспедицией.— Этому вашему разбойнику оказалось достаточно семи дней, чтобы с четырьмя тысячами всадников оказаться под самыми стенами Ташкента!

Перовский склонил голову:

— Простите меня, ваше величество, но я действительно ничего не знаю...

— С каких это пор в России генералы узнают от царя, что творится среди их подданных?— Николай I нахмурил брови.— Извольте, могу доложить вам. Опекаемый вами султан Кенесары, насколько мне известно, еще седьмого сентября самолично провозгласил себя ханом кайсаков и через неделю начал войну против кокандского хана.

— Не может быть!..— прошептал Перовский...

Только на днях получил он письмо от Генса, исполнявшего в отсутствие военного губернатора его обязанности. Генс сообщал, что его адъютант Герн еще первого сентября находился в ставке Кенесары, откуда только что вернулся. Он доложил, что там царит тишина и спокойствие и все ждут окончательного результата переговоров...

Царь сделал отметающий жест рукой, и на лице его появилось так хорошо знакомое всем брезгливо-пренебрежительное выражение.

— Сегодня прибыл гонец с депешей от кокандского хана... Все же вам следует запомнить, Василий Алексеевич, что наше доброе отношение к вам не означало согласия на провозглашение этого Кенесары степным императором. В Российской империи этого не может быть дозволено. В вашем споре с Горчаковым я склоняюсь сейчас на его сторону... К тому же не вам мне объяснять, что, когда российские интересы столкнулись по всей Азии с интересами британской короны, разумно ли подрывать наши добрые торговые и всяческие иные отношения с Кокандом, Бухарой или Хивой? И не может каждый губернатор в России вести свою политику. Так что довольно канителиться вам с этим Кенесары. Сегодня я отдал приказ Чернышеву объединенными усилиями Сибирской и Оренбургской линий покончить с ним бесповоротно и навсегда. Если же вы, граф,

считаете, что не сможете со всем старанием выполнить этот приказ, то...

Перовский низко опустил седую голову:

— Слушаюсь, ваше величество!..

— Что ж, тогда отправляйтесь в Оренбург!

Царь сделал разрешающий жест рукой. Граф Василий Алексеевич Перовский еще ниже склонил голову. Подняв глаза, оренбургский военный губернатор увидел лишь удаляющуюся прямую спину самодержца и почти вплотную прильнувшую к ней стройную фигурку в платье из обычного китайского шелка. Он вспомнил буйные грубоватые расцветки среднеазиатского атласа и глубоко вздохнул. Что делают сейчас с этим атласом запыленные и пропотевшие сарбазы Кенесары?..

Граф был осведомлен о своднической роли военного министра Чернышева в романе царя с красавицей Макеевской. Знал он, что с некоторых пор тот добивается назначения своего дальнего родственника генерал-майора артиллерии Обручева на место Перовского. Лишь благодаря непонятной благосклонности к нему царя военный министр не осмеливался прямо советовать произвести соответствующие перемещения. Но теперь лукавый Чернышев, кажется, у цели.

И еще невольно подумал Василий Алексеевич Перовский, что отношения при российском императорском дворе мало чем отличаются от отношений между казахскими султанами, которые грызутся между собой за власть и влияние. Они обязательно притрутся друг к другу — эти султаны и нынешние российские управители...

Через несколько часов после разговора с самодержцем, на рассвете следующего дня, Василий Алексеевич Перовский выехал в Оренбург и в самом скором времени добрался туда. Сразу по приезде он узнал от Генса все подробности. Предстояло в срочном порядке разобрать необходимые мероприятия по ликвидации мятежа и самоуправства Кенесары.

Предварительно ко всем ага-султанам были посланы нарочные с требованием немедленно явиться в Оренбург. Вчера уже почти все приехали, и генерал Генс составил подробный доклад о положении в степи. Молодой ясноглазый адъютант доложил военному губернатору о прибытии Генса.

— Пусть войдет!..— устало махнул рукой Перовский.

Вошел генерал Генс, человек высокого роста, с орлиным носом и каштановыми, слегка вьющимися волосами. В очках в золотой оправе, он был скорее похож на ученого, чем на военного. Чувствовалось, что отношения между военным губернатором и подчиненным ему начальником пограничной комиссии лишены того бравого солдатского духа, который восходил к павловским временам и с новой силой возродился в нынешнее царствование...

Кабинет графа Перовского представлял собой довольно просторную квадратную залу с несколькими обитыми золотистым бархатом креслами. Кроме стандартного императорского портрета во весь рост

здесь висели небольшие портреты маслом Суворова и Кутузова, к которым у военного губернатора было почтительное пристрастие еще с детских лет. На стене висела громадная карта всего Оренбургского края с примыкающими землями и чужеземными владениями. Бросалось в глаза обилие книг. Они стояли в больших темно-красных шкафах, лежали на столе — толстые фолианты в тисненных золотом кожаных переплетах...

— Отдохнули уже от столицы, Василий Алексеевич?— спросил, грустно улыбнувшись, Генс.

— Вы правы насчет столицы, мой дорогой Генс. Петербург действительно утомляет...— Он задумался на минуту, полузакрыв глаза и словно вспоминая что-то.— Но не будем зря терять времени. Покажите мне на карте, где дислоцированы в настоящее время аулы, верные Кенесары!..

Они подошли к карте, и Генс принялся объяснять с карандашом в руке:

— Из Акмолинского и Каркаралинского округов к нам перекочевали вместе с Кенесары целиком волости Альке-Байдалы, Тнали-Карпык, Тюбе-Темеш. Они в основном обосновались вот здесь, по краям песков Каракум и Аккум, а также при устье рек Жыланды и Тургай. Волости Козган, Айдабол, Каржас, Малай-Калкаман из Баян-Аульского округа, а также все остальные аулы Тнали-Карпык и Торайгыр-Кипчак из Акмолинского округа слились с родом баганалы и осели на берегу реки Кара-Тургай. По верхнему течению Кара-Тургая, в урочище Орда-Тиккен, что значит «Ханская ставка», расположен родовой аул самого Кенесары...

— Значит, здесь его аул?— задумчиво переспросил Перовский.

Генс кивнул. Оба они еще некоторое время смотрели на крошечную рябинку среди моря белой бумаги.

— Продолжайте!..— тихо попросил Перовский.

— Здесь расположились орды и племена Атбасарского уезда, населявшие ранее районы Аргынаты, Улытау, Терсаккан, Кайракты, Шоиндыколь, Акколь. Это, во-первых, те же тюбе-темеш и тнали-карпык, а кроме этих разветвленных родов — еще койлыбай-алтай, айтхожа-карпык, алтай-альке, алтай-байдалы и алшын-жагалбайлы. Они в тысяча восемьсот тридцать восьмом году примкнули к мятежу Кенесары и следуют за ним всюду. Сейчас им принадлежит по существу вся эта огромная территория!

Генс вынужден был сделать несколько шагов вдоль карты, чтобы хоть приблизительно очертить границы земель названных им родов.

— Но здесь, насколько мне помнится, кочевал могущественный род алшын-жаппас...

— Они ужились и частично слились с ним.

— Ужились?— В голосе Перовского было явное недоумение.

— Да, ужились, Василий Алексеевич... А если к этому прибавить угодья восставших в разное время и присоединившихся к мятежу родов Малой орды, таких, как табын, тама, шыклык, шомекей, шекты, торткара, то посмотрите — они к востоку от Яика занимают все земли по берегам рек Жем, Илек, Иргиз и Жыланды, а также

предгорья Мугоджар. Это значит, что в подчинении Кенесары находится территория, равная Франции и всем итальянским королевствам вместе!..

— Да, это так. И, по европейским канонам, ему вполне можно было бы претендовать на титул...— Перовский не закончил и снова перевел взгляд на оспинку, обозначавшую ставку Кенесары.— Не это меня, правду сказать, занимает... Мы с вами лучше других понимаем, что происходит здесь. Так вот: как же могло случиться, что казахи, как называют они себя, которые обычно яростно защищают свои пастбища даже от ближайших родственников, без всякого сопротивления пустили на свои исконные земли всю эту массу родов из чужой и на протяжении долгого времени враждебной им Средней орды? Почему они мирно уживаются на пастбищах? Не происходит ли нечто необычное в степи, чего мы еще не в силах понять?

Генс смотрел куда-то в сторону.

— Политика князя Горчакова, к которой по какому-то непонятному фатуму всегда склоняются русские цари, скоро не одну эту степь объединит против дорогой нам России. И ничего мы с вами здесь не поделаем. Вам-то легче. А попробуй я заикнись — наши лжепатриоты мгновенно припомнят нерусскую мою фамилию...

Они долго молчали, два русских человека, которые были бессильны что-либо изменить.

— Личные цели этого Кенесары мне вполне понятны...— прервал молчание Перовский.— У всех аблаидов они одинаковы. Но тем, как ловко использует он аракчеевскую глупость некоторых наших наделенных властью проконсулов, можно только восхищаться. Поэтому и провозгласили его ханом...

— Мне только через три дня доставили весть об этом.— Генс усмехнулся, покрутил головой.— От вашего имени я сделал запрос Кенесары. Тот немедленно ответил отрицательно, подписавшись верноподданным и наследным полковником российским... Ну и разбойник! Потом я понял, в чем дело. Для кокандцев устроил представление. Они-то сразу узнали, что его подняли на белой кошме от всех трех жузов, а на берегах Тургая идет в честь этого невиданное пиршество. Сидели себе беспечно, а тут откуда ни возьмись — разъезды Кенесары под Созаком!..

— Так считает он себя ханом или нет?— Перовский отошел от карты, обошел стол.— Если нет, то почему без нашего совета двинулся к Созаку?

— Тургайский правитель Ахмет Жантурин поясняет, что Кенесары попросили об этом роды шомекей, торткара и табын, часть которых населяют низовья Сырдарьи. Они восстали против кокандского засилья и обратились к нему за помощью. То же приблизительно сообщает и начальник сибирской таможни. По его данным, Кенесары направился туда, чтобы вернуть на исконные земли казахские племена российского подданства, которые во времена междоусобиц перешли в кокандские владения. А если прибавить к этому, что ташкентский кушбеги убил родных братьев и отца Кенесары, то чему тут удивляться...

— Но там сейчас нет уже тех людей, которые виноваты в смерти его отца и братьев. Правит Кокандом Шерали-хан. Вы знаете, что это мирный человек и друг нам. Должно ли допускать, чтобы числящийся нашим подданным Кенесары вызвал войну с Кокандом? Нам еще придется в будущем иметь с ними дело, и ни к чему заранее осложнять отношения!..

Перовский имел в виду недавно происшедшие события. Через год после встречи в Ташкенте совершенно потерявший голову Мадели-хан официально женился на своей мачехе Ханпадшаим. Эмир бухарский, прозванный за невиданную жестокость «Мясником Нурасуллой», объявил его вероотступником и пришел в Коканд с огромным войском. Он отрубил голову беспутному Мадели-хану, а красавице Ханпадшаим залил расплавленным серебром детородное место.

Генс пожал плечами:

— Кенесары закономерно хочет использовать вражду между Бухарой и Кокандским ханством для освобождения и присоединения к себе сырдарьинских казахов. Сейчас самый удобный момент для того, и действия Кенесары полностью соответствуют данной версии. Что ж, его можно понять. Он, конечно, ни за что не согласится стать вассалом хивинского, бухарского или кокандского правителей, так как прекрасно понимает их политику. Если он понадобится им, то лишь как подвижной заслон против России. Помните, как резко он ответил три года назад на заигрывания и подарки со стороны того же Аллакула: «Если уж услужить, то лучше льву, чем шакалу!..» Мы немедленно сообщили об этом графу Нессельроде. К сожалению, делами львов нередко ведают ослы.

Перовский устало откинулся в кресле, и только сейчас заметил Генс, как постарел граф за время пребывания в Петербурге.

— Кенесары никому не захочет подчиниться, в том числе и Российской империи...— сказал Перовский.— И тут уж ничего не поделаешь. Его главная цель — объединить под своей властью всех казахов, где бы они в настоящее время ни проживали. Он хочет воссоздать великое казахское ханство, не понимая, не желая понимать обреченности этой затеи в наше время. Как бы мы с вами ни относились к нему, нам предстоит покончить с его мечтами и надеждами... Что делать, не мы первые в истории совершим подобное деяние!...

— Даже сырдарьинский батыр Жанкожа нашел с ними общий язык...— Генс задумчиво повернул голову к карте.— Иначе не смог бы Кенесары штурмовать Созак, обороняемый пятью тысячами воинов.

— Но государю доложено, что он отправился туда с четырьмя тысячами сарбазов. А это не изнеженные городские жители!

— Да, но на колодце Шункур-кудук их настигла дизентерия, и ему пришлось оставить там добрую половину войска. Так что не помоги ему Жанкожа со своими сарбазами, вряд ли пришлось бы ему осаждать Созак...

— Как там дела?

— Десять дней уже длится штурм. По-видимому, дело идет к концу...

— Решиться на такой штурм мог лишь отчаянный человек!

— Ну, ему не занимать отчаянности. Вы же знаете этого разбойника. И насчет его полководческих талантов сомневаться тоже не приходится. Таких бы людей привлечь к России, а не всякую мелкую сволочь из горчаковского окружения. К сожалению, нам этого не позволят сделать. Все должно склониться перед единым шпицрутеном — от финских хладных скал до пламенной Колхиды... А Созак он возьмет, не сомневайтесь. По моим данным, он даже сотню лестниц заготовил для штурма, а кому лезть по ним, у него найдется.

— Но как все же сумели они пройти за неделю Голодную степь?— Перовский выбросил руку к карте.

— Не за неделю, Василий Алексеевич...— Генс понизил голос почти до шепота.— За пять дней! Я не знаю, провозгласили или нет его ханом у могилы предка Алаша, но неоспоримо, что еще седьмого сентября он находился там вместе со всеми поддерживающими его аксакалами и биями. Это — возле Улытау. А уже двенадцатого сентября с половиной своего войска он вышел к стенам Созака. Только птицы способны на такие перелеты!..

— Как же он шел? Если через пустыню, то для этого необходимы верблюды, а не лошади...

— Он как раз и шел дорогой, якобы проложенной четыреста лет назад этим Алашем. Мне все подробно рассказал сарбаз, доставивший вчера депешу. Вот их путь.— Генс возвратился к карте:— Кара-Кенгир, где мавзолей Алаша, затем урочище Каражал, уже в ста тридцати верстах от Улытау. Через двадцать две версты по берегу Сарысу могила батыра Таймаса, а еще через сорок пять верст так называемая «Девичья могила», где они дали передышку лошадям...

— Насколько я помню, там бедный травостой и совсем мало воды.

— Это для наших солдатских лошадей. Что касается казахских коней, то они где угодно добудут себе корм... А вот их дальнейший путь. Через двадцать семь верст — переправа у Тас-Откеля и ночевка пониже могилы Сарта. На рассвете уже по левому берегу Сарысу тридцативерстный переход до могилы Кара-Кипчака. Здесь краткая кормежка лошадей, и потом самый тяжелый переход через движущиеся пески, на которые никогда не решился бы даже опытный караванщик. На первый взгляд — сыпучие безжизненные пески и нет ничего живого. Но кое-где между барханами растут полузасыпанные песком колючий тростник — шенгел, сухой кустарник — баялыш, попадаются изредка столетник и тамариск. Нужно уметь лишь увидеть все это. Даже джида растет в заповедных местах меж песчаными холмами. А для прокормления людей там хватает дичи — зайцев да косуль. Там, где наши солдаты погибли бы в два дня, кочевые джигиты находят все — воду, фураж, пищу. Нам еще предстоит учиться всему этому...

— Там отмечено первое кокандское укрепление по нашим картам,— заметил Перовский.

— Да, Жаман-Курган, привал в тридцати верстах от Кара-Кипчака. Четырехгранный замкнутый дувал туземного типа полутора аршин толщины и четырех аршин высоты. Их строили кокандцы

для защиты караванов от нападений вольных казахов и как базы для нападений, в свою очередь, на казахские аулы... Дальше — Кзыл-Джингил, зимовье Батеш-батыра, того самого, который из-за вражды с Сандыбаем уехал из Кара-Кенгира. Потом сорок верст по высыхающему руслу Боктыкарын до озера Айнамколь. Оно в густых тугаях. Это последняя зеленая остановка перед Голодной степью...

— А где заболели они животом?— спросил Перовский.

— Это между Жаман-Курганом и зимовьем батыра Батеша. Там есть три колодца под названием Шункур-кудук. Джигиты Байтабына, которые не знают этих мест, напились оттуда и почти все заболели. Больных Кенесары оставил в аулах рода баганалы из найманов, которые находились уже там на своих зимовьях...

— А что ели они в Голодной степи? Где брали воду для себя, а главное для лошадей?

— Да, Голодная степь для несведущего — страшное место... Особенно первый семидесятиверстный переход. Красно-бурая потрескавшаяся глина без проблеска зелени. Но у лога Терсаккан имеется овраг Айдарлы и при нем тайный колодец Шырынау, всегда полный воды. Кое-какой кустарник вокруг, а кроме того, уставших лошадей подкармливают, по туркменскому обычаю, овечьим курдюком... В мою первую научную экспедицию наши казаки научились там этому...

— И лошади едят?

— Едят, и сил вдвое прибавляется... Короче говоря, добрых сто верст Голодной степи, затем при Бес-Кулане переправа через Чу, соленое озеро Акжаиткан, урочища Иней и Кулан-Кабан, соленый колодец Кос-кудук. Снова тридцать верст сквозь барханы, и полусоленый Жаман-кудук. Только верблюды в состоянии пить из него воду. И лишь через двадцать верст у могилы Берди-бия годная для потребления людей и лошадей вода. Место, где могила Берди-бия, называют еще просто Кул. С вечера Кенесары разрешил там всем отдохнуть, а на рассвете оказался у стен Созака...

Созакский воевода, или по-ихнему, датка, Бабаджан чуть умом не тронулся, когда увидел это. Рассказывают, что, когда разбудили его, он поначалу прогнал дежурного нукера: не может, мол, быть, чтобы враг стоял у ворот. Кроме Кенесары — некому, а Кенесары за шестьсот верст напрямую празднует свое посвящение в ханы! «Вот он, Кенесары!» — показали ему со стены, и тогда он заплакал...

— Не только этому Бабаджану, мне до сих пор не верится в такой переход!..

— И тем не менее он свершился...— Генс с близорукой улыбкой посмотрел на Перовского.— А знаете, Василий Алексеевич, почему переправу на реке Чу назвали Бес-Кулан, а холмы — Иней и Кабан?

Это было самой жизнью Генса — большого ученого-этнографа, а уже потом генерала. Перовский знал слабость своего друга. Чтобы не обидеть, приходилось часами слушать его рассказы. Военный губернатор и не заметил, как рядом с этим человеком и сам стал подлинным знатоком края. Это пригодилось ему через двенадцать лет, когда, смирив свой дух и преклонив голову перед неизбежностью

и императором, он захватил Ак-Мечеть, жестоко подавив все попытки национально-освободительной борьбы в степи...

Сейчас Генс рассказывал ему легенду, которую записал, еще будучи молодым офицером, тридцать лет назад.

— Тут каждый холмик опоэтизирован, а начнешь докапываться до истоков, к самому Александру Македонскому придешь!— восторженно, в какой уже раз объяснял Генс.— Так с Бес-Куланом... Якобы любимого сына Алаш-хана растоптало стадо диких ослов, то бишь куланов. В великой скорби пребывал Алаш, и приказал он истребить по степи всех куланов до единого. Тому, кто убьет последнего кулана, обещал Алаш-хан несметные сокровища, и свою самую красивую дочь в жены.

Батыр Домбулак дал слово выполнить приказ хана. Двух сказочных коней с кличками Иней и Кабан взял он на истребление куланов, и когда осталось их всего пять в степи, Домбулак загнал куланов в глубь песков. Спасаясь от него, куланы находят брод на реке Чу, и с тех пор это место называют Бес-Кулан, что означает «Пять куланов». Сказочные кони так и издохли, не догнав куланов, и место гибели обозначено их кличками. А казахи до сих пор считают, что холм неподалеку — могила батыра Домбулака... Могила там действительно очень древняя, да и сюжет легенды уходит в глубь веков, ко временам царя Кира!..

— Каких только могил нет на этой земле!— дипломатично поддержал разговор Перовский.— История — наставница жизни, и хорошо, что не забывают они своих предков. Назовут ли здесь какое-нибудь урочище нашими именами?.. А впрочем, давайте перейдем к делу!

— Слушаюсь, ваше высокопревосходительство!

— Его императорское величество изволили поручить мне ликвидацию нежелательного сейчас для России движения Кенесары.— Теперь голос Перовского звучал резко, по-генеральски.— Прежде всего мы должны спросить с него, почему он без высочайшего и нашего соизволения вмешался в среднеазиатскую политику. Я имею в виду войну между Бухарой и Кокандом. Самовольные действия Кенесары приносят ущерб торговым отношениям Российской империи в Азии, не говоря уже о политических перспективах. Следует приказать ему прекратить военные действия по всей территории Кокандского ханства и незамедлительно вернуться на отведенные ему земли!..

— Сможет ли заставить он себя подчиниться такому приказу? Вы же знаете его... Тем более теперь, когда его сарбазы уже на стенах Созака...

— Как ему заблагорассудится!.. Первым делом это будет полезно для самого Кенесары. И пусть не мыслит даже, что добровольное присоединение к России оставляет за ним право решать какие-либо внешнеполитические проблемы, с чем бы это ни связывалось. Подчинение России означает возможность с подобающим рвением выполнять предначертания его императорского величества. И ничего иного!..

Перовский почти кричал. Генс молча слушал, склонив голову. Потом так же молча подал военному губернатору какую-то бумагу.

— Что это?— спросил Перовский.

— Ответ Кенесары на мое письмо...

История эта длилась уже долгое время. Прекрасно зная о соглашении между графом Перовским и Кенесары, князь Горчаков продолжал считать примкнувшие к Кенесары аулы враждебными и поступал с ними соответственно. Князь, самолюбие которого было уязвлено благоволением Николая I к Перовскому и его восточной политике в предыдущий период, писал военному министру Чернышеву. «Разбойники — сыновья Касыма-торе обманывают Россию, заверяя о своем подданстве, а на самом деле усиливают свои преступные действия, направленные против Его императорского величества...» Перовскому он писал прямо: «Или же отодвинь своего Кенесары подальше от сибирских границ, или позволь уж мне покончить с ним в его берлоге!..»

Перовский в свою очередь отвечал Горчакову: «Я не могу прийти к заключению о виновности подведомственного мне султана Кенесары, ибо со времен подчинения его Оренбургскому военному губернаторству он не совершил каких-либо враждебных действий, вызывающих возмущение наших подданных. Версия же о его грабительстве основана на показаниях некоторых кайсаков из числа его недоброжелателей. Эти сомнительные свидетельства не в силах доказать виновность Кенесары».

И все же председатель Оренбургской пограничной комиссии генерал Генс, чтобы уточнить некоторые моменты из письма Горчакова, направил специальный запрос Кенесары. Принесенное им письмо было ответом беспокойного султана на этот запрос.

Перовский начал читать его вслух:

— «С тех пор как Его императорское величество осчастливили нас амнистией, я не поднимал руку против России. В том, что я невиновен, свидетель — единый для всех Бог. Мои враги хотят опорочить меня перед Вами, но если Вы потребуете, я готов доказать на деле свою верность России. Враги мои зло ненавидят меня и не переносят Вашу благосклонность ко мне...»

Перовский вернул письмо Генсу:

— Безусловно, он говорит правду. Однако ж у него много недругов, которые без вины сделают виновным. Князь Горчаков, конечно, молодец в этом, но первые доносчики — сами казахские султаны...

— Восемь из них Кенесары считает своими самыми заклятыми врагами. Еще в одном из первых писем к нам он предупреждал о них...

— Кто же они?

— Из подчиненных Горчакова — Конур-Кульджа Кудаймендин, Кулжан Кучуров, Аккошкар Кишкентаев, а также Жаугашар. Из наших подчиненных — Ахмет Жантурин, бий рода жаппас хорунжий Жангабыл, бий рода жагалбайлы Кукир и, наконец, созакский датка Бабаджан...

— Значит, во всех жузах и государствах у него враги.

— Выходит, что так... Помимо понятных в их нынешнем состоянии межродовых распрей, он обвиняет их еще в потере достоинства перед Россией и Кокандом, в притеснениях по отношению к другим родам. Хоть и он хорош гусь, но там немало правды в его письмах. Самое плохое, что все эти ага-султаны обирают единоверцев, прикрываясь нашим именем и солдатами. Вот и получается в конце концов, что во всем виновата только Россия!..

Снова оба замолчали...

— Главных врагов у него двое — Конур-Кульджа и наш Ахмет Жантурин...— Генс развел руками.— Он не успокоится, пока не срубит им головы...

— Или они ему...

— Только нашими руками. Или еще чьими-нибудь. Дело в том, что, хотим мы этого или нет, основная масса казахов считает сейчас поставленных царем ага-султанов предателями, а Кенесары для них — вождь. Горчаков же и другие радетели твердого курса только способствуют такому пониманию. Так что без нас им не справиться с Кенесары. Ведь не случайно его джигиты жизнь отдают за него. Даже этот башкир Батырмурат недавно подставил себя под удар сабли, направленной на Кенесары!.. Наши султаны-правители недаром его как огня боятся!..

Вошел адъютант Перовского.

— Приехал султан-правитель Ахмет Жантурин,— доложил он.— Просит аудиенции...

Перовский с Генсом переглянулись.

— Впустите его!

Султаны-правители восточного берега Жаика Ахмет Жантурин, Арыстан Жантурин и Баймагамбет Айшуаков были наиболее приближены к Перовскому. Именно через них пытался он проводить в степи свою политику. Но они не раз обращались к нему с просьбами об изгнании Кенесары с территории, относящейся к Оренбургской губернии. Перовский посмеивался, понимая всю подоплеку их просьб. В конце концов для Российской империи, которую он представляет, безразлично, какой султан правит казахами — Ахмет Жантурин или Кенесары Касымов. Главное — умиротворить степь, заставить при помощи гибкой политики служить российским интересам всех деятельных людей, включая Кенесары. В Петербурге возобладало сейчас другое мнение...

Вошел Ахмет Жантурин, рослый и очень смуглый даже для степняка человек с широкими ноздрями и большими мутными, как у быка, глазами. Он был в мундире подполковника русской армии, и не только потому, что являлся ага-султаном. В свое время он закончил Оренбургское военное училище, служил в гарнизоне. Войдя, Ахмет Жантурин четко взял под козырек.

— Ваше высокопревосходительство, подполковник Жантурин явился по вашему вызову!

Перовский подал ему руку, предложил сесть.

— Знаете ли вы, султан Ахмет, что Кенесары воюет сейчас с кокандцами?

— Так точно, знаю, ваше высокопревосходительство!

— А почему он решился на это? Может быть, это подсказано хивинцами, чтобы ослабить Бухару и Кокандское ханство? Что вы слышали об этом?

— Слышал кое-что...— Ахмет Жантурин усмехнулся краем губ.— Конечно, Кенесары не такой уж дурак, как думают некоторые. После того, как Нурасулла-мясник убил Мадели-хана и унизил Коканд, Кенесары стал вести тайные переговоры с хивинским ханом, обещая отвоевать для него казахские земли по Сырдарье, находящиеся под властью кокандцев...

— Зачем же это понадобилось ему?

— Чтобы не дать усилиться эмиру бухарскому Нурасулле... Хивинский хан Аллакул прислал в дар Кенесары прекрасного аргамака с дорогим седлом и пятнадцать хивинских ружей с серебряной отделкой. Считая, что заручился полной поддержкой Кенесары, он объявил войну Бухаре. Вы знаете, что выиграл от этого только Коканд. Пока хивинский хан воевал с эмиром бухарским, жители Коканда восстали против эмира и объявили ханом тихого и набожного Шерали, родственника убитого Мадели-хана. Воспользовавшись слабостью Кокандского ханства, Кенесары и решил, что пришла пора присоединить к себе семь тысяч казахских семейств, подчиняющихся ташкентскому кушбеги... По полученным мной сведениям, он захватил уже Жана-Курган, Жолек и Ак-Мечеть. В настоящее время идет битва за Созак. А пока что освобожденные Кенесары казахские аулы начали откочевку в наши пределы...

— Чем же это плохо для нас?— Перовский недоуменно посмотрел на Генса.— Если в тысяча восемьсот тридцать четвертом году сын Касыма-торе Саржан отторгнул от России сорок тысяч дворов казахского населения, то сегодня другой его сын возвращает часть их обратно. Разве не означает это успех российской политики?..

— Нет, это означает победу Кенесары!— сказал Ахмет Жантурин, сразу помрачнев.— Сейчас под властью Кенесары находится большинство из родов найман-баганалы, аргын, табын, тама шекты, шомекей, байбакты и многие люди других родов. Всего это пять тысяч аулов, или добрых двести пятьдесят тысяч дворов. Если он прибавит к ним еще семь тысяч дворов, обязанных ему освобождением от кокандского ига, то станет еще сильнее. А Кенесары, пока живой, никому не покорится, в том числе и России. Он сам хочет властвовать над всей степью!..

— Что за неумное стремление к власти!.. Зачем это нужно ему?

Тут уже Ахмет Жантурин с удивлением посмотрел на графа Перовского. Во взгляде его было искреннее недоверие — притворяется военный губернатор или действительно не понимает всей сладости неограниченной власти...

— Он мечтает о временах Аблая и желает стать полновластным ханом казахов...

— Что же, это закономерное желание для аблаида...— Генс по-

тер лоб, встал и прошелся по кабинету.— Разве не того же хотел в период раздробленности любой из наших Рюриковичей? И разве мало народной крови было пролито для осуществления этих желаний?.. Вы только что сказали, что под властью Кенесары находятся в настоящее время двести пятьдесят тысяч казахских дворов. Если считать по четыре человека в каждой юрте, так и то получается миллион человек. Вот я и задаю себе вопрос: неужели миллион людей воюет лишь за то, чтобы утвердить какого-то Кенесары на ханском престоле?.. Нет, так в истории не бывает. Дело здесь куда более серьезное. Тут целый народ недоволен вводимыми нами порядками. Любой народ всегда желает свободы, а люди вроде Кенесары подстраиваются к такому движению. И они выигрывают, если не теряют головы!.. Чаще всего происходит сделка за счет народа...

— Нет, на это он не пойдет!

— Почему же?

— Из гордости!— ни на минуту не задумавшись, ответил Ахмет Жантурин.

— Хорошо, мы будем вынуждены сломить Кенесары. Но чем провинились многие простые казахи, увидевшие в нем своего вождя и устремившиеся за ним? Сколько невинной крови должно будет пролиться в этой несчастной степи!..

— Пусть не лезут, куда их не просят!

Столько неприкрытой злобы было в словах султана-правителя Жантурина, что Генс осекся на полуслове... Он, не имеющий отношения к этому народу, печется о простых казахах, не желая бессмысленного пролития крови. А тут сам казах готов пролить море невинной крови, только бы сокрушен был его личный враг!.. Теперь понятно, почему ненавидит народ своих ага-султанов, прячущихся за нашими штыками. Недаром его отца — старого Жантуру — на глазах у всех зарезал простой казах. Как бы и с сыном не случилось такого!..

Перовский опустил на стол ладонь правой руки:

— Мы долго пытались усмирить Кенесары без пролития крови. Поскольку такая возможность исключается, то мы полны решимости применить военную силу. Однако же только в качестве вспомогательного отряда к войскам верноподданных султанов... Найдутся ли у вас возможности для разгрома и полной ликвидации мятежа Кенесары Касымова?..

Глаза султана-правителя Ахмета Жантурина сверкнули от радости.

— Хватит у нас сил!.. Ежели у Кенесары сейчас имеется на конях восемь тысяч джигитов, то мы наберем поболее.— Он принялся загибать пальцы на левой руке.— Мы, двое сыновей благородного Жантуры — я и Арыстан, выставим три тысячи сарбазов. Наш дядя, султан-правитель Баймагамбет,— две тысячи всадников. Бии родов торткара и жагалбайлы, проживающих по Ори и не примкнувших к мятежу, благородные Жангабыл Жаппас-оглы, Кукур и Бигажан дадут каждый по тысяче крепких людей. А если еще ненавидящий Кенесары кипчакский бий Балгожа даст тысячу, то сколько это бу-

дет?.. Надеемся, конечно, что и ваше высокопревосходительство выделит батальон-другой ваших доблестных войск!..

Ахмет Жантурин перегнулся через стол, заглядывая в лицо военного губернатора. Сквозь муть его глаз светилась победоносная хитрость. Перовский невольно поморщился и еще раз опустил ладонь на стол:

— Та-ак!..

— Да, ваше высокопревосходительство, тогда мы к осени придушим их и без помощи сибирских линейных войск!— Он все знал и не скрывал этого.— Одними нашими силами сокрушим супостата, и ваше высокопревосходительство смогут лично доложить государю о столь знаменательной победе!

Ахмет Жантурин говорил с тем «патриотическим» пафосом, который вошел в моду при николаевском дворе вместе с девизом «православие, самодержавие и народность». И как быстро унюхал кайсацкий султан-правитель этот дух! В Оренбурге русские офицеры еще стеснялись столь верноподданнически проявлять себя...

— Хорошо!— быстро сказал Перовский.— Пусть вечером придут другие султаны, тогда и решим...

Ахмет Жантурин козырнул, четко повернулся и вышел.

— Каков мерзавец!— с легким оттенком восхищения воскликнул военный губернатор, едва за ним закрылась дверь.— Этот тебе мать родную продаст, а мы на нем благополучие Российской империи пытаемся строить! Нет, по мне уж лучше с Кенесары иметь дело!.. Но с какой легкостью распоряжается этот Жантурин своими людьми. Словно баранами на ярмарке!..

— А мы чем лучше, Василий Алексеевич?— возразил Генс.— Что же касается казахов, то это достойный, но очень несчастный народ.

Генс уже собирался уходить, но вошел раскрасневшийся ясноглазый адъютант и таинственным тоном доложил Перовскому:

— Там, ваше высокопревосходительство, две такие красавицы киргизки, что весь гарнизон сбежался!..

— А зачем они здесь?— спросил генерал Перовский, невольно приосаниваясь и подкручивая ус.

— С вашим превосходительством желают увидеться. Одна по-русски совсем чисто говорит, как мы с вами...

Перовский с Генсом переглянулись.

— Ладно, приглашай!..

Вошли две женщины, молодые и действительно настолько красивые, что оба генерала невольно встали. На голове одной из них было саукеле, что означало недавнее замужество. Одеты они были не слишком богато, но со вкусом, который угадывается по любой, самой непривычной для глаза одежде. На них хорошо сидели бордового цвета вельветовые камзолы, под которыми виднелись платья с двойными оборками из того самого азиатского шелка, который стал предметом разговора с самим царем. Ноги были обуты в ярко-оранжевые юфтевые сапожки на высоких каблуках. Вторая девушка, судя по лисьей шапке с перьями и серебряному поясу, тоже относилась к сарыаркинским казашкам...

— Здравствуйте, господа!

Это сказала первая звучным голосом на русском языке и так непринужденно, что оба генерала не знали, как вести себя дальше. Другая, по-видимому, не говорившая по-русски, поклонилась, прижав по сарыаркинскому обычаю обе руки к сердцу.

— Здоровы ли, голубушки?— заговорил по-казахски Генс, обращаясь к той, которая не знала русского языка.— Откуда вы приехали и как ваши имена? Из какого рода вы?

Теперь удивились женщины. Русский генерал говорит не хуже их по-казахски. Старшая посмотрела на военного губернатора, поняла, что он не понимает по-казахски, и снова заговорила по-русски:

— Меня зовут Алтыншаш, а эту девушку — Кумис. Мы из аула Кенесары...

У Перовского мелькнула мысль, что он, по-видимому, не ошибся в происхождении шелка, из которого были сшиты их платья. Дорого же будет стоить этот шелк Кенесары... Впрочем, он подходит им не хуже, чем фрейлине Макеевской. Говорят, у царя за эти дни появилась новая фаворитка. Интересно, какие у нее вкусы...

— Где же вы так хорошо научились разговаривать по-русски?— с интересом спросил Генс.

Алтыншаш подробно и обстоятельно рассказала историю своей жизни, не скрыв даже историю предательства Ожара. Услышав, чья она дочь, и еще раз подивившись ее чистому произношению, Перовский в свою очередь осведомился:

— О чем же вы хотите просить меня, дитя мое?

— Ваше сиятельство, я приехала к вам, будучи наслышана о вашей справедливости.— Она вытерла невольно выступившие слезы.— В прошлом году вы добились у его императорского величества амнистии по отношению ко всем близким и родственникам султана Кенесары. Я не осмеливаюсь просить о столь высокой милости к моим братьям и сестрам, сосланным в Туринск. Умоляю вас хотя бы помочь мне узнать об их здоровье!..

Генс отвернулся, не в силах сдержать острой жалости по отношению к этой благородной плачущей женщине. Горький комок подступил у него к горлу.

— А эта девушка с вами?— спросил Перовский.

— Она тоже взывает к вашей справедливости!— сказала Алтыншаш.— Я выросла среди русских и знаю, что подлинный русский человек никогда не пройдет равнодушно мимо чужого горя. С жалобой на изверга и насильника Конур-Кульджу приехала она к вам. Ага-султан Конур-Кульджа Кудаймендин, носящий мундир русского офицера, кроме всего прочего убийца ее отца!

Она разволновалась, но тем не менее рассказала всю историю Кумис, начиная с грязного насилия над ней в отцовской юрте, совершенного Конур-Кульджой.

— Какое варварство!— воскликнул Генс по-французски.

— Закон степи...— развел руками Перовский, тоже перейдя на французский язык.

— Но мы надели на это чудовище мундир русского офицера. Эта женщина права!..

— Ох, мой милый Генс, вы не бывали при дворе!..

Это само вырвалось у Перовского, и он с опаской посмотрел на Алтыншаш. Она, кажется, поняла, что он сказал...

— Вы что, и по-французски понимаете?— спросил он у нее.

Посмотрев ему в глаза, она отрицательно покачала головой... Алтыншаш не смогла бы объяснить, почему она это сделала. Может быть, ей жалко стало этого так испугавшегося своих слов человека. И еще она поняла, что не все зависит от него. Что-то страшное, тяжелое давило здесь всех — даже этих генералов с блестящими эполетами. Оно раздавило и ее отца с дядей, приставило к ней мужа-предателя... Она понимала по-французски, потому что выросла в доме сибирского генерала Фондерсона. А там говорили только по-французски...

Перовский все еще недоверчиво смотрел на нее, но Алтыншаш уже взяла себя в руки.

— Что же мы сможем сделать для них?— спросил по-французски Генс, словно бы не сомневаясь в сочувствии Перовского к горю этих женщин.

— О судьбе родственников этой милой женщины мы справимся, послав запросы в соответствующие инстанции... А что можем сделать мы Конур-Кульдже? Это же человек князя Горчакова. Одному богу ведомо, что творится у него в Сибири и с русскими-то. Знаете, наверно, какие слухи об этом ходят. А уж об инородцах и говорить не приходится... Следует, видимо, успокоить как-то ее, обещать разобраться...

— Разве представится им еще когда-нибудь возможность приехать в Оренбург?.. Не будут ли они всю свою жизнь думать, что мы попросту обманули их?..

— Обман в утешение не есть обман. Пока что это облегчит им душу, а потом сами поймут, что не в наших силах было помочь им...— Перовский невесело усмехнулся.— Им еще и не то предстоит подумать о нас. Пусть уж привыкают!..

— Нет, я не могу пойти на это, Василий Алексеевич!— твердо сказал Генс.— Пока я русский генерал... Они с надеждой пришли к нам. Чем еще послужим России, если более великое не в наших силах. Пусть же знают в степи, что не все русские генералы таковы, как Горчаков. Льщу себя надеждой, что этот небольшой, но благородный народ не забудет хоть того малого, что сделаю!

— Что же вы намерены предпринять?

— Попытаюсь через департамент по азиатским делам выяснить поначалу, где находятся родственники этой женщины. А мерзавца Конур-Кульджу потребую отдать под суд!

Перовский грустно покачал головой:

— Неужели вы до сих пор не убедились в великом рвении и расторопности российской канцелярии? Да пока придет ответ, они трижды успеют состариться и почить в могиле со своими надеждами!

— Не вернутся они боле, если уедут назад в степь. А что начнет-

ся там сейчас, вы не хуже моего представляете. Пусть поработают в моем приюте на благо своего народа. Я же, со своей стороны, постараюсь поторопить инстанции...

— Пусть будет по-вашему!

Перовский невольно улыбнулся, поняв замысел Генса. На свои небольшие средства открыв приют для казахских детей-сирот, тот давно уже искал для него воспитательниц, владеющих казахским и русским языками...

Генс повернулся к женщинам, заговорил по-казахски:

— По вашим просьбам придется сделать запросы в другие города. На это уйдет время. Но вам в ожидании ответа надо будет где-то жить, что-нибудь делать. У меня живет много оставшихся без родителей детей, за которыми нужно смотреть, учить их. Согласны ли вы взяться за это трудное дело?

Вся степь знала о добром русском начальнике, собиравшем и дававшем приют оставшимся в это тяжелое время без родителей казахским детям. Даже живя в Омске, Алтыншаш слышала об этом человеке. Она подумала немного и кивнула:

— Хорошо!

Она тоже не хотела обманывать этого благородного человека. Но она была дочерью казненного батыра Тайжана, там, далеко в степи, сражался ее муж Байтабын, и были те, кто стал ей близок. Алтыншаш должна была сообщить, что здесь готовится против них... Даже спутница ее, Кумис, не знала об этом...

В тот же день генерал Генс привез их в свой приют, познакомил с детьми. Много их было там, и разных возрастов. Сама выросшая без материнской ласки, Алтыншаш расплакалась, увидев этих детей, и до ночи не могла отойти от них.

Вечером того же дня Генс отправил все необходимые письма по делу обеих женщин. По личному поручению военного губернатора Перовского он написал также послание к Кенесары с категорическим приказом немедленно прекратить любые военные действия против Кокандского ханства и возвратиться со всеми подданными в границы Российской империи.

Кенесары получил это послание в день взятия Созака. Несмотря на восемнадцатый штурм, он готовился уже через день выступить на Ташкент. С Россией шутки были плохи. Ему теперь ничего не оставалось делать, как заключить мир с Кокандским ханством и вернуться в российские пределы. Лютая злоба на оренбургских генералов, одним росчерком пера разрушивших его планы, бушевала в сердце Кенесары.

II

Есиркеген не был буйным и безудержным юношей, как некоторые байские сынки в Семипалатинской русской школе. Выпускникам школы предстояло стать в будущем офицерами, чиновниками, ага-султанами, душой и телом преданными царской власти. Но вышло так, что наиболее умные и способные из них, освоив русский язык и культуру, впитали в себя и ту передовую, революционную сущность,

которой отличалась эта культура даже в тяжелые времена николаевского деспотизма. К таким ученикам принадлежал и Есиркеген.

Каких только разговоров не вели они между собой! И все сводилось к одному. Их тревожили безграмотность, забитость и беззащитность родного народа, отданного во власть невежественным, разнузданным ага-султанам, биям, проходимцам всех мастей. Они думали о будущем...

И невольно их мысли обращались к русскому народу. Необходимо было наверстывать упущенное, и, вопреки средневековому феодальному мракобесию, менять быт и нравы, царящие в степи. Они понимали уже, что для этого следует изменить способ хозяйства. Казахи кочевали в степи, как и предки их. А при кочевом образе жизни нечего было и думать о том, чтобы догнать передовые народы и страны. История России, особенно эпохи Петра Великого, увлекала их, объясняла многое. Следовало учиться у русского народа. Именно у народа, а не у николаевских жандармов и карателей...

Есиркеген бродил по семипалатинским окраинам, беседовал с русскими мужиками-переселенцами, а вскоре познакомился с русскими ссыльными. Все больше прибывало их в степные края, и это были настоящие люди, понимавшие горе его народа. Долгими зимними вечерами, засиживаясь со сверстниками на квартире то у одного, то у другого ссыльного, слушали они нескончаемые горячие споры о будущем России и начинали понимать, что оно неразрывно связано с будущим их народа. Они понимали уже, что царизм не победишь отдельными разрозненными выступлениями, что только в тесном союзе с русским народом будет достигнута победа.

Просыпаясь ночью, Есиркеген размышлял обо всем услышанном накануне... Какие только завоеватели не бесчинствовали на казахской земле — китайские, хивинские, бухарские, кокандские, джунгарские! Но какие бы опустошения ни производили они, народ находил в себе силы подняться из крови и пепла, как сказочная птица. Теперь же, как ни тяжелы были царские и султанские поборы и притеснения, все явственней виделась Есиркегену братская рука русского народа, терпящего не меньшие бедствия от царского самодержавия...

С русским народом — против царя!.. Еще в разинское и пугачевское времена зародилось это братство угнетенных. Тогда же определился и союз русского царя со степными мирзами и султанами, для которых самодержавие становилось лучшей защитой от народа...

Другого пути нет... Понимают ли это Кенесары или батыр Агибай, ставший для Есиркегена символом родного народа?

Он с медалью закончил Семипалатинскую школу и готовился осенью поступить в императорский кадетский корпус в Петербурге. На лето, как обычно, Есиркеген отправился в родной аул. Шел 1841 год, год коровы по-казахски...

Оттого ли, что Есиркеген много думал о будущем — народа и своем, оттого ли, что устал от занятий и экзаменов, но стал он бледным и худым. Старец Масан, которому давно уже перевалило за восемьдесят, сразу увидел это и понял, что юношу гложет какой-то тайный

недуг. По степному обычаю, он не сразу начал разговор с внуком. Лишь когда тот отдохнул с дороги и немного пришел в себя, Масан-бий пригласил его посидеть с ним.

— Дорогой мой внучек, человеческое горе подобно рогам Искандера,— сказал он.— Не высказанное никому, оно растет кончиками внутрь, все глубже раня душу. Ты на глазах сохнешь от него. Если ты можешь открыть свои думы перед старцем, выскажись. Руки мои немощны, но голова пока еще дня не проводила в безделье...

Есиркегену давно самому хотелось открыться перед дедом, и он не стал ничего скрывать.

— Вы правду сказали, ата, меня гнетет горе. Только оно не мое, а горе всех казахов...

Масан-бий долго и внимательно смотрел на него, прежде чем заговорить.

— Народное горе?.. Ты тронул мою душу. Я всегда опасался, что не останется у меня преемника с большим сердцем. Мелкие душонки чаще появляются в мире. Бог сжалился надо мной перед смертью!.. Говори!

— Я четыре года проучился, дедушка. Может быть, уродился я таким беспокойным, но они мне казались длиннее четырех жизней. Если бы мысли были водой, то я давно бы уже захлебнулся в том океане, который окружает меня. Мне хочется перестать думать и начать действовать...

— Так... так... Но чем же наполнен этот океан? Расскажи...

— Это океан народных слез.

— Что же, я уже восемьдесят лет вижу этот океан... Нашел ли ты, чем можно вычерпать его?

— Я пришел к мысли, что сами мы не сможем этого сделать. Океан горя народного продолжается и за пределами наших степей. Разные языки, веры, привычки, но простым людям всегда плохо. И в борьбе с белым царем мы ничего не добьемся, пока будем носиться по степи, как дикие сайгаки. Разные есть русские люди, и сам ты не раз говорил об этом. Мы должны учиться у тех русских, которые знают больше нас, и идти с теми, которые против своего царя. Все больше становится их, и за ними будущее...

— А как же поступать с карателями?— Глаза старика на мгновение загорелись недобрым огнем, который тут же потух.— Конечно, каждый кобчик считает себя правителем в своем овражке. Проклятое, кровавое время рождает и кровавые мысли. Скорее всего, ты прав. Но что скажет твой народ, когда ты предложишь ему это? Разве всегда считается он с тем, что хорошо для него, а что плохо?.. Правда, есть у него одна пословица: «Пусть руки отсохнут у того, кто не печется о близких ему по крови!» Мал твой народ и, подобно пугливой серне, мечется по степи. Только опасайся заслужить его проклятие...

— А всегда ли прав народ в своих проклятиях? Вот Кенесары... Часть людей проклинает его, а часть с ним...

— Да, это так. Жизнь не так проста, чтобы все в ней было только белым или только черным. Я уже прожил ее, и то многого не понимаю...

— Мне необходимо определить, как я должен относиться к Кенесары...— Есиркеген помолчал.— Лето пролетает быстро. К первым снегопадам я уже должен быть в Петербурге. Туда едут через Оренбург...

— Ты хочешь прямо отсюда ехать в Оренбург?

— Да. Из Кара-Откельского округа на Атбасар, а оттуда через Каракоин-Каширлы идти на Иргиз. Там аулы Кенесары, и мне хотелось бы остановиться там ненадолго...

— Что же, по тому, как живет край, нетрудно узнать душу и помыслы его правителей. Только это очень опасный путь. Вряд ли выпустят тебя живым сарбазы Кенесары, узнав в тебе родственника ага-султана Жамантая...

— И все же я поеду!— твердо сказал Есиркеген.

— Разумеется,— ответил Масан-бий.

Юноша решил ехать через аулы Кенесары давно, как только определилась его поездка в Петербург. Была у него и другая тайная цель. Еще летом ему сообщили, что семья бывшего туленгута Абдувахита перешла на сторону Кенесары...

Может быть, удастся повидать Кумис. И если она хоть сколько-нибудь небезразлична к нему или просто нуждается в его помощи, он пойдет на все. Грязное насилие Конур-Кульджи над ней не давало ему покоя...

Три всадника ехали рядом по степи. Средний — белокурый статный джигит на выхоленном гнедом скакуне — и был Есиркеген. Оделся он по-аульному: хорьковая шапка, суконное пальто с воротником из выдры, хорошие сапоги. Совсем по-иному выглядели его спутники: один — рыжий долговязый детина, другой — смуглый крепыш. На них были одинаковые потертые чекмени с широкими рукавами, поношенные барашковые тымаки — капюшоны. Еще издали можно было определить, что два проводника-телохранителя сопровождают куда-то джигита из богатой семьи.

Несмотря на бедную одежду, оба проводника были довольно известные в степи люди: рыжий — своими песнями, а смуглый — как непревзойденный борец. Они заранее договорились, что при встрече с сарбазами Кенесары скажутся едущими к родственникам молодого джигита в горы Улытау. Сами они должны были проводить Есиркегена до Оренбурга и к зиме возвратиться в Каркаралы...

Прошло уже несколько суток, как выехали они из Каркаралы. Гостеприимным казахам по душе люди, отправляющиеся в такую даль навестить родственников. Только проехав гору Аргынаты, где дорога резко свернула к западу, пришлось говорить уже, что сами они из рода тама и едут к родственникам к реке Иргиз. Сразу видно было, что они не разбойники или степные бродяги, и люди верили им. «Хороший племянник хоть раз в году обязательно навестит родственников матери!»— говорили старики в аулах, одобрительно качая головами.

Теперь вместо слегка пожелтевших осенних трав Сарыарки им

все чаще попадались выгоревшие до белизны пырей, чий и колючие кустарники. Погода тоже переменилась, холодный ветер порывами ударял в лицо. Несмотря на это, рыжий проводник во все горло распевал свои нехитрые песни: то шуточные, то печальные, хватающие за самое сердце. А Есиркеген на остановках вынимал из дорожной сумы тетрадь и записывал туда все, что пел он.

— Зачем ты делаешь это?— спрашивал всякий раз другой проводник, косясь в его тетрадь.

— Чтобы внуки наши не забыли дедовские песни!— говорил Есиркеген, и воодушевленный его словами певец старался вовсю:

Пустые распри губят мой народ,
Где нужен ум, копье пускают в ход.
Что принесут нам, братья, наши ссоры?
Что, кроме разоренья и невзгод?

Одумайтесь, сыновья!
Довольно братоубийств.
Нас много ли на земле?
Кого ты страшишь, казах?
Кровь братская на руках,
А шея уже в петле...

Лицо Есиркегена стало белым как полотно.

— Чья это песня?— спросил он.

— Акына Рыма из рода атыгай...

— Когда и почему сложил он ее?

— Года три назад, когда роды атыгай, караул и тока передрались между собой из-за пастбищ. Погибло много людей...

Есиркеген не стал больше расспрашивать и записывать эту песню. Она и так звучала в ушах... Но кто же этот акын Рым? Что-то не слышно о нем в степи. Видно, не из таких, кто слагает хвалебные оды баям и султанам и живет на их подачки. Много ведь таких разъезжает по аулам с одной свадьбы на другую. Хорошо, что находятся уже среди казахов люди, понимающие гибельность междоусобиц...

И вот он тоже поет, этот человек: «А шея уже в петле». Как трудно будет объяснить народу, что именно в союзе с русскими передовыми людьми спасение. И все же рано или поздно он поймет это. Царскую петлю с шеи будем рвать сообща!..

— Вот мы и приехали в аул,— перебил его мысли борец.— Сегодня здесь заночуем...

Аул расположился на берегу степного озера и состоял примерно из тридцати юрт. Это было одно из ответвлений рода табын, кочевавшее отсюда до самых берегов Атрау, как называют казахи Каспий. В этом году они не смогли откочевать и провели лето в урочище Кзыл-Дингек, как раз на границе Младшего и Среднего жузов.

— Почему же вы не откочевали вовремя?— спросил Есиркеген у старика с лопатообразной бородой — хозяина юрты, где они остановились.

— Когда кочевали мы там прошлым летом, сарбазы хана Хивы отобрали у нас половину скота. А другую половину к началу зимы

угнали солдаты хана Коканда. Ничего почти не осталось у нас, с чем нужно было бы кочевать...

Старик поник головой, стыдясь того, что нечем угостить приезжих, кроме жидкого айрана и иримшика. Одна тощая коровенка и три козы остались в этой семье.

— Оказывается, вы едете издалека,— чуть слышно сказал старик.— Следовало бы зарезать для вас барана...

У Есиркегена слезы навернулись на глаза.

— Не беспокойтесь о нас, аксакал. Мы премного благодарны вам за радушие!..

— Да, чего нет, не догонишь на самом быстром скакуне,— вздохнул старик.— Нелегко будет нашему аулу возродиться после стольких бедствий. Битый всегда кажется забитым. Но что поделаешь, нужно переносить удары судьбы. Кому дал бог душу, того не оставит своей милостью...

На рассвете, когда они уже собирались в путь, старик снова принялся извиняться перед ними за скудное угощение:

— Не обессудьте, сынки. Такие времена настали... Если быстро поедете, доберетесь к обеду до аула Алтай. Они немного побогаче нас...

Выезжая из аула, они еще раз убедились, насколько он беден. Около десятка худых коров, один облезлый верблюд, которого только из-за старости не отобрали у этих людей, да несколько коз — вот и вся живность. Даже у собак, молча лежащих перед юртой, шерсть свалялась от недоедания, а хвосты поджаты.

Да, только российское могущество может оградить сейчас его народ от полного вымирания. Хивинцы или кокандцы в основном просто грабят, что попадется под руку. А вот когда китайский император забросит свою сеть, то мало кто выпутается из нее живым. Только в тысяча семьсот пятьдесят шестом году вырезал он больше миллиона торгоутов, населявших степь между Аралом и Черным Иртышом. Можно ли быть уверенным, что не наступит такой год и для казахов? Испокон веков питающие к нам лютую ненависть китайские богдыханы разве пожалеют наш малый народ? Тут уж не будет никаких колебаний или сострадания... И здесь тоже важна помощь России. Кого еще тут пугаться китайскому богдыхану, кроме русских. Может быть, и Коканд с Хивой и Бухарой существуют до сих пор лишь благодаря русскому соседству. Такова логика истории, которую преподавал ему в Семипалатинской школе ссыльный декабрист...

Солнце уже поднялось над горизонтом. В бескрайней пустынной степи не было видно ничего живого. К полудню подул ветерок, и они вдруг почувствовали какой-то неприятный запах.

— Что бы это значило?— сказал, принюхиваясь, борец.— Неужели кто-то режет скот? Похоже на запах крови.

Впереди возвышался холм. Есиркеген вынесся на него, огрев плетью коня, и конь сам остановился, дрожа и приседая на задние ноги...

Большой аул был перед ним. Вернее, не аул, а то, что осталось от него... Ужас наводили обугленные, еще дымящиеся остовы юрт. Шан-

раки — деревянные купола — были в большинстве обрушены на землю. Повсюду валялись трупы людей, рыдали, плакали женщины... Мулла в белой чалме читал молитву над мертвыми посреди аула. Несколько человек под самым холмом копали могилы. Это были старики и подростки, не видно было мужчин и молодых женщин...

— Ой, родимые мои!— с традиционным воплем скорби помчался в разгромленный аул Есиркеген. Подхватив его горестный крик, тронули следом коней его проводники.

Сутки пробыли они в этом ауле, помогая хоронить убитых, успокаивали, как могли, оставшихся сирот... Беда нагрянула неожиданно, когда все еще спали. Ружейные залпы разбудили среди ночи людей, и они метались между юртами, не в силах что-нибудь предпринять.

Аксакал Карибай рассказал Есиркегену, как это произошло. Аул алтайского рода перекочевал сюда из Сарыарки вместе с Кенесары. Раньше они жили при устье реки Жабайы — там, где она вливается в Есиль. Но когда начали на их земле строить уездный городок Атбасар, им волей-неволей пришлось уходить.

Хотя они ушли с Кенесары, но военной поддержки ему не оказывали, а лишь платили установленные им поборы, поставляли мясо и фураж. Только нынешней весной небольшая группа джигитов ушла в его отряды. Кто-то из враждебных родов донес на них, объявив ярыми сторонниками Кенесары. Горчаковские султаны-правители выделили самых отпетых своих головорезов-туленгутов, а в помощь им комендант Орской крепости направил отряд линейных казаков. Всю ночь бушевал пожар, совершались насилия над женщинами, убийства и грабежи...

Утром каратели ушли, забрав молодых мужчин и женщин. Сейчас из аула поехал гонец к Кенесары, но тот далеко и вряд ли отправит кого-нибудь в погоню.

Они решили повернуть к северу и ехать в Оренбург, минуя аулы Кенесары. Очутившись снова в седле, Есиркеген впал в глубокую задумчивость. Спутники тоже молчали, даже рыжий проводник оставил свои песни. Да и с чего им было веселиться после всего виденного?..

Есиркеген глубоко вздохнул... Может быть, он ничего не понимает и у простых русских солдат те же цели, что и у императора Николая? Нет, слишком много хороших русских людей повидал уже он, чтобы поверить этому. А Николая простые солдаты называют «Палкин». Он сам это слышал!.. И еще видел он глаза русских людей, когда по приказу Горчакова на плацу забивали насмерть шпицрутенами солдата, который отпустил арестованного повстанца-казаха...

Даже пальцы у человека на руке не одинаковы. Можно ли считать одинаковыми всех русских людей? Вон две ветви от одного и того же деда Аблая — кровные враги... Но почему же того не понимает Кенесары? Или он, как раненый барс, хочет умереть в бою?

Присоединение, которое в будущем принесет великие плоды!.. Да, несмотря ни на что, он будет бороться за это.

Раздираемый сомнениями, Есиркеген только теперь заметил, что солнце закатывается. Он оглянулся по сторонам. Все та же мертвая степь простиралась вокруг, холодный ветер дул, прижимая к земле пожухлые ковыли...

— Где-то здесь должен быть аул!— Борец указал плетью в сторону.— Лошади намаялись...

— Не только лошади...— отозвался тихо Есиркеген.— Душа болит...

В первый раз с тех пор, как покинули они разгромленный аул, ответил он своим попутчикам.

Они свернули налево, к невысокой гряде холмов. Проехав еще немного, увидели крайние юрты какого-то аула. Вид его тоже был необычен. Казалось, не то он только что прибыл сюда, не то собирается сейчас же откочевать. Вокруг навьюченных верблюдов носились собаки. А в трех неразобранных белых юртах, возле которых торчали на древках конские хвосты — бунчуки, крыши были крест-накрест перетянуты черным ковровым крепом в знак траура...

— И этот аул навестила беда!— грустно сказал борец.— Давайте объедем его стороной...

— Куда сбежишь от бед собственного народа!— воскликнул Есиркеген и пришпорил коня.

Но от группы вооруженных всадников на краю аула уже отделились несколько человек и поскакали им навстречу.

— Кто вы и откуда едете?— зычно крикнул им черноусый сарбаз, не обращая внимания на их приветствия. Серый аргамак вился под ним, пританцовывая.

— Свои!..— ответил Есиркеген и вдруг заметил синюю суконную нашивку Кенесары на груди черноусого.

— Какой такой свой?.. Не хочешь ли сказать, что мы с тобой от одного отца и матери? А ну выкладывай побыстрее, кто ты, если не хочешь отведать плетки!..

— Ни привета, ни ответа!.. Что вы нападаете на нас, не пожелав даже доброго здоровья?— Есиркеген говорил со спокойным достоинством.— Мы едем из Сарыарки и направляемся к родственникам моей матери из рода табын на берега Иргиза...

— А с какой части Сарыарки?

— Из Каркаралинского округа.

— Каракесеки, что ли?

— Да...

— Стало быть, вы из того Каракесека, где у людей не осталось настоящей крови в жилах и настоящих мужчин в племени?

Есиркеген вспыхнул от такого оскорбления, но вовремя взял себя в руки и укротил свой гнев.

— Значит, и среди казахов имеются люди, не слыхавшие про Казбека Золотоустого!— улыбнулся он.

Бешеный гнев загорелся в глазах черноусого сарбаза.

— Каракесеки всегда отличались колким языком. Уж не относишься ли ты к потомкам самого Казбек-бия?

— Вы угадали!

— Увертливый карась сам попался в руки... А ну-ка следуй за нами!..

Только теперь Есиркеген понял, что злоба людей Кенесары на ага-султана Жамантая может вылиться на него. Но он не стал пререкаться и поехал за черноусым. Десяток всадников с пиками и палицами наготове сопровождали их к середине аула.

Однако при въезде до них донесся плач из крайней белой юрты. Среди казахов издревле бытует обычай первым долгом зайти в дом усопшего и прочитать молитву. Есиркеген слез с коня, и джигиты Кенесары не стали ему препятствовать...

Зайдя в юрту, он прежде всего увидел людей в рваных малахаях и истрепанных чекменях, которые плакали и причитали на разные лады. На левой стороне юрты лежал молодой джигит, горбоносый, с чуть заметным пухом вместо усов. Он скорее был похож на спящего, чем на мертвеца. У изголовья его сидела маленькая высохшая женщина с распущенными седыми волосами. Она царапала ногтями до крови свои исхудалые щеки и причитала:

Будь трижды проклят, Кене!
Да сгинет твой род, злодей!
Что делать несчастной мне
Без света моих оче-ей!..

Рядом с ней сидела молодая красивая женщина — жена или сестра убитого. Ее большие черные глаза безжизненно уставились в стену юрты. Прочитав молитву, Есиркеген вышел...

Их привели в другую большую юрту посреди аула. К канату, перепоясавшему юрту, был привязан широкогрудый белый конь величиной с доброго верблюда. А в юрте, напротив двери, полулежал огромного роста мужчина. Увидев вошедших, он приподнял голову с подушки. На громадную квадратную глыбу был похож этот странный, черный человек.

— Вот, Агибай-ага, поймали у самой околицы!— доложил черноусый сарбаз.— Оказались из аула самого Жамантая. Говорят, что едут в гости к родственникам его матери, которая будто бы проживает на Иргизе...

Человек-глыба с любопытством посмотрел на Есиркегена. Тот удивился, услышав имя батыра Агибая, одного из главных сподвижников Кенесары. Эти аулы ведь не очень симпатизируют ему. Однако Есиркеген ничего не стал спрашивать, а лишь отдал глубокий поклон прославленному человеку:

— Ассалаумагалейкум!..

— Алейкумассалам, сын мой!..— Агибай пристально посмотрел в глаза Есиркегену.— Кем же приходишься ты подлому разбойнику Жамантаю?

Во взгляде батыра, несмотря на суровость, светилась такая простодушная доброта, что обманывать его было невозможно.

— Сам я внук Масан-бия, а эти добрые люди сопровождают меня...

— Значит, ты рожден под счастливой звездой... Не слишком уж

близкий родственник Жамантаю. А старец Масан все же неплохой человек. Как же чувствует он себя за пазухой у белого царя?..

— Дед все живет и здравствует...

— Да, так оно и должно быть...— Агибай тяжело вздохнул.— Кто не тронулся со своих насиженных мест, тому все-таки лучше. А мы вот рыщем всю жизнь по свету, как неприкаянные волки...

— Вам, наверно, не нужно было покидать родину...

Брови Агибая угрожающе сошлись на переносице.

— Хочешь, чтобы стал я прислужником, вылизывающим чужие тарелки, как Жамантай? Внук мудреца Масан-бия должен быть поумнее. Ну, ладно, не чеши там, где у меня и так свербит. Куда вы путь держите?..

Так и не решился сказать до конца всю правду Есиркеген и повторил версию о поездке к родственникам матери.

— К потомкам Букея, выходит!— заметил батыр.— Что же, не твоя вина, что дед твой стал сватом султанскому отродью... Скажи лучше, не заезжал ли ты по дороге в аул аксакала Карибая?..

— Заезжал.

— Если заезжал, то увидел, что там натворили?

— Увидел...

— Это дело рук таких, как твой родственник Жамантай! Они выделили для этого черного дела своих самых жестоких туленгутов. А вызвали карателей некоторые аксакалы из их же аула...

Батыр Агибай как будто оправдывался в чем-то перед самим собой... Вскоре Есиркеген понял, в чем дело. Когда через аул, в котором они сейчас находились, прошли солдаты к аулу Карибая, отсюда не было послано гонца к Кенесары. Между тем он строго предупреждал, чтобы обо всех передвижениях солдат и туленгутских отрядов султанов-правителей немедленно сообщали в его ставку. Мало того, напуганные проходящими ага-султанскими туленгутами, люди этого аула обманули самого Кенесары, сказав, что никого не видели. Узнав об этом, разъяренный Кенесары во главе пятисот сарбазов сам напал на этот аул и приказал привязать к конским хвостам восемь аксакалов. Их волокли по дороге, пока они не испустили дух. Молодой джигит, над которым плачут сейчас, пытался вступиться за стариков, но его растоптали конями. Пятьдесят джигитов и тридцать девушек угнал к себе Кенесары в качестве заложников, а Агибаю с его сарбазами приказал перевезти аул на подконтрольную ему территорию...

И снова сжалось сердце Есиркегена от сострадания к этим несчастным людям. Кого бы ни слушались они, все равно их ждет расплата, месть противной стороны. Покорись они Кенесары, их растоптали бы солдаты и ага-султанские туленгуты. Не хивинцы, бухарцы, кокандцы или царские войска, а свои соотечественники истребляют прежде всего друг друга. Что может быть тяжелее для народа?..

— Может быть, и виноваты так жестоко казненные аксакалы, что не сообщили о карателях...— сказал Есиркеген дрожащим голосом.— Но они ведь сделали это из страха перед расправой со стороны властей. Да и при чем здесь остальные люди?

Батыр Агибай потупил глаза:

— Наш Кенеке не так думает... Ему не хочется верить, что во всем ауле не нашлось ни одного настоящего мужчины, который сообщил бы ему о карателях. Поэтому он считает весь аул от мала до велика враждебным себе. И еще хочет, чтобы другим не было повадно. Так всегда поступали в степи...

— Но так ведь можно быстро истребить весь народ!— воскликнул Есиркеген.

— Врагов и надо истреблять, казахи они или другие...

Неуверенность чувствовалась в словах батыра.

— А вы сами как думаете?— не выдержал Есиркеген.

— Ни разу моя камча не поднялась на бедного, простого человека. Вот некоторые баи да кое-кто из торе помнят ее вкус...

— Но Кенесары-то — торе!

— Он не такой торе, как другие,— сказал Агибай.— Кенесары... Не-ет!..

Батыр как бы спорил сам с собой...

Это началось уже давно. Батыр Агибай и Байтабын не одобряли немыслимой жестокости Кенесары. А он знал про это и специально поручал им проводить карательные набеги. Агибай молчал, а молодой и горячий Байтабын говорил об этом вслух. Зная характер Кенесары, Агибай тревожился за судьбу молодого батыра...

— Сынок, ты задаешь мне трудный вопрос!..— печально сказал Агибай ожидающему ответа Есиркегену.

— Мальчик правильно сказал!— раздался из полутьмы юрты чей-то голос.— Слишком жестоки стали мы с людьми в последнее время. Говорим, что все это для их же счастья, а льем их же кровь. Кого обманешь таким счастьем?..

Есиркеген живо обернулся и увидел худощавого синеглазого джигита. Несмотря на казахскую одежду, было видно, что он не казах. Это был Жусуп — Иосиф Гербрут...

— Вы русский?— спросил по-русски Есиркеген. Он слышал, что среди сарбазов Кенесары есть беглые русские.

— Во всяком случае, близкий к русским...— улыбнулся Иосиф Гербрут.— Я — поляк.

— Как же вы попали к казахам?

— Как я попал в Казахскую степь, вы, судя по вашему чистому русскому выговору, понимаете. А к Кенесары я пришел, борясь за те же идеалы, что и на родине... И вот мне кажется, что правда и свирепость несовместимы...

— Я так же думаю!— с жаром вскричал Есиркеген.

— Будем надеяться, что со временем все больше людей начнет приходить к такому выводу...

Батыр Агибай прислушивался к тому, как бойко говорит по-русски Есиркеген, и в душу его закралось подозрение. Но вспомнив расправы Кенесары, он отпустил юношу.

Однако Есиркеген уехал не сразу. Он долго еще разговаривал с Иосифом Гербрутом, выйдя за околицу аула.

Выслушав рассказ Есиркегена о том, что он видел по дороге, и о возникших сомнениях, Иосиф Гербрут твердо сказал:

— Нет сейчас другого пути у казахов. Они вошли в состав России, и путь борьбы с царизмом у них один — вместе с русскими. Вы правильно решили для себя этот самый трудный вопрос!..

— Вы говорили об этом с Кенесары?— отрывисто спросил у него Есиркеген.

— Да,— спокойно ответил тот.— Я начинаю все меньше понимать его. Боюсь, что то же самое происходит и с народом...

Есиркеген поехал дальше, направляясь уже прямо в Оренбург. Всю дорогу не выходила у него из головы картина разграбленных, обнищавших аулов, в ушах стояли плач и проклятия. И уже не имело значения, от кого плачут люди — от хивинцев ли, кокандцев, царских карателей или сарбазов Кенесары...

В Оренбурге он случайно узнал, через одного джигита, что Кумис находится здесь, в доме генерала Генса.

— Этот самый урус-жанарал — большой чудак!— рассказывал джигит.— Его солдаты жгут аулы, а он собирает осиротевших детей, кормит, учит грамоте. Смешные люди эти русские!.. А Кумис у этих детей вроде няньки или матери...

Этот джигит был человеком Таймаса, поддерживавшим тайную связь с Алтыншаш. Он и указал дорогу к дому Генса.

Кумис не было дома. Она вместе с Алтыншаш повела детей куда-то за город на прогулку. Но в коридоре Есиркегена увидел сам хозяин дома генерал Генс и заинтересовался им, узнав, что тот едет учиться в Петербург. Он даже погладил по голове Есиркегена:

— Учись, юноша!.. Ни в чем так не нуждается сейчас твой народ, как в образованных людях. И возвращайся поскорее, ибо нужен здесь будешь, как воздух для дыхания!..

Есиркеген вдруг почувствовал необыкновенное доверие к этому человеку с добрыми, умными глазами. Захлебываясь, рассказал он ему все, что видел по дороге сюда.

— Кто знает, не захотят ли в Петербурге сделать из меня такого же беспощадного карателя-офицера, как войсковой старшина Лебедев или наши султаны — полковники и подполковники?..— воскликнул он.

Генерал Генс слушал его с просветлевшим лицом.

— Нет, юноша, из тебя они этого не сумеют сделать!— с твердой уверенностью сказал он.— В Петербурге ведь не только казармы. Там, среди передовых людей, найдешь ты настоящую Россию и сразу почувствуешь, что нужен не одному своему народу, но и ей!..

Генс говорил несколько напыщенно, но такое глубокое убеждение слышалось в его словах, что не верить ему было невозможно. Долго еще говорили они об истории. И Есиркеген понял, что если бы все русские думали так, как некоторые генералы-вешатели вроде Горчакова, то давным-давно не осталось бы в степи ни одного «инородца». Но большинство русского народа как может противится самодержавию, и рано или поздно произвол и беззакония будут побеждены. Да,

немало еще крови прольется в степи... Но нужно стремиться, чтобы ее пролилось как можно меньше...

Генерал Генс вдруг перешел на казахский язык, поразив этим Есиркегена.

— Хорошая пословица есть в степи,— сказал он.—«Не кидай шубы в огонь, рассердившись на вшей!» Так и казахам не следует смешивать недостойных, жестоких и неумных чиновников с русским народом...

Их разговор прервали возвратившиеся с детьми Алтыншаш и Кумис. Есиркеген, увидев Кумис, не мог выговорить ни слова от какого-то необычного волнения. А она так обрадовалась его приезду, что крепко обняла его за шею и почему-то заплакала...

Они так и не смогли поговорить о том важном, что оба чувствовали. На следующее утро Есиркеген уезжал в Петербург...

III

В 1841 году, в год коровы, седьмого числа месяца кыркуйек — сентября у могилы Алаша собрались предводители трех жузов. Обернув Кенесары в белую кошму, они подняли его над толпой и провозгласили ханом всех казахов...

Иосиф Гербрут, который находился в это время в Тургае, понял, что отныне начинается новый период в движении. Кенесары достиг своей личной цели, и впредь люди должны бороться не за свободу, а за хана Кенесары. Получив освященную древними традициями власть, он будет применять ее как заблагорассудится и с присущей ему жестокостью. То есть наступает период обычного деспотизма, к чему неминуемо приходят все такие движения. И разве только в Казахской степи случалось такое!

«Кенесары!.. Кенесары!..» Все чаще раздавался этот клич в бою и на празднествах, вытесняя все другие призывы. Скоро, очень скоро останется только он один, и люди начнут отходить от хана. Все больше будет становиться недовольных, и волей-неволей Кенесары придется усилить террор. Ну, а за этим у него дело не станет. Террор, в свою очередь, породит новых недовольных. Так и захлебнется это движение в пущенной им самим крови...

Да, ханский, императорский трон сразу становятся местом, откуда люди перестают видеть вещи в их настоящем свете. Но ведь в окружении Кенесары — неглупые люди. Тот же Таймас или Сайдак-ходжа. Может быть, поговорить с ними?..

Десять лет прожил Иосиф Гербрут среди казахов, и они стали ему родными. Порой он замечал, что даже думает по-казахски. И, понимая сейчас всю бессмысленность дальнейшей войны, зная кровавые устремления Кенесары, не мог он просто так оставить его лагерь.

Но что касается его решения переговорить с советниками Кенесары, то Иосиф Гербрут не учел веками сложившиеся в степи отношения. Дело в том, что Кенесары, как уже не раз случалось в истории казахов, сумел сплотить вокруг себя многих прославленных родовых батыров и родственников-торе. Они опирались на него и были

преданы ему до последней капли крови. Не в них самих таилась его сила, а в том, что за каждым батыром или торе так же беззаветно шел большой аул или целый род. Связанные по рукам и ногам неписаными законами родового строя, казахи попросту не знали других отношений...

Усугубляло трагедию то, что, не зная других форм государственности и не имея даже представления о них, казахи зачастую воспринимали ханскую власть как символ своей государственности и территориально-правовой целостности. Они еще не понимали, что движение Кенесары все быстрее превращалось в обычную кровавую борьбу за ханский престол между несколькими крупными феодальными группами. Кенесары, сумевший использовать мощное народное движение, оказался умнее, хитрее и дальновиднее других...

Да, он, конечно, был незаурядным человеком, и Иосиф Гербрут понимал его личную трагедию. На крутых поворотах истории обычно появляются такие характеры. Но теперь Кенесары увлекал за собой в пучину целый народ. Новые реки крови и слез должны будут пролиться на этой несчастной земле!..

Иосифу Гербруту не удалось поговорить с Таймасом, Абильгазы или Сайдак-ходжой. Ему снова пришлось встретиться с самим Кенесары...

Вернувшись по приказу Перовского осенью прошлого года из кокандского похода, Кенесары снова распустил на зиму по домам свое войско. Зимовал он с немногочисленными аулами туленгутов в верховьях Тургая. За всю долгую зиму он ни разу не обратился к Перовскому или Генсу, которых считал клятвопреступниками. Один только Байтабын ездил за это время в Оренбург, чтобы повидать свою Алтыншаш.

Байтабын и привез неприятную новость о снятии Перовского и назначении военным губернатором Обручева. Перовский, по мнению императора, оказался чрезмерно либеральным по отношению к инородцам. Генерала Генса тоже ждали крупные неприятности, и по делу его начато было расследование.

Кенесары сразу почувствовал, чем это ему грозит. Он немедленно разогнал гонцов во все свои аулы, чтобы отряды раньше обычного, не дожидаясь таяния снега, собирались у могилы Алаша, на Кара-Кенгире. Из донесения Алтыншаш, переданного вскоре через верного человека, он знал, что генерал Обручев не верит в преданность Кенесары. Это значило, что Горчаков, в какой-то степени сдерживаемый до сих пор соглашением Перовского с Кенесары, вероятно, скоро начнет свои операции — руки у него теперь развязаны.

В месяце кокек — апреле 1842 года — год барса — Кенесары с несколькими батырами уехал поохотиться в горы Аксакал-Тюбе, неподалеку от зимовья младшей жены. Воспользовавшись его отсутствием, есаул Сотников во исполнение приказа сибирского генерал-губернатора напал на его родовой аул и увел с собой старшую жену Кенесары, Кунимжан, вместе с двумя малолетними детьми и некоторыми родственниками хана. Кроме того, был угнан весь скот...

Вернувшись в свой аул, Кенесары начал искать пути, как освобо-

дить Кунимжан с детьми. Но в это время Сотников во главе казаков и ага-султанских туленгутов совершил нападение на аул младшей жены Кенесары в Аксакал-Тюбе и на аулы покойных Саржана и Есенгельды. На этот раз произошла серьезная стычка: свыше ста человек было убито, в качестве заложников было уведено двадцать пять человек, угнаны тысяча верблюдов, три с половиной тысячи лошадей и десять тысяч овец...

Вконец остервеневший Кенесары не покорился, а решил жестоко отомстить. Вот в этот момент он и увиделся с Иосифом Гербрутом.

— Завтра общий сбор на могиле Алаш-хана,— сказал ему Кенесары.— Поезжай со мной!..

Они поехали на следующее утро. Был конец апреля, и буйная зелень заливала степь. Сизо-голубые вершины Аргынаты, Улытау, Кичитау, Аиртау манили к себе какой-то первозданной чистотой. Здесь было заповедное место, не тронутое человеком. Воздух пьянил, наполнял сердце радостью...

Только Кенесары не чувствовал этого. Лишившись Кунимжан с детьми, он окончательно стал похож на волка, да еще потерявшего свой выводок. К тому же он чуял, не мог не чуять своим волчьим сердцем неотвратимо приближающийся конец. Об этом говорило все: прямой уже отказ в поддержке со стороны некоторых родовых вождей Среднего и Младшего жузов, откочевка из подвластных ему земель ряда аулов, участившиеся налеты карательных отрядов.

Но Кенесары не менял своей политики. Не трогая пока подчиненные оренбургскому военному губернатору укрепленные пункты и казачьи станицы, он не прекращал набегов на те аулы, которые не примкнули к нему, угонял скот, грабил имущество. С каждым разом более кровавыми становились его нападения. И все чаще его сарбазы натыкались на растущее сопротивление простого народа. Страна устала от смуты...

Больше всего повлиял на настроение Кенесары обмен письмами с крупным бием Среднего жуза Балгожой, не пожелавшим поддержать Кенесары, несмотря на угрозы и обещания. Письма, по древнему степному обычаю, были составлены в певучих стихах. От имени Кенесары письмо к Балгоже написал Сайдак-ходжа:

Старейшина двух родов,
Из мудрецов мудрец,
Друг другу рубашки рвать
Устанем ли наконец?
Неужто других врагов
Не видим мы до сих пор?
Долины отнял Коканд,
Царь русский — подножья гор.
Теснят чужеземцы нас,
Грозят нам из городов,
Свободу свою казах
Неужто отдать готов?
Давайте же заключим
Меж всеми родами мир,
И правит пускай страной
Кенесары-батыр.

Но опиравшийся на Тургайскую крепость бий Балгожа не боялся Кенесары. Еще в прошлом году, разгневанный его отказами и с целью опозорить Балгожу, Кенесары послал в его владения свою воинственную сестру Бопай с отрядом. Она угнала весь скот упрямого бия, но он не шел ни на какие уступки. Ответ его на обращение Кенесары был издевательским:

Рано или поздно ты
Сам в ловушку угодишь,
Выберись тогда, сумей!
Ты не только русских злишь,
Нет, султан,— кругом враги.
Клетка есть, готова мышь,
Вывернись тогда, сумей!
Кайся, или не сносить
Головы тебе своей.
Видишь — справа ждет Коканд,
В рабство ждет, уразумей.
Слева же — другой капкан:
Род уйсун, уразумей.
Прямо глянешь — Бухара,
С грозной силою своей,
Вкось — киргизов горных род
Злобно ждет, уразумей.
Так что ты не горячись,
Нету у тебя друзей,
Если хочешь уцелеть,
Русским кланяйся скорей!

Все это Кенесары знал и без напоминаний бия Балгожи. «Хорошо, Балгожа!— сказал он про себя.— Ты предрекаешь мне неминуемую гибель, и это правда. Но смерть твоя наступит раньше моей!» В ту же ночь он отправил пятьсот отборных сарбазов во главе с батыром Жанайдаром, чтобы они сровняли с землей аулы Балгожи, а самого его приволокли привязанным к конскому хвосту...

Однако батыр Жанайдар не мог совладать с собой и по дороге заехал на одну ночь к Бопай, которую любил всю жизнь. А Балгожа, предупрежденный своими людьми из ставки Кенесары, успел сняться и откочевать в сторону Орской крепости. Отряд батыра Жанайдара столкнулся с нукерами султана-правителя Ахмета Жантурина и повернул назад. По дороге он все же сумел разграбить аул бия Кукира, направлявшийся к Сырдарье, и пригнал множество скота...

Кенесары так и не узнал причины, по которой Жанайдар-батыр не выполнил его приказ. Неотмщенное письмо бия Балгожи не давало покоя султану, и Иосиф Гербрут понимал это...

Когда они достигли низменного берега реки Кенгир, где покоится прах Алаш-хана, оказалось, что многие батыры и предводители родов не успели еще собраться здесь. Они стали прибывать на следующий день вместе с нагруженными провизией караванами. Первыми приехали Иман-батыр из Тургая, Жоламан-батыр, потом Агибай, Бухарбай, Жеке-батыр, Тулебай, Кудайменде. Последними приехали Жанайдар с Бопай...

Словно белая юрта, посреди безбрежного степного моря стоял мазар хана Алаша — высокий кубический мавзолей, сложенный из

кварцевого кирпича и украшенный глазурью. Венчал его громадный голубой купол с четырьмя белыми башенками по краям. Сама усыпальница представляла собой вместительное помещение с небольшим возвышением посреди, захламленное клочками полуистлевшей материи, конскими черепами и хвостами. Тут же валялись наконечники стрел и копий, проржавевшие клинки.

Рядом с усыпальницей Алаш-хана, построенной в пятнадцатом веке, находились еще две гробницы — мазары Амбулак-хана и Жусахана, первых после Алаша правителей Казахского ханства. Обо всех троих бытовали в народе многочисленные легенды. А Кенесары не случайно избрал это место для встречи, так как сюда было удобно съехаться представителям всех трех жузов...

По приезде к могиле Алаш-хана гнев Кенесары еще более усилился. Он ни с кем из приехавших батыров не сказал ни слова, а все ходил и ходил у мазаров. Один лишь Кара-Улек сопровождал его...

Десять дней назад Кенесары узнал, что к степному озеру между горой Кокиик-Кенесары и Кустанаем во владения бия Балгожи направилась артель русских рыбаков. Желая поссорить новое оренбургское начальство с Балгожой, он отправил летучий отряд во главе с Байтабыном, чтобы тайно прирезать этих людей и все свалить на туленгутов бия. Вчера отряд возвратился, и Байтабын доложил, что не сделал требуемого.

— Почему?— спросил Кенесары.

— О мой хан!— Байтабын опустился на одно колено.— Это простые и бедные люди. Они с женами и детьми ловят рыбу, которую мы не едим. Чем они провинились перед нами?

Кенесары ничего не сказал Байтабыну. Он вспомнил, как совсем недавно Байтабын заступился за людей из враждебного аула, которых наказывали по приказу Кенесары. Это еще можно было отнести за счет сострадания к родному народу, но тут какие-то чужие рыбаки!.. «Что же, придется в последний раз испытать его!»— подумал Кенесары и в этот момент увидел сидящего возле мазара Иосифа Гербрута. Поляк не отходил от чудесных построек, восхищаясь их необыкновенной красотой и пропорциональностью. Для него это было еще одной тайной небольшого кочевого народа с великим прошлым...

Сейчас Иосиф Гербрут сидел и шептал стихи на языке своей далекой родины — тихие и печальные слова о страданиях ставших ему близкими людей. Чья-то тяжелая рука легла ему на плечо. Он вздрогнул, повернулся и увидел Кенесары. Рядом с Кенесары стоял человек, один вид которого внушал ему ужас и отвращение.

— Не бойся... Ты еще ни в чем не провинился!— сказал Кенесары и сделал Кара-Улеку знак уйти. Тот повиновался.

— Ты тоскуешь по своей родине, Жусуп?

Иосиф Гербрут кивнул:

— Тоскую... Не было бы так далеко, убежал бы!

— Раньше ты не говорил таких слов... Ты говорил, что тебе близки наши мысли. Я хорошо помню твои слова...

— Да, мне казалось тогда, что движение ваше очищено от скверн-

ны себялюбия и жестокости...— Иосиф Гербрут говорил как во сне.— Мы, поляки, увлекающиеся люди...

— Сейчас ты думаешь другое?..

Кенесары говорил безразличным голосом.

— Да, Кенеке...— Иосиф Гербрут посмотрел прямо в глаза Кенесары.— Ты всю жизнь стремился к белой кошме, на которой подняли тебя над людьми. Сейчас все дальше отходят от тебя те, кто без всякого расчета восстал за народную свободу и независимость. И все ближе тебе начнут становиться те, которые говорят лишь приятное. Но я не умею этого делать...

— Недаром говорят: у кого чужая кровь, у того и чужая душа...— Хищные огоньки загорелись на миг в светлых глазах Кенесары.— Но я тебе отвечу. Россия — многоводная река, а мы лишь маленький ручеек. И я бьюсь за то, чтобы как тек он из века в век, так пусть и течет, независимо от реки. Если деды нынешних казахов подчинялись хану Аблаю, то внуки их пусть подчиняются его внуку!..

— А как ты думаешь править людьми? Ведь, лишившись воды и земли, они завтра же убедятся, что ты не в силах вернуть утерянное. А бесконечно воевать только за твой ханский престол никто не согласится.

— Не знал бы я тебя так давно...— Кенесары поправил рукоять сабли.— Ты спрашиваешь, как я буду править своей страной. Да так же, как белый царь,— при помощи палки для непокорных. А кто не подчинится — растопчу конями, как делали мои предки. Все остальное — ерунда, сабле и плети лишь послушны люди!..

Иосиф Гербрут с жаром покачал головой, не соглашаясь с этими словами.

— Ты — слабый человек, поляк, и не знаешь, что рождает власть!..

— Государство, построенное на крови, никогда еще долго не существовало. И не был счастлив народ в таком государстве... Мера должна быть во всем, а прежде всего в насилии! И смысл в нем обязан быть!..

— Нет уж!..— Кенесары до белизны в пальцах сжал плеть.— Я веду за собой людей и имею право на все!.. Все в моей стране подчиняется мне, и тех, кто не захочет этого сделать, ждет только смерть! А начну с рода жаппас!

Иосиф Гербрут молчал... Все чаще стал этот человек произносить слова «моя страна», «мой народ». А что касается рода жаппас, то при чем здесь простые пастухи!..

Бии рода жаппас Алтынбай Кобеков и Жангабыл Тулегенов были недовольны тем, что с перекочевкой Кенесары к Тургаю у них меньше стало пастбищных угодий. Лошадей они гнали на тебеневку в Мугоджары, а овец содержали на самой Омской линии, отведенной казачеству. Оба бия на словах поддерживали Кенесары, а на деле всячески вредили ему, отказываясь платить установленный им сбор — зякет. Недавно Кенесары узнал, что в погроме аула его старшей жены Кунимжан участвовало несколько джигитов Алтынбая...

— Разве весь род отвечает за дела одного бия?— спросил Иосиф

Гербрут.— Ведь люди и не знали об этом. К тому же у них с нашим приездом действительно поубавилось пастбищ, и не все понимают необходимость делиться ими.

— А почему невиновные не наказали виновных? Нет, все они — люди бия Алтынбая. Куда пойдет козел, туда и вся отара... Накажу жаппасовцев, шектинцы призадумаются, прежде чем изменить мне!

— Но при чем здесь женщины и дети!

— Людям не себя жалко, а семьи. Страх лишиться всего самого дорогого, даже потомства, заставит их следовать за мной. Ты, поляк, не поймешь этой мудрости. Я ведь для их же пользы!..

Иосиф Гербрут внимательно посмотрел на Кенесары... Да, этот человек искренне верил в свое предназначение, и лишить его этой веры можно было только вместе с головой. Ничего нет опасней таких людей!..

— Позвольте спросить тогда, Кенеке... Если, по-вашему, все держится на страхе, то почему бий Балгожа не присоединяется к вам, несмотря на свои сожженные аулы?

— Он подобен гиене и боится русских... Чернь казахская всегда труслива. А Балгожа, хоть и бий, происходит из «черной кости»!..

— Из кого ваши самые мужественные сарбазы, Кенеке, и что бы вы делали без них?.. Сейчас вы думаете удержать людей при себе силой страха. Но люди могут отшатнуться от вас... Лучшие люди. И что вы сделаете с одними торе?..

Кенесары вдруг помрачнел и уже не старался скрыть свое настроение.

— А ты, несмотря на то что чужой среди нас, разбираешься кое в чем получше Таймаса с Абильгазы...— Впервые за долгие годы знакомства Иосиф Гербрут увидел, как Кенесары попросту присел с ним рядом на обломке дувала.— Что же мне остается, кроме сбора людей под свое знамя под страхом смерти? Десяток тысяч сарбазов, что у меня, и кокандского хана не одолеют!.. Смотри, сколько у него одного крепостей: Эрмазар, Наманган, Андижан, Ош, Тахты-Сулейман, Шахрия, Ангара, Кураша, Ходжент, Ура-Тюбе, Ташкент!..

Иосиф Гербрут слушал его с возрастающим изумлением... Этот человек еще мечтал о большой войне!..

— Оренбургское начальство по чьему-то доносу обвинило меня в том, что я без его разрешения принял хивинский подарок — пятнадцать ружей и аргамака...— продолжал Кенесары.— Это я взял у хана Аллакула. Теперь он умер, а сын его, хан Рахманкул, прислал мне уже трех аргамаков и снова ружья с боеприпасами... Что же, у хивинцев неплохие ружья и лучшие на свете аргамаки. Но почему оренбургские генералы считают Кенесары таким мелким человеком? Если я принимаю подарки и даю хивинскому хану кое-какие ни к чему не обязывающие заверения, то это еще ничего не означает. Пока что он прыгает под мой барабан и грызется с эмиром. Пусть грызутся друг с другом оба высоких хана — кокандский и хивинский вкупе с эмиром Бухары, авось и нам что-нибудь перепадет. Сейчас каждый из них заигрывает со мной, но я не поддамся им: ни ханам, ни эмиру. Уж правда, если служить, то льву, а не шакалам!.. Но только россий-

ский лев хочет волка Кенесары переделать в бессловесного барана. Чего я добился, ведя переговоры с Оренбургом? Лишь того, что отобрали мою жену Кунимжан с детьми...— Кенесары побагровел, голос его впервые сорвался на крик:— Нет, не баран я, чтобы молчать под ножом! Уж так волком завою напоследок, что перепонки кое у кого лопнут! Заставлю их считаться с собой, а если нет, то хоть погибну по-волчьи!..

Иосифу Гербруту стало вдруг жаль этого ослепленного человека, страшного в своей свирепой ненависти.

— Неужели вы до сих пор не убедились, что все это неосуществимо?— тихо спросил он.

— Нет, не убедился...— сказал Кенесары каким-то упавшим голосом.

Потом Кенесары встал, долго смотрел в степь. Глаза его снова были бесстрастны.

— Ты правду сказал...— Теперь он говорил, как всегда, спокойно.— Казахи начнут разбегаться, когда увидят, что я не в силах вернуть им пастбища. Но я не дам им разойтись...

— Каким же образом?

— Народа, который не желает сражаться под знаменем Аблая, мне не нужно!

Так просто было это сказано, что Иосиф Гербрут вздрогнул. Он знал, что у этого человека слова не расходятся с делом. И еще подумал ссыльный польский поэт, что если на беспощадные стальные клинки были похожи Чингисхан или Тимур, то нынешний потомок их напоминает обломок клинка, закаленный в человеческой крови. Неужели через столько веков проявляется злая наследственность? В том, что Кенесары теперь не моргнув глазом потопит в крови непокорные аулы, можно было не сомневаться...

Так и получилось. За время мятежа, по статистике царского правительства, Кенесары было разграблено и сожжено сто семьдесят пять аулов и убито свыше пятисот мирных жителей. Почти все эти грабежи и убийства приходятся на последние годы его жизни...

Иосиф Гербрут решил подойти с другой стороны:

— Но если вы совершите набег на аулы Алтынбая, то возможны любые меры в отместку. Не забывайте, что Кунимжан с двумя вашими детьми находится у них. Когда прольется кровь в ауле Алтынбая...

Кенесары сделал отметающий жест рукой:

— Ты хочешь сказать, что Аршабок и Обрыч убьют мою жену и сыновей?..— Он назвал Горчакова и Обручева с казахским выговором.— Нет, они не сделают этого... А если бы даже и сделали, то у нас ведь тоже есть их пленные. К тому же они не очень грустят, когда мы воюем друг с другом. Ну, а в случае чего, то пусть...

— Что пусть?

Иосиф Гербрут не понял вначале, о чем говорил Кенесары. А когда понял, то ему все стало ясно. Он вспомнил, как три года назад этот человек испытывал мужество своего маленького сына Сыздыка. Так когда-то испытывали его самого. Сейчас он в необыкновенной

гордыне своей превратился в холодный камень и похоронил в душе себя, своих близких и все вокруг...

Кенесары словно бы прочитал его мысли:

— Скорбь и печали путают мысли человека, лишают их чистоты. Поэтому следует вырвать их из сердца вместе с мясом. Даже жалкий скорпион находит в себе мужество поразить себя собственным ядом!

И все же Иосиф Гербрут решился уговорить его:

— Ходят слухи, что Кунимжан-ханум с детьми перевезли из Омска в Оренбург. Не написать ли письмо на имя военного губернатор с предложением обменять ее на пленных офицеров?

Кенесары наконец повернул к нему голову.

— Попробуем...— сказал он безразличным голосом.— У нас находится около двадцати пленных офицеров, в том числе барон Уйлер и есаул. Пусть отпустят в обмен тридцать пять человек из моего аула вместе с Кунимжан и детьми. Так и напиши!.. И еще напиши, Жусуп...

— Что еще, Кенеке?

— Напиши, что с момента приезда Обрыча наши отношения с Оренбургом совсем испортились... Хоть они и не тревожат нас, но омские отряды приходят в наши аулы не без их ведома. А когда окончательно уберут Генса, то и Оренбург вплотную примется за нас. Напишем самому Обрычу, попытаем счастья в последний раз...

Иосиф Гербрут с готовностью вытащил из-за обшлага тетрадь:

— Что же писать Обрычу?

— Вот так и пиши... «Два года назад военный губернатор Перовский и генерал Генс от высочайшего имени объявили нам манифест об амнистии, простив все наши прегрешения. С тех пор мы прекратили всяческое сопротивление белому царю... Нынешнего года двадцать первого числа месяца науруз — марта, когда мы со своими людьми находились на охоте, военный отряд из Омска под командой есаула Сотникова совершил набег на наш аул, забрал весь скот и имущество наше, а также захватил в плен нашу жену Кунимжан с двумя малолетними детьми. Это убедило нас, что нам нечего ждать милости от царских начальников, и поэтому отныне мы уповаем лишь на бога!..» Напиши только так, чтобы они не подумали, что мы очень уж просим их. Однако сделай намек, что есть у нас еще надежда наладить мирные отношения...

— Я стараюсь так написать...

— Если же нет!..— Побледневший снова Кенесары сжал руку в кулак.

— Возможно, что все еще уладится...

— Кроме того, напиши письма всем биям, которые виляют хвостом. Я назову тебе их... Прежде всего вождям рода назар — аксакалам Байтуре и Каракушику...

— Что же написать им?

— Пусть признают меня ханом!.. Несмотря на старые обиды, стану опорой для них. Но если не будут повиноваться... Напиши, что тридцать лет буду ждать их ответа, но следующие тридцать лет буду мстить!.. И биям рода жаппас напиши такое же письмо!..

— Напишу...

Иосиф Гербрут понял, что бесполезно говорить о чем-либо сейчас с этим человеком.

Послышался хруст песка от чьих-то шагов. К ним спешил Таймас:

— Кенеке, прибыл нарочный из Оренбурга. От ваших детей...

— Хорошую или плохую весть он привез?

— Плохую!..

Ни один мускул не дрогнул в лице Кенесары.

— Да, трудно ожидать сейчас хороших вестей... Что же сообщает наша Алтыншаш?

— Она сообщает, что Обручев ссорится с генералом Генсом и можно ждать плохого для нас...

— И это ты называешь плохой вестью?

— Когда трутся друг о друга два верблюда, погибает муха между ними. Разве не похожи мы на эту муху?.. С тех пор как уехал Перовский, только с Генсом еще можно было нам разговаривать...

Кенесары махнул рукой:

— Чего еще нам ждать от них?

— Только черту не на что надеяться,— пословицей сказал Таймас.— Надо обратиться в Оренбург.

— Ты предлагаешь, чтобы я пришел, снял свой малахай и упал к ним в ноги?— грозно спросил Кенесары.— Но не снимут ли они тогда этот малахай вместе с головой?..

— Не это я предлагаю... Если мы туловище, то ты голова. Долго ли проживет голова без туловища? Как говорят у нас — если подумать, то и снег загорится!..

— Хорошо... Какие еще там вести?

— Военный губернатор запросил у Петербурга дополнительные деньги — четырнадцать тысяч рублей для подавления нашего мятежа... И еще три тысячи отдельно...

Таймас опустил голову.

— Говори!— приказал Кенесары.

— Это будет выплачено тому, кто привезет вашу голову, Кенеке...

Кенесары улыбнулся:

— Хорошо, что хоть как-то оценили... Но неужели я стою всего сотни лошадей? Если считать даже по тридцать пять рублей за коня... Ведь Аршабек сам пишет в Петербург, что только в два года я принес убыток российской торговле на двести восемьдесят тысяч рублей. Если это правда, то он хочет нажиться на мне...

— Так или не так, но если восстание наше было полуденной порой, то ханом мы сделали тебя в предвечернюю пору. Тебе думать, как бы совсем не закатилось наше солнце. Помни пословицу, Кенеке, что нет страшнее врага, чем собственный гнев!..

— Хорошо, подумаем... Что еще осталось тебе сказать?

— Беглый солдат Гаврилов из твоей охраны передал через проезжающих купцов обещание привезти в Оренбург твою голову. Он предупредил, что это легче сделать зимой. А генерал Обрыч написал письмо в Петербург с просьбой о помиловании этого Гаврилова, если исполнит обещание...

— Предатели всегда достойны казни!— вскричал Иосиф Гербрут.
Кенесары подумал с минуту.

— Нужно раньше проверить... Если подтвердится, то Кара-Улек сам справится. Не стоит отпугивать других беглых...

Все трое пошли к юртам. По дороге Таймас сообщил еще одну неприятную новость. При испытании отлитой пушки погиб башкир Давлетчи. То ли чугун не выдержал, то ли пороху переложили, но пушку разорвало. Это, пожалуй, больше всего опечалило Кенесары, очень надеявшегося на эти пушки.

— Да укроет его тело мягким шелком степь наша!— сказал он.

В течение трех дней батыры, султаны, аксакалы и бии обсуждали, каким должно быть воссозданное ханство. Они пришли к общему мнению по четырем пунктам...

Первый касался самого главного — войска. До сих пор в распоряжении Кенесары находились лишь восемь тысяч всадников, которые зимой разъезжались по своим аулам. Лишь пятьсот сарбазов оставались в последнюю зиму при Кенесары. Решено было увеличить основное войско до двадцати тысяч сарбазов, причем на зиму оставлять при ставке пять тысяч из них.

Каждый жузбаши и мынбаши — сотник и тысяцкий — новой армии обязаны изучить русское военное искусство и обучать ему своих джигитов. Рядовые сарбазы должны были отныне носить на груди три зеленых полоски и зеленый отличительный знак на спине, жузбаши и мынбаши — красные нашивки, а сам Кенесары — голубой мундир с эполетами русского полковника...

На должности мынбаши назначались самые прославленные батыры, правом их назначения обладал один лишь Кенесары. Был создан также отдельный стрелковый отряд из тысячи человек под командой Байтабына.

Особое внимание уделялось повиновению. За любое нарушение отныне применялось древнее наказание «шик»— надрез на лицо саблей или копьем. Позор смывался только отличием в бою. Джигит с двумя надрезами на лице предавался суду биев и наказывался большим штрафом в виде скота, отлучением на год от семьи или принуждался пасти овец. При трех надрезах — воина ждала смерть...

— Казахские ханы когда-то четвертую часть подвластного им народа всегда держали на конях, ибо казах и воин — это одно и то же!— сказал Кенесары.— Чтобы не стать для врагов заманчивой добычей, мы должны брать с них пример и из миллиона подвластного нам населения держать на коне хоть двадцать тысяч человек...

Никто не выступил против этого, и Кенесары получил двадцатитысячное войско...

Другой пункт решения был о снабжении войска продовольствием и воинскими припасами. Ханский совет решил собирать особый налог, который делился на две части: зякет — на скот и ущур — на урожай. Имеющие до сорока голов скота не облагались этим видом налога. Те, кто владел большим количеством скота, платили налог в возрастающей степени. Сеющие же пшеницу обязаны были сдавать десятую часть урожая.

По этому поводу возникли разногласия. Кенесары потребовал, чтобы часть казахов на берегах Тургая, Иргиза, Сырдарьи, Сарысу, Или и многочисленных степных озер обязательно занялась земледелием. Дело в том, что все оренбургские военные губернаторы: граф Сухотелен, граф Перовский, Обручев — были против приобщения степных народов к земледелию, считая это непроизводительным и невыгодным для империи делом. В своем докладе военному министру генерал Обручев писал: «Мой предшественник генерал-адъютант Перовский был ревностным противником того, чтобы киргизы занимались земледелием и перешли на оседлый образ жизни. При этом он преследовал цель, чтобы оные, вместо собственного производства зерна, покупали хлеб у нас и тем самым были постоянно зависимы от России».

Исходя из этих соображений, граф Сухотелен, а за ним и Перовский старались ликвидировать казахские оседлые аулы, появившиеся рядом с русскими селениями на территории военного губернаторства. Но Кенесары необходим был хлеб для войска, и он решил поддержать земледельцев...

Налоги в казахских аулах для царя или кокандского хана собирали обычно бии и вожди родов. Отныне предложено было собирать их специальным есаулам Кенесары, что сильно укрепляло ханскую власть.

Третий пункт решения посвящен был судебным разбирательствам, которыми до сего времени занимались бии и аксакалы. Теперь же вопросами наследования, барымты и другими тяжбами могли заниматься лишь люди, утвержденные ханом, а межродовые споры разрешал сам Кенесары.

Споры же между казахами, подчиненными Кенесары, и теми, кто жил на территории султанов-правителей, разрешали ага-султаны. Кенесары явно не хотел иметь серьезных разногласий даже с ними, во всяком случае с некоторыми из них. Особенно остро закон был направлен против грабежа скота — барымты, которая в корне разрушала единство родов и племен. Понимая, что большинство его войска так или иначе из простонародья, Кенесары настоял на некотором облегчении участи рабов. За убийство раба хоть штраф стали взимать...

А четвертый пункт решения в какой-то степени упорядочивал торговлю. Если раньше его джигиты попросту нападали на караваны и грабили их, то теперь, по примеру других государств, решено было облагать их пошлинами за прохождение через степь и охрану в пути. Но пошлина была не одинакова и зависела от отношения государства или рода, которому принадлежал караван, к самому Кенесары.

Ханский совет решил прекратить по всей линии необоснованные стычки с русскими поселками, а закупки зерна в них и торговые операции с Хивой и Бухарой разрешить производить только ханским чиновникам. Добившись всего, что он хотел, Кенесары вырвал у вождей примкнувших к нему родов и племен еще одно важное для себя право, касавшееся ханского совета. Если во времена Нуралы — сына Абулхаира — хан без согласия своего совета не мог решать важных

вопросов, то Кенесары обязывался лишь советоваться с ним. После принятия решения самим ханом оно становилось законом. Велений Кенесары нужно было слушаться беспрекословно...

Через неделю Кенесары возвратился в ставку на реке Кара-Тургай. Вскоре туда начали съезжаться батыры-мынбаши со своими джигитами. Началось обучение по новому закону...

Сосредоточив в своих руках власть, Кенесары немедленно начал совершать жестокие набеги на враждебные и колеблющиеся аулы. Не трогая пока оренбургских крепостей и селений, он непрерывно тревожил Сибирскую линию, с которой считал себя в состоянии войны. С каждым днем увеличивалось количество жертв с обеих сторон.

В начале лета Кенесары осуществил давно замышляемое нападение на аулы рода жаппас, которые только что успели переехать на летовку к Тургаю. Султана Алтынбая Кенесары волочил несколько верст привязанным к конскому хвосту, а двух его дочерей отдал в жены простым сарбазам, отличившимся при этом набеге. Вскоре Алтынбай умер, завещая своему внучатому племяннику Жангабылу, чтобы тот отомстил сыновьям Касыма-торе за поругание...

Хранивший в душе вражду к Кенесары, хорунжий Жангабыл начал искать пути к отмщению. Собственных сил у него не хватало для нападения на аулы Кенесары, и он много раз наведывался к новому оренбургскому начальству с просьбой о помощи. Однако военный губернатор не считал пока возможным начинать военные действия из-за какого-то Алтынбая и велел ждать. Он готовился к широким военным действиям против Кенесары в будущем и не хотел пока раскрывать свои планы. Чтобы обмануть бдительность мятежников, он даже улучшил содержание старшей жены Кенесары — Кунимжан, а детей его определили в русскую школу...

В эти дни случайно погиб беглый солдат Гаврилов. Он поехал с Кара-Улеком на заготовку дров и попал под рухнувшее дерево. Шейные позвонки его были раздроблены. Кенесары сам участвовал в его похоронах. Покойника завернули в белый саван и опустили в могилу с завидной торжественностью...

Так наступил кровавый 1843 год. В самом начале его по всей степи прокатился недобрый слух о снятии с должности оренбургского генерала Генса. Его заменили генералом Лодыженским. Эту весть привезла Кенесары сама Алтыншаш, со слезами распрощавшаяся с добрым Генсом...

Только Кумис не вернулась в степь. Заслужив добросовестной работой доверие и уважение семьи генерала Генса, она уехала вместе с ней в Петербург. Ей не хотелось возвращаться к своим после совершенного над ней надругательства. Впоследствии ее влияние было одной из причин снятия с должности султана-правителя Акмолинского округа Конур-Кульджи Кудаймендина...

IV

В 1843 году — в год зайца, 27 числа месяца маусым — июня, царь Николай I приказал оренбургскому военному губернатору отрядить широкую карательную экспедицию против мятежного султана, покрыв ее издержки за счет подворного налога на месте. За тот же счет подтверждалась выплата премии в размере трех тысяч рублей за голову самого Кенесары...

Генерал Обручев, связанный родством с военным министром, заранее знал об этом и хорошо подготовился к предстоящей кампании. Задолго до этого в сторону Кара-Тургая был направлен разведывательный отряд в числе трехсот сабель под командой войскового старшины Лебедева. Кенесары встретился с ним в верхнем течении Иргиза и, поскольку военных действий на оренбургском участке не велось, послал к нему для переговоров несколько своих людей во главе с Абильгазы. Они заверили Лебедева, что беспрекословно подчиняются всем приказам оренбургского военного губернатора и готовы при наличии необходимости переселиться ближе к границе. Лебедев немедленно отправил нарочного в Оренбург...

Из Оренбурга вскоре пришло указание не начинать военных действий против мятежников, но оставаться с отрядом на берегу Иргиза. Новый военный губернатор, ярый противник каких бы то ни было переговоров с Кенесары, просто хотел выиграть время. Пока ездили нарочные, составлялись письма и донесения, началось окружение мятежников...

По заранее разработанному плану султаны-правители Ахмет, Арыстан и Баймухаммед выставляли каждый по тысяче сарбазов и должны были ждать приказа к выступлению. Ахмету следовало двигаться от Тобола, а Арыстану и Баймухаммеду слиться у крепости Сахарной с трехтысячным отрядом полковника Бизанова и замкнуть таким образом кольцо вокруг Кенесары с юга и запада. Если же Кенесары попытается проскочить в сторону Улытау и Аргынаты, там его должны встретить регулярные войска, вышедшие из Омска, Петропавловска и Каркаралинска.

Таймас возглавлял разведку Кенесары и был через приехавшую Алтыншаш о многом осведомлен. К полку Бизанова им был подослан молодой джигит Тулебай, который сообщал о всех передвижениях полка. В каждом из аулов султанов-правителей тоже сидели свои люди. Зная расположение враждебных ему сил, Кенесары с тысячным отрядом на всякий случай двинулся навстречу войсковому старшине Лебедеву.

И на этот раз не изменил он своей тактики. Убедившись, что против него начались решительные действия, Кенесары принял вызов. От прежних его действия отличались только тем, что он разделил свои силы на пять частей, чтобы в случае поражения одной из них сохранялась бы основа для восстановления движения.

С тысячным отрядом, выступившим против полковника Бизанова, пошел Наурызбай, а советником при нем — батыр Агибай. Навстречу трем карательным отрядам сибирского генерал-губернатора высту-

пили тысячи, возглавляемые Жеке-батыром, Иман-батыром и Бухарбаем. Советниками при них были соответственно батыры Кудайменде, Жанайдар и Тауке. Сам Кенесары с десятитысячным войском, в которое входила тысяча отличных стрелков во главе с Байтабыном, переместился из долины в Мугоджарские горы...

В случае необходимости Кенесары имел возможность быстро соединить все части войска. А временное разделение позволило ему маневрировать. Если бы царские отряды не сумели действовать согласованно, то так легче было бы нападать на них, бить поодиночке. Самое главное, что он оставался неуловимым для врагов. Больше всего Кенесары опасался окружения...

Он был тоже доволен, что затянулись переговоры с войсковым старшиной Лебедевым. Пока что прошел месяц шильде — июль. Если регулярные войска выступят против него в месяце тамыз — августе, то он выдержит их натиск месяц-полтора. А там придет месяц казан — октябрь с долгими дождями и ветрами.

Осенняя казахская степь с холодной слякотью по колено замучает солдат больше, чем самая лютая зима. Когда день и ночь льет не переставая мелкий изнуряющий дождь, никакой человек не выдержит, кроме того, кто вырос здесь. Они будут вынуждены прекратить волчью охоту на него и вернуться в свои крепости. Вот тогда только он и начнет действовать!..

Нет, не на линейные крепости или города думал нападать Кенесары. Он понял уже, что это не его война. А вот оголенные аулы враждебных ему султанов почувствуют его руку. По локоть станет она в крови. Люди будут истреблены, а скот угнан!..

Расчеты Кенесары оказались правильными. Только в конце июля султан-правитель Ахмет добрался со своими нукерами до войскового старшины Лебедева, продолжавшего стоять на Иргизе. Арыстан и Баймухаммед едва набрали половину намечавшегося ими войска и не могли оказать серьезной поддержки полковнику Бизанову. Тот вынужден был запросить помощь из Омска. Когда она пришла, в его распоряжении оказались около пяти тысяч солдат и туленгутов. Однако время уже было потеряно...

Самым сильным противником стал, таким образом, отряд полковника Бизанова. Для начала Кенесары направил против него небольшой отряд во главе с Наурызбаем, который завязал бой.

К середине августа наступила предосенняя изнуряющая жара. Пятитысячный отряд, собранный из разных родов войск и дальних ага-султанских аулов, был утомлен двухдневным переходом из крепости Сахарной. Впереди на вороных конях ехали пышноусый коренастый полковник Бизанов и султаны-правители Ахмет и Баймухаммед — тоже с полковничьими эполетами. Третий ага-султан, Арыстан, пользуясь знанием здешних мест, свернул утром к далекому аулу. К вечеру он обещал догнать их...

Отряд расположился на отдых у маленького степного озера. Берега его выгорели от зноя, да и вся степь вокруг была гладкая, как оструганная доска. Дозорные все же поскакали в разные стороны, проверили овраги, малейшие неровности. Никого не было вокруг, толь-

ко суслики проваливались в свои норки при приближении людей. Да и кто решится напасть на такой большой и сильный отряд прямо посреди степи? До видневшихся на добрый конный переход Мугоджар не стали посылать дозоры. Все как на ладони...

Солдаты и туленгуты спешились, стали устраиваться на ночь. Кто-то из офицеров пальнул из ружья по уткам, присевшим на озерную гладь. Ружья составили в козлы, и возле них остались бодрствовать лишь дозорные.

Но только утомленные за день люди задремали, как с нескольких концов огромного лагеря раздались душераздирающие крики: «Тревога!.. Кенесары! Кенесары!..» Прямо по спящим людям катилась непонятно откуда взявшаяся лавина, удары тяжелых палиц обрушились на головы вскакивавших в ужасе солдат. Не успели еще прийти в себя, а за первой лавиной на лагерь обрушилась другая, потом третья...

— Аблай!.. Аблай!..

— Агибай!..

— Кенесары!.. Наурызбай!..

Всего десять — пятнадцать минут продолжалось это, и вдруг наступила тишина. Ночные всадники исчезли, как растаяли в тумане. Только крики и стоны раненых говорили о том, что произошло.

Это ночное побоище в рядах сводного отряда полковника Бизанова произвели джигиты высланного вперед Наурызбая. Два дня назад прибыли они к подножию Мугоджар, зная, что отряд Бизанова пройдет именно по этой дороге. Использовав малейшие рытвины, кусты чия, овражки и высохшие ручейки на порядочном отдалении от озера, они сумели так притаиться, что один из солдатских разъездов буквально проехал через целую сотню джигитов, ничего не увидев.

Только с наступлением темноты приказал Наурызбай подняться и размять занемевшие руки и ноги. Кони, словно понимая важность тишины, настороженно отряхивались от пыли. На копыта им надевали заранее сшитые войлочные башмаки. Их сняли, остановясь в каких-нибудь двухстах шагах от светившегося кострами лагеря...

На десять атакующих линий разбили свою тысячу Наурызбай и Агибай. Сами они на своих знаменитых конях Акаузе и Акылаке встали вперед, опустив тяжелые пики. Жузбаши соблюдали интервалы между сотнями, считая до ста. Чтобы не спутать в темноте своих с чужими, решено было после атаки мчаться не останавливаясь в направлении Аиртауских песков...

Когда первая сотня доскакала до лагеря и раздался ее боевой клич, там началась такая кутерьма, что казалось, наступило светопреставление. Последние сотни, натыкаясь в темноте на упавшие палатки и мечущихся людей, понесли некоторые потери.

И все же, несмотря на неожиданность нападения, отряд Бизанова, растянувшийся на добрых полторы версты вдоль берега, не потерпел большого урона. Всего было убито около сотни солдат и туленгутов.

К рассвету вырыли огромную братскую могилу, куда положили вперемешку русских солдат и казахских туленгутов. По приказу пол-

ковника Бизанова дали нестройный залп над очередным свежим курганом, и еще одна трагическая страница этой войны была окончена. Начиналась следующая...

В это время подоспел отлучившийся султан-правитель Арыстан с полутысячей джигитов. Бизанов приказал ему немедленно двинуться за сарбазами Кенесары. Через некоторое время, растянувшись на две версты, следом выступил весь отряд. На сухой земле явственно виднелись следы недавно проскакавших здесь всадников...

Полковник Бизанов уже не ехал впереди с прежним залихватским видом. Ночью он едва успел увернуться от промчавшегося мятежника, дубина которого лишь задела его по плечу. Сейчас полковник приходил в себя от потрясения...

Когда взошло солнце, впереди, у самого горизонта, стали видны уходящие всадники Кенесары. В некотором отдлении от них следовал отряд Арыстана. Полковник Бизанов приказал перестроиться. Сейчас они двигались по степи развернутым строем: в центре — сам Бизанов, на флангах — сыновья Жантуры, справа Ахмет, слева Арыстан. Замыкал колонну султан-правитель Баймухаммед...

Всадники Наурызбая, казалось, не спешили уходить от погони и держались в трех-четырех верстах впереди. Когда полковник Бизанов приказал прибавить шагу, они тоже поехали быстрее. Увлеченные скачкой преследователи даже не обратили внимания на протянувшийся с левой стороны лог, густо заросший чием. Далеко позади остался воинский обоз в сто подвод с продовольствием и боеприпасами. Только проскакав еще верст пять-шесть, услышали позади выстрелы и затем несколько глухих взрывов.

Сам Бизанов, вернувшись назад, увидел догоравшие подводы и порубанных казаков-ездовых. Бочки с порохом частично были сожжены, частично увезены мятежными джигитами, опять устроившими хитрую засаду нерасторопному полковнику...

Случайно уцелевший начальник обоза рассказал, что нападающих было человек двести, а командовал ими батыр Агибай. Они и не думали далеко уезжать и маячили на горизонте слева. Однако Бизанов на этот раз разгадал их уловку и не стал отряжать за ними погоню. Оставив необходимую охрану с остатками обоза, он всеми силами продолжал преследование Наурызбая.

Наурызбай остался с пятьюстами сарбазами. Двести человек с Агибаем во главе отделились для нападения на обоз и теперь держались верстах в пятнадцати к востоку. Триста джигитов, чьи кони выбились из сил, были оставлены в стороне — в Мугоджарах. Отдохнув и пропустив мимо себя отряд, они должны будут беспокоить его с тыла.

Приказ Кенесары уводить бизановский отряд все дальше в пески выполнялся с успехом. Там, в голой пустыне, застанет их осень с дождями и ветрами, и тогда они повернут обратно. А у Кенесары пока что будут развязаны руки, и не в одном ауле заплачут люди после этого набега!..

На четвертый день погони у молодого и пылкого Наурызбая зародилась тщеславная мысль самому с пятьюстами сарбазами разбить пятитысячный отряд. Это чуть не стоило ему жизни и помешало выполнить до конца приказ...

Не имея рядом верного и опытного Агибая, Наурызбай совершил большую ошибку. На рассвете пятьсот джигитов во главе с ним снова напали на лагерь Бизанова. Но по приказу полковника было усилено охранение, и солдаты не составляли ружья в козлы. Стремительно несущаяся на лагерь конная лавина была встречена ружейным огнем и, доскакав, развалилась на части. Около ста убитых сарбазов осталось лежать на земле, в то время как бизановский отряд понес самые незначительные потери. Самого Наурызбая, раненного в правое плечо, спас Николай Губин, вовремя подхвативший падавшего с коня батыра. Хоть Наурызбай и благополучно ускакал от погони, но до следующей весны не мог больше участвовать в сражениях...

Но самым важным было то, что кто-то из раненых и попавших в плен джигитов Наурызбая рассказал во время допроса, что Кенесары с основным войском не здесь, а на Кара-Тургае. Полковник Бизанов понял, что зря потерял десять дней, и поспешно повернул обратно. После двухнедельного тяжелого похода бизановский отряд, усталый и измученный, вышел в междуречье Иргиза и Улькаяка. Он хотел соединиться с отрядом Лебедева и преданными ему туленгутами султана-правителя Ахмета, однако путь преграждали свежие, невыдохшиеся войска самого Кенесары.

К этому времени пошли первые осенние дожди. Кенесары, избегая открытого боя, переходил то на правый, то на левый берег Иргиза, а затем вовсе ушел куда-то к Мугоджарам, и найти его не было никакой возможности. Бизанов в конце концов отступил к Оренбургу, так и не выполнив своей задачи.

Не успел бизановский отряд перейти в Орск, как в степи снова появился Кенесары. С отрядом в триста пятьдесят сарбазов он тут же напал на беззащитный аул султана-правителя Арыстана, обосновавшийся на зимовье у реки Уй. Здесь им было захвачено три с половиной тысячи лошадей, столько же верблюдов, семь тысяч овец и много крупного рогатого скота. Такие нападения стали происходить чуть ли не ежедневно, и край все более нищал и разорялся. Ложась спать, люди не знали, останутся ли назавтра живы и не угонят ли у них последнюю овцу. Все меньше людей верили в добрые намерения Кенесары...

Высылаемые из пограничных крепостей отряды, как правило, возвращались ни с чем. Война все быстрее превращалась в обоюдные межсултанские грабительские набеги. Открытое столкновение в эту осень произошло только с усиленным отрядом войскового старшины Лебедева.

Лебедев, уже побывавший в плену у Кенесары, горел желанием отомстить. Вторично выступив со своим отрядом из Каркаралы, он прошел Кара-Откель и двинулся по древней степной дороге к Улытау. Большинство аргынов, найманов и кипчаков, населявших эти

места, до сих пор поддерживало Кенесары. Но были здесь и враждебные ему аулы, находящиеся под влиянием Ердена Сандыбаева, а также аулы из Среднего жуза, ориентирующиеся на Аккошкара Кичкентаева. Земли их находились в районе Аргынаты и Каракоин-Каширлы, и Лебедев решил базироваться на них...

Уже по дороге сводный отряд Лебедева разорил несколько аулов, указанных ему султанами-правителями и обвиненных в поддержке Кенесары. Схваченные мятежники были расстреляны на месте. Каратели совершали грабежи и насилия.

В свою очередь, против аулов, принадлежащих царским султанам-правителям, с не меньшей жестокостью действовали отряды Кенесары под командой батыров Имана и Жанайдара. В устье реки Терсаккан они столкнулись с отрядом Лебедева. Силы оказались приблизительно равными — по тысяче человек с каждой стороны, но у солдат, входивших в отряд Лебедева, были ружья...

На открытой местности джигитам Имана и Жанайдара нечего было и думать справиться с регулярным войском, но они употребили все тот же прием. Устроив в глубоком, поросшем густым чием овраге засаду, мятежники пропустили мимо себя головной дозор Лебедева и неожиданно атаковали не успевших дать залп солдат. Началась рукопашная схватка, в которой снова погибло немало людей с той и другой стороны...

Спешившиеся солдаты постепенно пришли в себя и организовали круговую оборону. Иман и Жанайдар дали команду отступить, и мятежники так же быстро исчезли в оврагах и зарослях чия, как и появились. Через некоторое время увидели, что они съезжаются на отдаленном холме и не думают отступать. По приказанию Лебедева солдаты и туленгуты разбили лагерь и стали укреплять его.

Вскоре недалеко от лагеря показались два джигита, помахали платками. Договорились о похоронах убитых. Опять всю ночь рыли могилы и на рассвете опустили туда павших в утренней схватке...

Целый месяц гонялись по мокрой осенней степи друг за другом отряды Лебедева и батыров Имана и Жанайдара, а за ними оставались сожженные, разгромленные аулы и холмики братских могил. Когда выпал снег, отряд Лебедева ушел в Каркаралы...

Но еще до этого двести сарбазов во главе с батыром Жанайдаром, сделав за три дня трехсотверстный переход, неожиданно напали на аул младшей жены султана-правителя Конур-Кульджи, разгромили его и увезли всех молодых женщин вместе с красавицей Зейнеп. Единственный сын бия Орынбая — батыр Жанайдар — давно уже точил зубы на Конур-Кульджу, отобравшего у него летнее пастбище Кереге-Тас на берегу Есиля и передавшего его совему родственнику — султану Ибраю, сыну Жакибая. Кроме того, благодаря проискам Конур-Кульджи Ибрай был назначен султаном-правителем вновь образованного Атбасарского округа. Теперь Жанайдар-батыр рассчитывался с Конур-Кульджой за все обиды, но опять-таки больше всего пострадали при этом простые невинные люди...

После разгрома аулов султана-правителя Арыстана Кенесары засел в Мугоджарских горах, высылая время от времени летучие отряды для расправы с враждебными ему аулами и родами. Когда из длительного похода вернулся объединенный отряд батыров Имана и Жанайдара, он сам вышел его встречать. Впереди возвращающегося отряда ехал Иман-батыр.

— С благополучным возвращением поздравляю тебя, Айеке!— сказал Кенесары и оглянулся по сторонам.— Но почему я не вижу нашего сокола Жанайдара? Не случилось ли чего худого?

Уважительным именем Аяу-батыра или Айеке Кенесары стал называть Иман-батыра после успешного штурма укрепления Кокалажар на границе Оренбургской и Сибирской зон. Иман-батыр тогда с несколькими джигитами проник ночью в укрепление и решил его судьбу...

Иман-батыр молча указал рукой на хвост отряда. Там на телеге лежал Жанайдар-батыр, которому во время боя пуля угодила в ногу. Кенесары почти бегом бросился туда, припал к раненому батыру лицом.

— Как чувствуешь себя, мой сокол?

Но Жанайдар-батыр был в беспамятстве — начиналась гангрена. Кенесары опустил голову. Один за другим выбывали из строя верные ему люди. Потеря Жанайдар-батыра была бы особенно ощутимой...

— Отнесите его ко мне!— приказал он.

Не осталось ни одного знахаря в округе, кто бы не побывал здесь в эту ночь по приказу Кенесары. Жанайдар-батыра опрыскивали слюной, пускали кровь из опухоли, изгоняли злого духа. Как каменный стоял над ним всю ночь и смотрел на это Кенесары. Утром он вышел из юрты.

— Кенежан, а что, если полечить его посредством «ак жол»?— сказала ему какая-то старушка.

Кенесары посмотрел на нее отстутствующим взглядом и утвердительно кивнул.

Это был древний, редко применяемый способ. Когда ничто уже не помогало раненому воину, то призывалась женщина из рода торе. При всем народе она должна была переступить через него. Если женщина была чиста перед своим мужем, то воин выздоравливал, если же она хоть раз изменила — воин тут же умирал.

«Ак жол» служил не столько средством исцеления, сколько испытанием женской верности. Зная повадки своих жен, султаны-торе обычно не часто пользовались им. Кенесары согласился на это, потому что все другие средства были уже испробованы...

Добрых полтора десятка женщин, принадлежащих к торе, собрались перед белой юртой Кенесары. Среди них была и сестра его — воительница Бопай. Старуха предложила той из них, которая не имеет за собой плотского греха, переступить через умирающего батыра Жанайдара. Женщины мялись, стыдливо опускали глаза, прятались одна за другую. Никто из них не выходил вперед. Кенесары кусал губы...

— Жаль, что нет здесь нашей снохи Кунимжан!— вздохнула какая-то пожилая женщина.

Впервые увидели люди, как вздрогнул Кенесары... Да, он, который мог спокойно смотреть на горы трупов и приносить в жертву своей гордости все остальные человеческие чувства, ощутил вдруг острую боль где-то в груди. Кунимжан конечно бы переступила. Но два года она уже без него. Кто знает...

Он поднял голову, сердито посмотрел на своих снох и тетушек. Эти вряд ли могут быть безгрешными. Слишком много шелковых подушек и свободного времени у них. Зря согласился он на уговоры старой карги пойти на «ак жол». Теперь опозорят они перед народом весь род Аблая!..

И вдруг послышался чей-то чистый голосок:

— Если позволите, то я перешагну через ногу батыра Жанайдара!

Это вызвалась Акбокен, и Кенесары подумал, что не зря женил на ней своего брата Наурызбая. Но тут снова вмешалась старуха:

— Тебе нельзя, маленькая сноха!— сказала она, крутя головой, словно ворона над падалью.— Хоть и замужем ты за султаном, но не урожденная торе...

Кенесары с яростью глянул на старуху, но она не унималась:

— Бопай, а что, если тебе попробовать?

— Не болтай ерунды!— отрезала Бопай, которая никогда не лезла в карман за словом.— Наша жизнь военная. Едешь сутки в седле, заснешь потом мертвым сном, и ежели воспользуется этим какой-нибудь лихой джигит, то не убивать же его за это!

Все знали, о каком лихом джигите говорила Бопай. Это как раз и был Жанайдар-батыр, который лежал на ковре в юрте и ждал чудесного исцеления...

Впоследствии пели в народе:

С рожденья Жанайдар удачлив был,
Но пулю как-то в ногу получил.
Должна была его перешагнуть
Безгрешная (так знахарь научил).
Да не нашлось такой в роду торе...
С тех пор торе вид женщин их постыл.

Кенесары стоял, задумчиво глядя себе под ноги... Какие сыновья могут родиться от этих женщин? Неужели оправдается предсказание и в мелкую тварь превратится род торе? И как может справиться он с тремя жузами, если бессилен навести порядок в собственном роду?..

— А может быть, есть женщины-торе среди тех, которых привезли вчера?— спросил кто-то.

— Есть!..

Привели трех женщин, захваченных при набегах на враждебные аулы, и среди них Зейнеп — младшую жену султана-правителя Конур-Кульджи. Старуха объяснила им, почему их позвали.

— Давайте я перешагну!— спокойно согласилась Зейнеп, любовные похождения которой были известны всей степи.— И отец мой и муж — оба торе...

Ни Кенесары, ни кто-нибудь другой не мог возразить, если жен-

щина-торе заявляла о своей чистоте и бралась за такое дело. А Зейнеп все рассчитала своим лукавым умом... Какой же это батыр, если умрет оттого, что перешагнет через него грешная баба? А если и умрет, то одним волком у Кенесары станет меньше... Но ничего не случится, все это — ерунда. Неужели бог так уж следит за ее подолом? Ведь может он и прозевать ее грешки?.. Но вот будет потеха, если выздоровеет этот молодец! Всему казахскому народу известна ее добродетель. То-то смеху будет, когда узнают, что грешная баба перехитрила не только самого Кенесары, но и их общего прадеда Аблая, утвердившего правило «ак жол»!..

Ошеломленные ее наглостью люди смотрели на Кенесары. Он утвердительно кивнул.

Прелестная Зейнеп и не думала ломаться перед грозным Кенесары, при одном имени которого трепетали люди. Она кокетливо приподняла подол своего шелкового платья и со словами «Благослови меня бог!» легко перешагнула через Жанайдара.

Может быть, действительно произошло чудо, но именно в этот момент батыр приоткрыл глаза. А увидев то, что мог сейчас видеть только он один, Жанайдар вздрогнул и даже захотел приподняться. Живой румянец начал покрывать его восковые щеки...

Люди изумленно переглядывались.

Через несколько дней батыр Жанайдар мог уже подниматься и ходить, припадая на раненую ногу. Опухоль спала, и дело шло к полному выздоровлению. Кенесары не знал даже, чему он больше рад — выздоровлению батыра или спасению чести всех торе. За такую услугу следовало отблагодарить свободой, несмотря на то что Зейнеп была женой его самого лютого врага. Чтобы сообщить об этом решении, Кенесары пригласил ее к себе.

Кроме Кенесары в юрте находились Таймас, Абильгазы, батыры Агибай, Бухарбай, Иман, Жеке-батыр и другие. Но для Зейнеп все они были только мужчины, и вела она себя с ними соответственно...

— Хотя Конур-Кульджа наш враг, но мы не обидим достойную женщину,— важно сказал Кенесары,— мы все — родственники по деду. Скажи, какие у тебя желания!..

— А ты вправду выполнишь их?— жеманно поведя полным плечом, спросила Зейнеп.

— Хан казахов не говорит дважды!

— В таком случае, мой дорогой деверь и хан, у меня только одно желание...— просияла Зейнеп.— Не разлучайте меня с вашим мужественным слугой Кара-Улеком!..

Словно из пушки вдруг выстрелили в юрте. Все замолчали и долго не могли прийти в себя.

— Что ты сказала?!

Впервые в жизни подумал Кенесары, что он ослышался. Но она смотрела на всех ясными, чистыми глазами. Простые люди уже знали, что она каждую ночь бегает к прельстившему ее чем-то ханскому палачу-телохранителю...

— Я прошу отдать меня в жены вашему достойному Кара-Улеку...

— Какой Кара-Улек?.. Мой раб?!

— Да...

Кенесары стал медленно багроветь от гнева. С нескрываемым отвращением смотрел он на женщину, которая вчера лишь, по его понятиям, спасла честь касты торе. Есть ли больший позор, чем женщине-торе принадлежать рабу!

А Зейнеп и не думала отрекаться от своей просьбы. Глядя в упор на Кенесары, она воскликнула:

— Хан не должен говорить дважды!.. А отдав меня в жены рабу, ты жестоко отомстишь Конур-Кульдже...

Кенесары низко опустил голову:

— Пусть будет по-твоему...

Буря негодования поднялась вокруг, когда услышали про это. Торе сидели опустив головы. Но среди простых людей пошла слава о том, что хан Кенесары лишен сословных предрассудков и сердце его склоняется к простолюдинам. Больше всего радовалась Зейнеп. Но не знала она, как жестоко отомстит Кенесары за позор торе...

Зейнеп в благодарность выдала Кенесары лазутчика Конур-Кульджи и Ожара — бывшего проводника Самена, а также его связных Жакипа и Сакипа. По приказу Кенесары они были повешены. А еще через два месяца Кара-Улек будто бы в припадке ревности сломал шейный позвонок своей благородной жене. Это был урок Кенесары женщинам, изменявшим своей касте!..

Пришла зима, и Кенесары временно прекратил набеги. Но на этот раз он не распустил своих сарбазов, а наоборот — призвал в войско всех молодых джигитов, способных носить оружие. Несмотря на сильные морозы, их ежедневно обучали военному делу опытные батыры. Чтобы содержать такую большую армию, требовались средства. И Кенесары обложил обязательным налогом не только подвластные ему аулы, но и множество соседних территорий. Это вызвало новый взрыв недовольства. Приходилось платить двойной налог: с одной стороны — белому царю и его султанам-правителям, с другой стороны — хану Кенесары...

Наступил 1844 год, год мыши. К весне Кенесары имел обученное двадцатитысячное войско. Правительство, убедившись, что Кенесары неуловим в безбрежной казахской степи и силами отдельных карательных отрядов с ним не покончить, решило окружить весь район его действий. Для этой цели на берега Иргиза и Тургая были направлены крупные воинские части. В их задачу входило с трех сторон блокировать мятежников.

Ввиду того, что Кенесары часто беспокоил своими набегами со стороны Улытау и Аргынаты, князь Горчаков еще в середине прошлого года отправил донесение канцлеру Нессельроде. В нем он просил разрешения заселить эти районы казаками и создать там особый гарнизон из солдат Второго линейного сибирского полка. Канцлер дал согласие, но казаки не захотели переселяться в Улытау, где бушевало пламя мятежа. Потом все же там начало строиться укрепление, и туда по жеребьевке переехало пятьдесят семей казаков и была переведена

рота солдат. Сейчас она была усилена, чтобы стать серьезным заслоном на пути мятежников. Помимо войск, выступивших из Орска и с берегов Тургая, оренбургский военный губернатор приказал султану-правителю Ахмету Жантурину объявить набор джигитов. Было обещано, что, если доброволец погибнет в бою, семье его будет выплачиваться пожизненное пособие.

Всем выделенным войскам приказывалось собраться в верхнем течении Тургая и ждать дальнейших распоряжений. По заранее составленной диспозиции полутысяча солдат под командой войскового старшины Лебедева 5 мая выступила из Орска и двинулась к Камышовскому укреплению. Подвигаясь далее вдоль Есиля, Лебедев к 20 мая должен был выйти к Тургаю, чтобы застать Кенесары на джайляу. К этому же времени сюда обязано было подойти и ополчение султана Ахмета Жантурина.

На реку Сарысу выступил отряд сотника Фалалеева, в задачу которого входило не пропустить Кенесары в сторону среднеазиатских ханств или во владения Большого жуза. Широкий охват с флангов намечался со стороны Оренбурга. Кенесары хотели лишить главного его преимущества — простора.

Верховным командующим всеми этими действиями назначили генерал-майора Жемчужникова. В начале мая он вместе со своим штабом прибыл в недостроенный улытауский форпост и приступил к руководству операциями против Кенесары.

Кенесары в это время стоял на берегу Иргиза и через своих многочисленных лазутчиков знал о движении всех направленных против него войск. Он хорошо понимал, что если оренбургские и сибирские отряды встретятся в Тургае, то он попадет в мешок. Поэтому он распространил слух о своем отступлении, а генералу Жемчужникову было направлено ложное донесение о том, что основные силы Кенесары продвигаются к Улытау. Решив встретить его здесь и дать решительный бой, Жемчужников приказал отряду Лебедева изменить направление и тоже идти к Улытау. Лебедев, таким образом, не смог прибыть вовремя на Тургай...

Однако через биев рода торткара Лебедев все же узнал, что Кенесары находится на Иргизе и 20 мая встретился с отрядом султана Ахмета у переправы Талды. Чтобы не упустить Кенесары, объединенный отряд форсированным маршем двинулся к Тургаю, но не нашел там сибирских войск. Путь Кенесары на юг оказался открытым. Слишком поздно понял генерал Жемчужников свою ошибку...

Начало лета выдалось холодным и дождливым. Увязая по щиколотки в мокрой глине и волоча за собой тяжелые пушки, солдаты Лебедева ни с чем отправились в Орск. На пути кто-то донес войсковому старшине, что преданный правительству бий Байкадам якобы тайно поддерживает Кенесары. По приказу Лебедева аул Байкадама был предан разорению.

Оренбургский военный губернатор Обручев потемнел от гнева, узнав, как провели мятежники неумного генерала Жемчужникова. За отсутствие настойчивости при преследовании Кенесары и разгром

аула бия Байкадама войсковой старшина Лебедев был отдан под суд. Командовать отрядом назначили полковника Дидковского...

Трагической оказалась участь отряда сотника Фалалеева. Он вовремя прибыл на речку Сарысу и встал там, заслонив дорогу в пески. Кенесары выслал против него пятьсот джигитов во главе с сыном погибшего батыра Саржана Ержаном и опытным, хитрым Таймасом. Им было приказано не вступать в бой с отрядом, имеющим пушку, а только выматывать его силы, добиваясь ухода...

Увидев большой отряд мятежников, сотник Фалалеев начал преследование. Джигиты Таймаса стали уходить в сторону Балхаша, и хорошо отдохнувшие казаки два дня гнались за ними. Дорогу Фалалееву указывали проводники из рода шомекей...

На третий день, оценив обстановку, сотник Фалалеев решил прекратить бесполезную погоню. И в этот момент к ним перебежало несколько джигитов-кенесаринцев. Сотник повеселел. Джигиты клялись в ненависти к Кенесары и знали дорогу получше мало бывавших в этих местах шомекеевцев.

Перебежчики уговаривали сотника Фалалеева оставаться на месте, так как отряду Таймаса деваться некуда. Впереди безводная пустыня, и ему обязательно нужно вернуться через эти места. Обессиленных и уставших мятежников можно будет брать голыми руками...

Утром проснувшиеся солдаты и казаки увидели всех десятерых проводников-шомекеевцев плавающими в собственной крови. Джигитов-«перебежчиков» и след простыл. Они для того и переметнулись к Фалалееву, чтобы лишить его проводников...

Вскоре взошло солнце, и только тогда понял Фалалеев, в какое положение попал. Куда ни глянь — всюду бескрайняя степь с однообразными солончаками и такырами. Обманчивые миражи висели по горизонту, и невозможно было определить тропу, по которой они пришли сюда. Вдобавок людей и лошадей начала мучить жажда, а проводники, умевшие по муравейникам определять присутствие близких грунтовых вод, лежали с перерезанным горлом...

Они двинулись куда глаза глядят. Только десяток солдат вместе с умирающим от горячки сотником вышли через неделю к аулу рода ысты, кочевавшему в Прибалхашье...

Неуклюже действовал против Кенесары и полковник Дидковский, который, в отличие от своего предшественника Лебедева, к тому же плохо знал степь. Первым делом он отказался от обоза, состоящего из арб, и заменил его вьючными верблюдами. В результате караван при отряде растянулся на добрых две версты и требовал для своей охраны чуть ли не половину сил.

Кенесары опять применил свою тактику заманивания, поручив водить отряд Дидковского по степи выздоровевшему Наурызбаю и батыру Агибаю. Сам он с главными силами двинулся туда, где его не ждали, и за два дня прошел от Иргиза до Тобола. Султан-правитель Ахмет Жантурин не успел даже приказать сесть на коней своим джигитам...

У Кенесары за это время прибавилось ненависти к султану Ахме-

ту. Он узнал, что три года назад Ахмет Жантурин, увидев проживавшую тогда под охраной в Орске Кунимжан, предложил ей забыть Кенесары. «Была ты первой женой Кенесары, стань моей последней!» — просил он ее, обещая любовь и защиту. В ответ она показала ему маленький острый кинжал...

Джигиты Кенесары не пощадили никого. Отряд султана-правителя был вырезан почти весь. Погибло четыре султана, поддерживавших Ахмета Жантурина против Кенесары. Спастись удалось считанным людям. Рассказывали, что мелкая в середине лета речка Улькаяк поднялась вдвое и стала красной от крови...

Это был самый ощутимый удар, нанесенный мятежниками. Многие бии и султаны, перестав надеяться на защиту правительственных войск, снова начали склоняться к Кенесары. Оренбургский военный губернатор Обручев был потрясен случившимся...

Тем не менее остатки жантуринского отряда, который к моменту нападения Кенесары был еще не весь собран, слились с отрядом Дидковского и пошли на соединение с генералом Жемчужниковым, который ждал их на озере Алакуль, неподалеку от Тургая. Но к этому времени Кенесары успел перевести все свои аулы из долин Талды и Иргиза на западные склоны Мугоджарских гор и снова выскользнул из расставленных для него сетей.

В начале августа подвижные отряды Кенесары внезапно появились на Оренбургской линии в тылу у враждебных ему аулов. На этот раз особенно жестоко расправился он с родами торткара и жагалбайлы, которые поддерживали султана-правителя Ахмета и выделяли проводников для отряда Лебедева. Сарбазы Кенесары не щадили ни правого, ни виноватого, кровь лилась рекой... Как всегда бывает в таких случаях, больше всего пострадали невинные. Лишь из одного аула рода жагалбайлы было угнано семьсот лошадей, три тысячи овец и двести голов крупного рогатого скота...

Через несколько дней разъезды Кенесары появились в станицах Наследнице и Атаманской, было совершено нападение на станицу Екатерининскую, где мятежники разрушили форштат и захватили много оружия. По степи распространились слухи о движении мятежников на Оренбург и Троицк. В поселениях вдоль Оренбургской линии и мирных аулах началась паника...

Царское правительство в очередной раз потребовало от оренбургского и омского начальства покончить с Кенесары. Но генерал Жемчужников был бессилен даже обнаружить местопребывание мятежных аулов. Узнав наконец о перекочевке этих аулов в Мугоджары, он понял бессмысленность их преследования крупными силами и выделил особый подвижной отряд из двухсот восьмидесяти казахов, ста семидесяти солдат и двух легких пушек. Отряду предписывалось двигаться через Мугоджарские горы, очищать их от мятежников. Полковник Дидковский закрепился на линии Шет — Иргиз, пытаясь еще раз отрезать Кенесары пути, ведущие в тыл правительственных войск.

Когда особый подвижной отряд под личным командованием генерала Жемчужникова достиг Мугоджар, выяснилось, что Кенесары ушел в район верхнего течения Эмбы, а здесь в наиболее труднодо-

ступных местах остались лишь несколько его аулов. В это время пошли проливные дожди, и отряду ничего не оставалось делать, как повернуть обратно. Таким образом, как и в прошлые годы, этот поход закончился безрезультатно...

К началу декабря 1844 года все выделенные для борьбы с мятежниками войска ушли в Улытау, Оренбург или Орск. И сразу же снова появился Кенесары. Несмотря на снега, его подвижные отряды под командой батыров Жоламана, Имана, Жанайдара, Ержана, Наурызбая и Жеке-батыра систематически беспокоили казачьи станицы вдоль Оренбургской линии, нападали на аулы султанов-правителей, угоняли или просто резали скот. Несколько отрядов во главе с батырами Агибаем, Бухарбаем и Кудайменде были с такой же целью посланы в пределы Кокандского ханства...

Еще в конце ноября Кенесары послал в аулы рода жаппас большой отряд для сбора установленного налога. Зная неодобрительное отношение Байтабына к кровавым расправам над мирными аулами, он именно его поставил во главе отряда. С ним вместе отправился и Наурызбай...

На этот раз произошла кровавая трагедия, память о которой надолго сохранилась в народе... Люди Кенесары знали, что страсти накалены до предела. Все труднее становилось собирать налоги для Кенесары в разоренных, истерзанных многолетней войной аулах. Но бий Жангабыл встретил их с распростертыми объятиями. Джигитам даже предложили на ночь красивых девушек. А к утру весь отряд был захвачен и вырезан. Руководил расправой сам Жангабыл. В живых остались только двое: Николай Губин, который был передан потом царским властям, и Наурызбай. Батыра Наурызбая спасла спавшая с ним девушка, которая в последний момент шепнула, что пришли его зарезать. Выскочившему раздетым из юрты Наурызбаю подогнал его коня Акауза беглый солдат Губин, а сам остался сдерживать погоню...

Долго гнались за Наурызбаем джигиты Жангабыла, но он убил по дороге восьмерых, в том числе и Кокир-батыра, сына Алмамбета. Вырвался в степь и Байтабын. Он отстреливался, пока не был буквально изрешечен пулями и стрелами...

Это было начало конца, и Кенесары понял все. Народ не принимал его. В знак траура он слег в постель и не поднимался в течение трех суток. Потом во главе своих сарбазов он устроил кровавую резню в аулах жаппасовцев. Чудом спасся бий Жангабыл, спрятавшийся в ворохе тряпья...

И как память об этой трагедии осталось еще одно название местности «Жасаул Кыргыны» — «Место гибели есаулов» — да одинокий могильный холм «Байтабын Данызы»...

Много таких мест и названий в казахской степи...

ЭПИЛОГ

Да, чем богата казахская степь, так это древними могильниками! Одни из них представляют собой обычные курганы, другие — склепы

из грубо обтесанного камня, третьи — дольмены, или каменные бабы, как называют их ученые...

Обычно стоит такая массивная каменная фигура на небольшом возвышении. Очертаниями напоминает она женщину, но бывают у некоторых старомонгольские усы. У одних на сведенных перед грудью ладонях видна чаша — кесе, у других — булава. Иногда рядом с таким дольменом возведена маленькая крепость из дикого камня. А от нее через каждые двести — триста шагов лежат слегка обточенные четырехгранные камни — балбалы — до следующего дольмена...

Говорят, было так... У степного могильника, на полуотесанных камнях, сидели три человека. Один из них, посредине, был Кенесары, по правую его руку — Таймас, по левую — Абильгазы. Так повелось среди казахов еще со времен Касым-хана. Два советника полагалось иметь вождю, и назывались они по месту, где сидели рядом с ним: сидящий по правую руку — маймене, по левую — майсара.

И еще одна традиция никогда не нарушалась от Касым-хана до Аблая — на эти важные должности назначались только султаны или влиятельные степные бии, причем маймене обязательно должен был происходить из аргынов, а майсара — из кипчаков...

Кенесары с самого начала подчеркнуто придерживался древних законов. Его маймене — Таймас был из рода аргын, а майсара — Абильгазы — султан кипчаков, родственный по крови.

Хоть было уже начало августа, день выдался знойный. И все же, когда солнце начало склоняться к горизонту, повеяло прохладой. Где-то там, в зеленой излучине Иргиза, затаился невидимый отсюда аул Кенесары.

Если и раньше Кенесары не отличался разговорчивостью, то в последнее время он мог часами сидеть со своими советниками и молчать. Все реже делился он с ними своими мыслями. Долгое время они объясняли это тоской по отнятой жене и детям. Но нынешним летом в результате переговоров с генералом Обручевым семья Кенесары была обменена на захваченных офицеров. Два месяца назад Кунимжан с детьми вернулась в родной аул, однако настроение Кенесары не улучшалось.

И раньше случалось быть ему в горе. В прошлом году погиб батыр Байтабын, потом умерли близкие люди — знаменитый оратор и судья Алим Ягуди, главный советник по налогам и расходам Сайдак-ходжа. Но горевать было некогда, приходилось снова и снова садиться на коня.

И в нынешнем году случались потери. Недавно уехал от него Жоламан-батыр. После смерти его соперника, хана Сергазы, он захотел быть вместе со своим родом, откочевавшим снова к берегам Илека. Кенесары мирно, по-братски распрощался с ним. И еще более пусто стало в душе с отъездом табынцев...

А на днях исчез Жусуп — Иосиф Гербрут, с которым Кенесары был особенно откровенен. Это не вызвало у хана даже привычной вспышки гнева.

— Он был случайно залетевшей к нам птицей!— вздохнул Кенесары, узнав об исчезновении беглого поляка.— Видимо, суждено

засохнуть нашему пруду... Желаю ему быть счастливым. Лишь бы не примкнул к своему земляку Бесонтину...

Бесонтином —«Пятикопеечным» казахи назвали начальника управления Сибирского казачьего войска генерала Вишневского, родом поляка...

С полудня уже сидели они здесь. Оба — Таймас и Абильгазы — думали, что Кенесары позвал их сюда, чтобы посоветоваться перед завтрашней сходкой. Все батыры и бии должны будут завтра собраться здесь, чтобы обсудить дела. Но Кенесары вдруг заговорил совсем о другом...

— Вчера я увидел сон...— Не поднимая головы, он ковырял землю носком сапога.— Свою смерть я увидел... Хочу, чтобы вы разгадали значение...

Советники переглянулись, помолчали. Первым, по старшинству, говорил Таймас. И слово его было успокаивающим.

— Сон — это лисий помет, мой высокочтимый хан. Мало ли что приснится...

Кенесары отрицательно покачал головой, и было видно, что никто не убедит его в случайности увиденного сна.

— Приснилось мне, что отсюда мы перекочевали на Балхаш... Потом мы взяли крепость Мерке, и я обратился к нашим соседям — высоким киргизским манапам Орману и Жантаю — с предложением объединить силы против кокандского хана и создать вместе с нами общую страну...

— Это разумно!— оживился Абильгазы.— Белый царь далек от них, а вот против Коканда у них накопилось немало...

— А если манапы не согласятся?— спросил Таймас.

— Тогда возьмем их пастбища силой!

— Но это же несправедливо!..

— А белый царь справедлив, отбирая мои пастбища?

Обидевшись на манапов, Кенесары готов был залить кровью аулы ни в чем не повинных киргизов, судьба которых была не легче судьбы его соплеменников. Он снова начал рассказывать:

— Я посмотрел в глаза благородному манапу Орману и увидел в них жажду власти. Ему самому хотелось стать ханом... И еще прочел я в его глазах угрозу. Он думал о тех трех тысячах рублях серебром и золотой медали, что обещал за мою голову Бесонтин... Потом я увидел убитого батыра Саурыка, потому что манапы не выполнили договора, который заключали мы с ними. И много еще пленили они наших подданных, так что пришлось воевать с ними...

— О аллах!— Абильгазы вознес руки к небу.— Война сейчас для нас даже во сне не нужна. Люди устали от нее...

— Да, страшное побоище видел я потом!— твердо сказал Кенесары и посмотрел прямо в глаза своему майсаре.— Земля тряслась от рыданий по мертвым!..

Глаза Кенесары засверкали, и даже у хорошо знавших его советников мороз пошел по коже.

— Но это же только сон!— попробовал возразить Таймас.

— Да, сон!— согласился Кенесары и посмотрел куда-то далеко

в степь.— У горы Кекли, на берегах Чу произошло это. На вершине ее стояла армия манапа Ормана, а на вершине Майтюбе стоял я. И еще рядом с манапом на вершине Кекли, что называется Аулие-Шыны —«Пик святого»,— был сам пишпекский кушбеги Алишер-датка... И они грозят мне кулаком, показывая на еще более высокую гору. И там, на ледяной горе, под самыми облаками, ясно видеп Бесонтин...

— Ох, может, и не совсем так, но все может случиться!— тяжело вздохнул Таймас.

— Нет, это только сон!— Кенесары продолжал смотреть куда-то вдаль, голос его был бесстрастен.— «Сто моих людей с волшебной пушкой послал я вам, и Кенесары теперь не уйти!»— говорит им Бесонтин, и голос его гремит в ущельях. Смотрю я вниз и вижу солдат с волшебной пушкой. Как самовар она, и ядра летят из нее подобно гороху...

— Про что думаешь днем, то ночью и снится!— Таймас вытер пот со лба.— Помните, мой хан, ту книгу, которую взял у захваченного нами офицера Жусуп. Там как раз писалось, что скоро люди придумают такую пушку. Вы еще расспрашивали Жусупа...

— Ночью гора Кекли засветилась кострами, и мне показалось, что миллионы их,— продолжал Кенесары.— Как звезд на небе было врагов, но в лицо я видел лишь манапов Ормана и Калигула да кушбеги Алишера. «Выходи на бой!»— крикнул я Орману, но он рассмеялся и повернулся ко мне спиной...

Теперь оба советника слушали рассказ Кенесары напряженно, не перебивая. Они знали, что это не просто сон... И их судьба тоже могла зависеть от необычного кровавого сна...

— ...Сон это был... С одной стороны солдаты белого царя, с другой — нукеры хана Коканда, с третьей — сарбазы манапов Ормана и Калигула в белых колпаках. Но хуже всего была пушка, которая выбрасывала тысячу ядер каждый миг. Я не мог оторвать от нее глаз... Наурызбай бросился вперед на своем Акаузе и пал, изрубленный в куски. За ним гибнут один за другим лучшие батыры. Лишь Агибаю удается прорваться сквозь кольцо врагов. Вслед за ним бросаюсь и я в бурлящие воды речки Карасу. Кровь из меня течет, и коня моего уносит вода. Батырмурат и Кара-Улек поддерживают меня с двух сторон. Оставшиеся в живых джигиты помогают выйти на берег...

— Это плохо, когда снится переправа через воду,— задумчиво сказал Абильгазы.— Значит, необыкновенные трудности ожидают нас впереди... Но вы же переправились?..

— Переправился. Но на том берегу сразу же выросли передо мной сарбазы Тюрегельды, военачальника манапа Калигула. И не было им числа... Помню лишь чей-то дикий хохот, рев. Открываю глаза и вижу себя в плену...

Посредине ликующих врагов я стою, и манап Калигул кричит мне, чтобы читал заупокойную молитву, потому что отрубят мне сейчас голову. Но даже богу я не захотел поклониться!..

Снова переглянулись советники и опустили головы.

— Да, не бога я вспомнил...— Кенесары развел плечи.— Всю жизнь свою я представил себе в свой смертный час. Вас, своих соратников, вспомнил, родных, друзей... Сарыарка открылась мне вдруг вся — от края до края. И синие горы Кокчетау. Песню прощания запел я и помню слова ее все до единого. Вот они...

Кенесары заговорил тихо, раскачиваясь:

Прощай, Сарыарка! Простор земли моей,
Где кочевали мы, как стаи лебедей.
Но ссор своих мы не преодолели,
Бело в степи от тлеющих костей.
Прощайте, Сарысу и Каратау... Я
Коканд не одолел, месть не сбылась моя.
Куда ни ткнусь — могилою Коркута
Меня встречает отчая земля.

Закончив петь, я подставил голову под саблю Калигула и почувствовал холодное лезвие. Голова моя скатилась с плеч...

Таймас снова отер пот со лба:

— Страшные вещи рассказываете вы, мой хан. Но в народе говорят, что видевший во сне собственную смерть будет долго жить...

— Ворон живет дольше всех, но что толку,— спокойно ответил Кенесары.— Подожди, самое интересное впереди!..

— Что может быть интересного после этого... Ну, что случилось с вашей головой, Кенеке?..

— Это не имеет значения!— Кенесары махнул рукой.— Не смерть свою хотел я вас просить растолковать... Так вот, и умер я, но продолжал все видеть и слышать. Верные мне люди заплакали, зарыдали по всей степи. Но из всего этого ясно услышал я слова вещего певца Нысанбая...

Снова закрыл глаза, качнулся Кенесары:

Гнедой, он так любил тебя,
И потчевал овсом тебя,
И молоком поил кобыльим —
Другого ты не знал питья.
Он был уверен, что с тобой
Ускачет от беды любой.
Так что случилось, конь крылатый?
Остался где хозяин твой?
Когда о смерти Кенеке
Узнал я, свет в глазах погас.
Ах, братья бедные мои,
Сироты, нет отца у нас!
Нам не расправить больше крыл,
Повырывали когти нам;
Кинжал на камень наскочил,
Переломился пополам.

Он с трудом, словно просыпаясь, открыл глаза, посмотрел на изумленные лица своих советников:

— Много там еще пелось... И множество отрубленных знакомых голов видел я. Это были головы наших джигитов. На высокие арбы грузили их и везли в подарок хану Коканда. А на первой арбе раз-

личал я головы Наурызбая, Жеке-батыра, Кудайменде, Имана, еще пятнадцати султанов и двух моих сыновей. Их надели на колья и выставили на главном базаре...

— Ну, а... ваша голова?..— чуть слышно спросил Таймас.

— Моя голова не по чину пришлась хану Коканда... Ее как будто бы привезли Бесонтину, который ждал в Капале, а оттуда повезли дальше. И увидел я, как смотрят на нее многие люди и спорят, чья же она. Одни говорят — степного разбойника, другие — народного вождя, третьи — просто жаждущего власти внука Аблая...

— А вы как думаете?— как эхо, отозвался на его слова Таймас.

Кенесары задумчиво посмотрел на него и совсем тихо ответил:

— Я думаю, что все это — правда...

Таймас испуганно отпрянул от него.

— А что же дальше с вашей... вашей головой?— заикаясь, спросил он.

— Ничего... Помню, как будто Аршабок держит ее на вытянутой руке: «Вот наконец увидел я тебя, хан Кенесары!» — «Да, но лишь мертвого!..» — говорит кто-то другой, тоже в генеральской одежде с золотыми пуговицами.

— Ну?..

— Дальше везут мою голову самому царю Николаю. В Зимнем дворце выставляют ее... Жаль, нет Жусупа. Только он разгадал бы этот сон...— Кенесары потер ладонью лоб.— Хуже всего было потом!..

— Еще хуже?— удивился Абильгазы.

— Хуже!.. Кровавый смерч поднялся над степью. Роды и племена казахские начали резаться друг с другом, мстя за мою смерть, защищаясь от этой мести... Правда, и голову манапа Тюрегельды увидел я во сне, отрубленную жалаирскими, алабанскими и суанскими родами. А потом и голову Ормана, потому что вскоре среди киргизских манапов пошла такая же резня, как и среди наших султанов... Да!..— Глаза Кенесары сверкнули гордостью.— Но их головы держали в подвале. А мою — показывали!..

— Вы жалеете о пролитой крови, Кенесары?

— Стаю диких волков скорее можно объединить, чем мой народ!— жестко сказал Кенесары.— А я не тот, кто жалеет о чем-нибудь совершенном... Но довольно. Лучше растолкуйте, если возможно, мой сон. Подумайте, может ли случиться наяву такое!..

— Может...— Таймас опустил голову.— Не нужно уходить из Сарыарки... С белым царем придется мириться, Кенеке!

Кенесары повернулся к Абильгазы:

— А ты как понимаешь этот сон, майсара?

— Я могу лишь повторить совет маймене,— развел руками Абильгазы.— Вас приглашают на свои земли Старшего жуза Суюк-торе и Рустем. Хоть они тоже от корня Аблай-хана и прямые родственники вам, нельзя им доверять до конца...

— Почему?

— Вам ведь известно, что Суюк-торе еще в год зайца написал прошение белому царю о приеме в русское подданство вместе с под-

властным населением. А султан Рустем, пока мы воевали, успел в прошлом году съездить к Бесонтину в Капал и принять от него золотом шитый кафтан в знак признания заслуг перед белым царем... Это не значит, конечно, что они выдадут нас, но, кроме пастбищ для скота, ждать от них ничего не приходится. А хватит ли их пастбищ для всех, кто захочет уйти с нами из Сарыарки? Придется все равно воевать с Кокандом из-за земли. Хива с Бухарой грызутся сейчас, так что Коканд силен, и одолеть мы его не сможем. Поневоле обратимся за помощью против него к киргизским манапам. И если пришло во сне предчувствие...

— Уж манапов я одолею! — резко сказал Кенесары.

— Значит, к многочисленным врагам прибавятся и манапы... Нет, сейчас нам предстоит чаще обращаться к уму, чем к силе оружия. Потому что сон ваш предсказывает неприятности наяву. А что, если в самом деле сговорятся против нас хан Коканда, киргизские манапы, ваши внутренние враги и генералы белого царя? Всем им есть что вспомнить...

Не ответив на этот вопрос, Кенесары погрузился в думу... Давно уже взошла луна. Тихо было в степи, только виднелись тени конных стражников из отряда Батырмурата да неподалеку за камнем вздыхал глухой Кара-Улек...

С черного неба сорвалась звезда, прочертила яркую линию и сгорела где-то у горизонта.

— Моя звезда еще светит! — шепнул Таймас.

По казахскому поверью, если упала звезда, то кто-нибудь обязательно умрет. Первый увидевший ее должен шепнуть эти слова, чтобы не стать жертвой. Кенесары и Абильгазы тоже прошептали их... Вдруг где-то в степи запели песню. По мотиву и манере исполнения сразу можно было узнать, что поет кто-то из Сарыарки. Словно беркут, парила мелодия на самых высоких нотах, потом камнем падала вниз и снова взмывала под облака. Кенесары прислушался и неожиданно рассмеялся. Ему припомнилась легенда о песне, рассказанная когда-то батыром Бухарбаем...

Бухарбай происходил из рода табын Младшего жуза, имел небольшой аул и был гол как сокол. С юности питал особую неистребимую ненависть к чиновникам хана Коканда. Дело в том, что полюбил он одну девушку из рода шомекей, который кочевал вместе с табынцами в низовьях Сырдарьи. Собрав при помощи родственников кое-какой калым, он заплатил его и вскоре думал жениться. Но однажды в аул шомекеевцев приехали янычары кокандского хана взыскивать недоимку и в погашение долга увезли двадцать самых молодых и красивых женщин и девушек. Среди них была и невеста Бухарбая.

После этого Бухарбай примкнул к Саржану и Кенесары, совершил немало набегов на кокандские владения и особенно не щадил попадавшихся в его руки сборщиков зякета. Как-то ему удалось отбить у кокандцев имущество, скот и семью бая Куреша из рода шекты. Тот поневоле вынужден был отдать ему в жены свою дочь, тем более что этого захотела и сама девушка.

С тех пор батыр Бухарбай начал петь и не было у его соратников

большей муки, чем слушать его песни. Голос у него был громовой и какой-то надтреснутый. А кроме того, у него совершенно не было слуха, и пел он на один мотив все песни. Забывая при этом слова, он вставлял в текст бессмысленные междометия «аляуаляйляй» или «халауляйляй». Бухарбай, смеясь, говорил, что в их краях люди не так музыкальны, как в вольной Сарыарке, где эхо само поет за человека...

Все знали древнюю легенду о птице-песне. Пролетая над степью, она не останавливалась над Старшим жузом, немного задерживалась над Младшим и долго парила над Сарыаркой, где обитал Средний жуз...

Да, нигде нет таких песен, как в Сарыарке!.. Кенесары глубоко вздохнул. То, что предвидел он каким-то непонятным чутьем, уже происходит. Не обманули его прошлогодние успехи. Сразу же после них с новой силой началась грызня между биями и аксакалами родов аргын, кипчак, шекты, шомекей. Очень суровой выдалась и прошедшая зима, так что многие аулы голодали. Нечего ждать нового притока джигитов...

Самым чувствительным ударом для него было строительство укреплений на берегу Тургая и в Улытау. Дело было не просто в присутствии войск, которые в любую минуту могли теперь вмешаться в его борьбу с враждебными султанами. И не такую уж большую территорию по сравнению со всей степью занимали переселенцы и казаки. Древние пути отгонного животноводства были всему причиной...

Полжизни, от рождения до самой смерти, проводили казахи в кочевке. Лишь только начинались дожди и с севера задували холодные ветры, тысячи аулов снимались со своих мест и вместе со скотом начинали двигаться по многочисленым поймам рек, речек и оврагов с севера к югу. Словно перелетные птицы, из века в век шли они по одним и тем же путям, закрепленным за каждым родом. А возвращались вместе с весной. И вот как раз в самых узловых местах древних путей начали строить укрепления...

Месяц, полтора или два не спеша двигались аулы, а десятки, сотни тысяч лошадей, овец, верблюдов паслись по дороге. Но вот на пути вырастало укрепление, а то и новый городок, и, как неожиданно встретившие препятствие испуганные птицы, начинали метаться кочевники. Для людей, может быть, хорошо было найти жилье, отдохнуть, но скот на добрых два-три перехода полностью лишался кормов. Начинался мор, который ничем уже нельзя было остановить...

Потом уже научились казахи заранее заготавливать корма, стали переходить на оседлое животноводство. Но тогда, в самом начале, степь смотрела на это как на катастрофу...

Кенесары снова запросил мира у оренбургского военного губернатора. В письмах своих он уже отказывался от прежних «аблаевских» притязаний на самостоятельность и просил лишь оставить под его управлением территории, не включенные пока в генерал-губернаторства. Он писал Обручеву и Горчакову, что просит принять в рос-

сийское подданство подвластные ему роды и племена, а если образуют для него приказ в Улытау, то обязуется верой и правдой служить России. Послания свои он передавал через посредников — Шормана Асат-оглы, Баймухаммеда Жаманчи-оглы, Турлыбек-султана и офицеров связи Герна и Долгова.

Даже генералы Обручев и Горчаков, знакомые с положением в степи и обескураженные прошлогодними неудачами Жемчужникова и Дидковского, склонны были согласиться с его предложениями и произвести для начала обмен пленными. Но тут вмешался лично самодержец.

Царь Николай I давно уже устремил свой взор на среднеазиатские ханства и не хотел иметь между ними и собой хоть сколько-нибудь самостоятельных или буферных территорий. Еще год назад он собственноручно начертал на докладе графа Киселева о внутреннем положении Букеевской орды резолюцию: «В одном царстве не может быть другого!» Это, по существу, предопределило и политику в отношении Кенесары...

Генерал Обручев внезапно прервал всякие связи с Кенесары и приказал ему разоружиться. Перед лицом многочисленных и могущественных врагов это могло означать для него только верную гибель...

В это время произошло еще одно событие, окончательно решившее исход дела. Два крупнейших степных феодала из родов аргын и найман — Ерден Сандыбай-оглы и Аккошкар Кичкентай-оглы — прослышали о переговорах, ведущихся между генералом Обручевым и Кенесары. Это были неимоверно богатые люди. Принадлежащие им земли простирались от Атбасара до самой Сырдарьи и включали поймы рек Каракоип-Каширлы, Есиль, Терсаккан, частично — Кара-Кенгир, Сары-Кенгир и Сарысу, предгорья Аргынаты, Кишитау и Улытау. Поговорки и песни слагали в народе об их богатстве и могуществе. Вот что пели о Ердене:

Есенбая сынки щеголяют в мехах —
Что Ерден, что Дузен — в лисах и соболях.
Скот считать не умеют по головам,
А считают по сотням да косякам.

Не менее красноречиво воспевались богатства Аккошкара:

Он из горных алтайцев, тот богатей,
Всех вокруг подчиняет он воле своей.
Пьют из озера возле аула его
Сорок тысяч! Вскипает вода кумысом.
Как богат Есенбай, пораскинь-ка умом,
Если враз в Оренбурге пятьсот рысаков,
Не торгуясь, продал он одним косяком.
Сорок тысяч! Вскипает вода кумысом.
А озер таких много десятков кругом.

Оба они были обеспокоены ведущимися переговорами, а когда услышали о том, что Кенесары претендует на приказ в Улытау, вовсе потеряли сон. Только он мог стать им достойным соперником

в степи и оттеснить их на второй план. Для них это был вопрос жизни и смерти, и они поступили по древней феодальной традиции. Пригнав в подарок ташкентскому кушбеги Ляшкару тысячу великолепных лошадей, они подсказали ему, что делать. Ляшкар и сам был жестокий враг Кенесары. Однажды ночью неизвестный отряд напал на укрепление Улытау и вырезал его гарнизон вместе с семьями. Оставшиеся в живых рассказывали, что напавшие кричали «Аблай!.. Аблай!..»

Не говоря уж о том, что Кенесары находился во многих сотнях верст от этого места, ему никак не было выгодно нарушать в это время мир. Он ведь сам добивался его любой ценой. Но стараниями враждебных ему султанов все это было доложено, как его действия. Волк был виноват, что сер...

Никогда еще не проявлялось столько изощренной жестокости, как в этот набег, и поверившие в него генералы Обручев и сменивший Генса Лодыженский больше не принимали посланий Кенесары. Они твердо решили, что взбесившегося волка может удержать лишь смерть или решетка...

Еще в конце месяца кокек — апреля — в аул Кенесары выехал офицер связи Долгов со строжайшим приказом. Доставлен он был Кенесары лишь через полтора месяца. В приказе говорилось:

«1. Все казахские аулы, относящиеся к Оренбургской губернии и кочующие по киргизским степям, являются неотторжимой частью Российской империи. Они облагаются налогом по одному рублю пятьдесят копеек серебром с каждого двора.

2. Поскольку киргизские аулы будут уплачивать налоги непосредственно в царскую казну, воспрещается собирать с них зякет.

3. Все тяжкие преступления рассматриваются по законам Российской империи. Дела по уплате долгов, превышающих сумму в пятьдесят рублей, рассматриваются в Пограничной комиссии.

4. Воспрещается категорически предоставление убежища беглым русским, татарам и башкирам. Подобные лица, пребывающие в настоящее время в стане Кенесары, подлежат передаче властям Российской империи.

5. Поскольку Кенесары является подданным Его императорского величества, ему воспрещается иметь самостоятельные односторонние сношения с лицами и государствами, которые считаются врагами.

6. Султану Кенесары впредь воспрещается присваивать себе и своим родственникам и сподвижникам степени и чины, не предусмотренные Правительством Его императорского величества и не утвержденные указами оного».

В ответ на просьбу Кенесары о предоставлении ему права пользоваться пастбищными угодьями по Иргизу, Тургаю, Сарысу, Есилю и Нуре генерал Лодыженский написал: «Вам для кочевья со своими близкими и родственниками предоставляется право пользоваться урочищем Кара-Куга, где будете проводить лето и зиму». Устно через Долгова начальник Пограничной комиссии передал ему, что зи-

мой он может перекочевывать лишь чуть севернее этого урочища, а летом возвращаться назад. Но ни в коем случае не разрешалось Кенесары или его близким выезжать на левый берег Иргиза и Каргау, а также кочевать вверх по течению Иргиза и Тургая.

Это было вовсе невыполнимое условие, и подсказали его, конечно, тоже враждебные хану султаны-правители. Кенесары разъярился, но сил для борьбы у него больше не было. Как загнанный облавой волк, метался он первую половину лета по своей белой юрте. Долгова он отпустил, пообещав прислать ответ...

А тут это неожиданное нападение на Улытау, в котором его подозревают... Единственным выходом было принять предложение, переданное через Наурызбая из Старшего жуза от Суюка-торе, и перекочевать туда. Он чувствовал готовящуюся там для него ловушку, и сон подтверждал это. Кенесары сидел на камне и смотрел в ночь...

Никто и не рассчитывал, что Кенесары примет предложенные генералом Лодыженским условия. Лишенный широкой народной поддержки, он должен будет уйти из насиженных мест, и тогда оренбургское начальство вздохнет спокойно. А князь Горчаков уже приготовился к его переселению на земли Старшего жуза...

Аванпосты сибирских линейных войск к этому времени находились в Капале и Лепсы. И вот туда приехал генерал Вишневский — Бесонтин и с ним ага-султаны Каркаралинского, Аягузского и Кокпектинского округов. Кроме них в Капал съехались влиятельные степные бии Кусбек, Кунанбай, Барак, Суюк-торе, Рустем и другие, приглашены были и киргизские манапы Орман, Жантай, Калигул. Они решили не давать прибежища Кенесары и его людям, а вскоре закрепили это специальным соглашением:

«В тысяча восемьсот сорок шестом году, числа третьего, июня месяца, мы, подписавшиеся здесь султаны и бии родов Старшего жуза — дулат, албан, сыбан, шапрашты, жалаир, а также султаны-правители Каркаралинского, Аягузского и Кокпектинского округов, в присутствии начальника Западно-Сибирской пограничной комиссии генерал-майора кавалерии Вишневского подписали настоящее соглашение с приложением своих печатей и дали клятву в том, что султана Кенесары Касымова мы считаем мятежником против Его императорского величества и возмутителем спокойствия. А посему обязуемся не иметь с ним сношений, не предоставлять ему и его людям принадлежащие нам земли как для пастбищ, так и для заселения. Когда же он двинется с нашей территории, то обязуемся сообщить начальству по инстанции о движении отрядов Кенесары...»

Кенесары пока не знал, как все это произойдет. В голове его бродили мысли о дальнейшей борьбе. Он представлял себе, как перекочует к берегам Чу и Или, а если придется обороняться от сибирских линейных войск, то отсидится зиму на Балхаше. Там есть удобный полуостров Камал — верст семьдесят длины и пятнадцать ширины. А к лету он перейдет к Аулие-Ате и Мерке, объединит про-

тив кокандского хана обиженных казахов и киргизов Сайрама, Чу, Сырдарьи. Не будет покоя его врагам!..

— Так что же предлагаете вы, маймене и майсара?— неожиданно прервал молчание Кенесары.

— Лучше грести помаленьку то, что под рукой, чем везти издалека,— сказал Таймас.— Оставить Сарыарку означает навеки расстаться с мечтой!..

— Стало быть, ты предлагаешь мне терпение дервиша и всепрощение?— Кустистые брови Кенесары надвинулись на глаза.

— У нас ничего другого не осталось, кроме терпения... А белый царь, добравшись сюда, достанет нас и в кокандских владениях... Русские — великий, сильный народ. И ты же знаешь, что не все среди них такие, как Аршабек, Обрыч или Бесонтин. Нужно договориться с ними.

— С чернью?— высокомерно спросил Кенесары.

Таймас лишь низко опустил голову.

— Впереди нас ожидает смерть...— сказал Абильгазы.— Это предрекает и ваш сон.

— Я знал это, когда восемнадцати лет от роду впервые опустил перед собой боевую пику!— спокойно ответил Кенесары.

— Но ведь с нами идет много народа!— заговорил Таймас.

— Что суждено мне, пусть будет суждено и ему!

— А что, если люди не захотят оставлять земли предков?

— Пусть едет, кто хочет!

В голосе Кенесары было равнодушие...

Наутро все батыры, бии и вожди родов собрались у степного дольмена. Кенесары встал с камня:

— У нас не осталось другого пути, кроме откочевки на Или и Чу!— сказал он коротко.

Люди молчали, некоторые ковыряли носками сапог землю...

Встал Тауке-батыр:

— Лошади бессильны, а люди устали. Покуда мы доберемся до Чу, настанет зима, которая в чужом краю страшнее врага. Лучше погибнуть на родной земле. В крайнем случае останемся незакопанными...

На ноги вскочил горячий Иман-батыр:

— Что говоришь ты, батыр Тауке?! Если хан Кене предлагает это своему народу, значит, он знает выход из трудного положения. Из пасти белого царя хочет увести он нас. Только потому, что это родная земля, не хочу я дать проглотить себя на ней вместе со шкурой. Я с моими пятьюдесятью юртами готов идти за своим ханом!

Два дня говорили вожди и батыры. Треть их решила идти за Кенесары, а большинство осталось в Сарыарке.

Холодным осенним днем разделились они и двинулись в разные стороны. Плач и рыдания стояли над степью...

Лютая ненависть султанов-правителей встретила тех, кто возвратился в Сарыарку. Особенно неистовствовал Конур-Кульджа Кудаймендин. Но недолго продержался он на своем посту. Вскоре из Омска

прибыла специальная комиссия расследовать его выходящие из рамок даже того времени преступления.

В составе комиссии был молодой офицер Есиркеген. Его жена Кумис осталась в Петербурге, а он специально приехал, чтобы не дать Конур-Кульдже подкупить чиновников и снова выйти сухим из воды. Конур-Кульджа был снят с должности и отдан под суд.

Кенесары тронул шпорами своего коня. За ним, держась чуть поодаль, поехали Агибай, Бухарбай, Жеке-батыр, Иман, Кудайменде, Наурызбай, Таймас, Абильгазы и сестра его — воительница Бопай. Сзади двигались редкие группы джигитов...

И вдруг зазвучала, заплакала домбра, и старческий надтреснутый голос запел:

Стоял Кенесары, в раздумья погружен.
Как с жизнью, с родиной прощался он.
«Бог милостив!» — сказал, махнул рукой,
И по кочевью прокатился стон...

Это пел с тоской Доскожа. Певец остался в Сарыарке. Чем дальше уходил караван, тем слабее становился его голос. И все же долго слышался он, надрывая душу.

Не выдержав, Кенесары вонзил шпоры в бока своего коня. Тот взвился на дыбы и понес его навстречу сну...

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Кровавым смерчем пронеслись полчища Чингисхана по казахской степи, смели древние города и кочевки, рассеяли по свету некогда могучие племена и роды. И потом, словно взяв здесь разбег, обрушились на цветущие оазисы Средней Азии, на Русь. После смерти «Потрясателя Вселенной» сразу же следующая кровавая волна хлынула на Ближний Восток, прокатилась по Руси, захлестнула Восточную Европу, подавляя сопротивление народов. Насильно втянутые в беспощадный завоевательный поход, многие покоренные народы вынуждены были проливать свою кровь в интересах завоевателей.

А потом наступило время жестокого, нескончаемого гнета Золотой Орды, время непрерывных феодальных усобиц между чингизидами, от которых обезлюдели целые страны. Прошло два века, прежде чем стала постепенно рассеиваться черная ночь почти над половиной мира, и начало этому положил ряд событий. Одним из них явилась великая Куликовская битва, в которой русские войска нанесли сокрушительный удар по татаро-монгольским полчищам.

Человечество медленно приходило в себя от чингисхановского кошмара, здесь и там возрождались древние государства, появлялись новые государственные образования. Это был долгий и мучительный процесс.

Неустойчивость политической жизни в улусах чингизидов в начале XV века становится социальным злом, против которого поднимаются народные массы. В борьбу их вовлекаются и степные феодалы, пожелавшие полной самостоятельности. В степи складываются предпосылки для образования единого казахского ханства, возникающего не в результате завоевательных походов, а в силу социально-экономических причин. Степь жаждала мира, и никакие новые претенденты на звание «Потрясателя Вселенной» не могли уже иметь здесь успех.

Этому сложному периоду истории казахов посвящены многие научные исследования, а трилогия Ильяса Есенберлина закономерно восполняет пробел, существовавший до сих пор в нашей художественной литературе. Читатель ждал книгу, которая поведала бы ему, как и чем жила в эти века огромная степная страна от границ Китая до седого Каспия, та самая страна, которую первой растоптали жестокие завоеватели и где потом они черпали резервы для своей дальнейшей экспансии.

Именно такой книгой явились «Кочевники» — исторический роман-хроника о событиях, происходивших в большой казахской степи в период зарождения и становления государственности после монгольского нашествия.

Но есть одна особенность трилогии Ильяса Есенберлина, отличающая ее от других произведений подобного рода. Дело в том, что роман-хроника пишется обычно по летописям и документам, имеющимся в архивах и хранилищах той или иной страны, того или иного народа. Но казахи в недавнем прошлом — кочевой народ, не имевший в средние века своей письменности. Тем не менее казахская летопись велась из года в год, из века в век, из поколения в поколение. И хотя это была устная летопись, к ней можно относиться как к серьезному источнику.

Прежде всего, Ильяс Есенберлин всесторонне, с позиции подлинной народности проанализировал и использовал многие письменные документы самых различных народов, имеющие отношение к проблеме. И конечно же, в полной мере привлечены им работы советских историков, в том числе самые последние достижения нашей исторической науки, археологии, этнографии, лингвистики.

С другой стороны, Ильяс Есенберлин — признанный знаток устной казахской летописи, фольклорных традиций, культуры и быта своего народа. Эти свои обширные знания он щедро преобразил в художественную ткань произведения. В результате в документальную основу романа естественно вплелась устная летописная традиция в ее наиболее исторически достоверной части.

История казахского народа предстает в романе не изолированно, а как закономерная часть общего исторического процесса, происходящие события рассмотрены с глубоко интернационалистических позиций.

Ильяс Есенберлин не вульгаризирует и не упрощает историю, смело объясняя противоречия эпохи, событий, характеров. Вот жестокий и беспощадный чингизид — степной хан Абулхаир (в первой книге романа), обрушившийся со своей конницей на ослабленные бесконечными феодальными распрями оазисы Средней Азии. Он не лишен ума, отваги и воинского умения, и писатель не побоялся показать эти его качества, и тем отвратительнее и страшнее облик хана, а последующие действия его по отношению к родной степи поистине чудовищны.

С исторической объективностью отнесся писатель к мятежным султанам Джаныбеку и Керею, возглавившим отход казахских племен и родов от Абулхаира, к принявшим затем от них молодое казахское ханство Бурундуку и хану Касыму. Наиболее умные и деятельные из этих феодальных вождей чувствуют настроение основной кочевой массы, не желающей больше служить интересам нового претендента на звание «Потрясателя Вселенной» — хана Абулхаира и его наследников. Народу надоели бесконечные войны, и в разных слоях его возникла тяга к самостоятельной государственности. Джаныбек, а впоследствии его сын Касым понимают, что не может быть самостоятельного ханства без собственных городов и земледельческой базы, что миновала пора могучих кочевых государственных образований. Все свои силы и энергию направляют они на освобождение и защиту древних казахских городов по Сырдарье и по югу степи, на консолидацию разрозненных казахских племен. Только объединившись, смогут они защищаться от кровавого Абулхаира и других врагов, глядящих на казахскую степь как на свои или в лучшем случае «ничейные» владения.

Однако писатель нисколько не идеализирует вождей нового ханства. Все они — те же феодалы, ловко использующие настроения народа для укрепления своей власти. В большинстве случаев народ для них только импрам — слепая толпа, которую следует подталкивать в нужном для властителя направлении.

И казахское ханство, которое создали мятежные султаны Джаныбек и Керей, а затем укрепил Касым,— пока еще только эфемерное феодальное государственное объединение, раздираемое противоречиями и междоусобицей.

Особо следует сказать о той роли, которую играет народ в романе. Что бы ни происходило, народ зримо и незримо присутствует на всех его страницах. Будь это кровавый Абулхаир или мятежный султан Джаныбек — все они вынуждены считаться с настроением кочевой массы, «черной кости», составляющей основу ополчения для армии. Ее можно обмануть на какой-то срок, эту массу, но, когда обман затягивается, дело кончается плохо для властителей — они терпят политический крах, как Абулхаир, гибнут или изгоняются, как Бурундук. Всем своим строем роман утверждает, что не ханы или султаны, а именно народ — подлинный творец истории.

Центральное место в романе занимает проблема войны и мира. Показывая отношение народа к вопросу о мире и войне, писатель в полной мере использовал устное народное творчество. Состязаются два вещих певца. Один воспевает лихие набеги предков на Русь, Византию и другие страны, стремясь разжечь недобрые страсти. Другой спрашивает, что принесли в конце концов эти грабительские войны миру и прежде всего самим кипчакам. Половиной мира владел затем Чингисхан, а много ли радости принесло это монголам! Нет, на путях мира, добрососедства и дружбы между народами следует искать смысл жизни и человеческое счастье. Только мирный труд — основа народного благоденствия...

Тема исторической дружбы русского и казахского народов возникает и начинает доминировать уже во второй книге трилогии. Подталкиваемые и вооружаемые китайскими императорами, проводившими известную теорию «двух тигров», на казахскую степь обрушились джунгарские контайчи. «Временем великого бедствия» назван в народе период джунгарского нашествия. Отчаяние овладело людьми, но наиболее дальновидные деятели давно уже искали сближения с русским государством. В самый тяжелый момент оно пришло на помощь казахам и спасло их от полного истребления.

И тут же произошло исторически закономерное классовое расслоение в кочевой степи. Обездоленные бедняки — туленгуты массами вливались в отряды Емельяна Пугачева, а умный и жестокий хан Аблай, хитро пытавшийся проводить самостоятельную политику, быстро нашел общий язык с царскими карателями в подавлении народного восстания. Кровавым тираном стал он, и народ в лице своего вещего певца — жырау отвернулся от него...

Необратим и исторически закономерен был процесс сближения Казахстана с Россией, о чем повествует третья книга трилогии —«Хан Кене». Только так мог сохраниться казахский народ, а те феодальные вожди, которые выступали против этого, потерпели неминуемое поражение. В кровавого убийцу превратился внук Аблая — хан Кенесары, попытавшийся силой повернуть народ со спасительного пути.

Трилогия «Кочевники» Ильяса Есенберлина открыла еще одну страницу

в казахской литературе. Вопреки всяческим лживым буржуазным, реакционным теориям о «неисторических» нациях, об отсутствии корней и самобытной культуры у казахского народа, убедительно показано, что не было никаких «провалов» в истории, что все эти века казахский народ жил, боролся и трудился на своей древней земле и много лет спустя во главе с великим русским народом пришел к социалистической революции и созданию подлинного государства трудящихся.

А. Х. МАРГУЛАН,
АН КАЗАХСКОЙ ССР

СОДЕРЖАНИЕ

Ильяс Есенберлин

КОЧЕВНИКИ

Историческая трилогия

ХАН КЕНЕ

КНИГА 3

Редактор *В. Полевская*
Художники *Б. Аканаев, М. Искаков*
Художественный редактор *Л. Тетенко*
Технический редактор *А. Мулкебаева*
Корректоры *Г. Руднева, Т. Сажина*

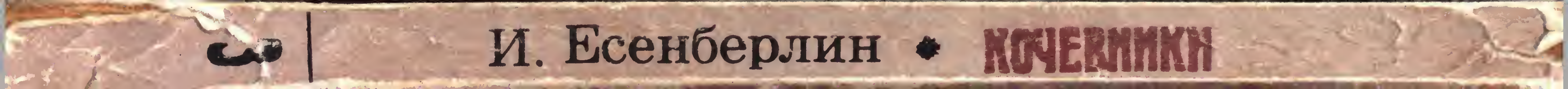
ИБ № 3982

Сдано в набор 14.02.86. Подписано к печати 04.04.86. Формат $60\times90^{1}/_{16}$. **Бумага** книж.-журн. № 2. Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать **высокая.** Усл. печ. л. 14,5. Усл. кр.-отт. 14,8. Уч.-изд. л. 16,9. Тираж 400 000 экз. (1-й завод 1—150 000 экз.). Заказ 347. Цена 1 р. 10 к.

Ордена Дружбы народов издательство «Жазушы» Государственного **комитета** Казахской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли 480124, г. Алма-Ата, пр. Абая, 143.

Фабрика книги производственного объединения полиграфических предприятий «КIТАП» Государственного комитета Казахской ССР по делам **издательств,** полиграфии и книжной торговли. 480124, г. Алма-Ата, пр. Гагарина, 93.

1 р. 10 к.

3
И. Есенберлин
КОЧЕВНИКИ